This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

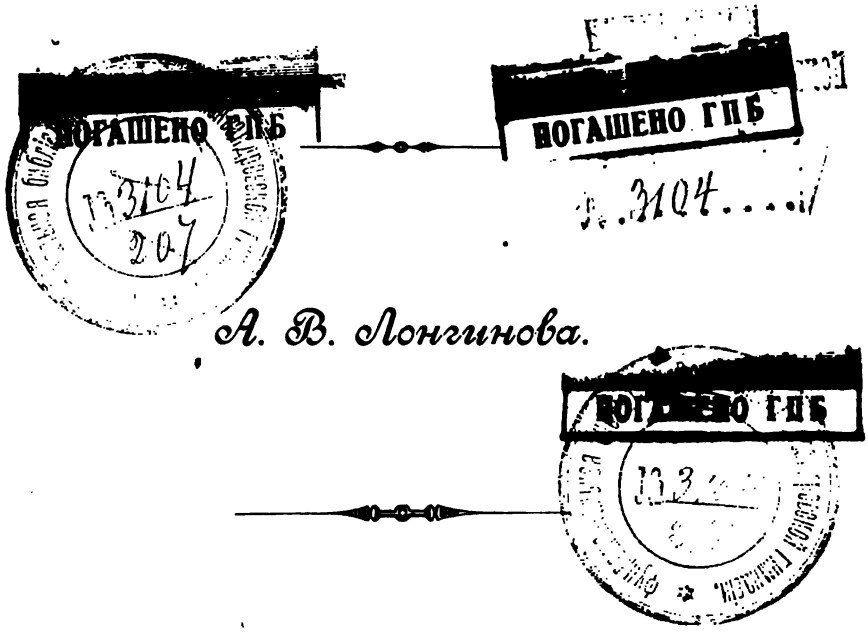
Лонгинов, А
8.1293

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

СКАЗАНІЯ О ПОХОДѢ

СѢВЕРСКАГО КНЯЗЯ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА

на половцевъ въ 1185 г.



А. В. Лонгинова.

Одесса
«Экономическая» типографія, Почтовая улица, домъ № 43.
1892.

Дозволено цензурою. Одесса, 9-го Іюля 1892 года.

PG3300
S63L6

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Драгоцѣнный памятникъ пѣсеннаго творчества, прославившій образцомъ древне-русской героической поэзіи[1]), Слово о полку Игоревѣ, сосредоточиваетъ въ себѣ цѣлую систему народной философіи, исходящей изъ глубокаго вѣрованія въ предвѣчныя и неизмѣнныя силы природы, въ безусловную подчиненность человѣческихъ судебъ божественной волѣ. Между разнообразными измѣненіями въ физическомъ мірѣ, знаменующими божественную волю, преобладающую роль авторъ отводитъ оптическимъ явленіямъ: свѣтъ гармонически чередуется съ мракомъ, русская земля, обреченная на тяжкое испытаніе, отдается времени во власть представителя тьмы — злобнаго существа Дива, но, благодаря покаянію Игоря и мольбамъ жены его Ярославны, снова озаряется благодатнымъ свѣтомъ. Вдохновенное и художественное изображеніе борьбы двухъ противоположныхъ началъ, раскрывающее всю подноготную древнерусскихъ воззрѣній на жизнь, осмысленное, задушевное развитіе этой борьбы до конечнаго ея результата—торжества свѣта, живымъ, изящнымъ и чрезвычайно выразительнымъ языкомъ, съ блестящими оборотами, и составляютъ главное достоинство

[1]) О близкомъ родствѣ Слова, по эпическимъ формамъ, съ южно-русской поэзіей см. Ѳ. Буслаева: Русск. народн. поэзія и искусство. Лѣт. Русск. Лит. т. I, стр. 209—230. Нѣкоторыя вошедшія въ Слово былины несомнѣнно сѣвернаго происхожденія и носятъ на себѣ слѣды нарѣч. великорусскаго. Донынѣ остается въ полной силѣ мѣткое замѣчаніе Я. Головацкаго, подтверждаемое и моимъ изслѣдованіемъ, что Слово *переполнено* формами словъ и выраженіями народно-русскими, «*яко народъ говоритъ*» (Розправа о яз. южно-русск. стр. 20, 21). Одинъ изъ послѣднихъ издателей Слова В. Яковлевъ пришелъ къ выводу, что «большая часть эпитетовъ, уподобленій и символовъ, встрѣчаемыхъ въ этой поэмѣ, несомнѣнно *народнаго* происхожденія». (Слово о П. Игор. 1891 г. Предисл.).

Слова, какъ памятника *литературнаго*. Поэтическія красоты Слова не заслоняютъ, однако, его *историческаго* значенія, которое въ нашихъ глазахъ проясняется въ полной мѣрѣ подъ солнечными лучами Дажь-божьяго потомка Трояна и великаго Хорса. При стройномъ сочетаніи въ Словѣ эпоса миѳологическаго и историческаго, оно представляетъ очень обильный матеріалъ для изученія государственнаго, общественнаго, религіознаго и даже семейнаго быта древней Руси, растворенный въ живописномъ былинномъ сводѣ выдающихся событій за 125 лѣтъ, отъ 1061 до конца 1185 г. Это, такъ сказать, *поэтическая лѣтопись*, начертанная на свиткѣ Игоревой славы. Вслѣдствіе затруднительности возстановленія оригинальнаго текста и разоблаченія истиннаго смысла нѣкоторыхъ выраженій, многое въ Словѣ остается донынѣ загадочнымъ. Мы не имѣемъ еще иноднаго труда, удовлетворительно разрѣшающаго задачу дробленія *всѣхъ* частей Слова соотвѣтственно его первобытному складу, безъ поврежденія смысла повѣсти, вложеннаго въ нее пѣвцомъ. Попытка въ этомъ направленіи А. С. Петрушевича[1]) увѣнчалась далеко неполнымъ успѣхомъ, которому, къ сожалѣнію, помѣшала его склонность къ измѣненію непонятыхъ имъ или вообще сомнительныхъ словъ[2]). Неудачная мѣстами пунктуація и недостатокъ точности въ передачѣ подлинника гибельно отозвались и на переложеніи Е. В. Барсова[3]). Нѣкоторые изслѣдователи доходятъ до выводовъ изумительныхъ отъ произвольной передѣлки памятника. Такъ М. А. Андріевскій,—произведшій радикальную его ломку, —опровергая мнѣніе Бѣлинскаго, что плачъ Ярославны дышетъ глубокимъ чувствомъ влюбленной и нѣжной жены: —

«Утру князю кровавыя его раны» .. и т. д.

---

[1]) Слово о Полку Игоревѣ. Отд. I. Текстъ Слова. Львовъ. 1887 г.

[2]) *Жадость* вмѣсто «жалость», — *по лозію*, какъ у Максимовича и Огоновскаго, вмѣсто «подобію», хотя уже Н. Аристовъ хорошо читалъ—«(по) подобію». (Истор. Христ. стр. 1267), *зыкъ* вмѣсто «зби»,—*тутя* вмѣсто «отця», —*пособица* вмѣсто «усобица»,—*изъ колѣна* вмѣсто «и ходы»,—*гомонъ* вмѣсто «комонь», и т. д.

[3]) Такъ у него: «пасетъ» — *дозираетъ*,—«синія»—*свинцовыя*,—«смага» —*пепелъ*,—«жиръ»—*тукъ*,—«босуви»—*паршивые*, — «дебрь кисаня» — *дебрьская Сань*,—«припѣшали»—*искололи*,— «пашутъ»— *метаютъ*,—«стрѣлки»—*стрѣлкѝ*, —«хоть»—*Хотій*,—«ходы»—*година*», и т. под.

утверждалъ, что Ярославна *забыла* о личности плѣненнаго мужа, не вспомнивъ о немъ въ своихъ причитаніяхъ[1]). Е. Голубинскій, съ своей стороны, считаетъ автора Слова несовсѣмъ хорошимъ поэтомъ только потому, что въ причитаніяхъ Ярославна не упомянула о сынѣ Владимірѣ[2]). Во всѣхъ переводахъ, прозаическихъ и стихотворныхъ, фигурируютъ *поющія*[3]), или *свистящія*[4]), и даже *поящія*[5]) копья,—явная несообразность, происходящая отъ небрежнаго обращенія съ *запѣвами* и *припѣвами* Слова. Глубокомысленные Бояновы «*ходы* на Святославля» никѣмъ не поняты и перетолковываются на разные лады, или-же совсѣмъ выбрасываются изъ повѣсти, какъ лишняя обуза[6]). Нерѣдко Троянъ какимъ-то чудомъ превращается въ Бояна[7]), въ свою очередь, по ошибочному чтенію г. Иловайскаго и др., измѣняемаго въ Баяна, а иными перекраивается въ Крояна[8]), либо смѣшивается съ Всеславомъ полоцкимъ[9]). Глаголъ *стала* переходитъ въ *славу*[10]). Троянъ,—одного изъ знаменитѣйшихъ русскихъ князей до—монгольскаго періода, изображаютъ сказочнымъ героемъ, вѣка коего совпадаютъ будтобы съ временами царя Гороха, или одѣваютъ въ тогу римскаго императора, или сближаютъ не-то съ тремя кіевскими, не-то съ тремя

---

[1]) Изслѣдов. текста пѣсни Игорю Святосл. 1880 г. ч. I, стр. 254.

[2]) Ист. Русск. цер. I, 1, 704.

[3]) Л. А. Мей. Собр. соч. 1887 г. т. I, стр. 49. А. Н. Майковъ. Заря 1870 г. Янв. А. Потебня. Слово 1878 г. стр. 135. В. Яковлевъ мирится съ пѣніемъ копій, но не допускаетъ, чтобы они пѣли на Дунаѣ. Слово. 1891, стр. IX.—Ѳ. Буслаевъ полагаетъ, что копья поютъ подобно тому, какъ въ скандинавской поэзіи поютъ мечи и топоры. О вліяніи христіанства на слав. яз. стр. 25. Тоже въ Историч. грамматикѣ.—Въ былинахъ тетива поетъ.

[4]) Н. Гербель: Игорь кн. Сѣв. изд. 6. 1881 г.—Г. П. Павскій. Русск. Стар. 1880, Іюль.

[5]) Е. Барсовъ. Слово, т. II.—Ом. Партыцкій читаетъ: копия *обоюдна*. Темн. мѣста въ Словѣ, Львовъ 1883 г., стр. 18.

[6]) Максимовичъ и др.

[7]) Н. Тихонравовъ, Малашевъ и др.

[8]) Вельтманъ и др. На эти несообразности указалъ М. Максимовичъ. (Труды 1-го арх. съѣзда въ Москвѣ. I, 128—132).

[9]) Вс. Миллеръ. Ор. Миллеръ. Взглядъ на Слово. Ж. М. Н. П. 1877 г. ч. CXCII, стр. 48.

[10]) О. Гонсіоровскій. Замѣтки о Словѣ. Ж. М. Н. П. Фев. 1884.

варяжскими братьями[1]). *Карна* и *желя* принимаются многими за несуществующія имена половецкихъ хановъ. Впрочемъ, Гедеоновъ считаетъ ихъ злыми духами[2]). А. Потебнѣ слышался здѣсь торжествующій кликъ враговъ[3]), а кн. Вяземскій находитъ въ карнѣ сходство съ баснословнымъ блюстителемъ Кавказскихъ воротъ Карнаемъ. Князья наши переименовываются: Святополкъ Изяславичъ—въ Ярополка Изяславича, Олегъ Игоревичъ — во Владиміра Игоревича[4]). Вводятся чуждыя Слову названія: города Канина, народа Деремелы, и т. п. Пунктуація въ иныхъ изданіяхъ Слова менѣе удачна, чѣмъ у перваго его издателя—гр. Мусина-Пушкина. Историческій элементъ Слова, первенствующій въ немъ по своей важности, недостаточно еще разъясненъ,—за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ эпизодовъ, хорошо освѣщенныхъ научною критикою, какъ напр. у Буткова, Дубенскаго, Полевого, Карамзина, Костомарова, Огоновскаго, Багалѣя, Гоисіоровскаго, Барсова и др. Текстъ Слова произвольными поправками измѣняется въ его существѣ и подвергается перетасовкѣ, безъ соображенія нетолько съ здравой логикой, но и съ основными законами эстетики. Такъ напр. Изяславъ Васильковичъ *хапаетъ*[5]), или-же *скатываетъ*[6]) славу на кровать. Прибѣгая къ перестановкамъ съ цѣлью возстановить послѣдовательность повѣсти, изслѣдователи Слова идутъ въ разрѣзъ съ лѣтописными фактами. Такъ напр. В. Яковлевъ, помѣщая разсказъ о солнечномъ затмѣніи послѣ рѣчи, приписываемой Всеволоду Трубчевскому,[7]) портитъ все дѣло, ибо Всеволодъ соединился съ Игоремъ *послѣ* солнечнаго затмѣнія. Каковы научныя достоинства историческихъ объясненій Слова, можно заключить по слѣдующему

---

[1]) И. Забѣлинъ, А. Петрушевичъ и др.

[2]) Варяги и Русь, 332.

[3]) Слово. 1878 г., 72.

[4]) А. Потебня. Слово, стр. 123. Наряду съ цѣнными примѣчаніями у него попадаются и такіе промахи, какъ напр. объясн. гл. «обѣсися» *обѣлся* (стр. 124) и исправл. «воозни» въ *возни* (Ib.)—«друзѣ» въ *дьрзѣ*, (стр. 130),—«хоти» въ *хотя* (150)—«убуди» въ *ѹтуди* (72) и проч.

[5]) *Схоти* у Максимовича, Гатталы и Огоновскаго.

[6]) *Скоти* у Петрушевича.

[7]) Слово о Полку Игоревѣ. Спб. 1891.

сужденію почтеннаго автора одного изъ многихъ капитальныхъ трудовъ—Исторіи *Рязанскаго* княжества, Д. Иловайскаго. «Вѣроятно», говоритъ онъ, — «въ обращеніи Слова къ могуществу Суздальскаго князя:

«Ты бо *можеши* по суху[1]) живыми шереширы *стрѣляти*,
Удалыми сыны Глѣбовы»...

Слово «*вспоминаетъ*» Изяслава Глѣбовича, *умершаго* въ 1183 г. отъ ранъ, полученныхъ въ битвѣ съ Камскими Болгарами, и брата его Владиміра Глѣбовича Переяславскаго[2]), котораго Слово застало уже *подъ ранами*, повидимому тяжкими.

«Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми,
А Володимиръ—*подъ ранами*».

Приписывая пѣвцу воспоминаніе объ *умершемъ* Изяславѣ и *живомъ* Владимірѣ, уважаемый историкъ упустилъ изъ виду два немаловажныхъ обстоятельства: Чтобы стрѣлять племянниками Изяславомъ и Владиміромъ Глѣбовичами, Всеволоду Суздальскому пришлось бы одного изъ нихъ, Изяслава, *воскресить*, другого же быстро излѣчить отъ *тяжкихъ* трехъ ранъ, полученныхъ при защитѣ Переяславля въ 1185 г.[3]), которыя, кажется, и свели его преждевременно въ могилу, въ пути на половцевъ, 18 Марта 1187 г. По Лаврентьевской лѣтописи, въ походъ на Камскихъ Болгаръ Всеволодъ бралъ съ собою Глѣбовичей *Рязанскихъ* — Романа, Игоря, Всеволода и Владиміра. Ихъ-то, очевидно и разумѣетъ Слово въ приведенныхъ стихахъ. Задорный, сварливый характеръ этихъ Глѣбовичей, доведшій ихъ до открытой вражды съ Всеволодомъ Юрьевичемъ Суздальскимъ въ концѣ 1186 г., т. е. почти черезъ годъ послѣ появленія Слова, и подалъ пѣвцу мысль назвать ихъ *шереширами*. По объясненію оріенталистовъ, Эрдмана и др., на арабскомъ языкѣ шереширъ означаетъ человѣка проворнаго, бой-

[1]) Ср. «путь по морю и *по суху*» (Ип. 340).

[2]) Истор Россіи, ч. II. стр. 227, изд. 1880 г.

[3]) Тогда дружинѣ Владиміра едва удалось вырвать отъ половцевъ своего князя, «язьвена сущи *тремя копьи*» .. «Володиміръ язвенъ *трудно* въѣха во городъ свой». (Ип. 436).

каго[1]). Такъ какъ удалые Глѣбовичи уподобляются пѣвцомъ *живому огню*, и въ 1184 г. Кончакъ собирался «*грады* Рускыѣ *пожещи огньмь*, баше бо обрѣлъ мужа такового бесурменина, иже *стрѣляше живымъ огньмь*»... «бесурменина яша, у него же бѣшеть *живый* огнь» (Ип. 428, 429), подобный вѣроятно тому, какимъ греки жгли русскія лодьи въ 941 г., «пущая его трубами, якоже молонья» (Ип. 27 и 28), то шереширъ то-же, что въ просторѣчіи *выжига*. Поэтому я перевожу:

«Ты вѣдь можешь по сушѣ живыми выжигами стрѣлять,
Удалыми сынами Глѣбовыми».

Несмотря на многообразіе и продолжительность производимыхъ надъ Словомъ экспериментовъ, разработка его сокровищъ подвигается впередъ черепашьимъ шагомъ. Нельзя сваливать вину на первыхъ издателей памятника и упрекать ихъ въ *неумѣньи* прочесть древнюю рукопись, къ сожалѣнію безвозвратно погибшую. При отдѣленіи словъ манускрипта одно отъ другаго, при раскрытіи титлъ, при разстановкѣ знаковъ препинанія, Мусинъ-Пушкинъ, съ своими сотрудниками, правда, впадалъ въ ошибки, но, вопреки мнѣнію Н. Тихонравова, онѣ вовсе не въ такой степени исказили памятникъ, что только открытіе новаго списка могло бы возстановить смыслъ донынѣ загадочныхъ мѣстъ Слова[2]). Не «*искаженный текстъ* далъ исправителей его къ новымъ искаженіямъ, а комментаторамъ давалъ просторъ для праздныхъ догадокъ»[3]), но недостатокъ *пытливости* такихъ талантливыхъ и свѣдущихъ изслѣдователей Слова, какъ Ѳ. Буслаевъ и Н. Тихонравовъ, при изученіи толково и съ весьма небольшими погрѣшностями изданнаго Мусинымъ-Пушкинымъ текста Слова. Принося должную дань уваженія всѣмъ предшествовавшимъ, усернымъ и всегда въ какомъ-либо отношеніи полезнымъ, попыткамъ перелить въ формы современнаго языка и истолковать знаменитое эпическое твореніе русскаго пѣвца послѣдней четверти XII вѣка, счи-

[1]) Слѣды азіатизма въ Словѣ. Ж. М. Н. П. 1842 г., ч. XXXVI.

[2]) Н. Тихонравовъ. Слово о Полку Игоревѣ, Предисловіе, стр. VIII.

[3]) Выраж. Буслаева въ рецензіи на изд. Тихонравова. Ж. М. Н. П. 1867 г. № 2.

таю нелишнимъ предложить свои посильныя соображенія по содержанію наиболѣе темныхъ отдѣловъ Слова и возможно точное его переложеніе, въ твердой надеждѣ по крайней-мѣрѣ *облегчить* возстановленіе и уразумѣніе его древняго текста, дошедшаго до насъ, какъ я полагаю, въ довольно *полномъ и исправномъ* видѣ[1]), по спискамъ, сдѣланнымъ съ рукописи, какъ надо полагать, или конца XV, или XVI в.

Слово въ литературныхъ и историческихъ *основахъ* своихъ останется непонятнымъ, доколѣ намъ не удастся разсѣять густой туманъ, окутывающій дѣятельность двухъ великихъ личностей—*Бояна и Трояна*. Между ними существуетъ такая тѣсная связь, что близкое знакомство съ эпическою ролью перваго даетъ отчетливое представленіе объ исторической роли второго. Сообщаемымъ авторомъ Слова свѣдѣніямъ о Боянѣ и Троянѣ я попытаюсь подвести точный итогъ при помощи сложной аргументаціи, начавъ ее извлеченіемъ изъ *лѣтописей* наиболѣе крупныхъ и соотвѣтственныхъ былинному составу Слова фактовъ изъ міра княжескихъ усобицъ.

Княжескія усобицы на Руси возникли впервые въ концѣ X в.[2]), незадолго до смерти Владиміра Равноапостольнаго († 1015 г.), между дѣтьми Святослава I Ярополкомъ и Олегомъ, по поводу убійства послѣднимъ сына воеводы Ярополкова Свѣнельда въ 975 г. «Бысть межю ими *ненависть*». Олегъ палъ въ битвѣ подъ Овручемъ, но за эту побѣду Ярополкъ поплатился собственною жизнью въ 980 г., встрѣтивъ грознаго мстителя въ лицѣ Владиміра. Распри возобновились тотчасъ же по смерти «единодержца» Владиміра, какъ назвалъ его пресвитеръ, позднѣе митрополитъ, Иларіонъ. Святополкъ окаянный «*про*

---

[1]) Мы увидимъ, насколько несостоятельно мнѣніе Вс. и Ор. Миллеровъ и др. о потерѣ будто-бы первой части Слова и вообще предположеніе о существ. въ немъ пропускахъ, высказанное Соловьевымъ (Ист. Рос. III. 110—111) и мн. др.—Наиболѣе проницательнымъ оказывается взглядъ П. Сахарова на полноту Слова. «Въ немъ есть нѣсколько пропусковъ, ошибокъ въ перепискѣ, сокращеній самыхъ словъ, но *все это возстановить есть возможность*» (Сказ. Русск. нар. 1841 г. т. I. стр. 55).

[2]) Усобицы племенныя происходили, какъ извѣстно, и до призванія князей: «Быша въ нихъ *усобицы* и воевати начаша сами на ся»,—но къ дружинному эпосу онѣ не имѣютъ отношенія.

волость уби Бориса и Глѣба» (Ип. 269). Замысливъ погубить всю свою братью и овладѣть всею землею русскою, онъ приказалъ убить и третьяго брата своего Святослава, «ославъ къ горѣ Угорьской, бѣжащу ему въ Угры» (Ипат. 97), изъ земли Деревской, данной ему отцомъ. «Святополкъ, аки радуяся отнѣ смерти, всѣде на коня и скоро дойде Кыева града, и сѣде на столѣ отца своего, хотяй вся изгубити» [1]).

«Отъ злодѣяній окаяннаго Святополка:
Земля съ кровью смѣшалася,
Вся вселенная ужаснулася,
Словно въ синіемъ морѣ волны всколыхалися» [2]).

Послѣ пораженія Святополка на Алтѣ, до 1025 г., два главныхъ момента въ междоусобіяхъ отмѣчены лѣтописью: борьба Ярослава 1-го съ мятежнымъ племянникомъ Брячиславомъ Изяславичемъ и съ братомъ Мстиславомъ Тмутороканскимъ. Съ раздѣломъ русской земли по Днѣпръ «преста *усобица* и мятежъ» (1026 г.). Умудренный горькимъ опытомъ, самовластецъ русской земли Ярославъ I предъ кончиной (1054) такъ предупреждалъ сыновей: «аще будете ненавистно живуще въ распряхъ *которающеся*, то погыбнете сами и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ». (Лавр., Ипат.). Подъ 1065 въ Ипат., подъ 1064 въ Лавр. лѣтоп., по поводу появленія на западѣ превеликой звѣзды съ кровавыми лучами, предвѣщавшими кровопролитіе, записано: «По семъ же быша *усобицѣ многы* и нашествіе поганыхъ на русьскую землю». Въ томъ же 1065 г. Всеславъ Брячиславичъ, принимавшій въ 1060 г., незадолго до перваго нападенія на русскую землю половцевъ (1061), участіе съ тремя Ярославичами въ походѣ на Торковъ, рать началъ неудачной осадой Пскова [3]), въ 1066 г. занялъ Новгородъ, но затѣмъ 3 марта 1867 г. былъ разбитъ при р. Немизѣ Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ. Въ 1148 г. враждовавшіе съ Изяславомъ Мстиславичемъ князья говорили ему, ищучи мира: «То есть *было преже дѣдъ нашихъ и при отцихъ нашихъ, миръ*

[1]) Жытіе Бор. и Гл.

[2]) Пѣснь о Борисѣ и Глѣбѣ. Сб. Кирѣевскаго.

[3]) «Много тружався съ многыми замысленіи и пороками шибавъ, отъиде, ничтоже успѣвъ» (Псков. лѣт.).

стоить до рати, а рать до мира, нынѣ же про то не жалуй, оже есмы устали на рать» (Ип. 256). Таже пословица повторена въ переговорахъ между князьями 1151 г. (Ип. 307). Доныне сохранилась въ народѣ память о бѣдствіяхъ русской земли, испытанныхъ отъ княжескихъ раздоровъ. По словамъ сказанія, «въ то время было у насъ много царей, много князей, и Богъ вѣсть кого слушаться, спорились они промежъ себя, дрались и кровь христіанскую проливали» [1]).... Алчность изгойныхъ и удѣльныхъ русскихъ князей, добивавшихся своихъ отчинъ или недовольствовавшихся мирными раздѣлами, но стремившихся къ расширенію своихъ волостей, повела къ тому, что походы на иноплеменниковъ смѣнились бросаніемъ князьями побѣдныхъ жеребьевъ для завладѣнія приглянувшимися *дѣвицами*—излюбленными *волостями*, между коими наиболѣе обольстительною представлялась волость Кіевская:

«Връже Всеславъ *жребій о дѣвицю* себѣ любу»...
«Ингварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи....
Не *побѣдными жребіи* собѣ *власти* расхытисте».

Въ 1073 г. «въздвиже дьяволъ *котору*[2]) въ братьи сей Ярославичихъ. Бывши *распри* межи ими». Святославъ, надѣленный отъ отца Черниговомъ, подстрекнулъ Всеволода, владѣвшаго тогда Переяславлемъ, выгнать брата Изяслава, желая «болшее волости», и говорилъ ему: «яко Изяславъ сватится со Всеславомъ, мысля на наю; Святославъ сѣде Кыевѣ, прогнавъ брата своего Изяслава, преступивъ заповѣдь отню», вслѣдствіе чего преподобн. Ѳеодосій притчами укорялъ Святослава въ *братоненавидѣніи* (житіе). Главнымъ виновникомъ распространенія раздоровъ, носящихъ на лѣтописномъ языкѣ символическое названіе *ножа* («ввергнуть ножъ»), былъ внукъ Ярослава I, сынъ умершаго 1076 г. Святослава Ярославича—Олегъ, отравившій, такъ сказать, жизнь своего дяди, Всеволода Ярославича, сидѣвшаго на великокняжескомъ столѣ въ Кіевѣ съ 1078—1093 г. На долю послѣдняго выпало тяжкое бремя крамолъ. «Тамъ (въ Кіевѣ) быша ему печалѣ

[1]) Легенды, собр. Аѳанасьевымъ стр. 132—134.

[2]) *Котора*, въ смыслѣ раздора между людьми церковными, предусмотрѣна въ церковномъ уставѣ. Влад. Св. краткой ред. Она вѣдалась митрополитомъ или епископами.

болшѣ, паче неже сѣдящу ему у Переяславлѣ; сѣдшу бо ему Киевѣ, печаль бысть ему о *сыновцахъ* своихъ, яко начаша ему стужати (сокрушать), хотяще властіи—овъ сея, овъ же другое... у сихъ же печали въсташа и недузи ему, и приспѣваше къ нему старость» [1])... Подобными чертами и пѣвецъ изображаетъ княжескія крамолы:

«Рекоста бо братъ брату: се мое[2]), а то—мое же,
И начяша князи про малое—се великое мълвити»...

Начало усобицъ въ Черниговской области положено въ 1064 г. Ростиславомъ Владиміровичемъ, выгнавшимъ изъ Тмуторокани сына Святослава Ярославича Глѣба [3]). Послѣ неудачной попытки водвориться во Владимірѣ-Волынскомъ (1077) [4]), и бѣгства изъ Чернигова отъ князя Всеволода въ Тмуторокань (10 Апр. 1078 г.), Олегъ въ томъ же году, съ Борисомъ, сыномъ умершаго въ 1057 г. Вячеслава Ярославича Смоленскаго, проживавшимъ въ Черниговѣ восемь дней, съ 4 мая, а затѣмъ бѣжавшимъ 1077 г. въ Тмуторокань къ брату Олегову Роману, навелъ на русскую землю половцевъ, которые и разбили Всеволода на Сжицѣ (25 авг.), Володимеру (Мономаху) сѣдящю Смолиньскѣ». Въ томъ же году Олегъ и Борисъ, въ союзѣ съ половцами, намѣреваясь овладѣть Черниговомъ, предприняли походъ на Всеволода, завершившійся убійствомъ въ сѣчѣ на Нѣжатиной нивѣ, вел. кн. Изяслава Ярославича (3 окт.), великодушно простившаго нанесенную ему братомъ обиду и сложившаго такимъ образомъ за него свою голову. Чрезъ годъ братъ Олега Романъ изъ Тмуторокани выступилъ съ половцами къ г. Воиню на Всеволода, когда тотъ сидѣлъ еще въ Переяславлѣ, а Владиміръ Мономахъ сидѣлъ въ Черниговѣ. Всеволоду, при содѣйствіи, какъ полагаютъ, грековъ, удалось скло-

---

[1]) Ипат. подъ 1093. Тоже Лавр. съ небольшой разницей въ редакціи.

[2]) Ср. 30 ст. Русской Правды. Опознавшему украденную вещь запрещалось говорить: «се мое», но вмѣнялось въ обязанность идти на сводъ.

[3]) Глѣбъ былъ посаженъ на Тмутороканскій столъ по желанію мѣстнаго населенія (житіе св. Ѳеодосія).

[4]) Мономахъ въ поуч. разсказываетъ, что при посѣщеніи имъ отца въ Черниговѣ, туда и Олегъ пришелъ «*изъ Володимера выведанъ*».

нить на свою сторону половцевъ посредствомъ подкупа. Былъ заключенъ миръ, и на обратномъ пути половцы убили Романа, по совѣту хозаръ, которые затѣмъ схватили Олега и «поточиша за море Царюгороду». Послѣдующія событія знакомятъ насъ съ причинами, побуждавшими Владиміра Мономаха закладывать уши въ Черниговѣ. Ему, по порученію отца, приходилось бороться съ Володаремъ Ростиславичемъ,—Давыдомъ Игоревичемъ и съ Ярополкомъ Изяславичемъ, собиравшимся идти на Всеволода по наущенію «злыхъ совѣтниковъ» (1083—1085). При помощи Мономаха, Всеволоду удалось вывести Давида изъ занятаго имъ Олешья, гдѣ онъ «зая Грекы и въ нихъ все имѣніе», ограничить его волость Доргобужемъ и выгнать двухъ Ростиславичей изъ самовольно захваченнаго ими Владиміра-Волынскаго. При началѣ княженія въ Кіевѣ Святополка-Михаила Изяславича (1093 г.), когда половцы съ великою ратью двинулись на Русь, послѣ свиданія его съ Мономахомъ въ Кіевѣ... «взяста межи собою *распри* и *которы* и уладишася». По возвращеніи изъ Родосской ссылки въ 1083 г. Олегъ снова утвердился въ Тмуторокани. Въ 1094 г. «Олегъ приде съ половци *изъ Тмутороканя* «Чернигову», на Мономаха и «пожже около града и монастыри». Изъ словъ лѣтописца, подъ 1087 г., «иде Володимеръ *опять* Чернѣгову» можно заключить, что съ 1083 г. по 1087 г. Олегъ простиралъ свою власть на Черниговъ, входившій издавна въ составъ Тмутороканскаго княжества. Въ поученіи Мономахъ разсказываетъ о нападеніи на его Черниговъ Олега съ половцами *по отни смерти* и объ уступкѣ имъ Олегу Чернигова, какъ единственномъ средствѣ остановить кровопролитіе и истребленіе селъ и монастырей. Самъ онъ удалился въ Переяславль. Въ 1094 г. «Олегъ уже *третье* наведе поганыя на русскую землю. Его же грѣха», замѣчаетъ лѣтопись: «дабы и Богъ простилъ, понеже много христіанъ изъгублено бысть и расточено по землямъ» (Ип. 158). Въ 1095 г. Святополкъ и Владиміръ говорили Олегу: «се ты не шелъ еси съ нама на поганыя, иже *погубили суть землю русьскую*», и двинулись на него къ Чернигову. Олегъ 3 мая бѣжалъ въ Стародубъ, гдѣ защищался 33 дня, но наконецъ принужденъ былъ смириться.

Почти одновременно половцы, подъ предводительствомъ своихъ князей Кури и Боняка, начинаютъ съ разныхъ сторонъ врываться въ предѣлы Руси.

Въ сентябрѣ (6-го) 1096 г., вскорѣ послѣ убійства тестя Святополкова Тугоркана у Переяславля, палъ въ битвѣ сынъ Мономаха Изяславъ при попыткѣ Олега возвратить Муромъ, отнятый Изяславомъ 1095 г., когда онъ княжилъ въ Курскѣ (Ип. 160). Олегъ завладѣлъ всею землею Муромскою и Ростовскою, устремился на Суздаль, сжегъ его и захватилъ Рязань, при помощи дружинъ, собранныхъ около Смоленска и въ другихъ мѣстахъ, и тѣмъ завершилъ длинный рядъ крамолъ. Ополчившійся на Олега сынъ Мономаха Мстиславъ Новгородскій послалъ сказать своему крестному отцу: — «Иди опять Мурому, а въ *чюжей волости* (Суздальской и Ростовской) не сѣди... аще и брата моего убилъ еси, то есть недивно, въ ратехъ бо цари и мужи погибають». Мстиславъ убѣдилъ отца не мстить Олегу, «а русьскы земли не погубимъ», ссылаясь на то, что Божій судъ покаралъ Изяслава. Постоянное содѣйствіе Олегу половцевъ можно отчасти объяснить бракомъ его съ дочерью половецкаго князя Осолука, какъ явствуетъ изъ того, что сыновья Осолука Тюнракъ и Камосъ приходились сыну Олегову Святославу *уями*, т. е. дядями по матери (Ип. 237). Въ 1097 г. Мономахъ выражалъ уже опасеніе, какъ-бы русская земля не сдѣлалась вся добычей половцевъ. Когда князья собрались въ Любечѣ на строеніе мира, то Мономахъ произнесъ: «Почто *губимъ русскую землю, сами на ся котору имуще, а половци землю нашю несуть роздно и ради суть, оже межи нами рать донынѣ*». На Любецкомъ съѣздѣ князья уговорились, чтобы каждый держалъ свою отчину: Святополкъ—*Изяславову*, Владиміръ Мономахъ—*Всеволодову*, а Святославичи—*Святославову*, и согласно раздѣлу, совершенному Всеволодомъ, уступили Давиду Игоревичу Владиміръ, Ростославичамъ-же: Володарю—Перемышль, Василькy Теребовль. Святополкъ не удовольствовался дѣлежомъ и во чтобы-то ни стало хотѣлъ завладѣть Червенскими городами. Вообще усилія Мономаха водворить миръ между князьями разбивались о противодѣйствіе самого Святополка. Политика послѣдняго прекрасно характеризуется, между прочимъ, слѣдующими словами Лавр. лѣтописи подъ 1097—1099 г.: Святополкъ, прогнавъ Давыда (Игоревича), бѣжавшаго въ Ляхи, «нача думати на Володаря и на Василка, глаголя: яко се есть волость отца моего и брата, и поиде на ня. Се слышавъ Володарь и Василько, поидоста противу, вземше крестъ, его же

бѣ цѣловалъ къ нима на семъ, яко на Давыда пришелъ есмъ, а съ вама хочю имѣти миръ и любовь. И *преступи Святополкъ крестъ*, надѣясь на множьство вой». Когда встрѣтились на Рожнемъ полѣ близь Перемышля, то Василько поднялъ крестъ, говоря: «ты этотъ кресть цѣловалъ и вотъ сперва ты отнялъ у меня зрѣніе, а теперь хочешь взять душу мою,—пусть этотъ крестъ будетъ нашимъ посредникомъ». Былина приписываетъ пораженіе Святополка кресту, высоко возносившемуся надъ полками Васильковыми. Давидъ, призвавъ на помощь половцевъ съ Бонякимъ во главѣ, захватилъ Владиміръ, но былъ выгнанъ оттуда, и послѣ Увѣтичскаго мира (1100) переселенъ въ Дорогобужъ, гдѣ и умеръ. Послѣ ослѣпленія Василька Мономахъ сказалъ Давиду и Олегу Святославичамъ: «Да аще сего не поправимъ, больше *зло встанетъ* въ насъ и начнетъ *братъ брата закалать и погыбнетъ земля руская*, а врази наши половци пришедши, возьмутъ землю русьскую». Мономахъ, съ Давидомъ и Олегомъ Святославичами, собирался уже перейти Днѣпръ, съ цѣлью прогнать Святополка изъ Кіева, но мачиха Владиміра, при содѣйствіи митрополита Николы, которыхъ Кіевляне послали умолять мстителей, чтобы сами они не губили русской земли, «юже бѣша стяжали ихъ дѣди и отци трудомъ великимъ и хороборьствомъ поборающе по русьской земли», предотвратила кровопролитіе, убѣдивъ Мономаха въ необходимости «блюсти земли руской, а брань имѣти съ погаными» (Ип. 172).

Пѣвецъ прямо указываетъ на дѣда Игорева Олега Святославича, какъ на зачинщика и вожака княжескихъ раздоровъ:

«Тъи бо Олегъ мечемъ крамолу *коваше*
И стрѣлы по земли сѣяше»...

Пѣвецъ даетъ Олегу свойство кузнеца Вулкана (брата Юпитерова), который, по нашимъ хронографамъ, будучи брошенъ своею матерью, ковалъ панцыри богамъ противъ гигантовъ. Впрочемъ, подобное свойство придается въ Словѣ и другимъ крамольнымъ князьямъ:

«А *князи* сами на себѣ крамолу *коваху*».

Пособниками Олега въ сѣяніи усобицъ были *Ростиславичи*, названные пѣвцомъ, такъ-же какъ нѣкоторые другіе князья, *Гориславичами* въ стихѣ, нелишенномъ игры словъ:

«Тогда, при Олзѣ, Гориславличи
Сѣяшется и *растяшетъ* оусобицами»...

Ростиславичи преимущественно *растили* усобицы. Одного изъ нихъ—Володаря, вмѣстѣ съ Давидомъ Игоревичемъ, участвовавшимъ въ самовольномъ захватѣ Тмуторокани 1081 г., Всеволодъ Ярославичъ выгналъ въ 1084 г. изъ Владиміра-Волынскаго и посадилъ на его мѣсто Ярополка Изяславича, предпринявъ походъ къ Перемышлю, но и Ярополкъ вооружился на Всеволода, а когда Владиміръ Всеволодовичъ пошелъ его усмирять, то бѣжалъ въ Польшу (Ип. 144). По подговору другого Ростиславича, Рюрика, былъ убитъ Ярополкъ Изяславичъ въ 1087 г., когда снова былъ посаженъ во Владимірѣ[1]). Прозвище «Гориславичъ» присвоивалось обыкновенно и лицамъ не княжескаго рода. Такъ: въ Новгородѣ подъ 1228 г. упоминается Богуславъ *Гориславичъ*, въ 1240 г. палъ въ битвѣ воевода Александра Невскаго Гаврилъ *Гориславичъ* (П. С. Л. Р. IV, 36).

О. Гонсіоровскій почти правильно перевелъ «Гориславличи» —*отъ Гориславичей*[2]), но напрасно недоумѣвалъ: что̀ сѣялось и растилось ими[3]). Какъ Олегъ *сѣялъ стрѣлы* по землѣ, такъ и Ростиславичи сѣяли и растили *стрѣлы-усобицы*. И въ лѣтописи дѣйствія дьявола, направленныя къ поселенію раздора, называются противными *стрѣлами* (Ип. 149), а въ служебныхъ Минеяхъ (1095—1097), изд. акад. Ягичемъ, козни дьявола называются пламенными *стрѣлами*. Какъ-бы въ отпоръ княжеской разнузданности, насѣвавшей и растившей усобицы, благонамѣренные князья стремились къ тому, чтобы «земля Русская *расплодилася*» и размогла въ братолюбіи князей» (слова Вячеслава. Ип. 271).

Послѣ этого краткаго историческаго обзора княжескихъ усобицъ до конца XI в., займемся разборомъ наиболѣе темныхъ стиховъ, служащей какъ-бы прелюдіей къ разсказу объ Игоревомъ походѣ, *вступительной* части Слова, въ связи съ глав-

---

[1]) Послѣ убійства Ярополка Нерядецъ скрылся въ Перемышль къ Рюрику. Въ томъ-же году «ходи Всеволодъ къ Перемышлю»,— очевидно воевать.

[2]) Замѣтки о Словѣ. Ж. М. Н. П. Февраль 1884 г., стр. 280.

[3]) Сравн. изв. подъ 1097 г.: «Повѣсиша Василя и Лазоря и растрѣляша стрѣлами *Василковичи*». «Кіевъ пограбленъ Ростаславичи», по другимъ спискамъ «Олговичи» (подъ 1175 г.). «Немочно бысть помощи ниоткуда же *тѣснотою*». —«Сѣде Кондратъ Судомире *княземъ Мьстиславомъ* и его помочью» (Ип. 572—614)

нымъ камнемъ преткновенія комментаторовъ,—стихами, необъяснимыми, по увѣренію Ѳ. Буслаева [1]), самыми темными, до невѣроятности испорченными, по замѣчанію Ор. Миллера [2]), стихами, касающимися замысловатаго изреченія Бояна, которое приведено авторомъ Слова почти въ концѣ повѣсти, съ намѣреніемъ показать, сколь тяжко страдала осиротѣвшая Сѣверская земля въ отсутствіе Игоря, когда онъ томился въ половецкомъ плѣну, и какое отрадное впечатлѣніе произвело на подвластное ему населеніе возвращеніе его въ Русь.

Порѣшивъ начать разсказъ о походѣ Игоря старыми сказаньями, по былинамъ, облеченнымъ въ форму эпическую, или происшествіямъ сего времени, а не по замышленію Бояна, и охарактеризовавъ творчество соловья стараго времени, авторъ Слова продолжаетъ (по моему чтенію):

«Помняшетъ бо рѣчь пръвыхъ временъ усобицѣ.
Тогда пущашетъ десять соколовъ на стадо лебедѣй,
Которы и дотечашетъ. А преди пѣснь пояше:
Старому Ярославу, храброму Мстиславу,
Иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскими,—
Красному Романови Святъславличу».

При изученіи вводной части Слова необходимо сопоставить съ этими стихами упомянутое выше изреченіе Бояна, которое, по моему чтенію, принимаетъ слѣдующій видъ:

«Рекъ Боянъ и ходы на Святъслава*я*,—
Пѣснотворц(ь) а стараго времени,
Ярослава*я*, Олгова коганя, хоти:
Тяжко ти, головы, кромѣ плечю,
Зло ти, тѣлу, кромѣ головы»...

Препятствія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу при изслѣдованіи Слова, и въ особенности при объясненіи стиховъ, опредѣляющихъ *объемъ* творческой дѣятельности Бояна, нельзя преодолѣть, пока мы не найдемъ ключа отъ системы *поэтической хронологіи* Слова и не раскроемъ *свойства его источниковъ*. Необходимо, въ этихъ видахъ, прежде всего распредѣлить, насколько возможно, содержаніе его по соотвѣтственнымъ историческимъ

[1]) Русск. поэзія XI и нач. XII в. Лѣтоп. Рус. Лит., изд. Тихонр. I, 7.
[2]) Взглядъ на Слово. Ж. М. Н. П. 1887, ч. CXCIII, стр. 58 и 59.

моментамъ. Весь матеріалъ Слова распадается на двѣ группы, изъ коихъ первая заключаетъ въ себѣ: данныя, неимѣющія непосредственной фактической связи съ повѣствованіемъ о самомъ походѣ Игоря, но представляющія очеркъ развитія русскаго княжеско-дружиннаго эпоса, съ характеристикой пѣснотворца Бояна, и указывающія какъ на *планъ построенія* повѣсти, такъ и на тѣ поэтическія *рамки времени*, въ которыя вложенъ авторомъ разсказъ объ Игоревомъ походѣ. Авторъ Слова во вступительной его части говоритъ о *первыхъ временахъ усобицъ* или *которы* княжеской. Самую повѣсть онъ излагаетъ по *былинамъ сего времени*. Періодъ *сего времени*, въ предѣлахъ коего свита Игорева слава, разбивается на двѣ половины или стороны: *старую* пору и *новую* пору. Двойственность «сего времени», имѣющаго у пѣвца тѣсный смыслъ *послѣдней поры*, когда онъ говоритъ о гибельныхъ для Руси результатахъ похода Игорева:

«Вступита, господина, въ злата стремень за обиду *сего времени*»...

изображена въ стихѣ, обращенномъ къ Бояну:

«Абы ты сиа пълкы ущекоталъ...
Свивая славы *оба-полы сего времени*»...

Начальную и конечную границы двухъ сторонъ сего времени пѣвецъ проводитъ въ стихахъ:

«Почнемъ-же, братіе, повѣсть сію
Отъ *стараго* Владиміра до *нынѣшняго* Игоря»...

Повѣсть старой стороной времени охватываетъ, какъ ниже будетъ мною показано, эпоху Владиміра Мономаха, на которой и обрывается.

«О, стонати Русской земли,
Помянувше *первую годину* и *первыхъ князей!*
Того *стараго Владиміра*
Нельзѣ-бѣ пригвоздити къ горамъ Кыевскимъ».

Первая година здѣсь—прежняя, древняя пора сего времени въ широкомъ его смыслѣ, или часть *стараго времени*, воспѣтаго соловьемъ-пѣснотворцемъ *того времени* Бояномъ. Подъ *первыми* князьями разумѣются князья *старой половины* сего времени. Такъ и въ лѣтописномъ извѣстіи 1204 г. о

захватѣ Кіева Рюрикомъ Ростиславичемъ въ союзѣ съ половцами, сказано о взятіи изъ церквей портъ (одеждъ) «блаженныхъ *первыхъ князи*, еже бяху повѣшали на память себѣ» (Лавр.), а по извѣстію 1351 г.—Муромъ запустѣлъ «отъ *первыхъ* князей». (Воскр. 216).

Воспоминаніе о первой порѣ неразрывно связано съ собираніемъ земли русской и ея устроеніемъ мудрымъ единовластцемъ Ярославомъ, при жизни котораго родился Мономахъ и смерть котораго принимается обыкновенно за начало удѣльнаго періода нашей исторіи. Славное Ярославово княженіе ставится пѣвцомъ въ параллель съ междоусобною ратью, затѣянною чрезъ 11 лѣтъ послѣ его смерти Всеславомъ Брячиславичемъ полоцкимъ. *Обиду* авторъ Слова выводитъ на сцену по смерти Ярослава I, вмѣстѣ съ назрѣвшею *котордю* княжескою. Принципъ *главенства* великокняжеской власти и *наслѣдственности* княжескихъ столовъ, лежащій въ основѣ завѣщанія Ярослава[1]), возводится авторомъ Слова въ идеалъ. Златой престолъ называетъ онъ *отнимъ*, косвенно порицая расхищеніе волостей *побѣдными жеребьями:*

«Не побѣдными *жребіи* собѣ власти расхытисте»!

Такъ одобрительно отзывается онъ объ Ингварѣ, Всеволодѣ и трехъ Мстиславичахъ, считая какъ-бы достойнымъ кары того, кто нарушалъ право наслѣдственнаго раздѣла волости:

«Връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу».

Здѣсь мы встрѣчаемся съ древне-русскимъ обычаемъ гаданія и бросанія жеребьевъ, а въ частности—дѣлежа земель *по жребію*, который употреблялся нетолько при распредѣленіи удѣловъ между князьями, но и во многихъ другихъ случаяхъ, какъ напр. при избраніи архіепископовъ въ Новгородѣ[2]).

---

[1]) Изъ словъ Ярослава, обращенныхъ къ сыну Всеволоду и занесенныхъ въ лѣтоп. извѣстіе подъ 1093 г., очевидно желаніе Ярослава, чтобы велико-княжескій столъ переходилъ къ *старшему въ родѣ*. (Ип. 151).

[2]) «Положиша на св. трапезѣ тріе *жребіи*». (Новг. I стр. 21, тоже Новг. IV. 95). «Возведенъ бысть *по жребію* въ домъ св. Софіи Ѳеодосій игуменъ», Новг. III. 237.—По *жребію* было опредѣлено мѣсто положенія мощей Бориса и Глѣба (Ип. 202).

Съ незапамятныхъ временъ участки земли назывались въ Руси и теперь называются *жеребьями* или *дѣлянками*[1]). Полагаю, что русскіе князья, при нормальномъ положеніи вещей, въ раздѣлѣ волостей слѣдовали *жеребьевому* порядку. Такъ Дмитрій Ивановичъ, по свидѣтельству сказанія, «раздавалъ комуждо своимъ сынамъ грады своя въ отчину имъ предастъ по части и *жребіи княженія* ихъ, на чемъ имъ княжити и жити, *по жребію раздѣли* имъ землю». (П. С. Р. Л. IV. 353). Слѣды раздѣла земель между князьями по жребію мы находимъ и въ началѣ XVI в.[2]). Авторъ Слова жилъ въ такую эпоху, когда взаимныя отношенія между князьями русскими по наслѣдованію удѣлами крайне усложнились и перепутались, но сущность завѣщанія Ярослава I о престолонаслѣдіи еще сохранила въ значительной степени свою силу. Ярославъ I и Владиміръ Мономахъ одинаково названы въ Словѣ *старыми*, по обычному противоположенію живущимъ, *нынѣшнимъ* (по выраженію пѣвца) князьямъ. И Иларіонъ въ своей знаменитой рѣчи назвалъ *старымъ* Игоря—дѣда Владиміра Святого. Старый—то же, что *давный*, какимъ названъ въ Словѣ сынъ Ярослава I (Ярославль)—великій Всеволодъ. Двойственность обширнаго круга «сего времени», расчлененнаго поэтомъ пополамъ, на двѣ вѣтви сплетеннаго имъ своему герою славнаго вѣнка,—на эпоху Мономаха и послѣдующую эпоху до Игоря включительно, уясняется стихами:

«Не лѣпо-ли ны бяшетъ, братіе, начати *старыми словесы*
Трудныхъ повѣстій...
Начати-же ся тъ пѣсни по *былинамъ сего времени*»...

---

[1]) Дополняю примѣры жеребьеваго дѣлежа, приведенные въ Словарѣ др. русск. яз. Срезневскаго: «Подѣлилися мачехи *жеребьемъ*: Выдѣлили *жребій* отца»,—«А умретъ бездѣтенъ, вотчина наша намъ по *жеребьямъ*». Д. Мейчикъ. Грамоты XIV—XV в. стр. 63, 118, 119.

[2]) Въ актѣ 1502 г., по поводу раздѣла Кошерской волости, значится:—«Дѣлили есмо князя Андрея Александровича Сангушковича з невѣсткою его со княгинею Михайловою Александровича Сангушковичажъ съ княгинею Анною и съ сыномъ ее со княземъ Андреемъ Михаиловичомъ отчизною и дѣдиною ихъ. Ино они *жеребье о томъ дѣлу передъ нами кинули, кому ся что достанетъ*» (Arch. Sanguszkow, т. I стр. 147). Древне-русскаго обычая бросанія и вынимания жребія отчасти коснулся И. Срезневскій. (Свѣд. объ изв. и малоизв. пам. XXXIV).

Отсутствіе въ первомъ стихѣ частицы «бы» приводило многихъ послѣдователей въ недоумѣніе. Ганка вмѣсто «ны» читалъ «бы»[1]). За нимъ слѣдовали многіе. А. Потебня доказывалъ, что: «Не лѣпо-ли... башѐтъ» надо переводить: Не хорошо-ли *было,* и т. д.—Всѣ подобныя затрудненія я устраняю буквальнымъ переводомъ: «Не лѣпо ли ны башѐтъ»—*Не пристало* ли намъ[2]).

Такъ какъ Слово, приступая къ повѣствованію отъ стараго Владиміра Мономаха, приводитъ и нѣкоторые давніе эпизоды, не вошедшіе въ лѣтопись, то несомнѣнно, что по отношенію къ происшествіямъ *начальной* половины «сего времени» —эпохи Владиміра Мономаха, пѣвецъ руководился старыми *былинными сказаніями,* легшими въ фундаментъ повѣсти, самый-же походъ Игоревъ и сопровождавшіе его факты изложены имъ частью по непосредственнымъ своимъ наблюденіямъ, частью-же по свѣжимъ слѣдамъ, сохраненнымъ памятью близкихъ свидѣтелей, точно такъ-же какъ Несторъ, излагая житіе Бориса и Глѣба «*отъ вѣдущихъ* исписавы, а другая *самъ вѣды*». Различіе между *старыми словесами* (сказаніями), назв. *ветхими* словесами въ чешской поэмѣ Jaroslaw (Краледв. рукоп.), и *былинами сего времени* сводится къ тому, что первыя обнимаютъ лишь *старую половину* сего времени, вторыя-же охватываютъ *обѣ половины* сего времени. При выполненіи своей сложной исторической программы, пѣвецъ нашелъ уже готовый эпическій матеріалъ въ богатой области народныхъ поэтическихъ представленій. Главная заслуга его заключается въ искусной переработкѣ и художественной систематизаціи этого матеріала. При объединеніи старыхъ и новыхъ былинъ, авторъ Слова извлекаетъ изъ нихъ *воинскія дѣянія:*

«Начати... *трудныхъ повѣстій* о пълку Игоревѣ»...

Приступая къ разсказу о походѣ Игоря въ связи съ предшедшими событіями эпохи Владиміра Мономаха о ратяхъ, вслѣдъ за стихами:

---

[1]) Slovo o Plku Igorevie. 1821. стр. XI.

[2]) Ср. Слова Мстислава Изяславича, сказанныя въ 1170 г. «лѣпо ны было» и т. д. (Ип. 368).

«Почнемъ же, братіе, *повѣсть* сію»...

авторъ Слова имѣлъ въ виду изложеніе воинскихъ дѣлъ по дружиннымъ *извѣстіямъ*[1]), до него дошедшимъ. Перечисливъ крупныя событія той старой эпохи, когда «были плъцы Олговы», пѣвецъ сближаетъ прежнія войны съ послѣднимъ предпріятіемъ Игоря, ссылаясь на *устную передачу* былинъ о ратяхъ и ополченіяхъ по слуху, въ стихахъ:

«То было въ ты рати и въ ты плъкы,
А сицеи рати *не слышано*»[2])...

Трудныя повѣсти вовсе не противополагаются *веселымъ*, въ смыслѣ печальныхъ, унылыхъ, заунывныхъ или умильныхъ, ибо причисленіе пѣвцомъ хвалебной пѣсни, какою является Слово, къ разряду скорбныхъ противорѣчило-бы и конечной ея цѣли, разсчитанной на подъемъ народнаго духа, и впечатлѣнію, произведенному на русичей возвращеніемъ Игоря изъ плѣна, и пѣнію Слова на пирахъ:

«Здрави князи и дружина»...

Какъ могъ бы авторъ дать своей пѣснѣ эпитетъ печальной, если, при возвращеніи Игоря на родину, Донецъ молвилъ ему:

«Не мало... русской земли *веселія*».

если авторъ предлагаетъ пѣть ее, когда были, по его же свидѣтельству,

«Страны *рады*, грады *весели*»...

если тьма, царившая на Руси во время пребыванія Игоря въ плѣну, смѣнилась *свѣтомъ*, возвѣщеннымъ *веселыми* пѣснями соловьевъ,

«Соловіи *веселыми* пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ»...

умолкшихъ предъ первой сѣчей Игоря съ половцами, если *постылое* для Игоря, при выступленіи его съ береговъ Оскола, солнце,

---

[1]) Ср. «Присла владыку Митрофана со всѣми добрыми *повѣстьми*» (Новг.). «Демьяну *повѣстцу* съ нимъ» (Ип. 502). «Оже кто не вѣдая чюжь холопъ, усрящетъ или *повѣсти* дастъ, или удержитъ и у себя» (Русск. Правда).

[2]) Ср. «Не бѣ сего *слышано* во днехъ первыхъ въ землѣ русской» (Ип. 158).

«Уже, княже, Игорю *утрпѣ* солнцю-свѣтъ»...

а затѣмъ палящимъ зноемъ истомившее Игоревы полки, въ возмездіе за пренебреженіе къ его знаменію, и разлучившее Игоря съ братомъ

«Ту ся брата *разлучиста*»...

въ концѣ-концовъ засіяло благодатными лучами:

«Солнце *свѣтится* на небеси,—Игорь-князь въ руской земли»,

Лирическое настроеніе самого пѣвца, измѣнившееся смотря по переживаемымъ имъ историческимъ моментамъ и содержанію былинъ, къ которымъ переносилось его воображеніе, не даетъ намъ права приписывать *труднымъ* повѣстямъ значеніе, отличное отъ того, какое имѣетъ напр. разсказъ начальнаго лѣтописца о томъ, какъ Ярославъ I утиралъ потъ съ дружиною, «показывая побѣду и *трудъ* великъ» (подъ 1019-г.), какъ землю «налѣзоша *трудомъ* великомъ» (слова Ярослава), какъ «*трудишася* варязи сѣкуще Сѣверъ» (Ип. 104), какъ, собираясь въ походъ, Изяславъ говорилъ Вячеславу: «тобѣ не достоитъ *трудитися*» (Ип. 316), какое имѣетъ разсказъ Мономаха, въ поученіи, о подъятыхъ имъ *трудахъ*: «А се повѣдаю *трудъ* мой, оже ся есмь *тружалъ пути дья*» [1]), или же—какое имѣетъ предисловіе Галицко-Волынской лѣтописи: «Начнемъ же сказати безчисленныя рати и великыя *труды* и частыя войны» (Ип. 501). За такой *трудъ* «вда Всеволоду Ольговичу Володимірко Галицкій 1400 гривенъ серебра» (Ип. 226). Труды и дѣло воинское у автора Слова—понятія синонимичныя:

«Храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло».

Святославъ видѣлъ во снѣ, что ему давали пить вино, съ *трудомъ* смѣшанное [2]).

Причины, побудившія пѣвца свести *трудовыя повѣсти* къ *сей повѣсти*, т. е. сгруппировать былинный матеріалъ въ стройный пѣсенный разсказъ отъ своего лица, безъ сомнѣнія, та-же, какая побудила начальнаго лѣтописца отъ множества отдѣльныхъ *повѣстей* (извѣстій) *временныхъ лѣтъ* перейдти къ связной *повѣсти отъ самою себя*. Какъ лѣтописецъ оживляетъ

---

[1]) Мономахъ отъ военнаго *труда* переходитъ къ *труду* охотничьему. *Тружаться* имѣетъ у него широкій смыслъ.

[2]) Сравн. стихи: «Ту *кроваваю вина* не доста» и т. д.

событія своимъ чувствомъ, напоминая изрѣдка о себѣ, такъ и въ Словѣ ощущается біеніе чуткаго сердца пѣвца,—выставляющаго себя не только свидѣтелемъ по слуху, но какъ-бы и очевидцемъ пораженія Игоря:

«Что ми шумитъ, что ми звенитъ
Давечя рано предъ зорями»?

При наличности сходства между лѣтописью и Словомъ *по сводному ихъ составу*, необходимо отмѣтить разницу между ними *по свойству источниковъ*. Для лѣтописца главными источниками послужили: акты и записи оффиціальнаго и частнаго характера. Они перемѣшиваются съ личными впечатлѣніями лѣтописца и свѣдѣніями, почерпнутыми изъ хронографовъ, сказаній, посланій, житій, грамотъ, помянниковъ и т. п., писанныхъ по большей части духовными лицами, а также изъ устныхъ преданій, разсказовъ и пѣсенъ. Отличительное качество Слова о Полку Игоревѣ, по роду источниковъ, состоитъ въ томъ, что въ канвѣ его, въ изложеніи былинъ, вовсе не существуетъ слѣдовъ *письменнаго* элемента. Онѣ представляются самороднымъ эпическимъ осадкомъ жизни русскаго народа, непосредственнымъ, живымъ отраженіемъ его духа. Въ былинной субстанціи Слова устная поэтическая стихія пробивается на каждомъ шагу [1]), но она, тѣмъ не менѣе, не отвлекаетъ теченія историческихъ событій отъ ихъ естественнаго русла, хотя вноситъ въ него широкую струю своеобразныхъ народныхъ представленій. Поэтому въ изображеніи историческихъ фактовъ Слово не идетъ въ разрѣзъ съ лѣтописью, а подчасъ и вполнѣ, почти буквально тожественно съ нею, напр. въ извѣстіи о томъ, какъ «Игорь *возрѣвъ* (на небо) и видѣ»...—«Игорь рече: *братіе и дружино*» (Ип. 431), какъ Редедя бысть *зарѣзанъ* (Ип. 103), какъ *плакалась* мать Ростислава Всеволодовича по юномъ сынѣ, какъ Святополкъ *взя* мертваго тестя своего Тугоркана (1096), какъ Всеславъ полоцкій бѣжалъ ночью отъ Кіевлянъ изъ Бѣлграда, или какъ послѣ Каяльской битвы *желя* смѣнила веселье, и т. д. Былинный складъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій, не вошедшихъ въ Слово, совпадаетъ съ поэтическимъ складомъ послѣдняго.

---

[1]) Справедливо замѣчено (Н. Лавровскій), что индивидуальное творчество автора сообщило *устному* народно-поэтическому матеріалу художественную форму.

Такъ, не говоря даже объ отдѣльныхъ выраженіяхъ («уже не крѣсити» [1]) и т. п.), разсказъ о печальной судьбѣ Ярослава Святославича, который 1123 .. «умре *единъ*, за великую *гордость*» (Ип. 207), напоминаетъ пѣсенный разсказъ отчасти о Борисѣ Вячеславичѣ, отчасти объ Изяславѣ Васильковичѣ. Понятно, поэтому, что Кириллъ Туровскій имѣлъ уважительное основаніе поставить лѣтописное описаніе походовъ на одну доску съ пѣсеннымъ: «Историци и *вѣтія*, рекше *лѣтописци* и *пѣснотворци* приклоняютъ своя *слухы* къ бывшая межю цари рати и въ пълченія, да *украсятъ словесы* и *возвеличать* мужьствовавшая крѣпко по своемъ цари и не давшихъ въ брани плещю врагомъ, и тѣхъ *славяще, похвалами вѣнчають*» [2]). Такъ какъ слова эти принадлежатъ проповѣднику второй половины XII в., то они относятся и къ сводчику лѣтописи, игумену Сильвестру, и къ пѣснотворцу Бояну. Сколь велико было увлеченіе лѣтописцевъ трудовыми пѣснями, показываетъ похвала, обращенная однимъ изъ нихъ къ князю Рюрику Ростиславичу: «Нашея грубости писание приими, акы даръ словесенъ на похваленіе добродѣтелей, *пою ти пѣснь побѣдную*» (Ип. 477, 478). Если-бы возникалъ вопросъ: отозвалось-ли на складѣ и составѣ нашего Слова вліяніе лѣтописи, то мы имѣли бы болѣе данныхъ къ отрицательному его рѣшенію. Пріемы пересказа, группировка былинъ и самый языкъ повѣсти о походѣ Игоря не носятъ на себѣ нималѣйшихъ слѣдовъ заимствованія изъ лѣтописи или подражанія лѣтописцу [3]). Да иначе и быть не могло, ибо первый *сводъ* лѣтописный составленъ при Мономахѣ игуменомъ Сильвестромъ лишь во второмъ десятилѣтіи XII в.[4]),

---

[1]) Слова Ольги, Ярослава I-го, Изяслава Мстисл. (Ип. 35, 98 и 304).

[2]) Кир. Тур. Слово IX, по списку изд. Калайдовичемъ 1821 г.

[3]) По мнѣнію Бестужева-Рюмина, ни сказаніе, занесенное въ лѣтопись, не служило источникомъ Слова, ни наоборотъ (О составѣ Русск. лѣтоп. стр. 110—115). Съ своей стороны полагаю, что на лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Игоря и въ Ипат., и въ Сузд. лѣтоп., отразилось вліяніе Слова.

[4]) Сильвестра нельзя считать простымъ переписчикомъ лѣтописи. Доказательства сгруппированы Д. Иловайскимъ (Ист. Рос. I, прим. 59). Во всякомъ случаѣ первый сводъ составленъ не ранѣе 1096 г. Событія подъ этимъ годомъ описаны тѣмъ самымъ лицомъ—очевидцемъ нападенія половцевъ на Печерскій монастырь, которое въ началѣ лѣтописи говоритъ, что «*при насъ* половцы законъ держатъ отець своихъ».

слѣдовательно списки его не могли быть *очень* распространены къ 1185 г. Единственную причину столь близкаго совпаденія лѣтописи и Слова на почвѣ существенныхъ историческихъ фактовъ я нахожу въ томъ, что въ послѣдней четверти XII в. былины, начиная съ эпохи Владиміра Мономаха, (ее наши историки считаютъ разцвѣтомъ литературной и художественной дѣятельности на Руси), благодаря главнымъ образомъ Боянovымъ пѣснямъ, которыя были несомнѣнно переполнены ими, сохранились въ памяти народныхъ пѣвцовъ почти въ такой же свѣжести, въ какой онѣ дошли къ сводчику лѣтописи чрезъ старца Яна и другихъ свѣдущихъ лицъ[1]).

Раскапывая древнюю эпическую почву, авторъ Слова, въ своемъ введеніи къ повѣсти, спускается до Ярослава I или стараго. Центръ тяжести, былиннаго разсказа сразу переносится къ борьбѣ сына Святослава Ярославича Олега за отчину свою Черниговъ и Тмуторокань, перешедшихъ къ Ярославу 1-му по смерти Мстислава (1034 г.) и переданныхъ Ярославомъ сыну Святославу по завѣщанію. Стремленіе Тмутороканской области къ независимости составляетъ, по вѣрному замѣчанію П. Голубовскаго, явленіе, около котораго группируются всѣ событія перваго періода исторіи Сѣверской земли[2]). Эти-то бурныя событія и пѣвецъ искусно сплетаетъ съ походомъ внука Олегова Игоря, вытекавшимъ изъ стремленія «поискати града Тмутороканя». Съ цѣлью установить, въ пѣсенной сферѣ, исходную точку для свиванія старой славы съ новою, авторъ Слова соединяетъ пѣсни, слагавшіяся въ честь Ярослава и Тмутороканскихъ князей, Мстислава Храбраго и Романа Святославича, съ воспоминаніями о первоначальныхъ временахъ или давнѣйшей эпохѣ усобицъ, о которыхъ Владиміръ Мономахъ, въ посланіи къ Олегу Святославичу, писалъ, какъ объ усобицахъ между ихъ *отцами и дѣдами*. Авторъ Слова не касается *пѣсень* такъ наз. скандинавскаго періода русской исторіи, быть можетъ потому, что сказанія того отдаленнѣйшаго времени не дошли до него въ *пѣсенной* формѣ, а можетъ быть и потому, что

---

[1]) А. Милюковъ невполнѣ основательно замѣтилъ, что Слово не можетъ стать наряду съ историч. сказаніями Нестора по своему *бѣдному* содержанію. Оч. истор. Русск. поэзіи.—Былины слова довольно *богаты содержаніемъ*.

[2]) Истор. Сѣверской земли, стр. 64.

они не годилось для его цѣли. Второе вѣроятнѣе, ибо, по словамъ Иларіона, славный Игорь и славный Святославъ... «мужествомъ и храбрьствомъ *прослуша* въ странахъ многихъ и *поминаются нынѣ и словуть*» [1]). Нѣтъ основанія предполагать, чтобы пѣсни эти слагались не на славяно-русскомъ языкѣ, ибо извѣстно, по житію Константина философа, что «обрѣте (Кириллъ) въ Корсуни евангеліе и псалтырь *Русьскы* письмены писано и человѣка обрѣтъ глаголюще тою бесѣдою, и бесѣдовавъ съ нимъ, и силу рѣчи приимъ». Можетъ быть, Тмуторороканская область и была родиной русскаго эпоса. Въ XII в русскій дружинный эпосъ долженъ былъ окончательно порвать связи съ элементомъ *варяжскимъ*, удержавшимся еще до половины XI в, когда отъ прекращенія близкихъ сношеній съ варягами онъ сталъ постепенно вытѣсняться или ассимилироваться съ коренною туземною народностью, хотя въ Правдѣ, уставленной сыновьями Ярослава, варяги играютъ еще видную роль (ст. 15 и 26). По мнѣнію В. Томсона, впрочемъ уже не новому, въ нравахъ, обычаяхъ, общественной жизни и государственныхъ учрежденіяхъ Россіи долго оставались признаки скандинавскаго вліянія, но явственнѣе обозначились слѣды его *въ языкѣ русскомъ* [2]).—Ознакомленіе съ особенностями поэтической хронологіи Слова значительно облегчаетъ намъ отысканіе самаго хранилища памяти о давнѣйшихъ усобицахъ; откуда эти воспоминанія исходили, кто именно «*помняшеть* първыхъ временъ усобицѣ». Обыкновенно приписываютъ такую память Бояну, вслѣдствіе неправильнаго чтенія вступительныхъ стиховъ, извращающаго поэтическую хронологію. Боянъ не могъ, какъ увидимъ далѣе, *помнить* древнѣйшія времена княжескихъ раздоровъ, какъ напр. во время Иларіона «*помнемы*» были славныя дѣянія Игоря и Святослава, щедроты милостиваго Влади-

---

[1]) А. Кочубинскій отмѣтилъ стилистическія точки сближенія между Словомъ Иларіона и Словомъ о Полку Игоревѣ: а) одинаковая эпитетологія: *старый* Игорь, *славный* Святославъ напоминаютъ *стараго* Ярослава, *храбраго* Мстислава Слова о Полку и др., б) одинаковые народные пріемы: «не *въ худѣ* бо и не въ невѣдомѣ земли»—«не *худа* гнѣзда шестокрилци» Слова. (Добрый Пастырь и добр. нива. Рѣчь въ юбил. св. Меѳодія, 32).

[2]) Начало Русск. государства, въ перев. Аммона. 1891, стр. 113—115. Много скандинав. словъ въ языкѣ русскомъ обнаружено Я. Гротомъ.

міра, или какъ старецъ Еремѣй «*помняше* крещение земли русской» (Ип. 133), ибо въ повѣсти Боянъ выводится авторомъ Слова на историческую сцену объ-руку съ великимъ княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ, Владиміромъ Мономахомъ и Всеславомъ Брячиславичемъ полоцкимъ, въ эпоху нагроможденія усобицъ, которую пѣвецъ конца XII в. называетъ *жирными временами усобицъ* и которыя, въ постепенномъ ихъ возрастаніи, вызвали нашествіе на Русь половцевъ, послѣ удачной стычки ихъ съ Всеволодомъ Ярославичемъ въ 1061 г. и обратнаго ихъ ухода восвояси («и воевавши, отъидоша»). Нашествіе половцевъ, которые уже въ 1067 г. «*росулися* по земли», а въ 1068 г. на Альтѣ разбили соединенные полки Изяслава, Святослава и Всеволода,—есть, въ глазахъ лѣтописца, наказаніе за грѣхи *усобной рати*, по дьявольскому подстрекательству на «свары, зависти, братоненавидѣнія, клеветы» (Ип. 118). Согласно съ воззрѣніемъ лѣтописца, поводъ нашествія половцевъ на Русь пѣвецъ видитъ въ книжескихъ крамолахъ [1]).

Тэма эта развивается пѣвцомъ подробно, какъ будетъ мною объяснено во 2-й главѣ. Границей, отдѣляющей оригинальныя произведенія Бояна отъ предшествовавшихъ имъ пѣсенныхъ сказаній, можно, по свидѣтельству Слова, принять годъ смерти Романа Святославича (1079), когда, приблизительно, появилась прославлявшая его пѣснь. Нельзя допустить, чтобы она была твореніемъ провозвѣстника ученія о божьемъ судѣ, поборника единства земли русской, мудраго и вѣщаго Бояна, — чтобы оплакивавшій горькую участь главы русской земли, оставшейся безъ оплечій, пѣвецъ, которымъ восхищается авторъ Слова, чистосердечно признаваясь, что этотъ внукъ Велесовъ несравненно искуснѣе его съумѣлъ бы «ущекотать» (восщѣлкать) полки Игоревы,—осквернилъ свои гусли-самогуды прославленіемъ того краснаго (взоромъ), какъ и братъ его Глѣбъ, но крамольнаго нрава, какъ другой братъ его Олегъ, Романа Святославича. Какую хвалу могъ воздать Боянъ безпокойному Тмуторокан-скому князю, давшему, въ 1077 г., пріютъ Борису Вячеславичу и дерзнувшему, въ союзѣ съ погаными половцами, поднять руку

[1]) Вѣроятно, существовалъ варіантъ Слова, гдѣ вмѣсто «крамолахъ» стояло «которахъ» (ср. приписку въ кн. Апостольск. Чт. 1307 г.)

на своего державнаго повелителя, *кощя* Всеволода Ярославича, а затѣмъ погибшему гдѣ-то *тамъ* безъ-вѣсти, подобно Святополку окаянному. Если возстаніе Романа на Всеволода и объясняется стремленіемъ удержать за собою Тмутороканскую область, полученную, вѣроятно, отъ отца, то во всякомъ случаѣ отрывокъ пѣсни Бояна показываетъ, что онъ не сочувствовалъ такому стремленію. Пѣснь въ честь Романа была сложена, конечно, въ такой средѣ, гдѣ сознаніе о единствѣ всей земли русской еще не созрѣло, и притомъ—въ одной изъ окраинныхъ областей Руси, стремившихся къ полной самостоятельности, и пѣвцами, стоявшими далеко не на такой высокой ступени умственнаго развитія, на какую возноситъ Бояна авторъ Слова. Еще менѣе существуетъ основаній приписывать Бояну пѣснь въ честь Мстислава Храбраго [1]), ибо служившее предметомъ ея единоборство съ Редедей имѣло мѣсто въ 1022 г., за годъ до похода Мстислава на Ярослава 1-го съ козарами и касогами и за 12 лѣтъ до своей смерти (1034). Если сдѣлаемъ приблизительный разсчетъ времени, протекшаго отъ 1022 г. до появленія пѣсенъ Бояна Мономаховой эпохи, то окажется промежутокъ не менѣе 60 лѣтъ. Непреложными доказательствами того, что Боянъ слагалъ пѣсни *во второй половинѣ XI в.* служатъ: Изреченіе его по поводу непріязненныхъ отношеній Олега Святославича къ великому князю Всеволоду Ярославичу, припѣвка, «первое» сочиненная имъ на Всеслава Полоцкаго, вѣроятно незадолго до смерти послѣдняго (1101 г.), и пѣсенное ристаніе Бояна въ Троянову, т. е. Мономахову, тропу. Никакихъ признаковъ того, чтобы Боянъ творилъ *пѣсни* и въ первой половинѣ XI в., въ Словѣ не содержатся. Между тѣмъ, при установившемся чтеніи вступительной части Слова, никакъ нельзя было бы считать пѣсни въ честь Ярослава, Мстислава и Романа продуктомъ не *самостоятельнаго* творчества Бояна, но *свиванія* старой и современной ему славы, ибо при чтеніи «*та* (лебедь) преди *пѣснь* пояше» выходитъ, что каждая изъ упомянутыхъ пѣсенъ пѣлась *отдѣльно*.

---

[1]) Бѣ же Мстиславъ... *храборъ* на рати... *чермень* лицемъ (лѣтоп.), почему и называютъ его *Чернымъ*. О наружности Романа Святославича лѣтопись ничего не говоритъ.

Слагая эпопею свою по былинамъ, а не по замыслу Боянову, авторъ Слова тѣмъ неменѣе пользовался его произведеніями, какъ матеріаломъ для поэтическихъ украшеній Слова въ тѣхъ его частяхъ, которыя захватывали первую половину круга «сего времени». По плану эпопеи и по аналогіи, можно смѣло заключить, что стихъ:

«Не буря соколы занесе *чресъ поля* широкая»....

заимствованъ у Бояна, рыскавшаго въ тропу Трояна «*чресъ поля* на горы», а слѣдующій стихъ:

«Галици стады бѣжать къ Дону великому»....,

тонко связывающій походъ Игоря съ походами Трояна и приписываемый обыкновенно тому же Бояну, сложенъ самимъ авторомъ Слова, который и въ иныхъ мѣстахъ, проникнутыя духомъ своеволія, алчныя русскія *дружины* называетъ *галицами*: «Говоръ *галичь* убуди».—«*Галици* свою рѣчь говорящуть».—«*Галици* помлъкоша»[1]). Также точно и стихъ:

«Комони ржуть *за Сулою*, звенитъ слава *въ Кіевѣ*»...

предпосланный стиху, изображающему выступленіе Игоря къ Осколу:

«Трубы трубятъ *въ Новѣградѣ*, стоятъ стязи въ Путивлѣ»...[2])

вырванъ авторомъ Слова изъ Бояновой пѣсни, для вклада въ славный вѣнокъ Игоря Здѣсь торжественно полагается начало искусственнаго сплетанія давней славы Трояна-Мономаха съ новой славой его внучатнаго племянника. При иномъ взглядѣ на этотъ вводный стихъ нельзя было бы понять: почему въ немъ придается особая важность разгулу русскихъ дружинъ *за Сулою*, протекавшею уже *не серебряными струями къ г. Переяславлю* послѣ Каяльскаго погрома, ибо она была *снесена* Кончакомъ вслѣдъ за пораженіемъ Игоря[3]):

---

[1]) Въ южно-русск. пѣсняхъ, собр. Максимовичемъ, *галками* называются *дружки*, отлучающія невѣсту отъ семьи. На эпическое названіе сборныхъ *дружинъ* галицами могло повліять постоянное почти участіе *Галичанъ* въ походахъ Кіевскихъ князей, въ качествѣ вспомогательныхъ дружинъ. Древній гербъ Галича—*галка*.

[2]) Ср. стихъ: «Трубы трубятъ городенскія», предъ воззваніемъ къ князьямъ, имѣющій значеніе призыва къ наступленію на поганыхъ.

[3]) «Родившюся Кончаку, иже *снесе Сулу*» (Ип. 480).

«По Рси и *по Суль* грады подѣлиша»...

Приписывая же стихъ Бонну, мы приближаемъ послѣдняго, согласно съ показаніемъ автора Слова, къ самому центру Трояновой тропы. *На Сулѣ* Мономахъ бился съ половцами «по отни смерти», какъ онъ выражается въ поученіи, а затѣмъ, когда Бонякъ «приде со всѣми половци къ Кснятину», — ходилъ на нихъ *изъ Переяславля за Сулу*, разбилъ непріятельскія полчища, полонивъ лѣпшихъ князей половецкихъ, и такимъ образомъ надолго обезпечилъ Посулье за Русью. Кажется, это тотъ самый походъ, который подъ 1107 г. описываетъ лѣтопись, ибо и въ поученіи, и въ лѣтописи, непосредственно предъ тѣмъ говорится о смерти Владиміровой жены, матери Георгія [1]), а вслѣдъ затѣмъ—о женитьбѣ Георгія на дочери половецкаго князя Аепы. Въ 1179 г. князья русскіе ходили *за Сулу*, къ городищу Лукомлю, когда половцы, съ Кончакомъ, воевали около Переяславля (Ип. 415). Кромѣ того, еслибы разсматриваемый стихъ принадлежалъ автору Слова, то было бы очень странно, почему вторившій ржанію боевыхъ коней ликующій звонъ славы (рокотъ гусельныхъ струнъ) [2]), раздавался *въ Кіевѣ предъ выступленіемъ Игоря къ Осколу*, несмотря на то: 1) что нетолько великій князь *Кіевскій* Святославъ Всеволодовичъ, безъ вѣдома коего предпринятъ былъ походъ, для отвоеванія у половцевъ древне-русской Тмуторокани, негодовалъ за опозореніе своей сѣдины на Игоря, но даже иностранцы, по предположенію многихъ изслѣдователей, проживавшіе *въ Кіевѣ*,—нѣмцы, венеціане [3]), греки и моравяне [4]) *каялн*, въ своихъ пѣсняхъ, молодого князя по поводу погруженія русскихъ богатырей въ р. Каялѣ, 2) что прославленіе въ Кіевѣ, по иниціативѣ сочинителя хвалебной въ честь его пѣсни, могло, судя по ея содержанію, начаться только по возвращеніи Нов-

[1]) Считаютъ ее второю женою Мономаха. Первая—Гида, дочь Гаральда.

[2]) Отъ ударенія пальцами: «*Ударима* въ гусли» (подъ 1074 г.).

[3]) Въ повѣсти о взятіи Царьграда (Никонов. подъ 1204 г.) сказано: «приходиша Нѣмци, и *Венедиции* и Фрязи ко Царюграду ратью... (варіантъ—Нѣмцы и Венедицы). Венедицы—очевидно венеціанцы, ибо въ повѣсти упоминается ихъ воевода «дужъ» (дожъ) слѣпъ отъ Маркова острова Венедикъ. (П. С. Р. Л. т. X, стр. 41).

[4]) Нетолько торговыя сношенія, но и брачныя связи могли привлекать моравянъ въ Русь. Такъ напр. Святополкъ Мстиславичъ въ 1143 г. «оженися Новѣгородѣ, приведе жену *изъ Моравы*» (Нов. I, 9).

городъ-Сѣверскаго князя изъ половецкаго плѣна и *радостнаю* свиданія его съ великимъ княземъ, въ Кіевѣ (Ипат., стр. 438). Я убѣжденъ, что съ тѣмъ заимствованнымъ стихомъ сопряжено воспоминаніе о двухъ знаменитыхъ побѣдахъ, одержанныхъ надъ половцами Владиміромъ Мономахомъ и Святополкомъ, при участіи другихъ князей, 12 августа 1107 г. и 27 марта 1111 г.[1]) Описывая первую побѣду, лѣтописецъ говоритъ: «Идоша на половцѣ къ Лубну» (гдѣ поганые собрались подъ предводительствомъ Боняка и Шаруканя стараго), «въ 6 часъ дне *бродишася чересъ Сулу*». Половцы, ужаснувшись отъ клика русскихъ дружинъ, обратились въ бѣгство, не успѣвъ поставить стяга, и были преслѣдуемы до Хорола. Много половецкихъ князей взято въ плѣнъ; Шарукань едва успѣлъ убѣжать[2]). Князья русскіе *съ великою радостью* были встрѣчены *въ Кіевѣ*, въ праздникъ Успенья[3]). Когда половцы побѣдили Игоря съ братьею и собрали весь языкъ свой на русскую землю, то Кончакъ молвилъ: «Поидемъ на Кіевскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великый князь нашъ Бонякъ». Другая побѣда одержана Мономахомъ также за Сулою, на р. Сальницѣ, въ южныхъ окрестностяхъ нынѣшняго Изюма. «Поидоша во 2-ю недѣлю поста къ Дону, а въ пятокъ быша *на Сулѣ*, откуда къ Сальницѣ прошли чрезъ Хоролъ, Пселъ, Голту, Ворсклу и Донъ. На этотъ разъ *великая слава*, съ которою русскіе князья возвратились въ Кіевъ, распространилась по дальнимъ странамъ *до самаю Рима*»[4]). Такое широкое распространеніе

[1]) Итакъ Н. Костомаровъ не ошибся, высказавъ предположеніе, что Боянъ воспѣвалъ также подвиги Мономаха противъ половцевъ (Ист. Рос. въ біогр. I, 67).

[2]) Потому въ Словѣ готскія красныя дѣвы лелѣяли *месть Шароканову*. Въ поученіи Мономахъ упоминаетъ объ освобожденіи имъ двухъ братьевъ Шаруканя.

[3]) Въ поученіи Мономахъ разсказываетъ, что изъ Переяславля ходилъ на половцевъ за Супой къ Прилуку. Половци *бѣжаша на Сулу*, не успѣвъ захватить коней. Потомъ пошелъ къ Бѣлой-вѣжѣ; избилъ 900 половцевъ и плѣнилъ двухъ князей.

[4]) Уже старый Игорь и Святославъ, по словамъ Иларіона, «владычествовали не въ невѣдомѣ земли, но въ русской, яже *вѣдома и слышима есть всѣми конци земля*».... Какъ-бы въ подражаніе Иларіону лѣтописецъ, прославляя Рюрика Ростиславича, сказалъ, что «держава (его) самовластна, ко Богу изванная славою паче звѣздъ небесныхъ, *нетокмо и въ русскихъ концѣхъ вѣдома, но и сущимъ въ морѣ далече*». (Ип. 478).

славы любилъ Мономахъ, какъ самъ признается въ своемъ поученіи. Онъ дѣтямъ совѣтовалъ оказывать радушный пріемъ чужеземцамъ потому, что они мимоходомъ *прославятъ* человѣка *по всѣмъ землямъ*,—хотя и возставалъ противъ гордости. Успѣхъ упомянутыхъ двухъ походовъ въ значительной степени зависѣлъ отъ блестящихъ результатовъ, достигнутыхъ Святополкомъ и Владиміромъ еще въ 1103 г., въ экспедиціи на половцевъ по Днѣпровскому побережью. Тогда (именно 4 апрѣля) «великое спасеніе створи Богъ благовѣрнымъ княземъ русьскымъ и всимъ хрестьяномъ, а на врагы дасть побѣду велику». (убито болѣе 20 половецкихъ князей, взятъ въ плѣнъ князь Велдузъ)... «приидоша въ Русь съ полономъ великымъ и *съ славою и съ побѣдою великою*» (Ип. 184, 185).

Лѣтописные разсказы о походахъ Мономаха на половцевъ 1103 и 1111 гг.[1]) заключаютъ въ себѣ мѣстами почти буквальное *повтореніе* однихъ и тѣхъ-же фактовъ наряду съ чрезвычайно яркими слѣдами пѣсеннаго элемента, наводя на мысль, что подробности этихъ походовъ не были включены въ современныя оффиціальныя записи, но дошли до лѣтописца въ томъ видѣ, въ какомъ удержала ихъ народная память. Къ такому предположенію склоняютъ меня и слова поученія Мономахова о своей *тропѣ*, той самой, въ которую *рыскалъ Боянъ*: «А всѣхъ *путій* (т. е. походовъ) 80 и 3 великихъ, а прока *не испомню меншихъ*». Очевидно, Мономахъ повѣствовалъ о своихъ походахъ (безъ означеній хронологическихъ датъ, но съ указаніемъ числа заключенныхъ съ половцами миpовъ и выпущенныхъ изъ оковъ князей) *по воспоминаніямъ*, которыя, если и восполнялъ современными записями, то весьма *краткими*, отрывочными, содержавшими перечень лишь крупныхъ событій его трудовой жизни[2]). Немудрено, поэтому, что и лѣтопи-

[1]) Разборъ лѣтописныхъ изв. объ нихъ см. у Хрущова. О древн. русск. историч. пов. и сказ. 1878 г.

[2]) Интересны слова поученія: «И се *нынѣ* иду Ростову», какъ-бы указывающія на составленіе поученія въ нѣсколько пріемовъ и намекающія на существованіе *дневника*. Трудно допустить, чтобы *нынѣ* относилось ко времени, когда Мономахъ помышлялъ «како стати предъ страшнымъ судьею». Моментъ первоначальнаго составленія поученія Погодинъ относитъ къ 1099 г., что весьма вѣроятно (Зап. II Отд. И. Ак. Н. т. X, стр. 234—244).

сецъ, не имѣя полныхъ и точныхъ письменныхъ данныхъ, разносилъ индѣ гадательно подробности событій по годамъ, прибѣгая къ повтореніямъ или невольно въ нихъ впадая тамъ, гдѣ незналъ — къ какому времени относятся подробности, дошедшія до него по *сказаніямъ*. Такъ объясняются лѣтописныя повторенія частностей походовъ 1103 и 1111 гг., составляющія, какъ справедливо полагаютъ, осколки одного и того-же пространнаго сказанія. Подобный-же примѣръ дробленія въ лѣтописи эпическихъ деталей одного событія и разнесенія ихъ по разнымъ годамъ представляетъ походъ на половцевъ за р. Бугъ Глѣба Юрьевича Кіевскаго и братьевъ его Михалка и Всеволода, изложенный, несомнѣнно, по одинаковому эпическому шаблону, съ повтореніемъ однихъ и тѣхъ-же выраженій, подъ 1172 и 1173 гг.[1]). Принадлежность Бояну упомянутаго вводнаго стиха подтверждается еще и тѣмъ, что авторъ Слова, влагая его въ уста Бояна, изображаетъ послѣдняго *рищущимъ въ Троянову тропу* чрезъ поля на горы, къ которымъ «нельзѣ бѣ *привоздити* *старою Владимера*. У автора Слова тропа имѣетъ, по моему мнѣнію, основной смыслъ: обычнаго походнаго круговаго пути, или стези воинской, но сюда привходятъ понятія и о солнечномъ оборотѣ (тропикъ), о *побѣдоносномъ* характерѣ Трояновыхъ предпріятій (τρόπαιον — trophaeum) и о *пѣснопѣніи*, ибо греч. τρόπος — напѣвъ, откуда *тропарь*, называемый такъ отъ разнообразныхъ *оборотовъ* или переливовъ голоса. Эти тропари входятъ и въ составъ такъ наз. служебныхъ Миней, наряду съ ирмосами[2]). Мы имѣемъ положительныя доказательства того, что тропари пѣлись нетолько при богослуженіи, при наступленіи на враговъ[3]), но и на пирахъ или братчинахъ, при-

[1]) Ипат. 380 и 384. Ср. Лавр. подъ 1169 и 1171 г. Перепутанностью хронологіи особенно отличается Галицко-Волынская лѣтопись, составленная преимущественно по сказаніямъ, записаннымъ спустя иногда много десятковъ лѣтъ. Замѣчательны въ этомъ отношеніи три извѣстія: подъ 1207 г. «*Ю* же *нѣмь* святу нарѣчаютъ, именемъ Алъжбитъ» (Елизавета); подъ 1213 г. — «Его-же (Клима Христинича) крестъ и *домъ* стоитъ на Сухой Дорогвѣ» (стр. 490), и подъ 1255 г. — «домъ Стѣкинтовъ *домъ* пустъ стоитъ» (стр. 549). На это было уже обращено вниманіе г. Дашкевичемъ (Княженіе Даніила).

[2]) О составѣ Миней, см. трудъ И. Ягича. С П. Б. 1886 г.

[3]) При нападеніи Мономаха на половцевъ попы въ полкахъ его пѣли *тропари* и кондаки (Ип. 192). Подъ 1168 г. лѣтописецъ говоритъ: «Распятью Господню *тропари* поемъ» (Никон) и т. под.

томъ *въ честь князей*. Въ одномъ изъ поученій преподобный Ѳеодосій внушаетъ: — «Въ пиру говорить чашамъ *тропари* только три..., а *третья чаша князя*.... говорить въ пиру многіе тропари уставили не Богу, но чреву работникамъ, желая много пить»[1]). Одинъ изъ заключительныхъ стиховъ Слова:

«Здрави князи и дружина». .

даетъ поводъ думать, что оно распѣвалось на пирахъ, предъ провозглашеніемъ заздравнаго тоста въ честь князей, а что здравицы въ честь князей были обычны на пирахъ въ древней Руси, это мы знаемъ изъ лѣтописнаго извѣстія 1066 г. «Княже, хочю на тя пити», сказалъ Ростиславу Владиміровичу греческій котпанъ; «оному-же рекшу: пий». Выпивъ половину чаши, котпанъ подалъ ее князю со вложеннымъ въ нее ядомъ (Ип. 117). Пѣсенное творчество, въ древней Руси, религіознаго и свѣтскаго содержанія, приходило въ соприкосновеніе на пирахъ и на полѣ битвы, гдѣ послѣ тропарей, которые пѣли священнослужители, раздавались въ полкахъ славныя пѣсни въ честь побѣдителей, слагавшіяся, какъ мнѣ кажется, если не по образцу, то во всякомъ случаѣ подъ сильнымъ вліяніемъ церковнаго пѣснопѣнія. Чѣмъ талантливѣе были духовные пѣснотворцы, тѣмъ, конечно, болѣе оказывали они вліянія на пѣснотворцевъ свѣтскихъ. Изъ числа составителей каноновъ извѣстенъ въ XII в. современникъ Бояна—монахъ Печерскаго монастыря Григорій. Называемый, въ Патерикѣ Печерскомъ, *творцемъ* каноновъ Кириллъ Туровскій сочинилъ, между прочимъ, молебный канонъ, каждая пѣснь коего состоитъ изъ ирмоса и четырехъ стиховъ. Заглавіе молитвы, написанной преподобнымъ Ѳеодосіемъ «*за вся христіаны*»[2]) совпадаетъ съ заключительнымъ стихомъ Слова: «Поборая *за христіаны*» и т. д. Какъ Ѳеодосій молился «*за землю русскую*» (Ип. 149), такъ и авторъ Слова постоянно припѣваетъ: «за землю русскую».

---

[1]) Напечат. у Макарія. Выдержки у Голубинскаго. Ист. рус. цер. I, 1, 675 и слѣд.— Три трапезы установлены были Владиміромъ св. въ праздники господскіе: первая — митрополиту, епископамъ, черноризцамъ и попамъ, вторая—нищимъ и убогимъ, третья—себѣ и боярамъ своимъ и всѣмъ мужамъ своимъ (Житіе св. Владиміра).

[2]) Е. Голубинскій. Ист. рус. цер. I, 1, 688, 689 и др.

Златое слово Святослава свидѣтельствуетъ о знакомствѣ нашего автора съ твореніями Іоанна *Златоустаго*. Сравнивая Слово со службою Константину философу, мы находимъ въ нихъ слѣдующія сходныя черты: Какъ Боянъ—*соловей*, такъ и Константинъ—*славій* (по др. спискамъ *соловій*) пѣснивый: «О, славію пѣснивый!». Какъ въ Службѣ единое божество называется *тресолнечнымъ*, такъ въ Словѣ солнце-Троянъ является *тресвѣтлымъ*. Какъ Константинъ проходилъ, «слова *расѣвая* въ языцѣхъ», такъ при Олегѣ «*сѣяшется* усобицами». Константинъ, «яко *солнце* на землѣ въсия». Игорь, возвратившись изъ плѣна, засвѣтился какъ *солнце*, въ русской землѣ. Какъ Боянъ *умомъ* парилъ, подобно *орлу*, подъ облаками, такъ *умъ* премудраго Константина «прелеталъ они страни яко и *орелъ*». Какъ Боянъ «рыскалъ въ *тропу* Троянюю», такъ Константинъ словомъ «шествовалъ въ Божию *стезю*»[1]).

Итакъ въ Словѣ *тропа* имѣетъ смыслъ болѣе обширный, чѣмъ *путь*, означающій у пѣвца, въ сущности, *дорогу* вообще «*Пути* имъ (Курянамъ) вѣдоми»,—«*путь* заступаше,—«Богъ *путь* кажетъ,—«*путь* правитъ». Тропу нельзя промѣнять и на *стезю* безъ большого ущерба полнотѣ созданнаго поэтомъ чуднаго образа. Переводчикъ долженъ помнить положеніе Коллара, что чѣмъ рѣчь старѣе, невоздѣланнѣе и *первобытнѣе*, тѣмъ болѣе въ ней одно слово служитъ для выраженія *нѣсколькихъ понятій* и предметовъ[2]). Положеніе это вполнѣ оправдывается нашимъ Словомъ.

При переходѣ отъ предисловія къ самой повѣсти,—въ томъ мѣстѣ, гдѣ автору ея, отъ встрѣчи съ творчествомъ Велесова внука, приходилось сдѣлать самостоятельный починъ въ изложеніи событій, помутившихъ умъ князя Кіевскаго Святослава[3]), гдѣ предстояло ему всенародно поднять завѣсу отъ сцены, облитой кровью доблестныхъ полковъ Игоря, въ тѣхъ стихахъ, въ которыхъ скрывается завязка славнаго Игорева вѣнка, — поэтическій талантъ автора Слова развернулся въ полной красѣ. Эти роскошные стихи, въ связи съ нѣкоторыми другими, по-

---

[1]) И. Срезневскій. Свѣдѣнія объ извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ, стр. 71, 73, 74, 77, 78.

[2]) Rozpravy o gmenach.

[3]) «Возпламаше кричаще аки ума и смысла испадоше» (П. С. Р. Л., т. X, 14).

могаютъ намъ ознакомиться съ предметомъ Бояновыхъ твореній, съ общимъ планомъ повѣсти и отчасти съ воспѣтою Бояномъ личностью Трояна. «Тебѣ бы», съ грустью восклицаетъ авторъ Слова, подобало «пѣти пѣснь Игорю», того (Трояна) внуку. Слѣдовательно, рыская въ тропу Трояна, *Боянъ воспѣвалъ* геройскіе *Трояновы походы*.

Познакомившись ближе съ поэтической хронологіей Слова и свойствомъ его источниковъ, мы видимъ, что комментаторы заблуждаются, сливая воедино двѣ эпохи въ развитіи эпоса, рѣзко разграниченныя авторомъ Слова. Съ какой-бы стороны ни разсматривать Слово, въ немъ не обнаруживается нималѣйшихъ признаковъ, которые-бы оправдывали *общепринятое* чтеніе приведенныхъ выше стиховъ, затрогивающихъ память о первыхъ временахъ усобицъ. Присвоивая Бояну несвойственную ему роль, комментаторы увѣряютъ, будто Боянъ *сказалъ*, что помнилъ тѣ усобицы, подобно тому, какъ *сказалъ* припѣвку на Всеслава и «ходы» на Святославля (въ одномъ случаѣ «рече», въ другомъ—«рекъ» — по обоимъ спискамъ), упуская изъ виду, что автору Слова незачѣмъ было прибѣгать къ ссылкѣ на такое свидѣтельство Бояна, ибо при установившемся неправильномъ чтеніи, послѣдующая въ Словѣ характеристика стариннаго эпоса, сведенная къ прежнимъ временамъ усобицъ — выпусканію *тогда* соколовъ на лебедей — и затѣмъ перечисленіе прежнихъ пѣсенъ, сами по себѣ достаточно указывали-бы, что Бояну была памятна та пора. Другая и *главнѣйшая* ошибка комментаторовъ заключается въ томъ, что, неправильно приписывая автору Слова *распространительное* отрицательное уподобленіе, относящее пусканіе соколовъ къ творчеству Бояна (Буслаевъ[1]), Тихонравовъ, Огоновскій, Вс. Миллеръ и многіе др.), они вносятъ въ это уподобленіе чуждыя Слову несообразности. Подъ десятью соколами разумѣютъ десять пальцевъ, а подъ стадомъ лебедей — струны гуслей. Лишь только соколъ налетитъ на какого-либо лебедя —струну, *та* тотчасъ-же и *запоетъ*[2]). Правда, пусканіе соко-

[1]) Историч. грам. II, стр. 362.

[2]) Иные, какъ В. Миллеръ, сомнѣваются, чтобы «который» относилось къ соколу, а не къ лебедю (которой); И. Срезневскій «который» переводитъ: къ *которой* (Словарь др. рус. яз. стр. 718); иные-же предполагаютъ здѣсь пропускъ въ текстѣ.

ловъ на лебедей,—взятое изъ охотничьяго быта[1]),—отчасти уноситъ наше воображеніе въ сферу удалого пѣнья и игры на гусляхъ. Въ одной былинѣ Владиміръ говоритъ удалому скоморошинѣ, предлагая ему поиграть на гусляхъ:

«Станемъ бѣлыя *лебедушки* мы рушати»[2]) . . .

Въ житіи препод. Ѳеодосія разсказывается, между прочимъ, что зайдя въ палату Святослава Ярославича, онъ засталъ тамъ: «. . . овыхъ *гусльныя гласы испущающихъ*» . . . Это испусканіе гласовъ гусльныхъ, отразившееся болѣе или менѣе на былинномъ *выпусканіи загусельщиковъ* (Рыбниковъ) и на уподобленіи звуковыхъ волнъ, производимыхъ пѣсенными голосами, *полету* птицъ:

«Дѣвици *поютъ* на Дунаи,
Вьются голоси чресъ море до Кіева» . .[3]).

. . пѣсенными голосами, которые какъ-бы встрепенулись, освободившись отъ прежняго унынія:

«Уныша бо *голоси*, а веселье пониче» . . .

подводится авторомъ Слова подъ образъ пусканія соколовъ на лебедей. Слова похвальныя *пускались*: Такъ лѣтописецъ, подъ 1174 г., выразился: «Андрей слова похвална *испусти*». (Ип. 390). Но борьба соколовъ съ лебедями знаменуетъ сочетаніе двухъ параллельныхъ явленій — *пѣснопѣнія и войны*, въ силу эпическаго единства древней стези боевыхъ подвиговъ и ихъ прославленія или *ристанія*, какъ оно называется въ нѣкоторыхъ былинахъ Владимірова цикла[4]). Какъ сокола пускались на лебедей, такъ и русскія дружины *пускались* на враговъ (Ип. 152, 269, 489 и мн. др.). Пріемъ пус-

---

[1]) О соколиной охотѣ на лебедей имѣется лѣтописн. свидѣтельство (Воскр. подъ 1283 г.) и упоминается въ древнихъ сказаніяхъ, напр. въ сказаніи о зачатіи въ г. Твери Отроча монастыря, кн. Ярославъ Ярославичъ пустилъ любимаго сокола на стадо лебедей и поймалъ много лебедей. (И. С. Некрасовъ. Задачи изуч. др. русск. лит. и народн. поэзіи 1892 г. стр. 29.

[2]) Ср. «полковъ не рушати» (Ип. 299).

[3]) Ср. «*Гласа* скрыпанія телѣгъ» (Ип. 522). Въ Словѣ: «*крычатъ* телѣгы».

[4]) А. Фаминцынъ полагаетъ, что былины разумѣютъ *конное* ристаніе (Скоморохи на Руси).

канія 10 соколовъ былъ хорошо памятенъ и въ XIII в., когда князья хвалились, что съ 10-ю воинами пойдутъ на цѣлое войско. Такъ Ростиславъ Михайлов. говорилъ: «аще бы ми съ *десятью* вониъ, ѣхалъ быхъ на ня» (Данила и Василька. Ип. 532[1]). Въ другихъ частяхъ Слова съ соколами отожествляются русскіе князья, а съ лебедями — враги половцы, называемые также попросту *птицами*[2]). Полетъ соколовъ сопровождался ловлей и *избіеніемъ* птицъ—лебедей. Такъ и Игорь-соколъ

«. . далече зайде, *птицъ бья*,—къ морю» . . .

а возвращаясь изъ плѣна, *избивалъ* гусей и лебедей. — Звонъ мечей сливался съ рокотомъ гусельныхъ струнъ. Выпусканіе немногихъ соколовъ на цѣлую стаю лебедей указываетъ на пріемы эпоса богатырскаго, когда физической силѣ богатырей фантазія придавала гигантскіе, неестественные размѣры.

Поэтическія сказанія первой эпохи усобицъ продолжали прославлять дѣянія богатырей всякаго происхожденія, но послѣднія мало по малу стушевались предъ дѣяніями княжескими, утративъ преобладающее значеніе въ эпосѣ. Этотъ поворотъ обозначился въ разбросанныхъ по лѣтописямъ (Никонов., Тверск.) сказаніяхъ о богатыряхъ, являющихся по большей части могучими *пособниками* князей въ воинскихъ предпріятіяхъ. Слава отдѣльныхъ богатырей стала покрываться славою княжескою, составлявшею достояніе и гордость дружинъ:

«Ищучи себѣ чти, а князю славѣ» . . .
«Княземъ слава, а—дружинѣ» . .

и почти заглохла въ XIII в. послѣ Калкской битвы, съ погибелью семидесяти великихъ и храбрыхъ богатырей. Слово

---

[1]) Въ древнихъ сказаніяхъ часто упоминается о 10 выборныхъ. Осажденные Бѣлгородцы говорили печенѣгамъ въ 997 г.: «Поимете къ собѣ тали наша, а васъ до 10 мужь идете въ градъ» . . . Для испытанія вѣръ были посланы Владиміромъ 10 смысленыхъ мужей (987 г.). По Русской Правдѣ: «Будеть 10 (человѣкъ) *одиму* овцу оукралъ» (ст. 40).

[2]) Ср... «*соколъ*... высоко *птицъ* възбиваеть»: Въ Сказ. о Мам. побоищѣ». «Князьи, яко соколи, рвахуся... яко достоить имъ избивати стада лебединая». Въ лѣтоп. изв. 1231 г. о битвѣ Даніила съ уграми русскіе *стрѣльцы* назыв. *соколами*. «Пріехавшимъ-же *соколомъ* стрѣльцемъ». (Ип 512).

изображаетъ богатырей-дружинниковъ (жиръ-вои)[1]) ищущими князю славы, а себѣ стяжанія одной *чести*. Не потому-ли въ немъ нѣтъ и помину о *дивномъ богатырѣ* Добрынѣ Судиславичѣ, павшемъ, по преданію, въ Каяльской битвѣ 1185 г. (Никонов.)? Погоня удѣльныхъ, или же изгойныхъ князей-соколовъ *худого* гнѣзда, на челѣ сборныхъ вольныхъ дружинъ-галицъ, за жеребьевой поживой, *уѣздьемъ*[2]) или *поползновеніемъ*[3]) на захватъ волостей, по лозунгу: «се мое, а то мое-же», сопровождалась прославленіемъ княжескими скоморохами, витавшими, въ пѣсняхъ, за своими героями, какъ Боянъ рыскалъ въ Троянову тропу. Перечисляя пѣсни, близко примыкавшія къ первымъ временамъ усобицъ, авторъ Слова умалчиваетъ о тѣхъ, которыя слагались до XI в., наряду съ такъ наз. лѣтописцемъ *бѣсовскими* пѣснями (Ип. 8), тогда какъ и въ X в. слагались пѣсни въ честь русскихъ князей. Напр., по извѣстію лѣтописца, какъ-бы подтверждающаго слова Иларіона о прославленіи Игоря и Святослава, послѣдній поразилъ съ 10 т. воиновъ 100 т. непріятельское войско и возвратился изъ греческаго похода въ Переяславецъ «съ *похвалою великою*» (Ип. 46).

Объемъ разсматриваемаго уподобленія раскрывается при сопоставленіи его съ однородными оборотами въ разсказѣ о походѣ Игоря Святославича. Тамъ мы встрѣчаемъ лишь *краткую* форму отрицательнаго уподобленія и такіе два стиха:—

1) «Галици свою *рѣчь* говоряхуть»...[4])

2) «*Поганьбашеть* жизнь Дажьбожа внука»...

---

[1]) Читаю: «иже погрузи жиръ во(и) днѣ Каялы». А. Соболевскій, въ лекціяхъ по ист. русск. яз., замѣчаетъ объ исчезновеніи чистаго ы въ концѣ словъ, напр. *мо* вмѣсто *мои* (стр. 43), но *И.* Ягичъ считаетъ это простой опиской (Критич. зам. по ист. русск. яз. стр. 34). Въ большомъ ходу было имя Жирославъ. Слово *богатырь* усвоенно эпосомъ, кажется, позднѣе. См. Вс. Миллера: Экскурсы въ область русск. эпоса. Русск. Мысль, декаб 1891 г.

[2]) Сравн. объ отдачѣ волостей на *кормленіе*: «Держа княженія три да нѣту ти *сыти*» (Ип. 601).

[3]) Замѣчательно въ концѣ Слова изображеніе сорокъ *ползающихъ*, скользящими по лозію. Въ переносномъ значеніи ползаніе—поползновеніе, *покушеніе*. «Не жалуй на мя, оже ся начнешь *поползовати* изъ Чернигова къ Новугороду».—(Ип. 342). О полозахъ—змѣйкахъ едвали можетъ быть рѣчь. Ср. *по лозію* съ формой «*къ тростію*», «*по ковылію*» въ Словѣ.

[4]) Ср., между прочимъ, выраж. «*рѣчи* многи повѣсти съ нимъ» «послать съ *рѣчьми*», «повѣдать *рѣчь*» (Ип. 594, 612) и др. Иногда *рѣчь* въ смыслѣ *голоса*: «*Рѣчь* бяшеть въ немъ *толста*» (Ип. 605).

Такимъ образомъ взглядъ мой на *рѣчь* (устную словесность), какъ на хранительницу памяти о прежнихъ усобицахъ, въ стихѣ:

«Помняшетъ бо *рѣчь* пръвыхъ временъ усобицѣ»...[1]).

находитъ себѣ достаточно вѣское подтвержденіе. Засимъ дальнѣйшіе стихи, какъ я ихъ читаю:

«Боянъ же, братіе, не десять соколовь на стадо лебедѣй *пущаше*,
Нъ своя вѣщія пръсты на живая струны *въскладаше*»

оттѣняютъ творчество Бояна отъ той системы пѣснопѣнія, которая *до нею* практиковалась и подъ воздѣйствіемъ которой воспитался и созрѣлъ его поэтическій талантъ. Устная передача, молва, получившая издавна эпитетъ *стоустой* и склонная выливаться въ пѣсенную форму, пускала десять соколовъ на стадо лебедей въ ту эпоху, когда, отъ потрясенія формировавшагося государственнаго строя усобицами, выдвинулись изъ цикла пѣсенъ героическихъ хвалебныя пѣсни въ честь Ярослава I-го, Мстислава Владиміровича и Романа Святославича. Въ полустихѣ:

«А преди пѣснь пояше»...[2])

«преди» значитъ—впередъ, передъ тѣмъ, прежде, т. е. въ пору процвѣтанія обычая пускать десять соколовъ на стадо лебедей. При восхваленіи подвиговъ богатырскихъ пѣвцамъ естественно приходилось и впадать во взаимныя противорѣчія, и нарываться на княжескіе раздоры или которы, завершавшіеся кровопролитными сѣчами, какъ знаменитая Лиственская битва между Ярославомъ I-мъ и Мстиславомъ Владиміровичемъ, прославившимся наиболѣе всего пораженіемъ и плѣненіемъ хозарскаго кагана Георгія Тзулу въ союзѣ съ греческимъ императоромъ Василіемъ 1016 г.[3]). По отношенію къ Роману Свято-

---

[1]) Ср. «се бо въ память держать рустіе людье, поминающе св. крещеніе» (Ип. 91.) Въ посланіи Поликарпа къ Акиндину: «Аще повелить написати (о черноризцахъ), ихъ же ми умъ пристигнетъ и память принесетъ» (Печер. Патер.).

[2]) Ср. «пѣвши пѣснь» въ Словѣ.—«Пѣнія пѣти (лѣтоп. Переясл. 45). Даніилу и Василку пѣсню славну пояху» (Ип. 1251 г.) и др.

[3]) Stritter. Memoriae populorum III, p. 577.

славичу содержаніе пѣсни, быть можетъ, исчерпывалось усобицей (которою); по крайней-мѣрѣ лѣтопись не знаетъ побѣдъ его надъ иноплеменниками, а сохранила приведенное мною выше извѣстіе о походѣ его, вмѣстѣ съ половцами, на великаго князя Всеволода Ярославича. Въ этихъ усобицахъ-которыхъ древне-русскія эпическія произведенія и получили свой закалъ. Молва, порождавшая пѣсенныя повѣсти въ честь богатырей, удалыхъ добрыхъ молодцевъ, при поступательномъ своемъ движеніи къ временамъ историческимъ, входила въ прикосновеніе со стародавними княжескими раздорами, достигала ихъ, по выраженію Слова:

«Которы и *дотечашеть*» . .

соотвѣтственно глагольнымъ формамъ въ предъидущихъ стихахъ: «*помняшеть*» и «*пущашеть*»...[1]). Представленіе автора Слова о древнѣйшей пѣсенной рѣчи восходитъ, чрезъ промежуточныя ступени, къ составляющему содержаніе многихъ гимновъ въ Ригъ-Ведахъ миѳу о *Рѣчи*, какъ плодоносномъ божествѣ, обладающемъ творческою силою духа и то несущемся въ видѣ водяныхъ *потоковъ*, то принимающемъ *крылатый* образъ. Слѣды этого миѳа отразились въ Словѣ. Въ немъ рѣчь то течетъ, льется рѣкою, то вьется голосами по воздуху. Рѣкѣ Донцу и галкамъ приписывается способность говорить рѣчь. Почему же не допустить, что въ своемъ ритмическомъ теченіи она не воплощалась въ соколовъ, торжествующихъ надъ лебедями, и не сохраняла духовную связь съ прошедшимъ (память, преданіе), коль скоро и *слава* олицетворяется пѣвцомъ, какъ порожденіе доблестнаго духа, которое и *свивается*, и принимаетъ образъ *новобрачной*, и разсѣкается, и обращается въ *трупъ*? Почему наконецъ не допустить, что голоса, по нашей древнѣйшей миѳологіи, почитались внуками божества Симаргла, которое я считаю тожественнымъ съ Симургомъ восточной миѳологіи, назыв. то фениксомъ, то жаръ-птицей, то стратимъ-птицей (птица птицамъ мать)?..[2])

[1]) Нѣкоторые переводятъ: *помнили*, *пускали*, или *было памятно*, *было пускаемо*. Ср. у Даніила Заточника: «*Глаголеть* бо въ мірскихъ притчахъ» въ смыслѣ «*говорится*. Въ Ипат. лѣтоп: «Бяху у нихъ луци тузи самострѣлнии, одва 50 мужь *можашеть* напрящи» (стр. 429).

[2]) А. Петрушевичъ считаетъ Дива глоссою птицы Симурга, сходной по названію съ Симарглонъ. Литер. Сб. Львовъ 1885 г. вып. II и III, стр. 74 прим.

Возставая противъ предполагаемой *распространительности* упомянутаго отрицательнаго уподобленія, по его *существу*, въ характеристикѣ творчества Боянова, не могу однако отвергать, что въ сопоставленіи способа Боянова пѣснопѣнія съ прежнимъ, до него выработавшимся способомъ пѣснопѣнія, сквозитъ намѣреніе автора Слова создать два параллельныхъ образа съ *внѣшними* чертами подобія. Послѣднія я усматриваю какъ въ совпаденіи числа соколовъ и перстовъ, имѣющемъ, быть можетъ, источникъ въ самомъ механизмѣ эпическаго стихосложенія, такъ и въ томъ, что *потокъ мысли* Бояновой и *потокъ народной молвы* (растекающется, дотечашетъ) сопроводжается равномѣрнымъ *столкновеніемъ:* въ одномъ случаѣ *десяти соколовъ* со стадомъ лебедей, въ другомъ—десяти пальцевъ съ живыми струнами. Но такой *внутренней* связи образовъ, которая бы скрѣпляла ихъ, сосредоточивая на личности Бояна, не существуетъ. Напротивъ, въ концѣ параллели мы видимъ рѣзкое противоположеніе послѣдствій столкновенія въ одномъ случаѣ въ видѣ раздора, вражды, распри, въ другомъ—въ видѣ гармоническаго рокота. Пѣсни, слагавшіяся многими дружинными пѣвцами по памятнымъ преданіямъ и, вѣроятно, заключавшія въ себѣ лишь незначительную долю свободнаго творчества,—сливаясь съ давнѣйшними усобицами, проникались мѣстными, областными интересами, нерѣдко совершенно противоположными. Звуки Бояновыхъ живыхъ струнъ служили проводниками свободной воли:

«Аще кому *хотяше* пѣснь творити». .

и *вѣщаго* духа Бояна, систематически преслѣдовавшаго широкіе государственные идеалы и располагавшаго эпическій матеріалъ по строго *обдуманному* плану (замышленіе). Неправильному чтенію стиха:

«Помняшетъ бо рѣчь пръвыхъ временъ усобицѣ»....

могла способствовать описка или опечатка, допущенная г. Пекарскимъ при изданіи Екатерининскаго списка погибшей рукописи[1]) и обнаруженная П. Симони, принявшимъ на себя

[1]) См. 2 прилож. къ V т. зап. И. Акад. Н.

трудъ пересмотра и переизданія хранящейся въ С.-П. Б. Госуд. Арх. М. И. Д. Екатерининской копіи [1]). По сдѣланному мною сличенію изданій г. Пекарскаго и Симони, оказывается, что единственная существенная неточность перваго [2]) относится именно къ вышеприведенному стиху. Вмѣсто *рѣчь*, какъ и у Симони, и въ другомъ стихѣ, по обоимъ спискамъ:

«Галици свою *рѣчь* говоряхутъ»....

напечатано *речь*, какъ въ изд. Мусина-Пушкина 1800 г.—Нѣкоторые (Тихонравовъ и др.) исправляютъ въ *рече*, по предположенію, что буква *ч* неправильно выведена изъ подъ титла. Глаголъ *рече* въ утраченной рукописи имѣлъ, несомнѣнно, титлованное или надстрочное *ч*, подобно всѣмъ почти другимъ памятникамъ XV и XVI в., такъ что при снятіи Екатерининской копіи онъ былъ ошибочно принятъ за *речь* въ двухъ мѣстахъ:

«И *речь* ему буй-туръ Всеволодъ» ...
«*Речь* кончакъ ко Гзѣ»... (въ Пушк. изд. *рече*)...

а въ другихъ трехъ мѣстахъ правильно—за *рече:* въ воззваніи Игоря, снѣ и златомъ словѣ Святослава. — Болѣе осторожные изслѣдователи придавали въ разсматриваемомъ стихѣ выраженію *речь* значеніе *рѣчи*, исключая напримѣръ Петрушевича, передѣлавшаго *речь* въ *речью*. Однако, судя по точной Екатерининской копіи, всего вѣроятнѣе, что въ подлинномъ памятникѣ употреблена правильная форма сущ. «*рѣчь*» [3]).

Ближайшее изученіе вступительной части Слова раскрываетъ условія, ограничивающія отрицательное уподобленіе, въ характеристикѣ Боянова творчества, раздвинутое коммен-

---

[1]) Труды Москов. арх. общ., т. XIII, в. II. 1890 г. стр. 16–46, съ прилож. фотографич. снимковъ Екатер. копіи.

[2]) Другія неточности: «*брѣзыя* вмѣсто *бѣрзыя*,—*златымъ* (шеломомъ) вмѣсто *златымь*,—*погибашеть* вмѣсто *погыбашеть*,—*Полочанамъ* вмѣсто *Полочяномъ*,—*горнастаемъ* вмѣсто *горностаемъ*.

[3]) Единство редакціи Екатерининской копіи и печатнаго изд. 1800 г. доказывается между прочимъ наличностью и тамъ, и здѣсь, вставочнаго слова «Олга» :...«того (Олга) внуку».—Замѣчателенъ въ Екатерин. копіи пропускъ цѣлаго стиха: «Свистъ звѣринъ въ ста(и) зби».

таторами, благодаря тому, что память о первыхъ временахъ усобицъ переносится ими съ одной отдаленнѣйшей эпохи въ другую ближайшую и навязывается ими неповинному въ томъ Бояну, вопреки историческимъ даннымъ Слова и буквальному смыслу стиховъ.—Когда, въ дальнѣйшихъ нашихъ изысканіяхъ, мы проникнемъ въ тайники героической генеалогіи князей, созданной поэтомъ на началахъ солнечнаго культа, то убѣдимся, что авторъ Слова воспользовался навѣянной народными вѣрованіями миѳической идеей преемства славы. Коль скоро онъ сожалѣетъ, что не Бояну суждено сплести двусторонній по времени вѣнецъ Игорю, то искусство Бояна въ свиваніи *старѣйшей* княжеской славы съ современной ему самому славой едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Однако, свивая славу Трояна, онъ починалъ не съ какого-нибудь Романа Краснаго, но съ самого Владиміра, краснаго-солнышка (Дажь-бога), если не съ Игоря стараго или Святослава перваго. Отказъ автора Слова начать повѣсть по замышленію Боянову, при цѣлесообразномъ устраненіи изъ нея былинъ, предшествовавшихъ вѣкамъ Трояна Мономаха, свидѣтельствуетъ не объ *антипатіи* перваго къ затѣйливымъ поэтическимъ комбинаціямъ соловья стараго времени, но лишь о стремленіи къ самостоятельному, болѣе спокойному и объективному изложенію событій, по свѣдѣніямъ, почерпнутымъ преимущественно изъ родника народныхъ сказаній. Подъ *замышленіемъ* Бояна должно понимать не вымыселъ фактовъ и произвольное ихъ искаженіе, но ихъ риторическую идеализацію, прихотливость или причудливость его фантазіи, дававшей, быть можетъ, чрезмѣрный перевѣсъ въ его произведеніяхъ миѳологическому элементу надъ историческимъ. Настраивая гусли на высокій и притомъ *назидательный* тонъ, вдохновленный и изворотливый внукъ Велесовъ давалъ имъ полную свободу выражать, страстнымъ хвалебнымъ рокотомъ, волновавшія его мысли и чувства. Такое свойство Боянovыхъ произведеній, несмотря на всю ихъ очаровательность для автора повѣсти, много изъ нихъ позаимствовавшаго, и побудило его, при указаніи на источники, сдѣлать игривую оговорку, какъ-бы въ оправданіе смѣшенія имъ самимъ въ своемъ трудѣ элемента историческаго съ миѳологическимъ, происшедшаго не по личному капризу, но по даннымъ солнечной генеалогіи, отъ преломленія лучей Игоревой славы сквозь призму славы вели-

чайшаго Дажьбожьяго потомка [1]), и какъ бы въ намекъ на намѣреніе свое установить между тѣми элементами полное равновѣсіе упрощеніемъ витіеватыхъ поэтическихъ пріемовъ на почвѣ народныхъ былинъ.—Расположивъ рядомъ двѣ послѣдовательныя эпохи княжеско-дружиннаго эпоса и показавъ, въ отрицательномъ уподобленіи, ихъ отличительныя и сходныя черты, авторъ повѣсти, въ предисловіи, не углубляется въ дебри богатырскаго эпоса, возникшаго въ эпоху родоваго быта, какъ отголосокъ древнѣйшихъ русскихъ преданій, и сведенный въ дошедшихъ до насъ былинахъ Владимірова цикла къ чуднымъ подвигамъ богатырей, стекавшихся съ разныхъ концовъ Руси ко двору ласковаго князя Владиміра краснаго-солнышка [1]).

Эпическое наслѣдіе Бояна предисловіе къ повѣсти выводитъ изъ того устнаго завѣщанія, которое оставило *водвореніе* княжескихъ усобицъ по смерти Ярослава I. Однако въ Словѣ сохранились рѣзкіе слѣды и народныхъ миѳологическихъ вѣрованій первобытнаго эпоса, переработанныхъ Бояномъ и заложенныхъ имъ въ свитокъ славы Мономаха-Трояна, и древнѣйшаго пѣсеннаго склада.

---

[1]) Изученіе былинъ Владимірова цикла привело ученыхъ къ единогласному заключенію, что въ нихъ сбиты преданія о богатыряхъ за нѣсколько столѣтій. По словамъ Л. Майкова, содержаніе этихъ былинъ выработалось въ продолженіи X—XII в. и установилось не позже татарскаго владычества, когда въ народѣ свѣжа была память о первенствующемъ значеніи Кіева (О былинахъ Владим. цикла, стр. 21 и слѣд.). Въ разсказѣ объ единоборствѣ Муромскаго богатыря Ильи съ великимъ Жидовиномъ отразилось преданіе объ единоборствѣ Мстислава съ Редедей. Вольга Святославичъ или Всеславичъ, по примѣтамъ и пріемамъ борьбы, никто иной, по мнѣнію Ор. Миллера, какъ оборотень Всеславъ полоцкій (Илья Муромецъ и богатырство кіевское, стр. 203, 204). Это несовсѣмъ вѣрно, ибо во многихъ отношеніяхъ Вольга напоминаетъ крамольнаго Олега Святославича. По словамъ Ѳ. Буслаева, основаніе центровъ княжеской власти дало рѣшительный толчекъ въ развитіи эпоса. Богатыри начинаютъ терять миѳич. значеніе и изъ старшихъ богатырей-титановъ перерождаются въ младшихъ—обыкновенныхъ, группируясь около Кіевскаго князя—своего свѣтила. (Русск. богатыр. эпосъ. Русск. Вѣстн. 1862 г. мартъ, сент. и окт.). Много интересныхъ соображеній и фактовъ приводятъ гг. Халанскій, Веселовскій, Вс. Миллеръ, но во взглядахъ на источники эпоса, отношенія Новгородскихъ былинъ къ Кіевскимъ, ученые расходятся (см. напр. А. Веселов. Русскій эпосъ. Вѣстн. Евр. Іюль 1888 г. и др.).

Ор. Миллеръ, слѣдуя за Ѳ. Буслаевымъ, а также многіе другіе, въ стихахъ, изображающихъ творчество Бояна, видитъ указаніе исключительно на живость и подвижность его *замышленія*—фантазіи, всюду проникающаго и все обхватывающаго[1]). Я придерживаюсь иного взгляда, основаннаго на изученіи *поэтической психологіи* Слова. Стихи:

«Растекашеться: *мыслію по древу*,
Сѣрымъ вълкомъ по земли,
Шизымъ орломъ *подъ облаки*» . . .

необходимо разсматривать въ связи съ послѣдующими стихами, показывающими, какъ Боянъ ущекоталъ-бы[2]) Игоревы полки:

«Скача, славію, *по мыслену древу*,
Летая умомъ *подъ облаки*,
Свивая славы оба-полы сего времени,
Рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы» . . .

Мысленное древо является здѣсь міромъ воображенія, наглядно представлявшимся въ видѣ широко раскинувшагося своими вѣтвями дерева,—символа измѣненія *строя мыслей*, подъ вліяніемъ разнообразныхъ впечатлѣній, соотвѣтственно той системѣ риторической терминологіи, въ силу которой напр. разные сборники религіознаго содержанія назывались встарину *лѣствицами*, т. е. лѣстницами[3]) Доказательство того, что на языкѣ эпическомъ «*древо*» употреблялось и въ значеніи *строя*, ссылаюсь на описаніе Галицко-Волынскою лѣтописью похода Даніила Романовича на ятвяговъ подъ 1251 г., взятое изъ *славной пѣсни*, которую «*пояху* има», когда «придоста со славою въ землю свою». Даніилъ, сидя на конѣ, строилъ полки («вои рядящу»), причемъ, между прочимъ, воины его держали

---

[1]) Истор. обозр. Русск. Слов., гл. VIII, стр. 357.

[2]) Въ отвѣтѣ настоятеля соборн. церкви Валдайскаго монастыря Ѳилосеея на грамоту Никона отъ 9 Іюня 1666 г., по поводу будто-бы пѣвшаго тамъ соловья, объяснено: «Соловей, сѣвъ въ олтарѣ на горнемъ мѣстѣ, на окнѣ, прежъ началъ *посвистывать* по обычаю, и *защекоталъ*, и запѣлъ, и пропѣлъ трижды» (Русск. Ист. Сб. т. V).

[3]) Такова Лѣствица Іоанна Лѣствичника, переведенная въ Болгаріи не позднѣе XII в. (Востоковъ. Опис. рукоп. Рум. муз. № 198, стр. 253).

въ рукахъ копья, — «яко *трясти* мнози». Тогда пруссы, пришедшіе вмѣстѣ съ бортами на помощь Даніилу, сказали ятвягамъ: — «можете-ли *древо поддрьжати* сулицами и на сію рать дерзнути?» (Ип. 540). Конечно, *древо* здѣсь—ничто иное, какъ воинскій строй полковъ ятвяжскихъ. (Можете-ли строй поддержать). Весьма интересно также лѣтописное выраженіе: «*древо* же *вышибе* копье изъ руку его» (ятвяга Небра), когда ятвяги напали на *полки* Даніила, причемъ Даніилъ: «Небра уязви четырми ранами» (Ип. 502). Въ лѣтописи полки, по своему *строю*[1]), очень часто отожествляются съ лѣсами — «*аки борове*». При пораженіи полкъ *ломался*[2]). Было древо и родословное. По сказанію о Мамаевомъ побоищѣ (изд. Сахарова),— послѣ Куликовской битвы, князья и бояре говорили Дмитрію Ивановичу: «наше *древо* Ярославле». Въ Словѣ о житіи вел. кн. Дмитрія Ивановича сказано, что онъ происходилъ «отъ *корене* святаго и Богомъ насажденнаго *саду, отрасль благоплодна* и цвѣтъ прекрасный царя Володимира, крестившаго Рускую землю». (П. С. Р. Л. IV. 349). «Ярополкъ былъ, по словамъ лѣтописца, благовѣрнаго князя *корень* и благовѣрная *отрасль*» (Ип. 209). Въ пѣснопѣніи о св. Евфросиніи ублажается «осѣкающее *дрьво* и неокопаное *корене* Русьтѣя земли»[3]), и т. под. Въ языческой Руси дерево считалось священнымъ, ибо производило *огонь*, который боготворили, какъ исходившій отъ Сварога. Слѣды этого поклоненія сохранились въ обличительныхъ словахъ. Жертвы приносились и *рощеніямъ*. Еще по уставу кн. Всеволода-Гавріила о церковныхъ судахъ (1125 — 1136) отсылали къ церковному суду того, кто молится подъ овиномъ, или въ *рощеніи*, или у воды. — О поклоненіи деревьямъ есть указанія въ житіи Муромскаго князя Константина и др. памятникахъ. Кириллъ Туровскій говоритъ: «Уже бо не нарекутся богомъ—ни *древесы*». Впрочемъ, подъ древесами проповѣдникъ могъ разумѣть и идолы. Нѣмцы говорили посламъ Владиміра: «боги ваши *древо* суть». Тоже говорили варяги-христіане: «не суть бози, но *древо*». (Ип. 55). Неуклюжимъ измѣненіемъ

---

[1]) «Аще бы *пристроили* 8 тысящь» (Ип. 152).—«*Строя* ратъ» (Ип. 513) и др. Сравн. знач. земскаго *строенія*. (Ип 87).

[2]) «*Вломишася* полкъ» (Ип. 153 и др.).

[3]) И. Срезн. Пам. русск. письма и яз., стр. 217.

текста Слова совершенно извращается, какъ-бы мельчаетъ его глубокій смыслъ. Такъ Ор. Миллеръ, вслѣдъ за другими, вмѣсто «мыслію» (Пушк. и Екатерин. сп.) читалъ «*мысью*» (бѣлкою), которая хорошо извѣстна автору Слова:

«Емляху дань по *бѣль* отъ двора».

Огоновскій, подражая Максимовичу, вмѣсто «*умомъ*» неудачно подставилъ «орломъ». Тонкій психологъ-поэтъ изображаетъ движеніе или *процессъ мысли* и притомъ ясно различаетъ умъ отъ мысли, думы, духа и сердца, которое лѣтописецъ считаетъ подчасъ вмѣстилищемъ мысли и воли:

«Храбрая, *мысль* носитъ васъ[1]) *умъ* на дѣло»... (обращ. къ Роману и Мстиславу)

«Истягну (Игорь) *умъ* крѣпостью[2]) своею,
Поостри *сердца* своего (т. е. сердце свое) мужествомъ;
Наплънився ратнаго *духа*»...[3]).

Жены русскія причитали, что имъ своихъ милыхъ ладъ

«Ни *мыслію* смыслити, ни *думою* сдумати»...[4])

Дѣлая, въ златомъ словѣ, суровую оцѣнку скованнымъ въ жестокомъ булатѣ и закаленнымъ въ отвагѣ *сердцамъ* братьевъ Игоря и Всеволода, старикъ Святославъ тѣмъ самымъ сдѣлалъ молодымъ князьямъ и упрекъ въ *черствости* ихъ сердецъ по отношенію къ нему, достигшей такой степени, что они не пощадили его «серебряной сѣдины»[4]). Радость, веселье, противополагаются пѣвцомъ жалости, кручинѣ (туга), печали, тоскѣ, горести (желя), унынью. Такъ богата у пѣвца психическая, сфера впечатлѣній сердечныхъ. Что касается сферы умственной, то полетъ воплощеннаго въ орла ума, по представленію автора Слова, обусловливается полетомъ мысли. Пѣвецъ считаетъ мысль неразлучнымъ *двигателемъ* умственной природы человѣка,

---

[1]) Вмѣсто «васъ» читаютъ: *ваю* едва-ли основательно. Здѣсь, по обычаю или по закону гаплографіи, пропущенъ предлогъ «въ». Слѣдуетъ читать: (въ) васъ.

[2]) Козляне имѣли *умъ крѣпкодумный*. (Ип. 520).

[3]) Такъ точно въ пов. объ Александрѣ Невскомъ послѣдній «*наполнився духомъ ратнымъ*, приде въ р. Неву».

[4]) Лѣтописецъ, своеобразно относящійся къ явленіямъ психическимъ, разсказываетъ интересный случай, показывающій, что сердце считалось вмѣстилищемъ неправды. Андрею, державшему *неправду въ сердцѣ*, въ наказаніе вырѣзали сердце (Ип. 550).

а умъ — *посредникомъ* между мыслью и *дѣяніемъ*, не сочувствуя пустой *мечтѣ*, не осуществляющейся на дѣлѣ, коль скоро оно могло-бы помочь общей бѣдѣ:

«*Не мыслію*[1]) *ти прелетѣть* издалеча
Отня злата стола поблюсти» . . .

внушительно намекаетъ онъ великому князю Всеволоду Суздальскому. Если щедро одаренный творческою мыслительною способностью (смысленый) и вдохновенный, прозорливый (вѣщій) Боянъ, побуждаемый *намѣреніемъ* восхвалить князей («аще хотяше»), *подъ напоромъ мыслей* уносился *умомъ* подъ облака наподобіе орла[2]), то послѣ «растекашется» слѣдуетъ поставить двоеточіе. Стихъ:

«Растекашется: мыслию по древу» . . .

при установленномъ мною понятіи мысленнаго древа, исчерпываетъ всѣ признаки разрастанія или развѣтвленія фантазіи Бояна, лирическаго *настроенія* существа его помысловъ по отношенію къ извѣстнымъ событіямъ и лицамъ (замышленіе), —предъ тѣмъ моментомъ, когда онъ возлагалъ вѣщіе персты на живыя струны. Промежуточный стихъ:

«Сѣрымъ *вълкомъ* по земли» . . .

параллельный стиху:

«*Рища*[3]) въ тропу Трояню чресъ поля на горы» . . .

развивая нѣсколько свойства замышленія, но не дополняя его *новыми* качествами, указываетъ на способность Бояна быстро и ловко *претворять* широко задуманное (замышленное) въ *конкретные* образы, — ибо въ словахъ: «растекашется мыслию»

---

[1]) «Ср. Игорь *мыслію* поля мѣритъ».

[2]) Даніилъ Заточникъ говоритъ о себѣ, что, «будучи обиленъ *разумомъ*, онъ *мыслію яко орелъ* паряй по воздуху». Въ Бесѣдѣ трехъ святителей сказано, что «всего резвѣй у человѣка *мысль*, во мгновеніе ока дойде до небеси». (Пам. стар. рус. лит. III, 169). По словамъ Палеи: «*оумъ* . . . обиходя всю землю и въ небеса и прилѣтая кыма ли крылома *възлѣтая* на высость . . . проходя въздухъ и *облакы*». (И. Срезневскій. Пам. рус. письма и яз. 257).

[3]) Срав. какъ Всеславъ волкомъ *рыскалъ*, *дорыскавъ* Тмутороканя, и какъ половцы *нарыскивали* на русскую землю.

(расточался или раскидывался) уже заключается идея размашистости плодовитой фантазіи, и превращенію въ волка Слово, вообще, въ среднемъ выводѣ, не придаетъ иного значенія, кромѣ *сильности* (ср. *босымъ* волкомъ), быстроты, изворотливости, таинственности, ухищренности. — Летая умомъ по поднебесью уже съ созрѣвшимъ идеаломъ, *высокопарный* и *прозорливый*[1]), какъ *орелъ*, и *сладкозвучный*, какъ *соловей*[2]), Боянъ свивалъ славу дѣяній воспѣваемыхъ князей со славными дѣяніями ихъ доблестныхъ предковъ, озаряя ее *божественнымъ* огнемъ[3]). Давнопрошедшее прихотливо приводилось имъ въ сочетаніе съ только-что минувшимъ при помощи изысканныхъ оборотовъ, переполненныхъ миѳическими образами, метафорами, аллегорическими выраженіями и притчами. Авторъ Слова, какъ давно и справедливо было замѣчено, приравниваетъ вѣщіе персты Бояна къ перстамъ Давида[4]). По пѣснѣ объ убогомъ Лазарѣ и Слову о пророцѣхъ извѣстно, что когда Давидъ прикасался пророческими перстами къ живымъ струнамъ, то онѣ сами славили величіе Божіе... Орелъ считался символомъ пророчества: «Крылѣ орліи, огненіи, высокопаривыя, *пророчества* есть, зане *разумъ* скоро являетъ; орелъ бо зѣло *зрачна* птица есть»...[5]). На сторожевомъ столпѣ около Холма былъ въ XIII в. *орелъ* каменный изваянъ. (Ип. 559). Появленіе орловъ предъ сраженіемъ почиталось у русичей добрымъ знаменіемъ. Предъ Ярославской битвой, «*орломъ* клекъщущимъ и плавающимъ крыломы своими и воспромѣтающимся на воздусѣ... и се знаменіе *на добро* бысть» (Ип. 532). Предъ Куликовской битвой также «*орли* сбирахуся» (П. С. Р. Л. IV. 79).

---

[1]) Даромъ провидѣть будущее обладалъ, между прочимъ, чернецъ Еремѣй, «иже помняше крещеніе земли руськой», и Матѳѣй (Ип. 133).

[2]) Ср. былину о соловьѣ Будимировичѣ, игравшемъ въ *звончаты гусли* (у Рыбн.).

[3]) Подъ 1175 г. лѣтописецъ говоритъ, что «Андрей Боголюбскій отъ Бога побѣдный вѣнецъ воспріялъ еси». Мономаховы побѣды тоже приписываются божественной волѣ.

[4]) Калайчдовичъ, Тихонравовъ, Буслаевъ и др.

[5]) Грамота константинопол. патр. Луки Хрисоверга къ Андрею Боголюбскому. Никон. (патріарш.) подъ 1160 г. Тоже въ Русск. Истор. Библ., т. VI, стр. 70.

Константинъ философъ, Солунская отрасль, научившій моравлѣни по-своему Бога благодарить, — прѣлагая на словеньскый языкъ,—они страны *прьлъталз яко и орелз*»[1]). Романъ Мстиславичъ «прохожаше землю иҳъ (половцевъ) яко и *орелъ*» (Ип. 480). Поэтому лѣтописецъ, сказавъ, что «знаменіе *птицами не благо* бываетъ» (Ип. 117), разумѣлъ лишь нѣкоторыя породы птицъ, считавшіяся зловѣщими, и стихъ:

«Орли клектомь *на кости* звѣри зовуть»,

указываетъ только на *пророческое* значеніе орлинаго клекта, *предчувствіе* и предвѣщаніе орлами бѣды, уже свыше предопредѣленной отъ пренебреженія Игоря солнечнымъ затмѣніемъ.—«Славы» употреблено въ двойственномъ числѣ[2]). Слава Игоря создается изъ объединенія, свиванія пѣвцомъ новой эпохи со старою — Трояна, стяжавшаго вѣнецъ побѣдный. Надѣваніе побѣдныхъ вѣнковъ знаетъ и наша лѣтопись. Такъ Кондратъ Мазовецкій «вземь на ся *вѣнець побѣдный*» (Ип. 584). Славные вѣнцы сплетались нерѣдко благодаря княжескому тщеславію. Даже Даніилъ Романовичъ ходилъ на чеховъ отчасти «славы хотя» (Ип. 545)[3]). Достойно вниманія, что Боянъ названъ въ Словѣ разъ *соловьемъ*, другой—*славіемъ*[4]). Многихъ это смущало и побуждало къ поправкамъ, тогда какъ въ нихъ неоказывается никакой надобности. Пластическій языкъ Слова представляетъ наслоенія (съ затерявшимися *мелкими* осколками), которыя я объясняю: отчасти условіями устной передачи, отчасти согласно съ общепринятымъ мнѣніемъ о вліяніи переписчиковъ, сводя его, впрочемъ, исключительно къ діалектическимъ особенностямъ правописанія и опущенію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквъ, но болѣе

---

[1]) И. Срезневскій. Свѣдѣнія объ извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ Служба Константину философу, 78.

[2]) Въ былинахъ Владим. цикла встрѣчается выраженіе — *славы* пѣть. «И царицѣ *славы* поютъ».—«Славы поютъ, старину скажутъ»...

[3]) Лѣтописецъ какъ-будто имѣлъ подъ руками пѣсенное сказаніе, когда писалъ, что: «Не бѣ бо въ землѣ рустѣй первее, иже бѣ воевалъ землю чешьску, ни Святославъ хоробры, ни Володимеръ святый... не бѣ бо *никоторый* князь рускый воевалъ землѣ чѣшьское» (Ип. 545 и 548). Сравн. лѣтоп. изв. о походѣ Мономаха и Олега на чеховъ въ 1076 г.

[4]) Вторую форму считаютъ древне-болгарскою (Дубенскій и др.). Ср.: «щекотъ *славій* успе». Въ Словарѣ книжн. малорус. рѣчи XVII в., изд. П. Житецкаго. Кіевъ, 1888 г., соловий—славый.

всего—талантомъ самого автора, умѣвшаго художественно сочетать формы живого древне-русскаго языка съ церковно-славянскимъ, подчиняя ихъ своенравнымъ изгибамъ своей мысли [1]). *Пѣсенный* складъ, стѣсняя просторъ рѣчи, вносилъ въ Слово трудно уловимые ея оттѣнки, благодаря усѣченіямъ и даже *произвольнымъ* опущеніямъ словъ. Для примѣра послѣдняго приведу четыре возстановленныхъ мною стиха:

«Спала князю умь по хоти и жалость,
(Что) знаменіе ему заступи искусити Дону великаго»... [2])

Далѣе: вставшая обида

«*Убуди* жирня времена усобицъ,
А княземъ (возбужденіе) на поганые погыбе»...

Союзъ *а*, столь часто повторяющійся въ Словѣ, въ разныхъ значеніяхъ, причинилъ много хлопотъ изслѣдователямъ. Ѳ. Буслаевъ, объясняя значеніе его въ срединѣ предложенія, упустилъ изъ виду случай перехода союза *а*, въ народныхъ пѣсняхъ, въ безличный глаголъ *знать*, равносильный частицѣ *да*, тогда какъ только при такомъ значеніи становятся понятными выраженія: «Сынъ Всеволожь *а* Владиміръ»,— «Пѣснотворець *а* старого времени»,— «Слава княземъ *а* дружинѣ»... и т. под.

Играя формами *соловій* и *славій*, авторъ Слова естественно стремился къ сочетанію понятія о пѣвцѣ-соловьѣ съ понятіемъ о немъ же, какъ *провозвѣстникѣ* современной ему славы, которую онъ свивалъ съ прежнею славою. Впрочемъ, можно думать, что вообще въ древней Руси славившіе князей пѣвцы назывались соловьями, славіями, такъ какъ, по выраженію Слова, соловьи умолкали предъ бѣдствіемъ и снова начинали щелкать при наступленіи радостныхъ событій. Идея родовой преемственности славы, совпадающая съ идеей непрерывнаго общенія живыхъ князей съ умершими предками, помогавшими, по смерти, молитвами своими потомкамъ, послѣдовательно про-

---

[1]) Н. Тихонравовъ, въ предисловіи къ своему изд. Слова, подтвердилъ мнѣніе ученыхъ о смѣшеніи въ немъ формъ народныхъ и книжныхъ. И. Срезневскій полагалъ, что различіе книжнаго языка отъ народнаго мало выразилось въ грамматическихъ формахъ (Мысли объ истор. русск. яз. 1850 г.).

[2]) Къ этимъ стихамъ мы еще возвратимся.

водится въ Словѣ. Она отразилась, между прочимъ, въ златой рѣчи Святослава, обращенной къ Игорю и Всеволоду:

«Нъ рекосте: мужаимъся [1]) сами,
Преднюю славу сами похытимъ,
А *заднюю* ся сами *подълиимъ*»...

Слава старыхъ доблестныхъ князей нисходила къ потомкамъ, когда послѣдніе поступали по завѣтамъ первыхъ, безъ нарушенія начала повиновенія младшихъ старшимъ [2]), установленныхъ правъ по раздѣлу волостей, и самонадѣянно не пытались затмить подвиговъ своихъ знаменитыхъ предковъ. Иначе слава дѣдовская считалась незаконно *захваченною, разбитою* или *потрепанною*. Всеславъ полоцкій разшибъ славу Ярославу (1-му), а Изяславъ Васильковичъ потрепалъ славу Всеславу и погибъ, притрепанный литовскими мечами, съ желанною на кровати [3]). Крамольные князья разрывали связь со славою предковъ. Современные пѣвцу потомки Всеслава вырвались изъ дѣдней славы. Солидарность или общеніе съ родовой славой знаменовалось *звономъ*, въ которомъ боевые звуки *мечей* переливались въ звуки гусельныхъ *струнъ*... Замышленіе Бояново, при его внѣшнемъ поэтическомъ *проявленіи* по отношенію къ князю, котораго онъ благоволилъ увѣнчать ореоломъ славы, получало опредѣленное *направленіе*. Рокотъ струнъ Бояновыхъ пѣсенными стихами несся въ Троянову тропу чрезъ поля *на горы* (высоты). Даніилъ Заточникъ упоминаетъ о «*возношеніи до облакъ* богата безумца» [4]). Древніе пѣвцы у всѣхъ народовъ имѣли обыкновеніе превозносить своихъ героевъ до небесъ и выводить ихъ происхожденіе отъ боговъ.

---

[1]) Ср.: «рѣсте: мужаимъся» (Ип. 118).

[2]) Въ житіи и погубленіи Бориса и Глѣба говорится: «Мнози бо суть нынѣ *дѣтьскы* князи, не покоряющейся старѣйшимъ и супротивящеся имъ».

[3]) «А самъ подъ чрълеными щиты, на кроавѣ травѣ,
Притрепанъ (притрепанный) литовскыми мечи,
И (онъ) съ хотию на кровать, и рекъ»...

[4]) Мнѣ кажется, Заточникъ намекалъ на обогатившагося грабежами владыку Владимірскаго Ѳедорца, у котораго «Богъ умъ отнялъ, а бѣся *вложисе* мысль его *до облакъ*» (Ип 377).

Героическое происхожденіе Игоря также выводится отъ божества по quasi-прародителю его Трояну. — Послѣ всего сказаннаго мы вправѣ, вмѣстѣ съ раздробленіемъ не существующаго во вводной части Слова мѣстоименія *та*, уничтожить новѣйшую спайку *которы и* въ мѣстоименіе *который*. Такимъ образомъ, помощью представленныхъ мною разъясненій возстановляется текстъ вступительныхъ стиховъ Слова и устраняется весьма распространенное мнѣніе, считающее имя Бояна нарицательнымъ—апоѳеозомъ пѣвца вообще. При установленіи роли Бояна въ древне-русскомъ эпосѣ, цѣннымъ пособіемъ служитъ стихъ о *ходахъ* на Святослава, значительно способствовавшій укорененію убѣжденія о перепутанности и искаженности текста Слова въ утраченной рукописи (Ѳ. Буслаевъ, кн. Вяземскій, А. Потебня, Н. Тихоправовъ, Д. Иловайскій и др.).

«Святослава» почти всѣ переиначиваютъ въ *Святослава*, а «Ярославля»—въ *Ярослава*[1]). Подъ коганомъ («когания») разумѣютъ: одни нѣкоего скомороха или пѣвца (напр. Н. Полевой), другіе—невѣдомаго инородческаго князя; третьи считаютъ «когани» глоссой къ Бояну. Вся эта путаница произошла по недоразумѣнію. Форма «рекъ» (Боянъ) образовалась изъ церковно-слав. *рекль*[2]). «Ходы» Бояновы, неправильно принимаемые нѣкоторыми по формѣ, за причастіе, я считаю, въ отличіе отъ *притьвки*[3]), *выходками*, въ видѣ столь распространенной въ древней Руси *притчи* (притъча), изъ самаго существа которой вытекаетъ ходъ словесный. Притча, какъ я ее понимаю, есть практическая формула, выведенная изъ уподобленія по признакамъ *сходства*,

---

[1]) Исключенія составляютъ очень немногіе, напр. О. Гонсіоровскій (Ж. М. Н. П. 1884)

[2]) Напр. «Еже еси *рекль*»,—«*рекль* бяше» и др. (Вопр. Кирика. Русск. Ист. Библ VI, 25, 26). «Войшелкъ *нарекль* бяшетъ Василка аки отца собѣ и господина» (Ип 570). Такъ по отнош къ другимъ глаголамъ объяснено и И. Ягичемъ (Критич. зам. по ист. русск. яз 129). Форма рекъ повторена въ Словѣ. Ср. Изяславъ Васильковичъ «и рекъ».

[3]) Повидимому, авторъ Слова отличалъ притчу отъ пословицы, названной имъ припѣвкой («Ни хитру, ни горазду» и т. д.»), потому, что эта поговорка облечена Бояномъ въ пѣсенную форму. Такъ и пословица сказочная назыв. *присказкой*.—Сравн. соображ. о различіи притчи отъ пословицы, И. Давыдова въ Изв Акад. Наукъ 1858 г., т VII.

изъ сравненія *похожихъ* фактовъ человѣческой дѣятельности съ явленіями міра органическаго (животныхъ, растеній) или міра физическаго, примѣненіе неизмѣннаго закона природы къ частному случаю или приключенію въ житейскомъ быту, съ цѣлью придать наглядность и поучительность извѣстному стеченію обстоятельствъ въ жизни. Впрочемъ, притчами древле назывались иногда и обыкновенныя *поговорки*, быть можетъ, потому, что, переходя изъ устъ въ уста, притчи подвергались сокращеніямъ, утрачивая главное свое отличительное свойство. «*Притвчею* глаголютъ книги: не оставлешюся камень на камени», замѣчаетъ лѣтописецъ по поводу опустошенія Бѣлзской земли князьями Даніиломъ и Василькомъ (Ип. 494).— «*Отъ дѣлъ* твоихъ *притчю приобрѣтше*», поясняетъ лѣтописецъ въ похвальномъ словѣ Рюрику Ростиславичу (Ип. 477). По народнымъ пословицамъ: — «Притча—*притка*, *глаголетъ въ подобу*» [1]). (Сравн. *прыть*, *прыткій*, *притекать*— приходить и *приточникъ*:—«сирѣчь яко же рече приточникъ», какъ выразился лѣтописецъ, говоря о пѣвцѣ Митусѣ. Въ Супрасльской рукоп. XII в.:—«ты *притъча подобиши* вѣрьнаго раба и неразоумьнаго». Въ Сб. 1073:—«Ови же не якоже *подобиться*, нъ якоже *не подобиться* приемлютъ притъчу» [2]). По народному воззрѣнію, притча какъ-бы *находитъ*, нападаетъ на человѣка:— «Отъ притчи *не уйдешь*». Въ лѣтописяхъ за время съ X-го до исхода XIII-го в. встрѣчаются притчи наряду съ пословицами: Подъ 947 г.: «Аще ся въвалитъ волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его». Подъ 980 г.: «Есть *притча* и до сего дне: бѣда аки въ Роднѣ». «Отъ грѣховнаго корени золъ плодъ бываетъ».—«Погибоша аки Обрѣ, ихъ же нѣсть ни племени, ни наслѣдка» (Ип. 7). Подъ 984 г.: «Пѣщанцы волчья хвоста бѣгають».—«Копая яму (другимъ), самъ въ нее ввалитъ» (Новг.). «Оли (лишь только) камень начнетъ плавати, а хмель грязнути», т. е. тонуть (Ип. 56). «Явитьси, яко злато искушено въ горну (Лавр. 1096) [3]). «Его-же мѣрою мѣрить, измѣрить ти ся (по поводу ослѣпленія Петрка

---

[1]) Древне-русск. поуч. (въ Лѣтоп. Русск. литер.). Другія пословицы: «Красна рѣчь съ *притвчею*». «На вѣку бываетъ *притчей* много».

[2]) См. словарь Востокова.

[3]) Сравн. формулу присяги въ договорѣ Святослава съ греками 971 г. «Да будемъ *колоти* аки золото», по нѣкотор. спискамъ *золоти*.

Владиславомъ польск.). «Страшно убо есть противу рожна прати» (Ипат. 1171 г.). «Стягъ и честь съ душею исшла» (Ип. 370). «Въ злато перемѣниться», т. е. размѣнять себя на золото (Ип. 487). «Единъ камень много горнцевъ избиваетъ» (Ип. 492). «Не погнетши пчелъ, меду не ѣдать» (Ип. 509). «Крестьяномъ пространство есть крѣпость, поганымъ же есть тѣснота» (Ип. 539). Въ одномъ лѣтописномъ сборникѣ упоминается еще такая притча («оная *притча* израсте»): «Романе, Романе, худо живеши, Литвою ореши». Премудрый книжникъ Тимофей, котораго многіе считаютъ авторомъ Слова, ибо онъ «отцество имѣлъ въ градѣ Кіевѣ» и перебрался въ Галичъ вѣроятно съ Игоревичами [1]) «*притчею*» выражался о томителѣ Бенедиктѣ: «яко и послѣдняя времена тремя имены наречется антихристъ» (Ип. 483). Левъ Даниловичъ говорилъ, чрезъ посла, Владиміру Васильковичу:— «абы ты, братъ мой, не изгасилъ свѣчѣ надъ гробомъ стрыя своего (Данила) и братьи своей (Романа и Шварна) абы далъ городъ свой Берестій, то бы твоя свѣща была. Володимиръ же бѣ розумѣя *притчь* и *темно слово*», постигъ хитрость и отвѣтилъ: «много-ль есь надъ нимъ (Даниломъ) свѣчь поставилъ, что есь далъ который городъ, абы то свѣча была?» (Ип. 601) [2]).

Въ приведенномъ изреченіи Бояна—*двѣ* самостоятельныхъ, одна другую дополняющихъ, притчи: 1) «Тяжко ти, головы, кромѣ плечю» и 2) «Зло ти, тѣлу, кромѣ головы». Вторую притчу авторъ Слова, искусный свиватель славы, примѣняетъ и къ современнымъ ему обстоятельствамъ:

«Русской земли безъ Игоря».

«Ходы», которые рекъ (пѣснотворецъ стараго времени)—множеств. число отъ *ходъ*. Стихъ: «Пѣснотворц(ь) а стараго времени», гдѣ *а* употреблено въ значеніи частицы, равнозначительной безличному глаголу *знать*, удачно прочитанъ Е. Барсовымъ [3]), но невѣрно имъ переведенъ: «пѣснотворецъ и стараго времени», благодаря тому, что имъ не понята, кажется, ни вступительная

---

[1]) С. Кораблевъ. Слово о П. Иг. 1856 г. и др.

[2]) Въ лѣтописи встрѣчается выраженіе: «свѣчю (надгробную) набдити» (Ип. 326). «У гроба (чудотворца) свѣща негасимая» (Новг. I, 149).

[3]) Слово, т. III, стр. 4.

часть Слова, ни значеніе ссылки на Бояново изреченіе, а *въ образъ пусканія соколовъ на лебедей* онъ усматриваетъ необыкновенное достоинство *игры Бояна*[1]). Доказательства того, что подъ «Святославля» и «Ярославля» (вмѣсто Святославова[2]) и Ярославова, или Святославича и Ярославича) въ стихахъ скрываются: сынъ Святослава, именно *Олегъ*, и сынъ Ярослава, именно *Всеволодъ*, я, согласно съ изложеннымъ мною ученіемъ о поэтической хронологіи Слова и лѣтописными справками, почерпаю отчасти въ томъ, что въ началѣ повѣсти Боянъ, слагавшій пѣсни (пѣснотворецъ) названъ соловьемъ *стараго времени*, ограниченнаго ранней стороной круга сего времени, безъ пріуроченія къ какому-либо отдѣльному княженію,—поэтому и здѣсь старое время, по отношенію къ пѣснопѣнію Боянову, нельзя сводить къ одному какому-либо *Святославу*. Излишнимъ счелъ пѣвецъ добавить къ «Святославля» личное имя «Олга», ибо тотчасъ же затѣмъ онъ именуетъ Олега рядомъ съ его *господиномъ* (властелиномъ), великимъ княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ, да и предъ тѣмъ Олегу посвящено не мало стиховъ. Сказавъ о мимованіи лѣтъ, предшествовавшихъ вѣкамъ Трояна, Слово сближаетъ Трояновы вѣчи съ походами Олега Святославича, какъ событія современныя одни другимъ:

«*Были* вѣчи Трояни» .... «*Были* пѣсни Олговы»,—
Олга «Святъславлича»...

когда Владиміръ Мономахъ княжилъ въ Черниговѣ (со второй половины 1078 г.), а Всеволодъ «сѣде Кыевѣ, переемь всю власть рускую». — Употребивъ полную и усѣченную формы отчества Олега, пѣвецъ поступилъ точно такъ, какъ и лѣтописецъ: «Ходи Олегъ *Святъславль* ляхомъ въ помочь на Чехы» (Ип. 139). «Преставися Олегъ Святославличъ» (Ип. 203). По Новг. I-й (стр. 4) «Ольгъ сынъ Святославль». Къ отчинному имени «Ярославля» Слово, хотя не присоединяетъ непосредственно личное имя, однако, раскрываетъ его, назвавъ Ярославля, Всеволода, ранѣе *давнымъ* и *великимъ* (великій Ярослав(л)ь), вслѣдствіе сосредоточенія въ его рукахъ всей власти русской,

[1]) Ib. стр. 138.

[2]) Въ договорѣ Игоря съ греками 945 г. упом. «Вуефастъ *Святъславль*, сына Игорева». Здѣсь Вуефастъ является посломъ *Святославовымъ*.

и рядомъ, какъ будетъ много объяснено далѣе, *названнаю по отечеству* его *сына*, внука Ярославова, — Владиміра Мономаха:

«Сынъ *Всеволожь* а Владиміръ»...

Замѣчу кстати, что полустихъ:

«Минули *лѣта Ярославля*»...

слѣдующій за полустихомъ:

«Были вѣчи Трояни»...

переводятъ: Минули лѣта Ярославовы совершенно правильно. Минувшія лѣта авторъ Слова отнесъ къ Ярославу *первому*. Не могъ пѣвецъ при существительномъ *средняго* рода множественнаго числа, безъ явнаго нарушенія старинныхъ грамматическихъ правилъ, сказать: «лѣта Ярославли, какъ онъ въ другомъ мѣстѣ выразился: «Святославли носады» (отъ носадъ—набойная ладья), «внуци Всеславли». Давнымъ названъ Всеволодъ Ярославичъ въ параллель съ Владиміромъ *старымъ* и съ Ярославомъ *старымъ*, которому «пѣснь пояше» до Бояна, а Всеславъ полоцкій «разшибе славу» при занятіи Новгорода, и притомъ названъ такъ съ цѣлью отмѣтить, хронологическимъ масштабомъ, захваченную повѣстью эпоху стараго времени, съ сонменными князьямъ новой эпохи дѣйствующими лицами.

Не должно казаться страннымъ именованіе Всеволода, *державнаю* русской земли (Ип. 146), Олговымъ *коганомъ*. Форма «когання» образовалась отъ прилагат. *коганъ*—державный. Извѣстно, что первыхъ князей русскихъ, подобно аварскимъ и хозарскимъ властителямъ, титуловали коганами, хаганами или хаканами [1]), и слѣды этого титула сохранились въ письмен-

[1]) Въ 562 г. король Лонгобардовъ Албоинъ заключилъ союзъ съ Баяномъ, *коганомъ* аварскимъ, противъ короля гепидовъ Кунимунда (Fessler. Die geschichten der Ungern. т. I стр. 49). По словамъ Никифора, въ 634 г. вождь гунно-гурдуровъ Кубратъ возсталъ противъ аварскаго *кагана*. По Ѳеофилакту, часть варовъ и гунновъ, явившаяся въ Европѣ подъ именемъ аваровъ, называла государя своего въ знакъ почести *коганомъ* (Stritter. I, 643. II, 501). Много интересныхъ данныхъ о коганахъ собрано Еверсомъ. Предварит. критич. изслѣдов. по русск. ист. 1826 г.—О верховной власти у хозаръ см. статью В. Григорьева: въ Сб. изслѣдов. Россія и Азія, 1875 г. По изв. Ибнъ-Гаукаля, у хозарскаго кагана былъ *золотой тронъ*; власть его

ныхъ памятникахъ, напр. въ Словѣ Иларіона о законѣ и благодати, гдѣ титулъ этотъ присвоивается равноапостольному Владиміру, повторяясь много разъ, (однажды «*великій коганъ*»), и Ярославу—Георгію первому, въ присутствіи котораго, по достовѣрному предположенію преосв. Макарія, Слово то было произнесено [1]). Арабскій писатель Ибнъ-Даста царя руссовъ зоветъ хаканъ-русъ. По Бертинской лѣтописи, руссы, приходившіе въ Константинополь къ императору Ѳеофилу для переговоровъ, называли своего князя *хаканомъ* (839 г.) Память о каганахъ долго жила въ русскомъ народѣ, какъ видно изъ повѣстей [2]), Kha gan, по переводу Клапрота,—великій ханъ [3]). Галицко-Волынская лѣтопись хана зоветъ *каномъ* [4]). По правдоподобному предположенію И. Срезневскаго, слово *коганъ* утвердилось въ южно-русскихъ земляхъ, какъ домашнее, съ идеей верховнаго правителя, великаго князя, за словомъ же *князь* сохранилась первичная идея *родоначальника*, господина дома и дружины [5]). Конечно, на такое утвержденіе повліяла продолжительность господства хозаръ надъ славяно-русскимъ племенемъ, подпавшимъ окончательно подъ ихъ власть въ началѣ VIII в. Зависимость руссовъ отъ хозаръ прекратилась со взятіемъ у нихъ Святославомъ Бѣлой-Вѣжи или Саркела на Дону, 965 г. Съ тѣхъ поръ стало упрочиваться въ Тмуторо-

---

была наслѣдственная и неограниченная. По словамъ Константина Багрянороди. императоры Константинъ и Романъ относились въ посланіяхъ къ кагану, какъ къ *пресвятѣйшему* (ad... illustrissimum chaganum Chazariae). «Козари придоша противу (Святослава) съ *княземъ* своимъ *каганомъ* 965 г. (Лавр. Ип.).

[1]) «Напаче же помолись», говоритъ Иларіонъ въ обращеніи къ Владиміру;—«о сынѣ твоемъ, благовѣрномъ *каганѣ* нашемъ Георгіѣ». (Ист. Рус. Цер. т. I).

[2]) Такъ въ повѣствованіи о началѣ русской земли вскользъ упоминается о какомъ-то *каганѣ* сыроядцѣ, скиѳскаго племени, въ смыслѣ властелина. А. Поповъ. Изборникъ славяно-русскихъ ст. вошедш. въ хроногр. стр. 442).

[3]) Memoires relatifs à l'Asie.—«Хаганъ или коханъ есть слово монгольское и значитъ на семъ языкѣ *великій государь*. (В. Григорьевъ. Истор. Монголовъ, прим. I).

[4]) «Кеюкъ ... увидавъ смерть *канову*.... и бысть *каномъ*» (Ип. 522).

[5]) Чтен. о древн. русск. лѣтоп. въ прилож. ко II т. Зап. И. Ак. Н.

канской окраинѣ русское владычество [1]). Интересно, что, какъ нѣкогда хозары брали на сѣверянахъ дань по бѣлѣ отъ дыма (Ип. 11), такъ половцы, по свидѣтельству автора Слова, брали съ русичей дань по бѣлѣ отъ двора.—Верховная власть великаго князя Всеволода надъ мятежнымъ Олегомъ проявлялась иногда въ суровой формѣ. Особую важность, при изслѣдованіи отношеній Олега къ своему когану Всеволоду я придаю лѣтописному извѣстію, что «Олегъ, Святославль сынъ, выведенный изъ Владиміра-Волынскаго (поуч.), бѣ *во Всеволода* въ Черниговѣ», оставшись безъ удѣла въ іюлѣ 1077 г., а 10-го апрѣля 1078 г. онъ «бѣжа Тмутороканю *отъ Всеволода*» (Ип. 140), когда послѣдній княжилъ еще въ Черниговѣ, а въ Кіевѣ сидѣлъ Изяславъ. При началѣ княженія Всеволода въ Кіевѣ, 1079 г., Олегъ не изъявилъ ему покорность, чѣмъ и объясняется ссылка Олега на о. Родосъ, вѣроятно *чрезъ посредство* хозаръ, ибо, еслибы они дѣйствовали *самостоятельно*, то едвали пустили бы въ Тмуторокань посланнаго туда Всеволодомъ посадника Ратибара (Ип. 143).—Вырвавшись изъ подъ опеки Всеволода и продолжая упорствовать въ неповиновеніи Всеволоду даже по вступленіи послѣдняго на великокняжескій престолъ, Олегъ неминуемо долженъ былъ возмутить душу своего *кагана*. Авторъ Слова въ другомъ мѣстѣ весьма опредѣлительно вразумляетъ насъ, что давный *великій* Всеволодъ слышалъ крамольный звонъ послѣ бѣгства Олега въ Тмуторокань:

«Ступаетъ въ златъ стремень въ *градѣ Тмуторокани*...
Тоже звонъ слыша давный великій Ярославь»...

и перехода Владиміра Мономаха на княженіе въ Черниговъ:

«По вся утра уши закладаше въ *Черниговѣ*»...

посадилъ же Всеволодъ «сына своего Володимера въ Черниговѣ» какъ только началъ княжить въ Кіевѣ (Ип. 143)[2]).

---

[1]) Въ договорѣ съ греками 971 г. Святославъ обѣщалъ не нападать на подвластныя имъ земли, въ томъ числѣ ни на власть *Корсунськую*. Вопросъ о распространеніи русской народности въ Тмуторокани со временъ Олега (884—906 г.) разработанъ въ статьѣ Ламбина: О Тмутор. Руси. Ж. М. Н. П. 1874 г.

[2]) Въ образцовой характеристикѣ княженія Всеволода И. Лашнюковъ такъ, весьма кстати, воспользовался данными Слова: «Это была та несчастная

«*Хоти*», въ изслѣдуемомъ стихѣ, — множеств. отъ *хоть* (малорусск *хіть*), что значитъ наичаще: хотѣніе, желаніе, вожделѣніе, склонность, прихоть,— иногда—желанная или возлюбленная, какъ напр. въ Vitae Sanctorum, XI в., изд. Фр. Миклошичемъ[1]). Обстоятельный лексическій разборъ этого слова представленъ кн. Оболенскимъ въ предисловіи къ лѣтописи Переяславско-Суздальской. Мнѣ остается обратить вниманіе на общее правило,—что вслѣдствіе простоты и сжатости древне-русскаго языка, доходящей въ нашемъ памятникѣ до крайности,— чѣмъ въ большой степени затрудняется его правильное пониманіе,— въ одномъ и томъ-же словѣ, при разныхъ условіяхъ его употребленія, могутъ воплощаться понятія, не вполнѣ тожественныя, но близкія къ коренному его значенію. Такъ и въ словѣ *хоть*, перваго значенія, отражаются, смотря по обстановкѣ и душевному состоянію, *различные оттѣнки воли*. Въ данномъ случаѣ Всеволодъ скорбѣлъ («бывша ему *печаль* болшѣ»), что изза крамольныхъ родственниковъ, коихъ приходилось постоянно *смиривать* раздачей волостей (Ип 151), преимущественно изза Олега, пострадала *цѣлость государственнаго организма*, и что, стоя *во главѣ* русскаго народа, ему не всегда удавалось ее оградить подавленіемъ возстаній, среди которыхъ раздавался оглушительный звонъ Олегова крамольнаго молота Эта-то безплодность усилій Всеволода, тщета его желаній, повергавшая великаго князя въ отчаяніе, заставлявшая *его тяготиться* своею властью, и выражена Бояновыми притчами, съ краткой и недостаточно развитой, съ точки зрѣнія нынѣшнихъ литературныхъ требованій, ссылкой на его желанія или вожделѣнія.

Въ другихъ мѣстахъ Слова, мною нѣсколько иначе прочитанныхъ, чѣмъ обыкновенно принято, *хоть* употреблено: дважды тоже въ значеніи *желанья* или вожделѣнья:

пора, когда, по словамъ народнаго пѣвца, по землѣ сѣялись и росли усобицы, и въ княжихъ крамолахъ гибла и сокращалась жизнь людская; когда по русской землѣ рѣдко слышались голоса земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, пожирая трупы людскіе, часто вели рѣчь свою галки, сбираясь на добычу» (Владиміръ Мономахъ и его время, стр. 12).

[1]) Сылка у кн. П. Вяземскаго. Замѣч. на Слово. 1875 г.

«Спала князю умь по *хоти*[1]) и жалость» .. (единств.)
(Забывъ) «*своя* милыя *хоти*»... (множ.), т. е. нравъ и обычай Глѣбовны)

разъ въ значеніи *желанной*:

«Притрепанъ литовскыми мечи
«И *съ хотию* на кровать, и рекъ»[2]) (Изясл. Васильков., когда разбилъ славу).

Сложенныя Бояномъ притчи являлись естественнымъ выраженіемъ недовольства лучшихъ русскихъ людей неурядицами, достигшими при великомъ князѣ Всеволодѣ небывалыхъ размѣровъ. Въ разгарѣ княжескихъ усобицъ и мятежей, когда дрогнула русская земля отъ сдавившей ее половецкой орды, изъ души отзывчиваго къ народному горю и преданнаго Всеволоду поборника идеи государственнаго единства, смысленаго пѣснотворца Бояна вырвался отголосокъ тяжкихъ страданій великаго князя, наглядно изображавшій безпомощное положеніе, съ одной стороны — *главы* земли русской, лишенной *оплечій*[3]), опоры своихъ подручныхъ племянниковъ, а потому оказавшагося безсильнымъ отвратить нависшую надъ нею страшную грозу, а съ другой — крамольное потрясеніе внутренняго порядка и спокойствія княжескими раздорами, своеволіемъ и грабежами тіуновъ (Пп. 151) и т. п. невзгодами.

Вторая притча Боянова, составляя точный снимокъ съ бѣдственнаго положенія всей Руси, вполнѣ отвѣчаетъ, въ частности, и ослабленію нормальныхъ связей Тмутороканской волости съ матерью городовъ русскихъ — Кіевомъ. По смерти Романа Святославича, убитаго половцами 1-го или 2-го августа 1079 г., по совѣту хозаръ, противъ которыхъ онъ вооружался вмѣстѣ съ половцами, состоявшими тогда подъ властью князя

---

[1]) Сравн. «*Хощу* копіе приломити» ..
«*Хощу* главу свою приложити»...
а также описаніе похода на половцевъ Владиміра Мономаха въ Воскрес. Лѣтоп.: «Сдумавше князи Русстіи: поидоша на половцѣ, Святополкъ Изяславичъ и Володимеръ Всеволодичъ, его-же бѣ дума и *похотѣніе*» (стр. 21).

[2]) Притрепанъ литовскими мечами.
Онъ съ вожделѣнною (славою) на кровати, и сказалъ...

[3]) Ср.: «Луки *оплечіа* Новугороду отъ Литвы» (Никон. подъ 1200 г.). Замѣчательны слова Ярослава Галицкаго: «Се азъ единою худою своею *головою* ходя, удержалъ всю Галицкую землю» (Ип. 442).

Осеня или Въосеня († 1082 г.), посланный Всеволодомъ въ Тмуторокань посадникъ Ратиборъ былъ выгнанъ Давидомъ Игоревичемъ и Володаремъ Ростиславичемъ 1081 г., а въ 1083 г. завладѣлъ Тмутороканью Олегъ Святославичъ. Авторъ Слова тѣмъ болѣе вправѣ былъ воспользоваться изреченіемъ Бояна, что гибель Игорева ополченія вызвала бѣдствія, *аналогическія* съ постигшими Русь при Всеволодѣ Ярославичѣ, — нападеніе половцевъ на Кіевскую и Переяславскую области, захватъ ими Посулья и Поросья, порабощеніе множества народа русскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ повсемѣстное волненіе въ посемскихъ городахъ: «*Возмятошася* города Посемьскые... мятяхутъся аки въ мотви... города *въставахуть*» (Ип. 435). Мятежъ, посредствомъ разныхъ усложненій, проникъ даже въ Рязанскую область: «Бысть крамола зла велми въ Рязани, *братъ брата искаше убити*» (Лавр. 1186 г.).

Лѣтопись отмѣтила факты, показывающіе, что варіанты или по крайней-мѣрѣ осколки Бояновыхъ притчъ и поговорокъ, съ политической окраской, жили въ устахъ русскаго народа въ половинѣ XII в., за нѣсколько десятковъ лѣтъ до появленія Слова (въ концѣ 1185 г.). Въ 1142 г., послѣ раздачи волостей (Переяславской, Туровской и Владимірской) Вячеславомъ и Всеволодомъ Ольговичемъ помимо Всеволодовыхъ братьевъ, послѣдніе роптали на Всеволода, что любовь имѣетъ къ Мстиславичамъ, шурьямъ своимъ, а ихъ врагамъ, причемъ говорили: «Осажался ими около, а намъ на *безголовіе* и *безмѣстье* и собѣ» (Ип. 224). Будучи недовольна дѣйствіями князя Владиміра Мстиславича, въ 1169 г, дружина говорила ему: «А намъ лучьше въ *чюжу голову*, нежели въ свою» (Ип. 367). Въ 1151 г., когда Изяславу Мстиславичу дали знать въ Кіевъ, что союзники его угры, напившись пьяными передъ битвой, были всѣ до единого перерѣзаны по приказу Владиміра Галицкаго, а сынъ Мстиславъ убѣжалъ съ дружиною въ Луцкъ, то Изяславъ «рече слово то, яко и переже слышахомъ», прибавляетъ лѣтописецъ: «*не идеть мѣсто къ головѣ, но глова къ мѣсту*, но абы Богъ далъ мнѣ здоровье и королеви, а мѣстемъ быти».—(Ип. 306). Сравненіе представителя власти съ *головой* было распространено въ древней Руси. Иларіонъ въ моленіи къ Владиміру Святому восклицаетъ: «встань, о честное *главо!*» — «Царь и князь *глава* есть земли» (Ип. 98). Въ началѣ XI в.

лѣтописецъ ссылался на рѣченіе Исаи: согрѣшиша *отъ главы и до ногу*, еже есть *отъ царя и до простыхъ людей*» (Лавр. 1015 г.). «Аще князи правдиви бывають, то много отдается согрѣшенья земли той, поне то есть *глава земли*» (Лавр. 1177 г.). У Даніила Заточника читаемъ: «Видѣхъ полкъ *безъ князя*, рече: великъ звѣрь *безъ головы*».—Даніилу Романовичу говорили: «ты еси *король*, *голова* всимъ полкомъ». (Ип. 551) [1]). По свидѣтельству Ибнъ-Даста, *великаго князя* своего славяне называли *главою главъ* [2]).

И такъ, чѣмъ дальше мы подвигаемся въ изученіи драгоцѣнныхъ остатковъ Боянова творчества, сбереженныхъ сочинителемъ Слова, тѣмъ явственнѣе обозначается граница двухъ эпохъ княжеско-дружиннаго эпоса—Ярослава 1-го и Владиміра-Мономаха, и обособляется *рѣчь* первыхъ временъ усобицъ, какъ источникъ распѣвавшихся тогда хвалебныхъ пѣсенъ, отъ славныхъ пѣсенъ Бояна въ честь Всеслава Брячиславича, Владиміра Мономаха и др. князей, съ извѣстными намъ притчами и припѣвками, тѣмъ уважительнѣе представляются причины воздержанія автора Слова отъ проникновенія въ болѣе отдаленную, богатырскую область эпоса. Однако, изслѣдователю Слова, внимательно разсматривающему *былинный* составъ его въ послѣдовательномъ развитіи, нельзя обойтись безъ обозрѣнія, хотя-бы поверхностнаго, разбросанныхъ въ лѣтописяхъ извѣстій *этическаго* характера, съ *древнѣйшихъ* временъ.

Къ старѣйшимъ сказаніямъ начальной лѣтописи принадлежатъ: былины о нашествіи волоховъ или римлянъ на дунайскихъ славянъ, о смерти вѣщаго Олега, о мести Ольги Древлянамъ, о Рогнѣдѣ Рогволодовнѣ (Гореславѣ), одной изъ женъ Владиміра Св., о сборахъ его въ походъ на Ярослава, причемъ онъ приказывалъ «мосты мостить»,—и т. далѣе [3]). Во многихъ изъ сказаній этого рода давно уже открыта, между прочимъ, примѣсь сѣверныхъ, заморскихъ сагъ къ туземнымъ преданіямъ.

---

[1]) Люблинскіе ляхи Краковскаго князя считали своимъ головою, говоря: «*Голова* намъ—Краковъ» (Ип. 594).

[2]) Д. Хвольсонъ. Изв. Ибнъ-Даста, стр. 32.

[3]) Сводъ древнѣйшихъ лѣтоп. сказаній у И. Срезневскаго. Чтенія о древне-русск. лѣтописяхъ, у Бестужева-Рюмина: О составѣ русск. лѣт., у Хрущева, Сухомлинова: О преданіяхъ въ др. русск. лѣт. Основа 1861 Іюнь. и др.

Слѣды вліянія сѣверной поэзіи сохранились и въ Словѣ. Приведу одинъ примѣръ: Въ Jomsvik-сагѣ символическое изображеніе гибели сына датскаго короля Горма, Канута, брата Гаральдова, очень похоже на толкованіе боярами сна Святослава. Супруга Горма сказала мужу: «У тебя было два *сокола;* одинъ *далеко залетѣлъ въ пустыню.* Тамъ напали на сокола *стаи воронъ и ощипали у него всѣ перья*». Изъ этихъ словъ Гормъ узналъ о смерти старшаго сына. Такъ бояре карканье сновавшихъ у рѣчного омута вороновъ, въ связи съ другими подробностями сновидѣнія, объясняли тѣмъ, что сорвавшимся съ золотого престола въ половецкое поле *соколамъ крылушки притрепали* саблями поганыхъ. Самый складъ Слова напоминаетъ драпы—пѣсни скальдовъ, которые, по ихъ собственному признанію, не могли разстаться ни съ миѳическимъ языкомъ, ни съ языческими божествами, и по принятіи христіанства [1]).

Въ пѣсняхъ скальдовъ, изобилующихъ двусмысленными выраженіями, прихотливыми аллегоріями и цвѣтистостью слога, — *припѣвы* повторяются въ каждомъ почти отдѣлѣ пѣсни [2]) и, съ нѣкоторыми *варіяціями*, помѣщаются то въ началѣ, то въ концѣ строфы или отдѣла, подобно тому, какъ мѣстами и въ Словѣ. Къ сожалѣнію, *пѣсенная* форма Слова мало разработана учеными, а многіе изъ нихъ, до послѣдняго времени (В. Яковлевъ) и совершенно ее отвергаютъ, вопреки ясному свидѣтельству автора *тѣй пѣсни*, горевавшему, что не довелось ее *пѣти* Бояну, и наличность въ пѣснѣ, особливо въ плачѣ Ярославны, *богатой* дозы *припѣвовъ*. — Вліяніе сѣверной поэзіи на Слово нельзя, однако, считать исключительнымъ. Авторъ его «отъ младъ ноготъ» изучалъ Омирскія (Гомеровскія) и риторскія книги, которыя, какъ видно изъ предисловія одного древняго посланія, были хорошо извѣстны на Руси ранѣе половины XII столѣтія [3]). Что творенія Гомеровы издавна изучались русскими книжниками, доказывается, между прочимъ, упо-

---

[1]) Сравн. пѣснь скальда Гальфреда при дворѣ Олафа Тригвассона.

[2]) Такъ въ пѣснѣ Гаральда, приведенной Карамзинымъ, нѣсколько разъ повторяется припѣвъ: «Но русская красавица меня презираетъ». (Ист. т. II. пр. 41).

[3]) О. Бодянскій. Славяно-русск. соч. въ сб. И. Царскаго (Чт. М. Об. Истор. и др. 1848 г. № 7).

добленіемъ Александра Ярославича Алевхысу (Ахиллесу). Въ Иліадѣ появленіе Ахилла обращаетъ въ бѣгство непріятельское войско, причемъ голова его пылала огнемъ. Подобное-же сіяніе головы проявляется у Гектора и у Одиссея, когда послѣдній мечталъ объ избіеніи враговъ. И у автора Слова яръ-туръ Всеволодъ поражалъ половцевъ, «златымъ шеломомъ *посвѣчивая*». Отношеніе Донца къ Игорю и Стугны къ Ростиславу Огоновскій сравниваетъ съ отношеніемъ р. Скамандра къ Троянцамъ въ Иліадѣ [1])

Лѣтописцы наши не брезгали записывать, по слуху, все то, что имъ передавали, и лишь изрѣдка критически относились къ доходившимъ до нихъ разсказамъ.—Погодинъ [2]), а за нимъ Костомаровъ [3]), привели достаточно вѣскіе доводы, что часть лѣтописи, обнимающая древнюю русскую исторію отъ начала ея до смерти Владиміра Св., за небольшими изъятіями, почерпнута изъ устныхъ преданій и пѣснопѣній. Послѣ каждой значительной побѣды, какъ видно изъ лѣтописи, слагалась въ честь восторжествовавшаго князя, дружинными пѣвцами, славная пѣснь.

Неподлежитъ сомнѣнію, что лѣтописное описаніе единоборства Мстислава съ Редедей, подвиговъ богатырей Александра Поповича, Рагдая Удалого, паѣзжавшаго на 300 враговъ, Яна Усмошвеца, сокрушавшаго несмѣтныя толпы печенѣговъ [4]), Демьяна Куденевича, который, въ 1148 г., одинъ съ слугою Тарасомъ отражалъ цѣлое воинство Глѣба Юрьевича, и безъ одѣянія доспѣшнаго выступилъ противъ враговъ, когда половцы съ Давидовычами и Глѣбомъ Юрьевичемъ подступили къ Переяславлю, причемъ избилъ множество ратныхъ (Никонов.) [5]),

---

[1]) Слово, стр. 121, 122. Такого же взгляда держится П. Кулишъ. Ист. возсоед. Руси, т. II, стр. 200.—Княжескія библіотеки въ XI в. были переполнены греческими классиками. Соловьевъ. Ист рос. III, 89.—Волынскій лѣтописецъ приводитъ выдержки изъ Гомера: «якоже Омиръ пишетъ» (Ип. 513) и др. Обращеніе къ Бояну напоминаетъ обращеніе Гомера къ музѣ, и т. д.

[2]) Лекціи, изслѣд. и замѣтки I, 108, 175—195.

[3]) Преданія русской лѣтописи. Вѣстн. Евр. 1873 г. № 1—3.

[4]) Никонов. подъ 1000—1004 г. Тоже въ пѣсняхъ: «Козаченко одинъ буде *сотню* гнати» (Метл. 401—406)

[5]) Ср. Халанскій. Великорус. былины Кіев. цикла, гл. V.

Евпатія Коловрата, «исполина силою», разсѣкшаго, до самаго сѣдла, шурина Батыева Хоздоврула и истреблявшаго полчища татаръ, пока не разбили множествомъ пороковъ (стѣнобитныхъ орудій) «крѣпкорукого, дерзосерднаго и львоярostнаго» героя [1]). Битва 1019 г. между Ярославомъ и Святополкомъ Окаяннымъ [2]) и битва 1024 г. между Мстиславомъ и Ярославомъ, призвавшимъ на помощь слѣпого (подслѣповатаго) [3]) Акуна, у коего луда была златомъ истыкана, заимствованы изъ преданій, окрашенныхъ поэтической фантазіей [4]). Поэтическая закваска лѣтописныхъ сказаній не вывѣтрилась и къ XII вѣку, во второмъ періодѣ усобицъ, изложенномъ во многихъ отношеніяхъ по преданіямъ. Къ нимъ слѣдуетъ причислить и ношеніе Всеславомъ полоцкимъ повязки (наузы) «*до смертнаго дни*» 1101 г., о чемъ упомянуто при описаніи обстоятельствъ, сопровождавшихъ рожденіе Всеслава, подъ 1044 г., когда онъ сѣлъ въ Полоцкѣ на столѣ отца своего Брячислава. Вообще наибольшею затѣйливостью отличаются преданія полоцкія. Въ 1092 г. отъ Дрюцка до Полоцка, днемъ и ночью, разъѣзжали на таинственныхъ коняхъ *бѣсы* въ образѣ *мертвецовъ*, причиняя людямъ пакости. «Тѣмъ и человѣци *глаголаху*, яко *навье* бьютъ полочанъ». Въ битвѣ князя Давида Игоревича и шелудиваго Боняка половецкаго [5]) съ венгерскимъ королемъ Коломаномъ 1097 г. «бѣ угоръ числомъ *сто* тысящь... Сбиша угры въ мячь, яко соколъ галицѣ сбиваетъ... Яко же *глаголаху*, погыбло, убьено *сорокъ* тысящь». Передъ сѣчей Бонякъ «нача *выти поволчески* и отвыся ему волкъ и начаша мнози волци выти». Изъ былинъ-же, вѣроятно, попали въ лѣтопись и слова дикаго половчина Севенча Боняковича: — «хочю сѣчи въ Золотая ворота, яко же *отець* мой» (Ип. 299).

---

[1]) Русск. Времен., откуда повѣсть перепечатана Л. Меемъ.

[2]) Однажды онъ названъ Погонополкомъ (П. С. Р. Л. I. 253).

[3]) Слѣпымъ онъ названъ и въ лѣтописи, и въ житіи св. Ѳеодосія. Потому и нельзя читать: «Якунъ сь лѣпъ».

[4]) У насъ встарину знаменія толковали «*старіи людіе*» (Ип. 353). Изъ ихъ же устъ выходили и преданія, какъ напр. у чеховъ, по свидѣтельству Козьмы Пражскаго, который черпалъ извѣстія о древнѣйшей эпохѣ «senum fabulosa relatione».

[5]) Преданія о шелудивомъ Бонякѣ сохранились донынѣ. М. Драгомановъ. Малорос. нар. пред. и разск., стр. 224. Кузмичевскій. Шолудивый Буняка въ украинск. народн. сказ. Кіев. Стар. 1887, кн. VIII и X.

Остановившись на преданіяхъ объ Олегѣ вѣщемъ, Н. Костомаровъ, согласно съ наблюденіями Ор. Миллера и др., замѣтилъ, что въ малорусскихъ пѣсняхъ число войскъ почти всегда опредѣляется въ 40 т., а въ былинахъ великорусскихъ нерѣдкость 40 т. силы ратной. Въ Дѣяніи Девгеніевомъ говорится, что «въ шатеръ во единъ многіи тысячи вмѣщаются славныхъ и храбрыхъ кметей; *единъ на сто напустить*»[1]). Очевидно, мнѣ кажется, и въ приведенномъ случаѣ число 40 т. опредѣлено по тому же шаблону, а число угорскаго войска равняется числу грековъ въ походѣ на нихъ Святослава, и числу туземнаго войска, съ которымъ Ярославъ I-й выступилъ противъ Святополка. Впрочемъ, числовыя преувеличенія не ограничиваются, въ лѣтописи, силами непріятеля, но распространяются и на русичей, при описаніи разныхъ бѣдствій Тавъ подъ 1160 г. означено, что «половци взяша душь *боль тмы*» (Ип. 348). Одержавъ блистательную побѣду надъ половцами въ знаменитомъ походѣ на нихъ Мономаха 1111, русичи спрашивали колодниковъ: почему половцы не устояли въ битвѣ?— «Си же отвѣщеваху, глаголюще: како можемъ битися съ вами, а друзии *пѣдяху верху вися* въ оружьѣ свѣтлѣ и страшнѣ, иже помогаху вамъ». Лѣтописецъ, по-своему толкующій это явленіе и склонный сравнивать сѣчу со *вторымъ пришествіемъ* (Ип. 353), воспользовался и въ данномъ случаѣ *рѣчью* (молвою), вѣроятно пѣсенною. Вліяніе молвы, или въ сыромъ ея видѣ, или обработанной въ формѣ закругленныхъ сказаній и пѣсенъ, отозвалось и на многихъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Такъ пѣсеннымъ складомъ отзывается разсказъ о битвѣ Андрея Георгіевича близь Луцка въ 1149 г., завершающійся извѣстіемъ о почетномъ погребеніи, на берегу р. Стыря, коня Андреева, спасшаго князю жизнь. Хотя «не величаву ему сущю на ратьный чинъ, но похвалы ищючи отъ единого Бога»,—однако, «мужи отни *похвалу* ему даша велику». (Ип. 272). Таковы же нѣкоторыя извѣстія 1151—1152 г., какъ Изяславъ Мстиславичъ предъ всѣми полками въѣхалъ одинъ въ полки ратныхъ и «копье свое изломи», какъ затѣмъ тяжко раненаго кіевляне чуть

[1]) Пыпинъ. Очеркъ ист. стар. пов. Н. Тихонравовъ отсюда и изъ словъ царя Амира: «Братія моя, силніи кмети», выводитъ значеніе кметя въ Словѣ.

его не убили. Одинъ изъ нихъ началъ уже сѣчь его мечомъ по шелому; «бѣ же на шеломѣ надъ челомъ написанъ св. мученикъ Пантелѣмонъ златъ, и ударн и мечемъ и тако вшибеся шеломъ до лба» Князь снялъ шеломъ и тогда его узнали. Изнемогая отъ ранъ, онъ присоединился къ Изяславу Давыдовичу, оплакивавшему смерть брата своего Владиміра Черниговскаго; «и долго плакавъ, а рече Изяславу Давыдовичю: *сего нама уже не крьсити*.... И тако Вячьславъ, и Изяславъ, и Ростиславъ, съ честью и *похвалою великою* поидоша къ Киеву» (Ип. 303—305). Въ Никоновской подъ тѣмъ же 1152 г. записано: «Многое множество воинства возколебашася аки море, и бѣ видѣти страшно въ голыхъ доспѣхахъ, яко вода солнцу свѣтло сіающу». Откуда, какъ не изъ пѣсенъ, заимствовано обращеніе тысяцкаго Ярослава къ Ростиславу Мстиславичу съ совѣтомъ выбраться изъ Кіева при нападеніи на него Изяслава Давыдовича въ 1159 г.: «Аще ли внѣ града еси та кони ѣздя з дружиною своею, уподобляешися лву страшну, дружина же твоя, аки медвѣди и волци, или яко подобишися *орлу летающу подо облаки*, дружина же твоя аки ястребы, и никто же можетъ тогда одолѣти тя»... — По поводу кончины искателя приключеній Ивана Ростиславича, «зовомаго Берладника», 1162 г., лѣтописецъ выражается: «Инии тако *молвяхуть*, яко съ отравы бѣ (ему) смерть» (Ип. 355). Въ 1171 г., при приближеніи половцевъ къ городамъ Полонному и Семыню, исходившимъ изъ иконъ пламенемъ пожигало поганыхъ. Иные отъ него погибли, иные отбѣжали. Зѣло возрадовавшись, князь Михалко Юрьевичъ внезапно ударилъ на половцевъ и избилъ ихъ,—«*никто же бо отъ нихъ можаше руки поднять*». Двинувшись далѣе съ малою дружиною, онъ встрѣтилъ снова великое множество половцевъ, но враги не отважились вступить въ сѣчу и бѣжали въ паническомъ страхѣ, побросавъ оружіе и щиты, причемъ падали съ коней и убивались (Никон., варіантъ въ Лавр.). Такого же тона — позднѣйшія сказанія. Напр., предводительствовавшій псковитянами князь Довмонтъ «ѣхавъ *однимъ девяностомъ*... супротивныхъ врагъ *семьсотъ* побѣди литовцевъ» (П. С. Р. Л. IV) и др.—Описанія явленій природы представляютъ большую примѣсь баснословія. Въ Воскрес. лѣтописи, напр., сказано, что «въ Трокахъ озеро три дня *кровію стояло*» (стр. 252). Нѣкоторые разсказы заключаютъ въ себѣ рѣфмованныя поговорки:

«На Руси есть веселіе *пити*, не можемъ безъ того *быти*». «Волховъ иде *вспять* дний *пять*». Подобная рифмов. острота у Заточника: «Кому озеро *Лаче* [1]), а мнѣ на немъ сидя *плачь*». Къ остротамъ прибѣгаетъ и Волынскій лѣтописецъ: «лесть Лестькова» (Ип. 492) [2]) и т. под. Около половины XII в. появляются легендарныя сказанія о нѣкоторыхъ святителяхъ. Интересно, напр., сказаніе о смерти митрополита кіевскаго Константина, бѣжавшаго изъ Кіева въ Черниговъ отъ князя Мстислава Изяславича «злобы его ради» (1159 г.). Предъ кончиной онъ завѣщалъ епископу Черниговскому Антонію: «По умертвіи убо моемъ, о, епископе, ни самъ погреби, никому же даждь погрести тѣла моего, но ужемъ (веревкой) повезше *за ногу* мои извлецѣте изъ града и повръзите *псома на снѣденіе и птицамъ на разхищеніе*». Антоній исполнилъ волю почившаго митрополита. Утромъ князь Святославъ Ольговичъ съ Антоніемъ, князьями, боярами и множествомъ народа, отправились за городъ, взяли тѣло митрополита съ великою честью и положили въ Спасской церкви. Въ день преставленія митрополита появилось страшное знаменіе въ Кіевѣ, «яко не видѣти солнечныхъ лучь, но бысть тма, точію молніамъ блистающимъ и громная шибеніа и тресканіа страшна зѣло, и вѣтру и бури, и вихри силнии зѣло, и многи храмины отъ основанія преложи, и дворъ княжъ разби, и многихъ человѣкъ изби»... На Мстислава напалъ ужасъ и трепетъ... «Во градѣ же Черниговѣ бысть въ тѣ четыре дни ведро, и воздухъ благорастворенъ, и кротко, и тихо, и свѣтлость велика зѣло» (Никон.). Подобныхъ легендъ лѣтопись сохранила немного. Значительное большинство поэтическихъ сказаній посвящено князьямъ.

Въ 1169 г., когда варвары половцы во множествѣ пришли ратью къ граду десятинному Плону, данному св. Владиміромъ церкви пречистой Богородицы, то «въ той убо часъ овіи смысла отпадоша, а друзіи ослѣпоша, инін же ослаблени быша; христіане же сошедшеся, овѣхъ избиша, а другихъ изымаша, и отъ сихъ многимъ крещенымъ бывшимъ»... (Никон.).—Составитель повѣсти объ Александрѣ Невскомъ *слышалъ* отъ само-

[1]) О немъ упом. Новг. IV подъ 1379 г.: «Идѣ же бѣ Данило заточенъ».

[2]) Лестько—*Лешекъ*, на польск. знач. *лисица*.

видца, «яко видѣхъ пълкы Божія на воздусѣ пришедше на помощь вел. князю Александру» (Воскрес. 151). Еще позднѣе, въ сказаніи о Михаилѣ Тверскомъ, лѣтописецъ, *со слова* какого-то іерея, записалъ, что, когда тѣло князя привезли къ г. Бездѣжу, то видѣли, что «инїи на конехъ съ фонари на въздусѣхъ ѣздяща»[1]),—Галицко-Волынская лѣтопись переполнена описаніями походовъ, извлеченными изъ славныхъ пѣсенъ, сложенныхъ въ честь Даніила и Василька Романовичей, Мстислава Удалого и др. князей.

Собранныя мною данныя, несмотря на ихъ скудость, съ достаточною ясностью обозначаютъ значеніе молвы (рѣчи) въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Она впитывала въ себѣ соки народныхъ вѣрованій и представленій, примѣшивая ихъ къ дѣйствительнымъ историческимъ фактамъ, и то непосредственно, то чрезъ посредство поэтическихъ сказаній и трудовыхъ пѣсенъ, въ которыя вливалась широкою струею, растекалась по лѣтописи. Разбросанныя по лѣтописи отпрыски народной поэзіи убѣждаютъ насъ, что пѣвецъ послѣдней четверти XII вѣка заимствовалъ поэтическіе образы изъ пѣсеннаго творчества, уже ранѣе процвѣтавшаго, давъ имъ высоко-художественную группировку. Замѣчательно, напр., извлеченное мною изъ Никоновскаго свода обращеніе къ Ростиславу Мстиславичу тысяцнаго Ярослава. Какъ Романъ Мстиславичъ, въ Ипатьевскомъ сводѣ подъ 1201 г., или Боянъ въ Словѣ,—князь уподобляется страшному льву, *летающему подъ облаками орлу* и, какъ Куряне Слова, дружина книжеская сравнивается съ рыщущими *волками*. Мало того, въ сказаніяхъ о походахъ на половцевъ, Мономаха въ 1111 г. и Михалка Юрьевича около 1171 г., и въ иныхъ позднѣйшихъ повѣстяхъ, также какъ и въ благочестивыхъ разсужденіяхъ лѣтописца, просвѣчиваетъ одна и таже *христіанская* идея, въ поэтическомъ обликѣ, которая успѣла уже привиться къ народному сознанію въ XII в. и, обокъ съ идеей Божьяго суда, приводится авторомъ Слова при изображеніи чудеснаго дѣйствія желѣзныхъ *папорзей*. Въ воззваніи къ Роману Мстиславичу и Мстиславу, какъ полагаютъ, Ярославичу, пѣвецъ говоритъ (по исправленному мною чтенію):

---

[1]) П. С. Р. Л., V 207—215.

«Суть бо у ваю» (т. е. у вашихъ) желѣзныи папорзи
Подъ шеломы латинскими;
Тѣми тресну земля,—и многы страны:
Хинова, Литва, Ятвязи, деремела и Половци,
Сулици своя повръгоша, а главы своя подклониша
Подъ тыи мечи харалужныи»....

№ 3104...

Предположеніе о томъ, что папорзи могли составлять принадлежность шлемовъ, устраняется уже тѣмъ, что Куряне были «*подъ шеломы* взлелѣяны». Слѣдовательно, на языкѣ пѣвца, то, что подъ шеломомъ, вовсе не составляетъ его принадлежности. Эпитетъ *латинскіе* указываетъ на христіанскіе аттрибуты шлемовъ у дружинниковъ названныхъ князей — извѣстныя священныя изображенія, въ противоположность шлемамъ оварскимъ—языческимъ. «*Папорзи*», коими *грянула* народъ (русскій), — *наперсни* или енколпіи, нагрудные металлическіе знаки, навязывавшіеся на шею въ видѣ крестиковъ, или иконокъ,—часто двустворчатыхъ, и, можетъ быть,—миніатюрныхъ *мечей*[1]). «Господь давъ намъ крестъ свой на прогнанье *ненависти бѣсовьское*... Крестъ бо князь въ бранехъ пособитъ, въ бранехъ крестомъ сограждаеми вѣрніи людье, *побѣждаютъ* супостаты противныя» (Лавр. подъ 1067 и 1078). Побѣду Василька Ростисл. надъ Святополкомъ-Мих. приписывали *кресту*, высоко возносившемуся надъ воинами Васильковыми. Александръ Ярославичъ побѣдилъ иноплеменниковъ «*оружіемъ крестнымъ*» (Воскр. 151). Архангелъ Михаилъ, отворившій хляби небесныя въ войнѣ Руси съ венгер. королемъ Бѣлой (Ип. 507), помогалъ, съ ангелами, Дмитрію

---

[1]) Подобные мечи, съ отверзтіями посреди лезвія, надѣвавшіеся вѣроятно на шею, найдены въ большомъ количествѣ при раскопкахъ Княжей горы близь Канева, также въ окрестностяхъ Дрогичина и др. мѣстахъ. Н. Бѣляшевскій основательно считаетъ эти мечи амулетами. (Кіев. Стар. 1890 г. № 12). О. Партыцкій «папорзи» отожествляетъ съ *папортникомъ* — травою. Изъ заклинанія надъ папортникомъ видно, что народное повѣрье признаетъ за нимъ силу привлекать *сердца*, когда на него призывается Божье благословеніе (см. выписку изъ стараго Травника И. Забѣлина. Ист. русск. жизни т. II). Согласно объясненію А. Афанасьева, огненный цвѣтъ папортника—перуново цвѣтье, — по народному повѣрью, прогоняетъ нечистую силу и содѣйствуетъ добычѣ клада. Въ зап. Руси нагрудники назывались *поперстиами* (Акт. Вил. арх. ком. III, 282).

Ин. въ битвѣ съ татарами на Куликовомъ полѣ [1]). Силу крестнаго *нетлѣннаго* оружія—*желѣзныхъ* (т. е. неокрушимыхъ) папорзей—проявляли сонмы ангеловъ, невидимо поражавшіе невѣрныхъ и, какъ добрые геніи, охранявшіе русскихъ князей и ихъ дружины, подобно скандинавскимъ фильгіорамъ, принимавшимъ образъ вѣщихъ богинь. «Ангелы крестьяномъ помогаютъ и защищаютъ отъ супротивнаго врага.—Господь посылалъ «ангеловъ поборниковъ — служебныхъ духовъ — въ помощь русскимъ князьямъ на поганыя». (Ип. стр 94, 191, 194, 195, 209). Подъ ангельскіе молніеносные мечи язычники невольно, неотразимою силою честнаго креста, преклоняли [2]) свои поганыя головы и въ безотчетномъ ужасѣ бросали оружіе. Въ 1111 г.: «падаху половци предъ полкомъ Володимеровомъ невидимо бьеми ангеломъ.... и *главы летяху*, невидимо стинаеми, на землю».... (Ип. 193). «Вложи Богъ страхъ во сердце ихъ» (ятвяговъ), «они были ангеломъ потопляемы» (Ип 553 и 556). Предъ всякимъ походомъ на половцевъ русскіе полки уповали на честный крестъ и послѣ всякой побѣды надъ ними прославляли его силу, «помогающа на бранѣхъ на поганыя» (Ип. 370, 381). Въ 1181 г. соединенные полки Рюрика Ростиславича, Мстислава Владиміровича и Владиміра Мстиславича разбили на-голову половцевъ (потопташа), бывшихъ тогда въ союзѣ съ Святославомъ Всеволодовичемъ кіевскимъ, разбили благодаря тому, что поможе Богъ Руси—«пріемше отъ Бога на поганыя побѣду». Въ этой сѣчѣ былъ убитъ братъ принимавшаго въ ней участіе Кончака и захвачены въ плѣнъ два Кончаковича (Ип. 421). Такая-же вѣра въ честный крестъ, по принятіи христіанства, руководила Русью и въ войнахъ съ другими языческими племенами. Обычай носить на шеѣ миніатюрные мечи въ видѣ амулетовъ возникъ, вѣроятно, еще до принятія христіанства. Замѣчательно, что князей русскихъ хорошаго гнѣзда, какъ-бы въ противуположность крылатымъ бѣсамъ (Лавр. подъ 1071 г.), авторъ Слова уподобляетъ *шестокрылымъ серафимамъ*.

Вс. Миллеръ считаетъ упомянутый эпитетъ, встрѣчающійся въ сб. царя Симеона 1076 г.,—византійско-болгарскаго

[1]) «Крестъ Христовъ—твердъ доспѣхъ» (Сказ. о Мамаев. побоищѣ).

[2]) «Подклониша» (въ Словѣ) ср.: «сынъ человѣчь не имать у васъ гдѣ *главы подклонити*» (Уст. митроп. Георгія, ст. 161).

происхожденія. Противъ этого ничего нельзя возразить. Еще Преславскій епископъ Константинъ, послѣдователь первоучителя славянскаго Константина-Кирилла, выражался о себѣ: «*Шестокрилата* силу въспріимъ; шествую нынѣ по слѣду учителя»[1]). Въ древнихъ сказаніяхъ всегда называются: серафимы—*шестокрылатыми*, а Архистратигъ Михаилъ—ихъ *вождемъ*. Такъ въ Словѣ Іоанна Златоустаго, откуда заимствовалъ Кириллъ Туровскій[2]), о Христовѣ вшествіи на гору:—«Серафимы *шестокрилатіи*». Въ хожденіи Богородицы: «Радуйся, Архистратиже Михаиле, *шестокрылству* похвала—*первый воинъ*»[3]). Въ молитвѣ, предъ битвой съ Мамаемъ, Дмитрій Ив восклицалъ: «Гдѣ серафимьское *шестокрылое* служеніе!»[4]). Въ одномъ посланіи архіепископъ Новгородскій поясняетъ, что «Христу служатъ девять чиновъ свѣти»... Девятый чинъ — «серафимъ *шестокрилати*» (Воскр. 214). Свѣтлые серафимы служили у небеснаго престола Всевышняго, свѣтлые князья доблестнаго гнѣзда, съ такою-же преданностью, самоотверженно блюли златой престолъ великаго князя, Божьяго слуги: «Князь не туне мечь носитъ, Божій бо слуга есть» (Ип. 166). Нѣкоторые (Дубенскій и др.) находятъ несогласіе между Словомъ и лѣтописью по отношенію къ войнѣ Романа Мстиславича съ ятвягами, имѣвшей, по лѣтописному свидѣтельству, мѣсто въ 1197 г Но вѣдь авторъ Слова говоритъ, что собственно не Романъ и Мстиславъ, а *народъ* (земля) поражалъ, невидимыми ударами папорзей, ятвяговъ и другихъ невѣрныхъ, притомъ въ разное время, подъ предводительствомъ разныхъ князей; а мы знаемъ, что литовцы и ятвяги были частью покорены еще Ярославомъ первымъ въ 1038—1040 г., но съ ними долго приходилось бороться русскимъ князьямъ. Такъ въ 1132 г.: «Ходи Мьстиславъ на литву съ сынъми своими и съ Олговичи и съ Всеволодомъ Городеньскимъ и пожгоша я, и сами ся расхорониша» (Ип. 212). Въ Лавр. сказано, что Мстиславъ тогда «вземъ полонъ

---

[1]) П. Шафарикъ. Разцвѣтъ слав. письм., въ Чт. М. О. И. и др. 1848 г., № 8.

[2]) См. Сборн. поуч. воскр. И. Срезневскій. Пам. русск. письма и яз., стр. 191.

[3]) Пам. стар. рус. лит., вып. III, стр. 28 и др. Сравн. И. Срезневскаго Пам. русск. письма и яз., стр. 204.

[4]) П. С. Р. Л., IV, 78.

многъ». До Романа не-мало было стычекъ русичей съ гордыми ятвягами, напр. въ 1113 г. Ярославъ Святополковичъ ходилъ «второе на ятвяговъ и побѣди я» (Лав.), и только *послѣ* 1197 г. до Даніила никто изъ русскихъ князей не воевалъ съ ними (Ип. 554). «Его-же отець (Романъ) бѣ царь въ руской земли, иже покори половецькую землю и воева на *иные страны* всѣ»... (Ип. 536) «свободилъ бяшеть отъ всихъ обидъ» (Ип. 605). О побѣдномъ походѣ Романа на половцевъ сохранилось извѣстіе въ византійскихъ источникахъ[1]). И вотъ оправдалось упованіе пѣвца на Романа, «самодержца бывша всей русской земли» (Ип. 479). Почти всѣ изслѣдователи неправильно полагаютъ, что пѣвецъ упоминаетъ о папорзяхъ Романа и Мстислава. «Суть бо у *ваю*» значитъ: есть у *вашихъ*. Стихъ, обращенный къ Рюрику и Давиду:

«Не *ваю* ли (за) *злачеными* шеломы по крови плаваша»...[2])

я перевожу: не *ваши ли* за злачеными шеломами... *Золоченые* шеломы были только у князей, какъ напр. у Ингваря, Всеволода и трехъ Мстиславичей:

«Кое ваши *златыи* шеломы»...

Гза молвилъ Кончаку:

«Почнутъ *наю* птицъ бити»...

въ моемъ переводѣ: начнутъ *нашихъ* птицъ бить, вопреки мнѣнію А Потебни[3]) и др., полагающихъ, что «наю птицъ» значитъ *насъ птицы*, причемъ упускаютъ изъ виду стихъ:

О, далеко зайде *соколъ*, *птицъ бья*...

[1]) Разобр. Петрушевичемъ въ Галицк. Историч. сб. вып. III, прим. 1. Полный перечень всѣхъ походовъ русскихъ князей на ятвяговъ читатель найдетъ у Шафарика (Славянскія древности) и у многихъ историковъ.

[2]) Плавать по крови значитъ—по смѣшанной съ кровью водѣ. Напр., во время битвы Мстислава Изяславича съ Изяславомъ Давидовичемъ 1160 г. ...«бысть бой велій и сѣчя зла, яко и рѣцѣ Желанѣ *кровію потещи* отъ множества избіенныхъ» (Никон.). «Глаголаху, яко *во крови утонулъ* есть» (Ип. 520). По Хандемировой лѣтописи, при взятіи однимъ изъ чингистановыхъ полководцевъ Самарканда, всѣ жители его *потонули въ волнахъ крови* (перев. В. Григорьева, стр. 22).

[3]) Слово, стр. 149.

Несомнѣннымъ удостовѣреніемъ того, что «у ваю» значитъ у *вашихъ*, служатъ слова: «тѣми тресну (ударила) земли». Здѣсь земли—русскій народъ (извѣстныхъ областей). Такой-же смыслъ, какъ увидимъ далѣе, имѣетъ земля въ стихѣ:

«О, русская земле, уже за шеломянемъ еси»!

Земля отряжала пословъ, сходилась на вѣче, и т. под. Какъ народъ русскій, такъ и народъ половецкій называется землею и въ Словѣ (воззваніе Дива), и въ лѣтописи: «*Прииде* половецкая *земля* на миръ» (Ип. 220). «Вся половецкая *земля*, что же *ихъ* межи Волгою и Днѣпромъ» (Ип. 314) и др. Въ другомъ мѣстѣ Слова, въ обращеніи къ Ярославу:

«Угрозы твои по *земляхъ* текуть»...

разумѣются отдѣльныя земли, изъ коихъ слагалось Галицкое княжество.

Желѣзные папоръи приводили въ трепетъ *хинову*, которую большинство принимаетъ за видоизмѣненую форму *хана*, или за землю хана, меньшинство считаетъ или *гуннами*, или *турками*. Несостоятельность перваго мнѣнія не трудно доказать. «Хинова», «хиновѣ», «хиновскія» (стрѣлки), по своему корню, ничего не имѣютъ общаго съ ханомъ. Не говоря уже о томъ, что *половецкихъ князей* лѣтопись, какъ и поученіе Мономаха, никогда не зоветъ *хинами*, — гибель Игорева ополченія ободрила не *одною* князя половецкаго, но *всѣхъ половцевъ*[1]), — съ двумя ихъ главными вождями, *Кончакомъ* и *Гзою*, — дѣйствовавшими противъ русичей совокупными силами всей половецкой земли, поднятой на ноги Дивомъ. Старшинство Кончака надъ Гзою, какъ повелителя земли половецкой, сказавшееся въ томъ: что, собирая половцевъ, Дивъ *звалъ* Тмутороканскаго болвана (пеньтюхъ), подъ которымъ разумѣется именно великій князь Кончакъ — правитель Тмутороканской области, какъ это видно, между прочимъ, изъ сопоставленія стиховъ:

«И *тебѣ*, тьмутороканьскый *блъванѣ*»!
«Ни *тебѣ*, чърный воронъ, *поганый половчине*!»

---

[1]) «Половци, побѣдивше Игоря съ братьею, взяша гордость велику» (Ипат. 435).

что Кончакъ, *правилъ*[1]) Гзѣ путь къ Дону и что въ воззваніи къ Ярославу Галицкому пѣвецъ обрушивается на *Кончака*, съ просьбою застрѣлить его,—еще не даетъ права въ мѣстахъ Слова, гдѣ говорится о хиновѣ, подразумѣвать исключительно Кончака[2]). Князь Гза, судя по приведенной пѣвцомъ бесѣдѣ его съ Кончакомъ, былъ едва-ли не болѣе заклятымъ врагомъ Игоря, нежели *сватъ* Игоря и *поручитель* по немъ на полѣ Каяльской битвы, Кончакъ, ибо совѣтовалъ *разстрѣлять* молодого плѣнника, Владиміра Игоревича, Кончакъ-же предпочелъ опутать соколича красною дѣвицею, его собственною дочерью, а послѣ побѣды надъ русичами при Каялѣ, наперекоръ волѣ Кончака, предполагавшаго идти на Кіевскую сторону, пошелъ къ Путивлю «у силахъ тяжкихъ» (Ип. 457). Издавна Гза питалъ злобу противъ Ольговичей за захватъ, въ 1168 г., вмѣстѣ съ его вежами, золотомъ и серебромъ, его *жены* и *дѣтей* (Ип. 364). Кромѣ того, при сближеніи хиновы съ ханомъ неизбѣжно извращается смыслъ стиховъ, описывающихъ чудесное дѣйствіе папорзей, и къ стиху:

«*Тѣми* тресну[3]) земля,—и многы страны»...

пришлось-бы добавить въ концѣ: хинова, съ нѣкоторыми исправленіями, тогда какъ слово хинова должно входить въ текстъ послѣдующаго стиха:

«Хинова, Литва, Ятвязи, деремела и Половци»...

ибо *хинскія* (языческія) страны не могли у пѣвца грянуть *русскими* папорзями такъ, чтобы предъ ними *поганые* склонили свои головы.—Второе мнѣніе, хотя и заманчиво, но и оно должно быть отвергнуто. Сторонникъ его И. Срезневскій полагалъ, что «*хинова*» употреблено въ Словѣ вмѣсто *хоунова*.

---

[1]) «Править»—то-же, что распоряжать, справлять. Въ 1146 г. кіевляне говорили князю Святославу: «аще кому насъ будетъ обида, то ты *правы*» (Ип. 229). Соглашаясь съ Ѳ. Буслаевымъ (Истор. грам.), что «слѣдъ правитъ» значитъ «слѣдуетъ», и переведя: «спѣшитъ слѣдомъ за нимъ», О. Огоновскій впалъ въ явную ошибку (Слово, стр. 7 и 55).

[2]) Великокняжеская власть отъ Кончака, по наслѣдству, перешла къ его сыну Юрію, который былъ также «*большій* всихъ половцевъ» (Ип. 495).

[3]) Ср.: «*Трьсну* аки громъ сразившемася челома» (Ип. 193).

Теорія половецко-гуннская, выводящая половцевъ отъ гунновъ, напоминающихъ своимъ названіемъ *Гуна*, сына Угуза, родоначальника одного изъ древнѣйшихъ турецкихъ племенъ[1]), не имѣетъ твердаго основанія. Болѣе достовѣрна теорія тожества гунновъ съ уграми[2]), относящая половцевъ, по даннымъ *куманскаго словаря*, къ вѣтви турецкаго племени, преобладающаго въ Хивинскомъ ханствѣ[3]). Угры соплеменны манджурамъ (ср. маджары или мадьяры), изъ котораго вышелъ домъ *Гиня*, покорившій въ началѣ XII в. почти всю *Монголію* и сѣв. *Китай*.

Въ книгѣ, глаголемой Космографія, земля *Хина* (по одному списку Схина) упоминается наряду съ царствомъ китайскимъ. «Она велика и пространна, жители ея питаются овощемъ и звѣремъ полскимъ, а служатъ и поклоняются солнцу и огню, нравы-же въ нихъ—Индійскія земли» [4]). Юго-восточная часть Монголіи извѣстна и теперь подъ названіемъ *Хин-гана*. Полагать надо, что составитель Космографіи разумѣлъ подъ Хиною, по географической терминологіи нашей лѣтописи, страну сопредѣльную «землѣ Таногутской» (Ип. 497), съ ея обитателями, монголами. Вопросъ упрощается тѣмъ, что въ разныхъ спискахъ «Задонщины» и «Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ» *хиновой* называются татары, превращаемые иногда въ половцевъ: ... «Дмитрій Ив. пойде... противу поганыхъ *половець*» (П. С. Р. Л., IV, 79). Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ спискѣ Задонщины и др. пояснено, что «тѣ (татары-хинова) *на Каялѣ* одолѣша родъ Афетовъ». Тамъ-же татары называются *татаровой*, какъ напр. въ воро-

---

[1]) Эрдманъ, по Рашидъ-Уддину. Учен. Зап. Каз. Унив. 1842 г. См. также Хандемирову лѣтопись въ перев. съ персидскаго, В. Григорьева, стр. 5 и прим. 16, о знач. *Гуна* на турецк.—*солнце*.

[2]) Киннамъ, писатель второй половины XII в., и др.—«Гунгарія (Угрія) наречена отъ гунгровъ или *гунновъ*, которые отъ татарскія земли въ ту землю пришли». А. Поповъ. Изборникъ статей, вошедшихъ въ хроногр., стр. 300. О родствѣ угровъ съ югрою см. К. Грота. Моравія и Мадьяры. 1881 г. стр. 167—180.

[3]) O. Blau. Ueber Volksthum und Sprache der Cumanen. Такого-же мнѣнія о происхожденіи кумановъ держался Клапротъ. В Радловъ въ изслѣдованіи о языкѣ кумановъ (изд. Акад. Наукъ) говоритъ, что издатель куманскаго словаря графъ Géza Kuun вполнѣ подтвердилъ это мнѣніе.

[4]) А. Поповъ: Изборникъ слав. и русск. статей, вошедшихъ въ хронографы русск. редакціи, стр. 469.

нежскихъ актахъ XVII в., изд. Второвымъ и Дольникомъ, и въ др. Туннманъ утверждалъ, что названіе Китай перешло къ русскамъ отъ монголовъ, а названіе Сина (Хина) отъ арабовъ къ европейцамъ, хотя китайцы не называли государства своего ни Китаемъ, ни Синою[1]). По соображеніи иностранныхъ и нашихъ лѣтописныхъ извѣстій съ показаніемъ старинной Космографіи и Слова я пришелъ къ выводу, что хинова есть родовое названіе всѣхъ племенъ тюрко-монгольскихъ. Подъ нее въ древней Руси подводили печенѣговъ, турпѣевъ и др., слывшихъ подъ общимъ названіемъ черныхъ клобуновъ или колбяговъ (въ Русской Правдѣ)[2]), торковъ[3]), берендѣевъ и половцевъ. Древнѣйшіе списки русскихъ лѣтописей, умалчивающіе о гуннахъ, но хорошо знающіе аваровъ (обровъ)[4]), объединяютъ половцевъ («они-же кумане) съ печенѣгами, торкменами и торками подъ общимъ именемъ *срацинъ*, какое придаетъ имъ и св. Ѳеодосій въ своемъ Словѣ, и митрополитъ Георгій въ заповѣди св. отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дщерямъ, и др., а также подъ именемъ агарянъ и измаильтянъ, какъ принято было вообще называть мусульманъ на западѣ, особено въ Венгріи (Ismahelitae), считая безбожными потомками 12 сыновей *Измаила*, отъ которыхъ лѣтопись выводитъ и Бахмета, т. е. Магомета (Воскр. 249). Въ Никонов. сводѣ помѣщено сказаніе о *хулней* вѣрѣ срацынской. Согласно съ повѣстями о Куликовской битвѣ, лѣтопись приписываетъ половцамъ

---

[1]) Изысканія объ исторіи вост. народ., стр 374 и слѣд. — Вопроса о происхожденіи назв. Хина — я не касаюсь. Возможно, что оно ведетъ свое начало отъ дома Гиня, покорившаго въ началѣ XII в. почти всю Монголію и свв. Китай. І. Бичуринъ. Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова. См. его-же Исторію Тибета и Хухунора.

[2]) О нихъ см. труды И. Самчевскаго, Голубовскаго и Н. Молчановскаго.

[3]) Двукратно разбиты Всеволодомъ Ярославичемъ 1050 и 1060 г. Въ 1121 г. «прогна Володимеръ (Мономахъ) Берендичи изъ Руси, а Торци и Печенѣзи сами бѣжаша» (Ип. 205). Передъ тѣмъ, въ 1116 г., Мономахъ два дня и двѣ ночи бился у Дона съ торками и печенѣгами, ставшими на сторону половцевъ (Ип. 204).

[4]) Наша лѣтопись не полагала различія между аварами и гуннами, отожествленными Дегинемъ (Hist. des Huns). Ср. «Huni qui et Avares dicuntur a Pannonia in Thuringiam ingressi, bella gravissima cum Francis gesserunt» (Paul. Diac.).

и татарамъ одинаковое происхожденіе отъ Агари, или же сыновей Измаила (агаряне, измаильтяне), именно къ племенамъ, загнаннымъ Гедеономъ въ пустыню Етривскую. Къ половцамъ лѣтописецъ относится съ величайшимъ презрѣніемъ.— Это «языкъ *беззаконнѣйшій* всея земли» (Лавр 95). «*Нечисто* есть племя ихъ» (Лавр. 100), «*нечистыя* человѣкы» (Ип. 163), «*нечистыя* исчадья» (Ип. 414), по образу жизни, нравамъ, обычаямъ и пакостнымъ поступкамъ, въ столкновеніяхъ съ христіанами. Тожественный эпитетъ присвоиваетъ половцамъ и Слово. Полагаютъ, слѣдуя за Карамзинымъ, что *деремела* — племенное названіе, хотя его никогда и нигдѣ не существовало [1]). По моимъ изысканіямъ оказывается, что деремела—ничто иное, какъ *изверги*, и только *по формѣ* она имѣетъ сходство съ *Зимиголой*, о которой извѣстія восходятъ къ 1106 г., и *Лотыголой* или Латышами (Ип. 590), которыхъ Карамзинъ и др. смѣшивали съ деремелой. Дерьмо, по народному полногласному произношенію—*деремо*[2]), равнозначительно съ *каломъ* или изверженіемъ[3]). Есть пословица: «На поле съ дерьмомъ, — поле съ добромъ» (Снегиревъ). Дерьмо перешло въ деремелу такъ-же, какъ наприм. *кормъ*—въ *кормлю* [4]). Авторъ Слова, заодно съ лѣтописцемъ, клеймитъ окаянныхъ половцевъ презрѣніемъ не только какъ исконныхъ враговъ единства и цѣлости русской земли, «раздно ее несущихъ», т. е. растерзывавшихъ ее на части, и творившихъ пакости христіанамъ[5]), но и какъ *исчадій бѣсовыхъ, поганыхъ кощеевъ*, т. е. (по моему разумѣнію) еретиковъ, погрязшихъ въ *кощунахъ* или *кощунствѣ*,— *кощунниковъ*. Это отвратительное качество половцевъ, ихъ чудовищная и неудержимая склонность постоянно *кощунить*—попирать русскія хри-

---

[1]) Многіе послѣдовали за М. Максимовичемъ, указавшимъ мнимое *литовское* племя Деремоловъ (Ж. М. Н. П. 1836—1837. Пѣснь о полку Игоревѣ).

[2]) Ср. «болого» въ Словѣ.

[3]) Напр. «аки бисеръ въ калѣ», «аки свинья въ *калѣ*» и т. под.

[4]) «Баба купящи кормьлю»... «Алчющимъ *кормяля*» (Ип. 556 и 608). «Видѣли *кремля* врѣменьныя» (И. Срезневскій. Свѣд. объ изв. и малоизв. памятн. XXII в., 32).

[5]) Напр.: «Сѣдящю Святославу Всеволодовичю въ Черниговѣ (1174 г.) ...начаша половьци *пакость* творити по Рьси» (Ип. 387). «Много зла створиша ти окаяннїи половци руской земли»... (подъ 1224 г.).

стіанскія святыни и жестоко издѣваться, глумиться надъ ними, творить всякую пакость, лѣтопись ярко обрисовала подъ 1179 г., слѣдовательно незадолго до появленія Слова: «Половци, безбожныи, окаянные, нечистыя исчадья, дѣломъ и нравомъ сотониимъ. *Концакъ* — злу начальникъ (ниже «богостудный»), праковѣрнымъ крестьяномъ, *паче-же всимъ церквамъ*, иде-же имя Божие славиться, сими-же погаными *хулиться*,—то не... единемь крестьяномъ, но и самому Богу врази» (Ип. 414).

Въ церквахъ и монастыряхъ кровожадные инстинкты поганыхъ кощеевъ, деремелы — хиновы, безбожныхъ сыновъ Измаиловыхъ, окаянныхъ Агарянъ, находили себѣ обильную пищу. Лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что въ 1096 г., при разгромѣ Стефанечскаго, Германечскаго Печерскаго и Выдубицкаго монастырей, половцы—«поганые *ругатели*» – нѐ ограничились опустошеніемъ, какъ въ 1093 г., послѣ пораженія Святополка и Владиміра на Стугнѣ, «многи церкви запалиша огнемъ» (Ип. 155), но «влѣзше въ притворъ у гроба Ѳеодосьева вземьше иконы», зажигаху двери и *укаряху* Бога и законъ нашь,—глаголаху: гдѣ есть Богъ ихъ, да поможеть имъ и избавить я... и ина словеса *хулная* глаголаху на святыя иконы *насмѣхающеся*»,—причемъ всячески оскверняли церкви и трупы убитыхъ ими монаховъ... Монастырь Печерскій вторично, въ 1171 г., зажженъ былъ погаными. Въ 1177 г. разграблена ими знаменитая Боголюбская церковь и уничтожено огнемъ множество сосѣднихъ храмовъ (Лавр.). Ранѣе, въ 1154 г., половцы сожгли Летьскую божницу св. мучениковъ Бориса и Глѣба, у Переяславля, и т. д. (Ип. 328) [1]).

Дерзкое хуленіе имени Божьяго, святотатственное поруганіе церковныхъ и монастырскихъ святынь, при набѣгахъ, да истязанія надъ плѣнными иноками,—вслѣдствіе чего въ одномъ стихѣ Слова побѣдители Игоря представляются олицетворенною *хулою*, какъ бы исходящею отъ *сверженнаго* съ небеси Сотониила (Ип. 59):

«Уже снесеся *хула* на хвалу ...
Уже връжеся Дивъ на землю» ..

---

[1]) Такъ и въ Сказ. о Мамаевомъ побоищѣ Мамай выставляется христіанскимъ ненавистникомъ и *укорителемъ*: «Мнози монастыри плѣни и осквери вселенскую греч. церковь».

систематически повторяясь, оскорбляло религіозное чувство русскаго народа и породило названіе половцевъ *кощеями*, сохранявшееся за ними при поступленіи на службу къ русскимъ князьямъ[1]). Такъ зоветъ одного изъ слугъ Андрея Боголюбскаго Софійская лѣтопись: «Князю спящу и бяше съ нимъ *кощьй* единъ малъ». — Извѣстенъ измѣнникъ *кощей* Гаврилковъ Ивславичъ (Ип. 364). У Мстислава Изяславича были на службѣ *кощеи*, участвовавшіе въ войнѣ. «Пусти на воропъ сѣдельникы своѣ и *кощьѣ*», (Ип. 369, 370) Во главѣ дикихъ кощеевъ въ послѣдней четверти XII в стоялъ богостудный Кончакъ,—«злу начальникъ»:

«Стрѣляй, господине, Кончака, *поганого кощея*!

Кончакъ, съ родомъ своимъ, принадлежалъ къ половцамъ *дикимъ*[2]), совершенно *свободнымъ*, и, какъ независимому великому князю половецкому, *идолу* Тмуторокапскому, самостоятельно заключавшему договоры съ русскими князьями, ему не могла быть присвоена неподходящая кличка *раби*, вопреки преобладающему между комментаторами Слова мнѣнію. Поэтому, и плѣнные половецкіе воины,—*кощеи*, цѣна коихъ при большомъ предложеніи понижалась будто-бы до рѣзана[3]),

«Была бы чага по ногатѣ, а *кощей*—по рѣзану»...

хотя и находились въ *рабскомъ* состояніи, но оно характеризовалось плѣномъ и продажей, безъ всякой связи съ данной имъ,

---

[1]) Въ одной буллѣ папы Григорія IX нежеланіе его, чтобы вѣрные сочетались бракомъ съ невѣрными, мотивировано несовмѣстимостью *свѣта* съ *тьмою* и неприличіемъ единенія послѣдователей Христа съ послѣдователями погибшаго *сатаны*. (His. Ru·. mon. I. XXXIV.

[2]) Дикими, кажется, назывались половцы, не состоявшіе подъ властью русскихъ князей, неосѣдлые, неимѣвшіе территоріальной связи съ русскимъ населеніемъ. Ср., подъ 1159 г., слова Святослава Ольговича, обращенныя къ Изяславу Давыдовичу: «Взяхъ Черниговъ съ семью городъ пустыхъ, въ нихъ же *сѣдять*—псаревѣ и *половци*»...—*Дикимъ* или порозшимъ полемъ называлась земля свободная, запустѣлая.

[3]) Плѣнники продавались вообще по низкой цѣнѣ. Когда, въ 1169 г., вся земля просторусская ополчилась противъ Новгорода и была разбита Романомъ Мстиславичемъ, то плѣнныхъ «куплякуСуждальць *по дву ногатѣ*» (Нов. I. 15). По 119 ст. Русской Правды, покупщикъ холопа (цѣною до полугривны) обязанъ былъ дать *ногату* «предъ самѣмъ холопомъ».

общей съ князьями половецкими кличкой, кощеевъ.—Другой достопамятный князь половецкій, причинившій чрезвычайно много зла Руси въ эпоху Мономаха, всѣкавшійся въ золотыя ворота Кіевскія, Боняк, имѣвшій своими сторонниками двухъ княжичей изъ Царяграда, которые «молвяху ему его здоровье» (Ип. 217), прослылъ *шелудивымъ*, т. е. *проказникомъ* или *паршивцемъ*, въ силу тѣхъ-же пакостныхъ свойствъ и наклонностей, какими отличался Кончакъ. Свое положеніе о значеніи *кощея* я подкрѣпляю ссылкою на древніе памятники. Въ поуч. Ѳеодосія Печерскаго говорится о лѣпомъ и честномъ сидѣніи за столомъ безъ пустошныхъ словъ, безъ смѣха и *кощуновъ*[1]). Въ 114 ст. уст. митропол. Георгія (около 1072 г.) сказано: «Аще кто *кощунитъ* смѣхотвореніемъ, играетъ, да поклонится 300». Въ повѣсти объ Алексіѣ митрополитѣ (XIV в.) сказано: «отъ *кощунъ* отбѣгитѣ съ ранней молодости». Къ числу отреченныхъ книгъ, въ XV в., отнесены митрополитомъ Засимою:—«о Соломони цари и о Китоврасѣ басни и *кощуны*»[2]). Въ старинной церковной литературѣ о *кощунахъ* эллинскихъ часто идетъ рѣчь. «Сотонино бо замышленіе, тои бо и позоры научилъ есть смѣхотворца и *кощунника* и игрьца»[3]). *Кощея* не надо смѣшивать съ *кащеемъ*, представителемъ зимняго холода (Сахаровъ, Афанасьевъ), являющимся подъ разнообразными видами въ сказкахъ и былинахъ. *Костить* или *кощить*[4]) значитъ *ругать*.—Было бы большою ошибкой полагать, что авторъ Слова совмѣщаетъ въ хиновѣ, купно съ деремелой—половцами, языческую литву и ятвяговъ. Иноязычная литва выводится лѣтописнымъ преданіемъ отъ колѣна *Афетова*, «иже живутъ на странахъ полунощныхъ» (Ип. 6), что однако не мѣшало лѣтописцу подчасъ изливать на нихъ чувства глубокаго негодованія[5]). Итакъ въ стихѣ:

«Хинова, Литва, Ятвязи, деремела и Половци»...

послѣдніе не отдѣляются, по происхожденію и качествамъ, отъ хиновы, но лишь *выдвигаются* на первый планъ изъ разношер-

[1]) Православн. Собесѣдн. 1858 г.

[2]) Русск. Истор. Библ. VI, 791.

[3]) Пам. Рус. Лит. IV. Сл. Іоан. Злат.

[4]) Сравн. напр. «Щепановичъ» вм. Степановичъ (Ип. 483).

[5]) Лѣтописецъ называетъ боговъ литовскихъ бѣсами, Скомонда—князя—нечестивымъ, и т. под. (Ип. 531, 556).

стнаго состава хиновы, въ смыслѣ союза кочевыхъ азіятскихъ ордъ, наиболѣе сильнаго и зловреднаго ея племеннаго контингента, параллельно тому, какъ ятвяги, — *отрасль литовскаго племени* [1]), отчленяется и лѣтописцемъ, и пѣвцомъ, отъ литвы по политическому объединенію ихъ родовъ, вслѣдствіе постепеннаго раздробленія литовскаго племени. Въ другомъ мѣстѣ Слова мы встрѣчаемся съ подраздѣленіемъ осѣвшей въ Черниговскомъ княжествѣ хиновы на мелкіе роды, носившіе имена своихъ предковъ, совершенно такимъ-же, какое встрѣчаемъ въ лѣтописи по отношенію къ отдѣльнымъ половецкимъ, торкскимъ и литовскимъ родамъ. Въ западно-русскихъ актахъ они называются *счадками* или *щадками*, т. е. потомками, что вполнѣ соотвѣтствуетъ лѣтописной *чади* [2]), *исчадья*. Въ двухъ стихахъ, изъ которыхъ въ одномъ говорится, что *тьма*, покрывшая свѣтъ послѣ пораженія Игоря,

«Великое буйство подасть *Хиновѣ*»...

а въ другомъ Ярославна упрекаетъ вѣтеръ,

«Чему мычеши *Хиновьскыя* стрѣлкы....
.... На моея лады вои?»

разумѣются преимущественно половцы; къ нимъ, при возмущеніи Посемскихъ городовъ въ отсутствіи Игоря, могли примкнуть отряды торковъ и др. тюрко — монгольскихъ инородцевъ. Хиновскія-же стрѣлки пускались однимъ половецкимъ войскомъ и пѣвецъ, повидимому, намѣренъ былъ нагляднѣе выставить, вмѣстѣ съ безпечностью вѣтра, ихъ ничтожество, по принадлежности къ общему, ненавистному разряду монгольскихъ, явно недостойной его крылушекъ. На замѣну видового племеннаго термина родовымъ могли повліять не только современныя пѣвцу поэтическія требованія, но и двойственность отношеній русскихъ князей къ половцамъ: то пріязненныя, подкрѣплявшіяся родственными связями [3]), то враждебныя. Въ

[1]) Сводъ мнѣній ученыхъ о происхожденіи ятвяговъ сдѣланъ Н. Авенаріусомъ. Древн. С. зап. края, т. I, вып. 2-й, 1890 г.

[2]) Простая чадь—простой *народъ*.

[3]) На половчанкахъ были женаты, кромѣ Олега Святославича, Святополкъ—на дочери Тугоркана, Андрей Владиміровичъ—на внукѣ Тугоркана (Ип. 205), Юрій Владиміровичъ — на внукѣ Осеня, сынъ Олега Святосл.—на Аепиной дочери, Рюрикъ Ростисл.—на дочери Белука (Ип. 357), и т. д.

XII в. вспомогательные половецкіе отряды почти постоянно присоединялись къ русскимъ князьямъ въ междоусобныхъ войнахъ. Участіе половцевъ, нерѣдко призывавшихся на помощь самимъ Мономахомъ, въ составѣ русскихъ походныхъ дружинъ представлялось столь обычнымъ, что стоило пѣвцу, при изложеніи Святославова сна, ввести въ число тѣхъ, кто были виновниками его скорби, *поганыхъ толковинъ*, безъ обозначенія ихъ народности, какъ уже всякій хорошо понималъ, что рѣчь идетъ о половцахъ. Основываясь на одномъ старинномъ азбуковникѣ, В. Григоровичъ правильно опредѣлилъ значеніе толковина, какъ *помощника* или *союзника*[1]). Въ буквальномъ переводѣ моемъ толковины—*понятые*. Толкъ—*понятіе*, толковать—понимать[2]) И то, и другое, употреблялось въ двоякомъ смыслѣ: прямомъ и переносномъ.—Прямой смыслъ глагола понимать—забирать, отъ *няти* или *яти*. Приближенные думцы говорили Игорю: «ты ищеши *няти мужа* и бѣжати съ нимъ» (Ип. 438). *Нятый*—взятый «Полотьскии князи помогающе Олговичемъ.. видѣ (Олегъ) Мьстислава *нятого*». (Ип. 465). «*Понять* женѣ» (Ип. 357) и т. п. Въ такомъ же точно значеніи «понятыхъ» употреблено слово *толковины* въ начальной лѣтописи, въ примѣненіи къ тиверцамъ, при походѣ Руси на грековъ. *Понятой*, какъ синонимъ толковина, позднѣе получилъ спеціяльное значеніе *помощника*. Они могли быть наемниками. Ср. «Леонъ царь *ная* Угры на Болгары» въ 902 г. (Ип. 16). «Русь *наяли* суть къ собѣ Печенѣги» подъ 944 г.).—Подъ *поганыхъ* толковинъ нельзя, конечно, подвести половцевъ, состоявшихъ на постоянной службѣ русскихъ князей и *принявшихъ крещеніе*, какъ напр. въ 1168 г. половецкій князь Айдаръ, и др., но должно разумѣть подъ ними временныхъ *союзниковъ*, обязывавшихся оказывать русскимъ княземъ военную помощь.

---

[1]) Труды Кіевск. арх. съѣзда. Мнѣніе Григоровича принято, между прочимъ, В. Антоновичемъ и Н. Молчановскимъ (Очеркъ изв. о Подольской землѣ, стр. 30—31).

[2]) Слово *толока* употреблялось не только въ смыслѣ *помочи*, но, кажется, и въ смыслѣ плотской *связи*, покрайней-мѣрѣ на древнемъ юридич. языкѣ. Въ 5-й ст. уст. о церковн. судахъ кн. Ярослава Владим сказано: «Аще дѣвку умолвить кто къ себѣ и дасть *въ толоку*, на умовницѣ епископу три гривны серебра, а дѣвицѣ *за сороми* три гривны серебра, *на толочныхъ* по рублю, а князь казнитъ».

Разбросанныя въ Словѣ религіозныя мысли, въ которыхъ выражается вѣра въ незыблемость законовъ Божескаго возмездія за человѣческія дѣянія, сводятся къ идеѣ, унаслѣдованной авторомъ отъ Бояна, о неизбѣжности справедливаго Божьяго суда, и облеченной въ форму припѣвки:

«Ни хитру, ни горазду, ни птичю горазду [1]),
Суда Божьяго не минути» [2]).

Вѣру въ судьбу авторъ Слова связываетъ съ моментомъ *рожденія*. Сказавъ, что Олегово храброе гнѣздо

«Не было. ... обидѣ *порождено*»,

онъ сталкивается съ обычаемъ почитанія рода и рожаницъ, олицетворявшихъ человѣческую судьбу [3]). Въ Бояновой припѣвкѣ идея Божьяго суда не ограничивается земнымъ поприщемъ человѣка, но проникаетъ и въ жизнь загробную. Мысль Бояна о Божьемъ судѣ надъ Всеславомъ полоцкимъ сопоставлена съ *двойственностью* его натуры:

«Аще и вѣща душа въ *друзѣ* [4]) тѣлѣ»,

Очевидно, поэтому, что въ воображеніи Бояна *загробная* метаморфоза представлялась въ соединеніи души съ тѣломъ, когда на страшномъ судѣ «Богъ пуститъ души въ своя тѣла», какъ излагается въ вопросахъ Іоанна Богослова на Елеонской горѣ [5]) или, какъ поется въ духовныхъ стихахъ:

«И души въ тѣлеса пойдутъ...
Всѣ на судъ Божій пойдутъ» [6]).

---

[1]) А. Фаминцынъ переводитъ: «Будь хитеръ, будь гораздъ, оберись хоть птицей» (Скоморохи на Руси, 35). Форма *птичю* нерѣдко встрѣчается: «А *птичю* не протѣсай»,—«Видѣхъ *птичю*» (И. Срезнев. Пам. русск. письма и яз. 250).

[2]) У Заточника: «Суда Божія ни хитру уму, ни горазду не минути».

[3]) Изслѣдов. И. Срезневскаго и А. Аѳанасьева. (Арх. истор. юридич. свѣд.).

[4]) Н. Тихонравовъ и мн. др. принимаютъ «друзѣ» за мѣстн. пад. ед. ч. отъ *друг*. Это невѣрно. Здѣсь «въ друзѣ» — въ другомъ. Сравн. 44 ст. Русской Правды: «Аще кто изыщетъ коунъ на *друзѣ* (другомъ), а онъ ся оучне запирати».

[5]) Тихонравовъ. Пам. II, 212.

[6]) Безсоновъ. Калики. № 572 и мн. др.

Одинаковаго воззрѣнія на Божій судъ держался и Мономахъ въ поученіи[1]), и лѣтописецъ при неоднократныхъ ссылкахъ на него.—Божественный приговоръ, въ наказаніе виновнаго, осуществлялся или *внезапною* смертью, какою погибъ Владиміръ Галицкій, осужденный Богомъ за нарушеніе крестнаго цѣлованія (Ип. 318—320), или же смертью *въ битвѣ* отъ вражеской руки[2]). Соотвѣтственно господствовавшему взгляду, въ системѣ древне-русскаго права отдача на судъ Божій сопровождалась поединкомъ (полемъ), испытаніемъ водой и желѣзомъ. Такимъ образомъ, мы убѣждаемся, что творчество Бояна было проникнуто не менѣе искреннимъ религіознымъ настроеніемъ, чѣмъ поученіе Мономаха, въ тропу котораго рыскалъ соловей стараго времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ,—въ неосновательности мнѣнія В. Я. Стоюнина и его сторонниковъ, будто пѣвецъ Слова не былъ религіознымъ человѣкомъ, будто-бы самъ онъ вѣровалъ въ Стрибога, Дажьбога, Хорса и Велеса и въ инѣческую силу стихій,—мнѣнія тѣмъ болѣе ошибочнаго, что христіанскіе мотивы у автора Слова, съ особенною силою звучащіе въ его заключительномъ, заздравномъ стихѣ:

«Побарая за *христьяны* на поганыя плъкы»...

и въ изображеніи Божественнаго покровительства Игорю указаніемъ пути на родину:

«Игореви князю Богъ путь кажетъ»...

за что Игорь и принесъ благодареніе Богу:

«Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей»...

---

[1]) «Человѣкъ не потерпитъ вреда, если не будетъ *суждено* отъ Бога, а если назначена ему смерть, то ничто его не спасетъ».

[2]) Напр. «Ярополкъ убоявся *суда Божія*» (Ип. 215).—«*Судъ отъ Бога*» сыну Мономаха (поуч.). «Идемъ на судъ Божій», говорили Изяславъ, Вячеславъ и Ростиславъ, Мстиславу. Изяславъ говорилъ дружинѣ: «А съ тѣмъ *судъ Божій* вожю, а како Богъ разсудитъ» (Ип. 285). Узнавъ о смерти Георгія, Изяславъ сказалъ: «Благословенъ еси, Господи, оже мя еси *росудилъ* съ нимъ смертью, а не кровопролитьемъ» (Ип. 336). Болеславъ польскій говорилъ Шварну: «Богъ суди по правомъ, то тъи *расудитъ* межи нами» (Ип. 571). Борисъ Владиміров. предъ смертію произнесъ: «Суда Божія не убѣжаю» (Житіе, по изд. Бодянскаго).

развиваются изъ поэтической программы повѣсти, изъ распредѣленіи стихійныхъ силъ какъ-бы на два лагеря: темный, ненавистный для автора языческій подъ властью злобнаго духа Дива и противоположный—свѣтлый, христіанскій, озаренный Божественною благодатью. Если авторъ Слова внесъ въ свою повѣсть обломки древне-русскаго миѳологическаго эпоса въ видѣ былинъ, съ именами русскихъ языческихъ боговъ, то это вызывалось *уваженіемъ* его къ народнымъ преданіямъ и убѣжденіямъ и условіями поэтическаго творчества, а не вѣрою въ языческія божества. Религіозная идея Божьяго правосудія и политическая теорія *единства русской* земли подъ верховною властью старшаго князя, вложенная въ двѣ знакомыя намъ притчи, вотъ коренные принципы, на которыхъ зиждется вся поэтическая философія пѣснотворца стараго времени, воспринятая и разработанная, по былинамъ, пѣвцомъ новаго (сравнительно) времени.

Многіе полагаютъ, что Боянъ и Янъ, умершій 1106 г., въ маститой старости, 90 л.,—одно и тоже лицо[1]). Лѣтописецъ почтилъ память старца Яна похвалою, какъ-будто предъ блестящими заслугами его блѣднѣли заслуги многихъ выдающихся государственныхъ мужей Мономаховой эпохи, какими были, напр., Кіевскій тысяцкій Ратиборъ, или-же Святополковы мужи Путята, братъ Яневъ, и Славята. Жилъ старецъ *добрый* Янъ по закону Божію, не хуже первыхъ праведниковъ, былъ благой, кроткій и смиренный. Наиболѣе замѣчательно то, что онъ «огребался всякое вещи», сообщилъ лѣтописцу «*многа словеса, еже и вписахъ въ лѣтописаньи, отъ него же слышахъ*». Такъ гласитъ древнѣйшій Лаврентьевскій сводъ. Въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ спискахъ «огребался всякое вещи» измѣнено на «*отгребался отъ* всякое вещи»[2]). Старецъ Янъ, насколько можно заключить по сохранившимся о немъ въ лѣтописи извѣстіямъ, былъ сынъ ходившаго на грековъ въ 1043 г.

---

[1]) Относительно тожества, участвовавшаго въ походахъ на половцевъ, Яна со старцемъ Яномъ, умершимъ 1106 г., не сомнѣвались ни Карамзинъ (Ист. т. II, прим. 165), ни Погодинъ (Лекціи, изслѣд. и зам. I, 97).

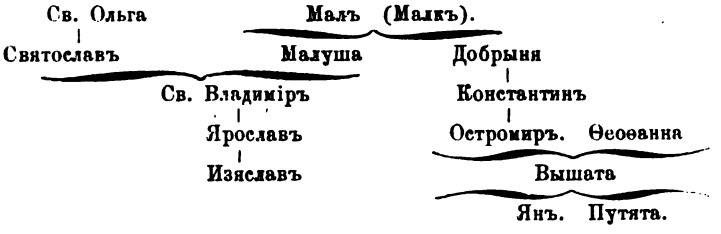
[2]) По переводу преосв. Макарія: «охранялся отъ всякаго искушенія» (Ист. Рус. цер. II. 250).

воеводы Ярослава I-го, Вышаты, который въ 1064 г. бѣжалъ съ Ростиславомъ Владиміровичемъ и Порѣемъ (убитымъ 1078 г.[1]), въ Тмуторакань, внукъ погибшаго въ походѣ на Чудь, около 1061 г. Новгородскаго посадника Іосифа Остромира, близока, т. е. свойственника Изяславова, внука Добрыни, дяди св. Владиміра по матери послѣдняго Малушѣ[2]). Въ 1073 г. Янъ находился при дворѣ Святослава Ярославича и, вѣроятно, тогда-же велъ, не безъ участія, кажется, Мономаха, пресловутую войну съ волхвами, погибавшими «судомъ Божьимъ». Въ 1088 г. Янъ держалъ Кіевскую тысячу и до самой смерти принималъ дѣятельное участіе въ походахъ на половцевъ. Въ 1093 г., предъ злополучнымъ переходомъ Владиміра Мономаха чрезъ р. Стугну, на совѣщаніи князей, этотъ *смысленый мужь*, по выраженію лѣтописи, энергически поддерживалъ мнѣніе Мономаха о необходимости немедленнаго заключенія мира съ половцами, а предъ тѣмъ смѣло увѣщевалъ князей, говоря: «почто вы распря имата межи собою, а поганіи губятъ землю русьскую». Онъ пользовался такою популярностью, что, записывая событія 1043 г., лѣтописецъ, въ поясненіе того—о какомъ Вышатѣ ведетъ онъ рѣчь, ограничился ссылкою на сына его Яна: «Ярославъ воеводство поручи Вышатѣ, отцу Яневу». Старецъ добрый не могъ быть низкаго состоянія[3]). Добрыми людьми назы-

---

[1]) Повидимому, въ этомъ году Порѣй состоялъ воеводой Всеволода Ярославича.

[2]) Привожу родословную роспись Малковичей, составленную Д. Прозоровскимъ. (О родствѣ св. Владиміра по матери. Зап. И. Ак. Н. т. V, стр. 24).



[3]) Такъ, въ поуч. Мономаха, простой гость отличается отъ добраго («или *простъ*, или *добръ*»). Въ Каяльской битвѣ «не бяхуть *добрѣ* смѣялися съ Ковуи, но мало отъ *простыхъ* или кто отъ отрокъ боярьскихъ, *добрѣ* бо всѣ бяхуться». Далѣе пояснено, что въ полкахъ Игоря были «*бояре думающеи*». Ср. «боярѣ и людье добрии».—«Ни боярина, ни доброго роду» (Ип. 562, 564, 582).

валось высшее сословіе, примыкавшее къ боярамъ. Не спорю, что имя Яна могло легко преобразиться въ Бояна, встрѣчающееся нетолько въ болгарскихъ *сказкахъ*, но и въ русскихъ юридическихъ *актахъ*[1]), подобно тому, какъ въ Словѣ имя Игорева пособника въ побѣгѣ съ береговъ р. Тора на родину преобразилось изъ Лавра во *Влура*, переименованнаго изслѣдователями, по неосторожности, въ *Овлура*,—какъ имя половецкаго князя *Кзы* мѣстами перемѣнилось въ *Гзака*. Тожество Бояна съ Яномъ усматриваютъ и въ томъ, что плавный и живой разсказъ лѣтописи надолго становится, съ года смерти Яневсй, крайне сухимъ, переходя въ голый перечень событій. Какъ-бы ни была велика вѣроятность такого тожества, однако, ни откуда невидно, чтобы Янъ передавалъ лѣтописцу, какъ выражался Ѳ. Буслаевъ, преданія русской старины въ звучныхъ *пѣсняхъ*[2]).

[1]) Вс. Миллеръ напрасно доказывалъ болгарское происхожденіе Бояна (Зам. по поводу сб. Верковича. Ж. М. Н. П. 1877 г. ч. CXCIII, стр. 110 и слѣд.). Въ объясненной Неволинымъ рядной записи Тѣшаты 1299 г. подписался свидѣтель Боянъ. Тоже и въ др. русскихъ грамотахъ.

[2]) Русск. поэзія XI—XII в.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Перейдемъ къ Трояну. Изслѣдователи Слова, работая надъ уясненіемъ тѣхъ стиховъ его, гдѣ выступаетъ Троянъ, извлекаютъ по большей части данныя для своихъ выводовъ или изъ преданій западныхъ славянъ, или изъ преданій о Троѣ [1]) и Троянской войнѣ, или-же изъ эпохи римскаго императора Трояна[2]). Лишь немногіе, напр., Полевой, Дубенскій, Бодянскій [3]) и Огоновскій[4]), относятъ Трояновы вѣка къ княженію Владиміра *Святою*. Неудивительно, поэтому, если такой опытный изслѣдователь, какъ Ѳ. Буслаевъ, рѣшился провозгласить, что едвали и самъ авторъ Слова о Полку Игоревѣ могъ-бы отвѣтить на вопросъ: кто былъ воспѣтый имъ Троянъ[5]), и если составители лучшихъ руководствъ по исторіи русской словесности высказываютъ увѣренность, что авторъ Слова уносится воображеніемъ къ самымъ отдаленнымъ временамъ, къ какимъ-то вѣкамъ Трояновымъ[6]). Всѣ разсужденія о Троянѣ Слова страдаютъ, по моему убѣжденію, одною и тою-же капитальною погрѣшностью—уклоненіемъ отъ программы, начертанной авторомъ пѣсни въ предисловіи къ своему разсказу о походѣ Игоря,

---

[1]) Нѣкоторые полагаютъ, говорится въ сочиненіи Мих. Литвина о нравахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ, XVI в.,— будто Иліонъ, иначе Троя, была въ кіевской землѣ, среди полей плодороднѣйшихъ и пріятнѣйшихъ рощей (см. извлеч. въ Арх. истор. юрид. свѣд., кн. II, полов. 2).

[2]) Сводъ этихъ мнѣній у Максимовича въ статьѣ о Троянѣ (Собр. соч.), Смирнова и Жданова.

[3]) О тожествѣ Хорса—Дажьбога.

[4]) Слово, стр. 106.

[5]) Русск. поэзія XI и XII в. Лѣтоп. русск. лит. I. 12. Также и по мнѣнію Вс. Миллера, авторъ Слова зналъ о 7-мъ вѣкѣ Трояна не больше нашего.

[6]) И. Порфирьевъ. Ист. русск. слов., изд. 2, 1876 г., ч. 1, стр. 399.

и отъ фактовъ, положенныхъ въ основу повѣствованія, вслѣдствіе чего личность, извѣстная пѣвцу подъ именемъ Трояна, всецѣло претворяется въ тотъ или другой мнимый первообразъ этого имени. Другими словами, на мѣсто введеннаго въ разсказъ историческаго лица подставляется или существо чисто миѳическое, вродѣ того Трояна, который въ сербскихъ сказаніяхъ, собранныхъ Вукой Стефановичемъ, изображается съ козлиными ушами, или-же личность дѣйствительная, носившая одинаковое или сходное имя, но жившая въ тѣ времена, когда еще не начала «прозываться русская земля».

«Почнемъ же, братіе, повѣсть сію»,—

говоритъ пѣвецъ, — «отъ *стараго Владимера* до нынѣшняго Игоря». Напрасно стали-бы мы искать въ порядкѣ изложенія пѣвцомъ отдѣльныхъ эпизодовъ за указанный здѣсь періодъ времени ту мелочность и строгую хронологическую выдержанность, какая, за небольшими изъятіями, присуща нашей лѣтописи. Тѣмъ не менѣе пѣвецъ весьма точно и логически, хотя подчасъ въ разбивку, изображаетъ историческія событія въ предѣлахъ предначертанной имъ программы, не бросаясь при этомъ въ глубину давно прошедшихъ вѣковъ, покрытыхъ тьмою неизвѣстности, въ чемъ, для цѣлей его, не представлялось никакой надобности. Отодвинувъ исходный пунктъ своего разсказа къ старому Владиміру, извлекая мотивы прославленія Игоря изъ обѣихъ сторонъ круга времени, примыкавшаго однимъ полюсомъ, какъ я постараюсь доказать, къ первому нашествію на Русь половцевъ, другимъ—къ злосчастному походу на нихъ Игоря, дальновидный пѣвецъ не только не пытается проникнуть за предѣлы историческаго горизонта, но онъ не досягаетъ, широкими размахами своей кисти, даже до крайнихъ предѣловъ извѣстнаго лѣтописцу. Мы явственно слышимъ въ Словѣ отголосокъ страданій всей русской земли, вопль отчаянія русскаго народа, въ которое повергла его дикая половецкая орда, раздиравшая на части русскую землю. Если пѣвецъ отъ современныхъ событій удаляется къ минувшему столѣтію, то только для того, чтобы, по *старымъ* сказаніямъ, выставить во всей наготѣ *истинныя* причины національныхъ бѣдствій—княжескія усобицы, а съ другой стороны, чтобы *достойно* увѣнчать своего героя славой, сплетенной изъ дошедшихъ до него

былинъ. Слагая пѣснь въ честь злополучнаго Сѣверскаго князя, пѣвецъ не ограничивается оцѣнкою похода съ точки зрѣнія плачевныхъ его результатовъ, но разоблачаетъ и душевныя побужденія Игоря. Въ этомъ отношеніи Игорь дѣйствительно заслуживалъ сочувствія, ибо, вооружившись противъ заклятаго и опаснѣйшаго врага Руси, онъ готовъ былъ пожертвовать своею жизнью ради возвращенія оторванной кочевниками русской Тмуторокапской области. Пѣвецъ стремился обрисовать предпріятіе Игоря такими красками, которыя, не унижая его, но, напротивъ, возвышая его доблестныя качества, привели бы современниковъ къ сознанію, что въ корнѣ всѣхъ бѣдствій, обрушивавшихся на русскую землю и ея князей, гнѣздятся усобицы, что пока Владиміръ Мономахъ держалъ русскіе стяги въ своихъ мощныхъ рукахъ, обида, распустившая надъ Русью свои широкія крылья, встрѣчала сильную преграду, что по смерти «добраго страдальца за русскую землю, который «наипаче бѣ страшенъ погапымъ», она вонзила въ нее свои когти, воспользовавшись изнеможеніемъ ея отъ внутреннихъ раздоровъ,—что наиболѣе надежнымъ оплотомъ Руси противъ побѣдоноснаго вторженія въ ея границы погапыхъ кочевниковъ должно служить единеніе между удѣльными князьями и повиновеніе ихъ великому князю, что кровавая расправа, по суду Божьему, постигаетъ крамольниковъ, пренебрегающихъ народнымъ благомъ ради удовлетворенія эгоистическихъ инстинктовъ, жестоко карая всякую попытку разбить священную славу предковъ и воздвигнуть на ея обломкахъ свою собственную славу. Пересадка «изъ сѣдла злата въ сѣдло кощеево» молодого Игоря, пустившагося, наперекоръ небесному знаменію, въ далекую и невѣдомую трущобу половецкихъ степей добывать Тмуторокапя, безъ вѣдома своего главы и двоюроднаго брата, великаго князя кіевскаго Святослава Всеволодовича[1]), является лишь прямымъ слѣдствіемъ неизбѣжнаго закона возмездія за отступленіе отъ путей, указанныхъ промысломъ Божественнымъ. На долю Игоря выпалъ несчастный жребій быть орудіемъ Божественной казни, ниспосланной всѣмъ князьямъ русскимъ въ возмездіе за взаимные раздоры. Нельзя не замѣтить намѣренія пѣвца оттѣнить роковое стеченіе обстоятельствъ,

[1]) «Утавшеся», по выраженію лѣтописи.

давшее перевѣсъ вожделѣнію князя испить золотымъ шеломомъ Дону, несмотря на то, что солнце тьмою заступало ему дорогу. Суевѣрный народъ считалъ небесное знаменіе предвѣстникомъ бѣды. Игорь, скрѣпя сердце, пренебрегъ знаменіемъ, полагаясь на силу своихъ полковъ, благодаря *непреклонной* волѣ, оправдываясь тѣмъ, что смерть на полѣ битвы лучше позорнаго *плѣна*. Авторъ Слова ссылается на это оправданіе, кажется, для того, чтобы показать его несостоятельность. Игорь, хотя не былъ отъ рожденія обреченъ на обиду[1]), но потерпѣлъ именно ту участь, которую самъ-же считалъ хуже смерти. Когда Игорь взглянулъ на затмившееся солнце, то увидѣлъ:

«Отъ него *тьмою* вся своя воя *прикрыты*».

Предзнаменованіе сбылось:

«Уже пустыни *силу прикрыла*»...
«На рѣцѣ на Каялѣ *тьма свѣта покрыла*»...

Подвергнувъ князя суровому наказанію, провидѣніе, снизойдя къ мольбамъ Ярославны, проявило надъ нимъ и необыкновенную милость, указывая ему возвратный путь на родину несшимися къ сѣверу морскими смерчами, когда Игорь томился въ половецкомъ плѣну[2]). Досадуя на пробужденіе братьями Святославичами, Игоремъ и Всеволодомъ, лживой твари,— половцевъ, недавнихъ союзниковъ русскихъ князей[3]), пѣвецъ проницательнымъ окомъ обозрѣваетъ минувшія событія *съ момента смерти Ярослава 1-го*, постепенно приближаясь къ пучинѣ, поглотившей Олегово храброе гнѣздо. Раскрывъ источники и проводники зла, пѣвецъ какъ-будто намекаетъ и на виновниковъ, натолкнувшихъ Игоря на гибельную стезю. Такими виновниками пѣвецъ былъ-бы вправѣ признать двухъ

---

[1]) Не было нъ (Ольгово храброе гнѣздо) обидѣ порождено.

[2]) Ср. лѣтоп. разсказъ: «Не вѣдяшеть бо Божия промысла, но творяшеться (полагалъ) тамо (въ плѣну) и долго быти; но избави и Господь»...

[3]) Объ измѣнническомъ образѣ дѣйствій половцевъ см. подъ 1155 г.: «Половцы взяли дары, у Юрія, но, мира не створивъ, много пакостей сотворили у Переяславля». Также подъ 1179 г. слова Мстислава Изяславича: «Съ нами роту взимаюче, всегда переступаюче».. «Святославъ ждашеть къ собѣ половцевъ на миръ, бяшеть-же имъ вѣсть ина: рать» (Ип. 415), и т. под. О нарушеніи половцами клятвъ говоритъ и Мономахъ въ поученіи.

старшихъ князей южной Руси—братьевъ Святослава Кіевскаго и Ярослава Черниговскаго. Въ 1180 г. Святославъ вооружился противъ великаго князя Суздальскаго Всеволода по поводу заключенія послѣднимъ въ оковы сына его Глѣба, котораго Святославъ послалъ на помощь Рязанскимъ князьямъ и зятю своему Роману Глѣбовичу, женатому на его дочери, противъ Всеволода. Узнавъ о захватѣ сына, Святославъ «располѣся гнѣвомъ и ражеся яростью», сказавъ: «яко мьстился быхъ Всеволоду, но не лзѣ—Ростиславичи... неудержався отъ ярости, переступи крестъ... помысли во умѣ своемъ: — яко Давыда иму, а Рюрика выжену изъ землѣ, и прииму единъ власть рускую и съ братьею, и тогда мьщюся Всеволоду обиды своѣ» (Ип. 416). Вражда завершилась междоусобною ратью, битвой на р. Вленѣ и пораженіемъ Рязанскихъ князей. О существованіи острыхъ несогласій между Святославомъ и Ярославомъ свидѣтельствуетъ лучше всего отказъ Ярослава на предложеніе Святослава выступить лично противъ половцевъ за Хоролъ, гдѣ затѣмъ 1-го марта 1185 г. Святославъ съ Рюрикомъ Ростиславичемъ нанесли имъ пораженіе. По этому поводу Игорь сказалъ: «Не дай Богъ на поганыѣ ѣздяся отрещи, поганы есть всимъ намъ обчий ворогъ». — Самостоятельному походу Игоря на половцевъ дала толчекъ оплошность старика Святослава. Приславъ къ Игорю *въ четвергъ* мужа своего съ извѣстіемъ, что онъ выступаетъ изъ Кіева *въ воскресенье* (на той-же, повидимому, недѣлѣ) онъ лишилъ Игоря возможности присоединиться къ его полкамъ: «Ты не пташка, столь быстро не перелетишь», говорила ему дружина. Безуспѣшно попытавшись перейти поле поперекъ, около Сулы, Игорь черезъ мѣсяцъ пустился къ Лукоморью, не будучи въ состояніи преодолѣть стремленіе преломить копье съ общимъ врагомъ въ концѣ половецкаго поля. Однако, лѣтопись указываетъ и на непосредственное участіе Игоря въ *которъ*. Находясь въ плѣну, онъ говорилъ: «много убийство, кровопролитье створихъ въ землѣ крестьянстѣй, яко-же бо азъ не пощадихъ хрестьянъ, но *взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля*»[1]) и т. д. Щекотливое положеніе не позволяло пѣвцу войдти въ совершенно свободную оцѣнку политики Святослава Всеволодовича. При сдержанности и невольномъ подобострастіи

[1]) Ипат. 430, 433, 416—419.

по отношенію къ великому князю Кіевскому, для пѣвца открывался полный просторъ въ критикѣ поступковъ другихъ князей. Такъ онъ съ негодованіемъ обращается къ Ярославу, быть можетъ, Владиміровичу—внуку Мстислава Великаго, и Всеславовымъ внукамъ, укоряя ихъ за то, что они своими крамолами начали наводить поганыхъ на Всеславово достоянье. Незадолго до Игорева похода этотъ Ярославъ княжилъ въ Новгородѣ, но былъ выведенъ оттуда Всеволодомъ III, вслѣдствіе того, что притѣснялъ новгородцевъ *и грабилъ волости*. Въ 1187 г. онъ былъ вторично призванъ въ Новгородъ суздальской партіей, прокняжилъ тамъ 9 лѣтъ. Будучи выгнанъ новгородцами въ 1196 г., онъ снова возвратился въ Новгородъ и, послѣ похода его *на Полоцкъ*, былъ отозванъ Всеволодомъ въ 1199 г. [1]).

Разжигая сердца современныхъ князей пламеннымъ воззваніемъ сплотиться воедино и отмстить за землю русскую, за раны Игоревы, когда половцы и литовцы навели трепетъ на Кіевъ и Черниговъ захватомъ городовъ — первые по рѣкамъ Рси, Сулѣ, а послѣдніе по Двинѣ, гдѣ стали уже раздаваться крики поганыхъ, — приводя разительные примѣры страшныхъ бѣдствій для Руси отъ безпрерывныхъ княжескихъ междоусобій, художникъ-пѣвецъ размашистою кистью рисуетъ на отдаленномъ планѣ своей поэтической картины *обаятворенную* русскимъ народомъ личность Владиміра Мономаха рядомъ съ личностями чародѣя Всеслава полоцкаго и бунтовщика Олега Святославича, который звономъ крамольнаго молота ежедневно терзалъ слухъ Мономаха въ Черниговѣ, откуда онъ въ 1094 г. былъ вытѣсненъ Олегомъ, при содѣйствіи половцевъ, въ Переяславль, «на отца своего мѣсто» (поуч.).

— «Ступаетъ въ златъ-стремень въ градѣ Тмутороканѣ,—
Тоже звонъ слыша давный великій Ярослав(л)ь, —
Сынъ Всеволожь а Владиміръ
По вся утра уши закладаше въ Черниговѣ».

Многіе коммептаторы неправильно принимаютъ «тоже» за то(и)же (тотъ же). Въ древнихъ памятникахъ «тоже» употре-

---

[1]) Наиболѣе подробно судьба Ярослава Владиміровича изложена И. Д. Бѣляевымъ въ Исторіи Новгорода Великаго.

блнется не всегда въ одинаковомъ значеніи [1]) Здѣсь «тоже» употреблено соотвѣтственно опущенному въ предыдущемъ стихѣ *коль*.

Выдвигая, съ самаго начала своей повѣсти, Владиміра Мономаха, почтивъ затѣмъ восторженными стихами его память, пѣвецъ увлекается народнымъ воззрѣніемъ на *свѣтлую* личность этого прославленнаго страдальца за русскую землю. Одна изъ лучшихъ характеристикъ Мономаха сдѣлана Лашнюковымъ. «Въ боевыхъ подвигахъ Мономаха», говоритъ онъ, «въ громкой ихъ славѣ, какъ они записаны современниками, высказалось народное сознаніе силы и политическаго значенія Руси въ ряду сосѣднихъ народовъ... Мономахъ былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ вождей народа, которые своею дѣятельностью опредѣляютъ его историческую роль, указываютъ цѣль, къ которой онъ долженъ стремиться. Отдаленное потомство смотрѣло на Мономаха, какъ на образецъ доблести, какъ на совершителя великихъ подвиговъ для чести и славы русской земли. Не безъ основанія Московскіе князья ведутъ отъ Мономаха свое самодержавіе... Онъ блистательно выполнилъ все, что требовало отъ него современное общество, но не удовлетворялся этимъ: высшія стремленія духа брали перевѣсъ надъ насущными интересами въ его высокочеловѣческой натурѣ... Въ этой гармоніи нравственной чистоты и высокаго героизма съ свѣтлымъ умомъ, житейскимъ тактомъ, широтою натуры, состоитъ величіе, прелесть характера Мономаха, и въ этомъ заключается источникъ симпатіи къ нему современниковъ и потомства». Отношеніе Мономаха какъ къ народу въ земскихъ дѣлахъ, такъ и къ сосѣднимъ государствамъ, его законодательная дѣятельность, нравственно, религіозное его міросозерцаніе, и т. д., очерчены Лашнюковымъ краснорѣчиво и съ полнымъ знаніемъ дѣла [2]). Если принять въ соображеніе;

[1]) Напр. подъ 945 г.: «Воевода бѣ Свѣнелдъ, *тоже* отець Мистишинъ» (Лавр.). «Олны насъ не будетъ, *тоже* все ваше будетъ» (Нов. I, 51). — «А ты пожди,—*тоже* поидеши» (Ib. 9).—«*Ащели*,—*тоже*» (Поуч. Моном., Русск. Пр. и др.).—«*Тоже* слышавъ Изяславъ, пойде» (Воскр., 54).— «Олъны пойдуть раздѣлившеся, *тоже* бийтеся съ ними» (Ип. 572).—«Первое,—но *тоже*» (Ип. 611) и т. д.

[2]) Владиміръ Мономахъ и его время. Подробно и хорошо разобрано поученіе Мономаха, за исключеніемъ ошибки въ переводѣ; «*пояти*»—захватить (коней) онъ перевелъ: *напоить* (стр. 4).

что Мономахъ, по свидѣтельству лѣтописца, во всемъ слѣдовалъ своему отцу Всеволоду, даже по смерти послѣдняго (Лавр. подъ 1097), то нельзя не согласиться съ Лашнюковымъ, справедливо считающимъ Всеволода Ярославича могущественнымъ и высоко образованнымъ поборникомъ идеи верховной самодержавной власти, родоначальникомъ княжеской линіи, въ которой хранилась эта идея. Такой именно взглядъ на Всеволода проводятъ былины Слова, отражающія народное къ нему сочувствіе. Напрасно нѣкоторые историки выставляютъ Всеволода человѣкомъ вялымъ, слабохарактернымъ. Долговременная и упорная борьба его съ внѣшними и внутренними врагами, среди которой, по словамъ Лашнюкова, вырабатывались начала нашей политической и общественной жизни и опредѣлялась историческая роль русскаго народа, въ крайне смутное для Руси время, нисколько не оправдываетъ такой характеристики, основанной не столько на безпристрастной оцѣнкѣ всей совокупности историческихъ фактовъ въ его бурное княженіе, сколько на сѣтованіи лѣтописца, что подъ старость (умеръ 63 л.), будучи удрученъ болѣзнями, онъ началъ любить «смыслъ уныхъ» и совѣтоваться съ ними, допустивъ злоупотребленія тіуновъ, хотя и «невѣдуще» (объ нихъ) въ болѣзняхъ своихъ.

Странно, что мнѣніе изслѣдователей, считающихъ Владиміра *стараго* Владиміромъ святымъ, большинствомъ голосовъ перевѣшиваетъ мнѣніе Соловьева, Костомарова, Иловайскаго, Барсова и нѣкоторыхъ другихъ, признавшихъ въ старомъ Владимірѣ—Мономаха, странно тѣмъ болѣе, что, вопреки мнѣнію И. Малышевскаго[1]) и др., въ Словѣ прямо или косвенно затронуты всѣ важнѣйшіе моменты жизни Мономаха, начиная съ перваго прилива въ Русь половецкихъ ордъ въ отроческомъ его возрастѣ, до полнаго разцвѣта его трудовой дѣятельности, а изъ жизни Владиміра святого не приведено *ниодного* эпизода. Прекрасными стихами очерчена неустанная энергія Мономаха, направленная на защиту русской земли отъ поганыхъ и на соединеніе всѣхъ русскихъ стяговъ въ его могучихъ рукахъ,

[1]) Заблуждается вельми г. Малышевскій, утверждая, что авторъ Слова почти молчитъ о Мономахѣ и главныхъ подвигахъ его... что «нежелаетъ книжникъ-пѣвецъ поминать славу Мономаха». (Къ вопросу объ авторѣ Слова Ж. М. Н. П.).

какъ верховнаго полководца. Упомянута битва при Нѣжатиной нивѣ, въ которой принималъ участіе Мономахъ, когда ему было около 25 лѣтъ. Описана борьба Мономаха съ Олегомъ Святославичемъ. Незабыты великія побѣды Мономаха надъ половцами. Готскія красныя дѣвы, т е. обитательницы южнаго берега Крымскаго полуострова (такъ наз. до XIV в. Готія)[1]), воспѣвая *писмурное* (бусово)[2]) для Руси время, лелѣяли месть половецкаго князя Шаруканя, разбитаго въ 1107 г Мономахомъ и другими русскими князьями между Сулою и Хоромъ, причемъ «Шарокань старый едва утече» (Лавр.). Почти въ концѣ повѣсти, передавая трогательную бесѣду Игоря съ рѣкой Донцомъ, величающимъ Сѣверскаго князя, по искупленіи имъ своихъ увлеченій перенесенными въ половецкомъ плѣну муками, пѣвецъ влагаетъ въ уста Игоря сравненіе гостепріимнаго Донца, постилавшаго ему зелену-траву на *серебряныхъ бережихъ*, съ коварной рѣкой Стугной, поглотившей въ своей пучинѣ, при *темномъ берегѣ*, предъ глазами Мономаха, его юнаго брата Ростислава, во время ихъ бѣгства къ Днѣпру отъ преслѣдованія половцами, 26 мая 1093 г. По преданію, занесенному въ Патерикъ, смерть Ростиславова была предсказана печерскимъ монахомъ Григоріемъ. Ростиславъ будто-бы возразилъ: «мнѣ ли смерть повѣдаеши отъ воды, умѣющу плавати посредѣ ея? самъ тоя вкусиши»,—и приказалъ утопить Григорія. Первый относящійся къ гибели Ростислава стихъ и возстановляю раздѣленіемъ «таколи» на такъ *оли* (лишь)...[3]) Засимъ всѣ грамматическія затрудненія устраняются при слѣдующемъ чтеніи:

«Не так(ъ) оли, рече, рѣка Стугна:
Худу струю имѣя, *пожрѣти*, —
Чужи ручьи и струги ростpена къ усту,—
Умочу: Князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ».

---

[1]) По Hervararsaga, генеральная битва отстаивавшихъ свою независимость и родину готовъ съ гуннами произошла въ долинѣ Дона, у *Яскихъ* горъ (Josurfiollum), слѣдовательно близъ Азовскаго моря, какъ и указано было А. Веселовскимъ.

[2]) Объясн. см. въ 3-й главѣ.

[3]) Ср. напр. «Изяслава долго не бы, *оли* пополудни приѣха» (Ип. 238).— «Инѣи же угрѣ бѣжаша, *оли* въ Галичи становишася» (Ип. 513) и др. Иногда *оли* употр. въ значеніи *даже*. Перевожу *лишь*, а не *только*, ибо послѣднюю форму знаетъ Слово... «по лозію ползоша *только*».

Справедливо замѣчено Ѳ. Буслаевымъ, что форма къ *усту* не можетъ быть произведена ни отъ *устье*, ни отъ *усть*—ostium [1]), но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Стугну расперло *по кусту*, какъ многіе читаютъ. Въ древнихъ памятникахъ русско-сербскаго правописанія *у* и *ю* часто употребляются безразлично[2]); поэтому, и помимо предположенія объ опискѣ, *усту* могло быть поставлено вмѣсто *устью*. Выраженіе «къ усту» прямо относится къ процессу *поглощенія*, ибо причастіе *пожрѣвши*, имѣющее двоякое значеніе (пожравшая и принесшая въ жертву), указываетъ на блицетвореніе Стугны. Несчастье случилось у самаго *устья* Стугны близъ Треполя. Трупъ Ростислава, утонувшаго «при березѣ», найденъ былъ «въ рѣцѣ» (Ипат.), а лѣтописное выраженіе «наводнилася велми» не означаетъ вовсе *выступленія* Стугны изъ береговъ, чего нельзя допустить и по лѣтописному описанію перехода чрезъ нее русскихъ дружинъ.

Въ проведенной между р. Донцомъ и р. Стугной параллели авторъ Слова достигаетъ высокаго совершенства въ искусствѣ сплетать своему герою славный вѣнокъ изъ обрывковъ Мономаховой эпохи. Счастливое бѣгство Игоря изъ плѣна представляется величавымъ, какъ источникъ ободренія упавшаго духа русскаго народа:

«Не мало ти *величія*, а Кончаку нелюбія, а руской земли веселия»...

Но для того, чтобы величанію Игоря Донцомъ придать болѣе вѣса и сгладить невыгодность положенія своего бѣглаго героя, пѣвецъ выбралъ изъ жизни славнаго Мономаха прискорбный случай *бѣгства* его, съ вел. княземъ Святополкомъ и 22-хъ лѣтнимъ братомъ Ростиславомъ[3]), въ неудачномъ дѣлѣ съ погаными 26 мая 1093 г., завершившемся трагическою гибелью его юнаго брата. При этомъ авторъ ничего лучшаго не могъ придумать, какъ выставить контрастъ между нѣжною заботливостью Донца о спасеніи Игоря и жестокимъ поступкомъ поглотившей Ростислава свирѣпой Стугны. *Распертая,*

---

[1]) Ж. М. Н. П. 1867 г., № 2.

[2]) См. напр. И. Срезневскаго. Свѣд. объ изв. и малоизв. пам.

[3]) Родился 1070 г. (Ип. 122).

вѣроятно отъ ливней, побочными ручьями и стрежнями[1]), она *затворила* Ростиславу доступъ къ Днѣпру водными *воротами*, какъ лѣтописецъ, подъ 1176 г., называетъ водное пространство близъ самаго устья Стугны, при сліяніи ея съ р. Красной у г. Треполи, куда затворился Святополкъ 26 мая 1093 г., спасаясь отъ преслѣдованія половцевъ. Этими водными воротами защищался г. Треполь. «Пойде Святополкъ и Володимеръ, и Ростиславъ къ Трьполю, и приидоша ко Стугнѣ» (Ип. 153). Благодаря воднымъ воротамъ[2]), Святополку удалось продержаться въ Треполѣ до вечера и потомъ пробраться въ Кіевъ. Пропускъ предлога *при* (Днѣпрь — темнѣ березѣ)—И. Козловскій объяснилъ слитнымъ написаніемъ (гаплографіей), ссылаясь, для примѣра, на начертаніе «царствое» вмѣсто *царство твое* въ полууставн. сб. XVI в.[3]), но такой пропускъ предлоговъ—обычное явленіе въ Словѣ и лѣтописи[4]). Художественная параллель переноситъ насъ на ту былинную почву, на которой выросло описаніе авторомъ Слова положенія Руси послѣ Каяльскаго погрома. Вникая въ лѣтопись, мы замѣчаемъ, что послѣ катастрофы на Стугнѣ Русь такъ-же точно временно подпала подъ власть темныхъ силъ, какъ и послѣ похода Игорева:—«Богъ навелъ на русскую землю *сѣтованье;* города и села запустѣли, полились рѣки слезъ, прославленіе смѣни-

---

[1]) *Струга*—fluctus, то же, что *стрежень*—быстрина рѣки. Повидимому, пѣвецъ сближаетъ водяные стрежени съ тѣми *стрѣжнями*, коими запирались окольныя Черниговскія городскія ворота. Ср. «отъ *стрѣжней* отъя *врата*» (Ип. 141). Въ Лавр.: «отъ стреженій *отя* врата». На эти стержни ворота, очевидно, надѣвались, насаживались. Обыкновенно читаютъ за Карамзинымъ (т. II, пр. 136): «*отъ Стрежени отя*, т. е отъ рѣчки Стрижени, протекающей около Чернигова, якобы *отбиля* ворота, но я не могу принять такое, противное буквальному смыслу лѣтописи чтеніе. Ср. въ поученіи Мономаха: «*полонъ* весь *отяхомъ*». Въ Кенигсб. ошиб. напеч.: «отъ стрежени, и отъя» вм. *стрѣжении* (стр. 125).

[2]) Названіе водныхъ воротъ дано лѣтописцемъ, быть можетъ, въ отличіе отъ воротъ, продѣланныхъ въ примыкавшихъ къ Треполю валахъ, о коихъ упоминаетъ еп. Бруно.

[3]) Труды Москов Арх. общ., т. XIII. вып. I, стр. 12.

[4]) «Крычатъ телѣгы—полунощи», «Прысну море—полунощи». «Погрузи жиръ во(и) — днѣ Каялы». Примѣры такихъ пропусковъ въ лѣтописи приведены уже Сухомлиновымъ. О древн. русск. лѣтоп. какъ памятн. литературн. 182—202.

лось униженіемъ, воля вытѣснилась нуждою» (принужденіемъ). «Створи бо ся плачъ великъ въ землѣ нашей, опустѣша села наша и городи наши, прославлени бывше, не прославихомъ, почтени бывше, не почтохомъ... куплени бывше, не порабо тахомъ. Се уже не хотяще терпимъ се съ нужею, и понеже не волею, се уже волею. Гдѣ бо бѣ у насъ умиленье, none же вся полная суть слезъ Гдѣ бѣ у насъ воздыханье, нонѣ же плачь по всѣмъ улицамъ упространися избьеныхъ ради». (Лавр., Ипат. подъ 1093 г.). Въ подобномъ же тонѣ пѣвецъ, жаждущій, вмѣстѣ съ дружиной, веселья, описываетъ бѣдствія, испитанныя Русью при Игорѣ:

«За нимъ кликну карна (сѣтованье)
И желя поскочи по руской земли смагу людемъ мычючи...[1])
Тоска разліяся по руской земли, —
Печаль жирна тече среди земли руской...
Уже снесеся хула на хвалу,
Уже тресну нужда на волю»...

Вспоминая прежнихъ князей, блюстителей единства земли русской, пѣвецъ выражаетъ горькое чувство сожалѣнія о той лучшей порѣ, какъ-бы присоединяя свой вопль къ стенаніямъ Руси:

«О, стонати руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей»!

Авторъ Слова возводитъ въ идеалъ рвеніе Трояна-Мономаха къ охранѣ русской земли, его неустанные труды на боевомъ поприщѣ, умѣнье его, какъ образцоваго руководителя, подчинять другихъ князей своей волѣ, и иронически обличаетъ при этомъ отсутствіе надлежащаго единодушія между его потомками — Рюрикомъ и Давидомъ Ростиславичами, частое разъединеніе доставшихся имъ по наслѣдству отъ Мономаха, ихъ воинскихъ стяговъ, открывавшее врагамъ легкій къ нимъ доступъ, дѣлавшее ихъ мишенью для непріятельскихъ копій:

«Сего бо нынѣ сташа стязи—Рюриковы, а друзіи Давидовы,
Нъ роз(ъ) и (ихъ) нося, имъ хоботы пашутъ копія».

«*Розь*» — сокращенная, и понынѣ еще употребительная форма нарѣчія *розно* (Ипат. 43, 252 и 260), чаще *роздно* или *раздно*,

[1]) Подробн. объясн. см. въ 3 главѣ.

иногда *раздѣ*. Въ другомъ мѣстѣ слово *розь* употреблено пѣвцомъ какъ существ.—въ стихѣ (моего чтенія):

«Въ пламянѣ *розь* (т. е. розни, разлукѣ) жены рускія въсплакашась».

Хоботы—хвосты[1]), т. е. *чолки* стяговыя, дѣлавшіяся изъ конскихъ волосъ и прикрѣплявшіяся къ верхушкѣ стяговъ. *Пахать*—дуть, откуда *опахало, запахъ*[2]). «Пашутъ хоботы»—дуютъ въ хвостъ и гриву (пословица). Такъ возстановляю я испорченный переводчиками знаменательный, сложенный въ духѣ старинный, по донынѣ ходячей, народной поговорки стихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдующій, переходный къ плачу Ярославны, загубленный обломокъ запѣва:

..... «поютъ на Дунаи»,

который соотвѣтствуетъ повторенному съ большею полнотою при концѣ Слова запѣву:

«*Дѣвици* поютъ на Дунаи»,

и воплощающему въ себѣ древнѣйшее преданіе о поселеніи славяно-руссовъ на берегахъ Дуная[3]), откуда они, будучи вытѣснены волохами, вынесли эпическое, родовое названіе всякой рѣки Дунаемъ.—Указаніе пѣвца на разъединеніе стяговъ *правнуковъ* Мономаха, Рюрика и Давида Ростиславичей, доблесть коихъ онъ, впрочемъ, высоко ставитъ въ обращенномъ къ нимъ воззваніи, — является подтвержденіемъ излюбленной его мечты—о возсоединеніи раздробленныхъ частей Руси,—о неотложной необходимости, для спасенія ея отъ порабощенія кочевниками, положить конецъ прогрессивному ослабленію великокняжеской власти. Лѣтопись вполнѣ оправдываетъ это указаніе. О раздорахъ между Рюрикомъ и Давидомъ, продолжавшихся,

---

[1]) Хвостъ назыв. также *опашь*.

[2]) Ѳ. Буслаевъ (Русск. народн. поэзіи) прекрасно опредѣлилъ знач. слова *пашуть*, но неудачно заставляетъ копья распѣвать пѣсни на Дунаѣ.

[3]) Здѣсь въ концѣ VIII в. Карломъ Великимъ и сыномъ его Пипиномъ былъ положенъ конецъ владычеству Авaровъ, послѣ того какъ славянскіе полководцы Само и Борутъ нанесли имъ первый ударъ (Фредегаръ). Русскія поселенія на Дунаѣ связывались съ Приднѣпровьемъ такъ наз. Залознымъ путемъ. Подробн. у И. Срезневскаго. Русское поселеніе степей и южн. поморья въ XI—XIV в. Изв. И. Ак. Н., VIII., 313—319.

съ перерывомъ, до 1195 г., когда между ними послѣдовало полное примиреніе, такъ говорится подъ 1179 г.: «Придоша половци на рускую землю. Сѣдящю Романови въ Киевѣ, посла брата своего *Рюрика* и сына своя. Половци же взяша шесть городовъ Берендиць и поидоша къ Ростовцю. *Давидъ* же бяше не притягълъ и *бывши распрь межи братьею*. Постигоша половцѣ у Ростовця... Половци *оборотившися побѣдиша полкы руськыя* и много бояръ изъимаша, а князѣ въбѣгоша въ Ростовець». (Ип. 408 и 409). Ясно, что въ приведенномъ выше стихѣ разумѣются копья половецкія, составлявшія главное вооруженіе половцевъ. Въ битвѣ съ переяславцами 1169 г. у поганыхъ было 900 копій, а у Руси 90 копій (подъ 1172 г.). Въ 1180 г. Святославъ кіевскій выразился про Ростиславичей, что они ему во всемъ пакостятъ въ русской землѣ (Ип. 416). Тѣ-же самые стяги, съ которыми Рюрикъ и Давидъ въ разъединенной борьбѣ съ погаными терпѣли часто неудачи, въ рукахъ Мономаха и его сыновей наводили трепетъ на враговъ. Такъ въ битвѣ сыновей Мономаховыхъ Мстислава и Вячеслава съ Олегомъ Святославичемъ близь Клязьмы, на р. Колачкѣ, 1096 г., Олега охватилъ ужасъ, когда онъ увидѣлъ стягъ Владиміровъ, данный Мстиславомъ половчину Куную. «И вда Мстиславъ *стягъ Володимерь*, отца своего, половчину, именемъ Куную... И узрѣвъ Олегъ стягъ Володимерь, убояся и *ужасся* нападе на нь и на вои его... видивъ Олегъ, яко поиде стягъ Володимерь, и нача заходити въ тылъ его, и *убояся* побѣже Олегъ и одолѣ Мьстиславъ»... (Ип. 167).

Пѣвецъ начинаетъ свое повѣствованіе съ эпохи Владиміра *Мономаха*, какъ отъ грани, позволявшей въ наиболѣе закругленной, очаровательной и поучительной формѣ свить, торжественною пѣснью, двѣ вѣтви славы. Авторъ Слова тщательно обдумалъ и мастерски выполнилъ свою задачу. Чтобы разоблачить сокровенныя пружины поэтической *техники* Слова въ свиваніи вѣнка Игоревой славы и, такимъ образомъ, найти ключъ отъ *поэтической лѣтописи*, сперва приведу собранныя мною доказательства тожества личности Владиміра Мономаха съ личностью Трояна, а затѣмъ приступлю къ подробному изслѣдованію миѳической *генеалогіи* Слова.

Происхожденіе прозвища «Троянъ», нерѣдко встрѣчающагося и понынѣ на югѣ Россіи, слѣдуетъ искать въ славян-

ской миѳологіи. Слѣды почитанія въ Руси бога Трояна сохранились въ двухъ памятникахъ: въ Словѣ и откровеніи св. апостолъ (рукоп. XVI в.) и въ Хожденіи Богородицы по мукамъ (XII в.). Въ *первомъ* говорится:... «Да быша разумѣли мнозіи человѣци и въ прѣлѣсть велику не внидуть мняще богы многы: —Перуна и Хорса, Дыя и *Трояна* и иніи мнози, ибо яко то человѣци были суть старѣишины Перунь въ Елинѣхъ, а Хорсь въ Кипрѣ, Троянь бяше царь въ Римѣ, а друзіи другде... такыя богы прозваша мнози человѣци и тако имъ начаша трѣбы покладати, и тако прѣлѣсть внидѣ въ человѣки, и до сего дне есть въ поганыхъ. Глаголятъ бо яко суть бози *небесніи*, а друзіи земніи, а друзіи польстіи, а друзіи водніи»...[1]). Во *второмъ* обличается, между прочимъ, обожествленіе солнца, мѣсяца, земли, воды и гадовъ... «Богы прозваше *солнце*... тосетнѣе и человѣчьска мена та оутрия, *Трояна*, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша, бѣсомъ злымъ вѣроваша, да и доселѣ мракъмъ злымъ одьржими суть»[2]). Разсужденіе въ первомъ памятникѣ о томъ, что Троянь бяше царь въ Римѣ, учеными давно уже отнесено къ наивному средневѣковому обычаю объяснять боговъ славянскихъ именами древнихъ царей или народовъ, и для насъ не имѣетъ значенія, тѣмъ болѣе, что императоръ Траянъ удостоился вниманія нашихъ старинныхъ книжниковъ лишь потому, что при немъ началось переселеніе славянъ съ береговъ Дуная[3]),— да «Игнатій Богоносець мученъ»[4]), — что, по преданію, при немъ-же погибъ въ Корсунѣ насильственною смертью папа Климентъ, мощи коего извлечены были изъ моря св. Кирилломъ, и что римскіе императоры сами вели свое происхожденіе отъ боговъ, согласно съ древнѣйшими представленіями, обращающими царей страны

---

[1]) Лѣтоп. русск. лит., т. III, ч. 2, стр. 5.

[2]) Изв. И. Акад. Н. т. X, стр. 551 и слѣд. — Костомаровъ. Пам. стар. русск. лит., III, 119. И. Срезневскій. Памятн. др. письма и языка, 205. Принимаю послѣднее чтеніе, какъ обработанное по нѣсколькимъ спискамъ. Кажется, подъ «оутрия» слѣдуетъ понимать утроеніе (утраивая).

[3]) Н. Костомаровъ. Преданія русской лѣтописи. Вѣстн. Евр. 1873 г., № 1.

[4]) Соф. хрват. Номоканонъ. П. С. Р. Л. I., стр. 250.

въ солнечныхъ боговъ и героевъ[1]). Осуждая древній солнечный культъ, Георгій Амартолъ замѣчаетъ, что люди замышленіемъ своимъ честь и славу Божію возложили на небо и на солнце, и на луну, и на звѣзды, богами стали называть людей, иныхъ по смерти, другихъ при жизни»[2]).

Ничего общаго съ императоромъ Траяномъ не имѣютъ и опоясывающіе Кіевъ на огромномъ пространствѣ валы, носящіе названіе *Трояновыхъ* или *Зміевыхъ* и устроенные, по преданію, какимъ-то Трояномъ[3]). В. Антоновичъ, ссылаясь на именованіе валовъ съ XVII в. Трояновыми, доказываетъ несостоятельность гипотезы сооруженія валовъ завоевателемъ Дакіи Ульпіемъ Траяномъ и полагаетъ, что кіевская система валовъ образовалась разновременно. Владиміру Св. принадлежитъ устройство одной линіи валовъ, одновременное съ заложеніемъ городовъ по Деснѣ, Остру, Трубежу и Стугнѣ. По мнѣнію г. Антоновича, устройство валовъ продолжалось при Ярославѣ I, когда имъ устраивались города по р. Рси; *змій* (зміевы) есть миѳическій символъ, подъ которымъ скрывается забытое представленіе о *печенѣгахъ*[4]). По непонятнымъ причинамъ, г. Антоновичъ умолчалъ о *половцахъ*, тогда какъ набѣги ихъ, со всѣхъ сторонъ, очевидно вызывали потребность расширенія системы укрѣпленій границъ посредствомъ валовъ и, мнѣ кажется,—приводимое г. Антоновичемъ народное преданіе о побѣдѣ *богатыря* надъ змѣемъ всего болѣе подходитъ къ Мономаху-Трояну, по имени котораго валы и слынутъ *Трояновыми*, а не Траяновыми. Если въ самомъ центрѣ Руси наши князья нуждались въ сплошныхъ укрѣпленіяхъ для защиты отъ кочевниковъ, то тѣмъ болѣе такая потребность ощущалась на окраинахъ государства, примыкавшихъ съ юго-зап. къ Дунаю, куда придвинулись половцы въ началѣ XII в. Такъ въ 1106 г. воеводы Святополковы гнали половцевъ до Дуная (Ип. 186). Въ 1116 г. Мономаху принад-

---

[1]) Подробн. объ этомъ—Гриммъ. Миѳологія. Интересн. сопоставленія у Л. Воеводскаго. Введеніе въ миѳологію Одиссеи.

[2]) Переводъ Слова Амартола въ рукоп. Москов. Дух. Акад. и Синод. библ.

[3]) Пороссско-Украинскіе и Дунайскіе Трояновы валы. Дм. Кіянинъ. Кіевъ 1845.

[4]) Зміевы валы въ предѣлахъ кіевской земли. Кіев. Стар. 1884 г., кн. III.

лежали нѣсколько граничныхъ съ Берладью и греческими владѣніями, укрѣпленныхъ пунктовъ на Дунаѣ, куда онъ посадилъ своихъ посадниковъ (Ип. 204). Владѣнія эти служили опорой Вячеславу Владиміровичу при походѣ въ томъ году къ Дерестру (Силистріи), гдѣ убитъ былъ зять Мономаха, греч. царевичъ Леонъ. Неподалеку отъ Рени, по направленію къ Бендерамъ, и теперь существуетъ *Трояновъ* валъ. Онъ сооруженъ вѣроятно Мономахомъ, построившимъ не мало городовъ, напр. на Острѣ (1098). Имя Троянъ (повторяю слова А. Пыпина) по формѣ своей не можетъ быть отнесено и къ Троѣ, отъ которой были у насъ только два прилагательныя «Троискый» и «Трояньскый» [1]). «Всего естественнѣе», основательно разсуждаетъ г. Пыпинъ, «находить здѣсь намеки не на Троянскую исторію, а на какія-то *народныя преданья*, не имѣющія отношенія къ Троянскимъ сказаніямъ».—Бога Трояна почитала нетолько языческая Русь, но и языческая Польша. Истуканъ ляшскаго Трояна (Trzy), подобно описанному Эбономъ изображенію Триглава, имѣлъ три головы на одной шеѣ [2]). Имя Трояна, ничего не имѣющее общаго, вопреки мнѣнію Морошкина, съ Третьякомъ или Третьячкой [3]), кажется, унаслѣдовано отъ высшаго славянскаго языческаго божества Триглава, изображавшагося или съ тремя головами, или съ одной головой, но съ тремя лицами [4]), и выѣзжавшаго на ретивомъ конѣ править вселенной [5]). Съ именемъ Триглава соединялось понятіе о благодатной, располагающей человѣческими судьбами власти. Это было противуположное *треклятому*, смертоносному, злобному дьяволу Чернобогу-Диву [6]), существо Бѣлбога, или,

---

[1]) Очеркъ литер. ист. стар. пов. и сказ. рус. 1857, г. стр. 94.

[2]) Procosz. Chron. Slav.

[3]) Именословъ, стр. 83, 103.

[4]) Нѣкоторые отожествляютъ его съ Индійскимъ Тримуртомъ.

[5]) О Триглавѣ см. Гильфердинга. Ист. Балт. слав.—Эрбена. О слав. миѳологіи. Русск. Бес. 1857 г., ч. 4, стр. 71—'28, и Ал. Фаминцына. Божества др славянъ. 1884 г. Сводъ изв. о языч. вѣров. древн. Руси у Забѣлина. Ист. русск жизни. II, 265—343.

[6]) Кончакъ—*треклятый*, какъ послушное орудіе Дива. Въ сказаніяхъ татары называются *треглавыми зѣрьми* сыроядцами (П. С. Р. Л. III. 76). О народныхъ воззрѣніяхъ на нечистую силу см. П. Иващенко: Религіозный культъ южно-русск народа въ его пословицахъ (Зап. ю. з. отд. Имп. Рус. Геогр. Об. II. 1874), ст. Сумцова, въ Кіев. Стар., и др.

какъ онъ названъ въ Бесѣдѣ трехъ святителей, *Бѣлый* царь,—царь надъ царями. Въ Троянѣ и въ Триглавѣ одинаково выражалось древне-славянское представленіе о тройственности божества свѣта, о свѣтоносной троичной силѣ, существующее и въ готской миѳологіи[1]). Космогоническою идеей борьбы свѣта и теплоты съ тьмою и холодомъ, начала животворнаго съ началомъ смертоноснымъ, проникнута почти вся повѣствовательная часть нашего Слова. Видоизмѣняясь въ былинномъ его составѣ подъ угломъ зрѣнія національныхъ миѳическихъ воззрѣній, она придаетъ ему неподражаемую поэтическую прелесть.—Потому-то прародителю Триглава—солнцу присвоивается эпитетъ *тресвѣтлаго*[2]). Въ одномъ заговорѣ упоминаются: на восточной сторонѣ *тресвѣтлое* царство и въ этомъ царствѣ *три* великія *свѣтлицы солнечныя*. Въ одной колядкѣ о солнцѣ говорится также о трехъ свѣтлыхъ теремахъ[3]). Въ лѣтописномъ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ небесное воинство Архистратига Михаила названо *тресолнечнымъ* полкомъ (П. С. Р. Л. IV. 80). Въ службѣ Константину (Кириллу) философу божество представляется тресолнечнымъ:—«Съньмъ мьртвиться приложься Агарянѣхъ, яко змия живущи ти въ притъчахъ, *трьслънечьна* и единого божества силою убо изнемогаи». Особеннаго вниманія, по моему мнѣнію, заслуживаетъ то обстоятельство, что для Ярославны солнце является *тресвѣтлымъ*. «Неизвѣстно—когда имя божества Трояна привилось къ солнечному культу, у славянъ, но можно съ увѣренностью сказать, что на Руси оно вошло въ употребленіе въ эпоху броженія религіозныхъ вѣрованій подъ вліяніемъ христіанства, такъ какъ лѣтописи о богѣ Троянѣ неупоминаютъ, а въ Словѣ происхожденіе его выводится отъ Дажьбога, и что эпическимъ прозваніемъ Владиміра Всеволодовича Трояномъ народъ замѣнилъ непонятное для него

---

[1]) Мысль эта развита обстоятельно у Н. Костомарова. Слав. Миѳологія, стр. 21—24 и др.

[2]) Въ канонѣ св. Вячеславу говорится: «*Трьсвѣтьлами* зарями пресвѣтьло украшенъ паче слнца». И. Срезневскій. Пам. др. письма и яз., стр. 189. Связь Трояна съ тресвѣтлымъ солнцемъ усматривали Эрбенъ, Огоновскій (Слово, 39) и нѣкот. др.

[3]) Ор. Миллеръ. Истор. обозр. русск. слов. ч. I, стр. 79.

[4]) И. Срезневскій. Свѣд. объ изв. и малоизв. пам., стр. 74.

греческое прозваніе Владиміра Мономахомъ (единоборецъ). Обаятельныя качества Владиміра Всеволодовича ставили его на такой высокій пьедесталъ, что онъ сдѣлался народнымъ кумиромъ, первообразъ коего Дажьбогъ стоялъ на кіевскомъ холмѣ. Народная фантазія перенесла на личность Мономаха то языческое вѣрованіе, которое, согласно съ христіанскимъ ученіемъ, осуждалъ предъ своею мученическою кончиною Михаилъ Черниговскій словами: «да не будетъ когда единосущная Тройца поклонникомъ почитати видимое солнце» (П. С. Р. Л. т. X, стр. 243). Утвердившійся въ древней Руси, по принятіи христіанства, взглядъ на княжескую власть, какъ на исходящую отъ Бога [1]), причемъ восшествіе князя на престолъ уподоблялось воскресенію Христову [2]), столкнулся съ языческимъ культомъ солнца и это столкновеніе дало миѳологическому элементу русскаго героическаго эпоса тотъ колоритъ, съ какимъ онъ отсвѣчиваетъ въ Словѣ, а отчасти и въ лѣтописныхъ сказаніяхъ. Пѣвецъ изображаетъ русскаго князя представителемъ солнечной стихіи. Солнечные аттрибуты то прямо, то косвенно, приписываются ему и лѣтописью. Поклоненіе солнцу породило у древняго славянина склонность переносить на своихъ властителей солнечныя качества, которыя присвоивались и хозарскимъ каганамъ [3]) его подданными. Такой обычай, весьма распространенный въ Руси, духовенство иногда тщетно пыталось искоренить христіанскою проповѣдью. Въ одномъ изъ древнерусскихъ поученій ораторъ, предпославъ богословскія соображенія по вопросу о томъ—почему Христосъ именовался солнцемъ праведнымъ, преподаетъ слѣдующія наставленія: «Не нарицайте другъ друга праведнымъ солнцемъ, *нижь самою*

---

[1]) Въ одномъ древнемъ поуч. князьямъ говорится: «Князь, любя судъ и правду, небо есть земное и душа его престолъ Христови. Богъ въ собѣ мѣсто избра васъ на земли и на своемъ престолѣ взнесъ, посади» (Пам. стар. рус. лит., IV, 184)

[2]) «Бысть людемъ двоя радость: въскресеніе Господне и княже сѣдѣніе». (Ипат. стр. 345 подъ 1160 г.) «Се воскресеніе Господне, а се княже сѣденіе». (Ипат. стр. 613 подъ 1289 г.).

[3]) Раввинъ Хасдаи въ письмѣ къ царю хозарскому около 960 г. писалъ: «Блаженъ глазъ, видящій восходъ царя въ день сраженія *словно солнце* чудесно сіяющее» (Гаркави Сказ. мусульм. писат. о хазарахъ, 87).

царя земнаго, никогожь *отъ властелей земныхъ* не мозите нарицати *праведнымъ солнцемъ*, то бо есть Божие имя, а не тлѣнного человѣка. Царемъ же и всѣмъ властелемъ земнымъ дана бысть отъ Господа держава и сила отъ Вышняго, отъ самого Свѣта истиннаго, праведнаго Солнца, Христа Бога нашего»[1]). *Княжескую милость* Даніилъ Заточникъ приравниваетъ къ *солнечной теплотѣ*, говоря въ обращеніи къ князю: «Вижю вся человѣки яко *солнцемъ* грѣемыхъ *милостію* твоею». Точно также и Ярославна въ обращеніи къ солнцу *теплоту* его считаетъ *милостью*:

«Всѣмъ ты *тепло* и красно»...

Приведу нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ уподобленія князя солнцу: «Борисъ и Глѣбъ явистася яко *свѣтиль*[2]) озарюща землю рускую. Радуется церкви свѣтозарное *солнце* стяжавше» (Ип. 96, 97). Когда въ 1178 г. умеръ князь Мстиславъ Ростиславичъ, то новгородцы говорили со слезами:— «уже бо *солнце* наше зайде» (Ип. 473). Когда новгородскій князь Мстиславъ Мстиславичъ отнялъ Галичь у венгерскаго короля, то Русь величала побѣдителя, въ пѣснихъ, краснымъ *солнцемъ* отечества (Длугошъ). По поводу кончины Александра Ярославича Невскаго митрополитъ Кириллъ произнесъ:— «яко зайде *солнце* земли Руськое» (П. С. Р. Л. V и др.). Послѣ кончины волынскаго князя Владиміра Васильковича, лѣпшіе мужи володимерскіе молвили: «уже бо *солнце* наше зайде ны и въ обидѣ всѣмъ остахомъ» (Ип. 605). Жена Дмитрія Ивановича Евдокія причитала по смерти мужа: «*Солнце* мое, рано заходиши, мѣсяцъ мой свѣтлый, скоро погибаеши» (II. С. Р. Л. IV, 353). Хорошіе князья блистали или *свѣтились* добродѣтелями. Владиміръ Володаревичъ «братолюбіемъ *свѣтяся*» (Ип. 273), Владиміръ Васильковичъ и Мстиславъ Даниловичъ «правдолюбіемъ *свѣтяся*» (Ип. 574 и 613) и т. под Хотя, такимъ образомъ, воззрѣніе на князя, какъ на свѣтило солнечное, бросило

---

[1]) Пам. русск. литер., V, стр 93. Сравн. Слова Кирилла Туров. Въ повѣсти о дѣвицахъ Смоленскихъ Іоаннъ Креститель названъ пресвѣтлымъ Солнцемъ (Синодальный Цвѣтникъ 1665 г.). Въ малороссійскихъ думахъ читаемъ: «Божій свѣтъ, солнце праведное». П. Кулишъ. Укр. народн. думы.

[2]) То есть какъ *солнца*. Ср. въ Словѣ: «Хотятъ прикрыти четыре солнца».

глубокіе корни въ русской землѣ, но тѣмъ не-менѣе, при разысканіи происхожденія героическаго прозвища Владиміра Мономаха, едвали справедливо было-бы отнести исключительно къ господствовавшему обычаю уподобленіе этого князя южно-русскимъ лѣтописцемъ, въ извѣстіи о его смерти, лучезарному *солнцу*, — такъ какъ эпическимъ складомъ отзываются слова лѣтописца: «*Просвѣти русскую землю, аки солнце, луча пущая*», плакахуся по немъ, какъ по святомъ князѣ» (Ип. 208). Такое-же уподобленіе, въ поэтической переработкѣ, авторъ Слова примѣняетъ къ своему герою въ двухъ стихахъ, относящихся къ радостному моменту возвращенія Игоря изъ половецкаго плѣна:

«*Солнце* свѣтится на небеси,
Игорь *князь*—въ русской земли» [1]).

Игорь засвѣтился въ русской землѣ, какъ солнце, временно померкшее послѣ каяльской битвы:

«Два *солнца* померкоста» (Игорь съ Всеволодомъ)

не потому, что-бы онъ имѣлъ *самородную* лучезарную натуру, а потому, что онъ унаслѣдовалъ ее отъ *Трояна* — Мономаха, какъ героическій потомокъ послѣдняго. Важно и то, что народъ считалъ Мономаха *святымъ* княземъ при его жизни. Впрочемъ, митрополитъ Никифоръ, въ двухъ знаменитыхъ посланіяхъ къ Мономаху, находилъ въ этомъ избранникѣ Божіемъ, происшедшемъ отъ смѣшенія «царское и княжеское крови», всѣ совершенства и *тричастную* душу, близкую къ ея *первообразу*, высказывая увѣренность, что по отшествіи отъ земного міра онъ, съ сыновьями своими, будетъ «соцарствовать съ Богомъ на небесѣхъ». Присвоеніе князьямъ солнечныхъ свойствъ вело за собою присвоеніе въ поэтическихъ сказаніяхъ, нѣкоторымъ изъ нихъ, героическихъ солнечныхъ прозвищъ въ дополненіе къ именамъ, дававшимся при крещеніи. — По крайней-мѣрѣ древніе лѣтописцы не приводятъ ниодного солнечнаго имени, даннаго какому-либо князю русскому при самомъ крещеніи; хотя, вообще, обычай давать князьямъ русскимъ имена язы-

[1]) Такое-же уподобленіе въ Краледвор. рукоп.:

«Vstane jedno slunce po všem nebi,
Vstane Jarmir nad všiu zemiu opet».

ческихъ божествъ, до введенія христіанства въ Руси, былъ распространенъ, какъ показываетъ имя *Позвизда*, младшаго сына Владиміра св.[1]). Тѣмъ не менѣе въ историческихъ актахъ, начиная съ XI до XV в. и далѣе, мы встрѣчаемъ въ Руси, какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, среди разныхъ сословій, очень много личныхъ именъ солнечнаго культа: Свиръ, «Дажьбогъ (Dacbogius, Dadibog), Троянъ (Trojan, Troian, Troyan)» или просто «Солнечко», и отеческія «Дажьбоговичъ, Солнечковичъ» и т. под.[2]). Имена эти видоизмѣнялись подъ вліяніемъ разныхъ бытовыхъ условій; такъ въ лѣтописи мы встрѣчаемъ бояръ Молибоговичей, боярина Мстьбога (Ип. 481) и т. под. «Нареченіемъ божественныхъ именъ», говоритъ Морошкинъ, «предки наши думали дѣтей своихъ поставить въ близкое отношеніе къ божеству, низвести его покровительство и помощь на нихъ, застраховать противъ невидимыхъ враждебныхъ силъ»[3]). Солнечные признаки присвоеннаго Владиміру Мономаху прозвища «Троянъ» просвѣчиваютъ въ сопоставленіи авторомъ Слова Трояновой *тропы*, въ которую рыскалъ Боянъ и которая вела чрезъ поля половецкія на *горы*, т. е. съ востока на западъ, отъ береговъ Дона до Кіева,—съ *путемъ* великаго Хорса, котораго перерыскалъ оборотившійся волкомъ Всеславъ полоцкій. — И такъ побѣдная *тропа* широко проторена чрезъ половецкія степи, въ погонѣ за половцами, никѣмъ инымъ, какъ Мономахомъ, «прослувымъ въ побѣдахъ», бывшимъ грозою для поганыхъ, добрымъ страдальцемъ, утиравшимъ потъ за русскую землю, «тружавшимъ *пути* дѣя» (поуч.), совер-

[1]) Богъ языч. Позвиздъ, родственный Стрибогу, упоминается въ Густынской лѣтописи и украинскихъ думахъ. «Князь съ дружиной стали своему богу *Посвистачу* молиться» (Кулишъ. Зап. о южн. Руси. I. 176, 177).

[2]) Въ дополненіе къ перечню солнечныхъ именъ, указанныхъ Морошкинымъ въ Именословѣ, можно сослаться на алфавиты, прилож. къ Act grod. и Ziemsk; Arch. Sanguschko, напр. въ т. I. стр. 17; Monum. Pol. Hist. и мн. др. Въ грамотѣ молдавск. воев. Стефана 1490 г. свидѣтель *панъ Дажбогъ* (Лит. сб. 1885 г., вып. IV, стр. 179). *Trojanus* et fratres sui (Boczek. I. 308 подъ 1183 г.). Пробощъ Познанскій *Trojan* упом. подъ 1383 г. у Чарнковскаго и Длугоша. Въ числѣ свидѣтелей, подписавшихъ грамоту Казиміра, данную «Львову на Магдеб. право, значится русскій боринъ *Slusiczko*».

[3]) Именословъ, стр. 45. Объ образованіи личныхъ и родовыхъ именъ см. также изслѣдов. С. Глогера въ Варшав. библ. 1878 г. Май.

шившимъ 83 большихъ походовъ, полонившимъ болѣе 300 половецкихъ князей, заключившимъ съ половцами 19 мирныхъ договоровъ, вытѣснившимъ отца Кончакова Отрока въ Абхазію (Обезы) и привольно черпавшимъ золотымъ шеломомъ воду изъ Дона, гдѣ воевода его Димитръ Иворовичъ взялъ 1000 половецкихъ вежъ въ 1109 г. (Ип. 188), и гдѣ, въ 1116 г., сыномъ Владиміра Ярополкомъ были взяты города Сугровъ, Шарукань и Балинъ. Мстиславъ Великій загналъ половцевъ за Волгу, Донъ и Яикъ, «наслѣди отца своего *путь Владиміра Мономаха Великаго*» (Ип. 267, 268)[1]). Прорѣзавшая половецкія степи тропа Трояня, по которой въ погонѣ за половцами, мчался на конѣ, подобно Триглаву, герой Мономахъ, одолѣвая поганыхъ, поднималась на кіевскія горы[2]), съ которыхъ неудержимо рвался въ эти степи Мономахъ къ которымъ его «нельзѣ бѣ пригвоздити» на которыхъ Святославъ «мутный сонъ видѣ» и которыя находились по сосѣдству съ тѣми каменными горами, что и обилъ «Днѣпръ Словутичъ сквозѣ землю половецкую», а вовсе не Карпаты (какъ утверждаютъ многіе), составлявшіе границу завоеванной римскимъ императоромъ Траяномъ Дакіи. По той же стезѣ, «въ поле за Донъ далече», до самыхъ Ржавцевъ, совершили походъ посланные внукомъ Мономаха Андреемъ Боголюбскимъ въ 1160 г. войска: ростовское, суздальское, рязанское, муромское и пронское. По той же стезѣ «*прохожаше землю их*ъ (половцевъ), яко орелъ, Романъ Мстиславичъ, ревнуя дѣду своему Мономаху» (Ип. 480)[3]).

Единство Трояна и Мономаха вполнѣ устанавливается моимъ изслѣдованіемъ о Трояновыхъ *вѣкахъ* и Трояновой *землѣ*.

---

[1]) Когда князья говорили, подобно Мстиславу Изяславичу въ 1169 г., «поищемъ отець и дѣдъ своихъ пути», то разумѣли преимущественно путь Мономаха.

[2]) «Чресъ поля на горы». Конечно, здѣсь разумѣются не Болдины горы близъ Чернигова, извѣстныя по лѣтописи и поуч. Мономаха. *Горы* въ Словѣ распространяются и на высоты подоблачныя:

«Мало ли ти горъ подъ облакы вѣяти»...

Въ качествѣ солнечнаго божества Троянъ, прародитель солнца Игоря, совершалъ и небесный путь, куда орломъ гонялся за нимъ Боянъ.

[3]) Таковъ былъ древне-русскій обычай: «праотецьскымъ стопамъ вослѣдовати» (Ип. 476).

Напрасно полагаютъ, что «вѣка» пѣвецъ измѣрялъ нашимъ *условнымъ* масштабомъ—цѣлыми *столѣтіями*. Онъ самъ, съ достаточною точностью, опредѣляетъ объемъ его поэтическаго вѣка. Трояновы вѣчи или вѣщи, по степени продолжительности каждаго изъ нихъ, онъ ставитъ въ-уровень съ минувшими *лѣтами* Ярослава перваго. Смыслъ, какой соединялъ пѣвецъ съ вѣкомъ, раскрывается стихомъ:

«Въ княжихъ крамолахъ *вѣчи* человѣкомъ скратишась»...

т. е. сократились *годы* человѣческіе. Доказательствомъ ошибочности мнѣнія Карамзина, читавшаго «сѣчи» вмѣсто «вѣчи» въ полустихѣ: «были *вѣчи* Трояни» (И. Г. Р., т. I, примѣч. 69), служитъ заимствованная изъ Слова приписка 1307 г. игумена Пантелеймонова Новгор. монастыря Зосимы къ Толковому Апостолу, по поводу споровъ князей Михаила и Юрія изза княженія Новгородскаго: ... «При сихъ князѣхъ сѣяшется и ростяше оусобицами, гыняше жизнь наша въ князѣхъ *которы*[1]), и *вѣци* скоротишася человѣкомъ».—Та-же приписка краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что уже въ самомъ началѣ XIV столѣтія списки Слова, появившіеся, вѣроятно, въ концѣ XII стол., были въ сѣверно-русскихъ библіотекахъ. Е. В. Барсовъ утверждаетъ, что всего чаще слово «*вѣкъ*» означало *столѣтіе*[2]). Наоборотъ оно всего рѣже употреблялось прежде въ этомъ значеніи. Въ древнихъ славянскихъ памятникахъ съ *вѣкомъ* обыкновенно соединяется идея *бытія*—земного или загробнаго[3]), всего человѣчества, или-же отдѣльнаго лица,—за исключеніемъ лишь юридическаго понятія о *вѣкѣ* (увѣчьѣ), за который по Русской Правдѣ полагалась пеня въ 10 гривенъ (ст. 22)[4]). Когда рѣчь шла о бытіи земномъ, то слово *вѣкъ* употреблялось въ двоякомъ смыслѣ: 1) для означенія извѣстнаго періода времени по отношенію къ жизни человѣчества. Міровой вѣкъ считался рав-

---

[1]) Въ Словѣ вмѣсто *которы* стоитъ — *крамолахъ*. Сравн. стихъ моего чтенія: «*Которы* и дотечашетъ»...

[2]) Лексикологія Слова о П. Игоревѣ, стр. 133.

[3]) *Сей* вѣкъ и *будущій* или *придущій*.

[4]) Въ Псковской судной грамотѣ замѣчательно выраженіе: «старъ, или младъ, или чѣмъ *безвѣченъ* (ст. 21). Переводятъ—*увѣченъ*, а по моему—почему-либо *негодный* (къ поединку).

нымъ *тысячелѣтію*. Въ ученіи Кирика діакона: «како вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ», сказано: «*Тысящь* бо лѣтъ *вѣкъ* есть единъ»[1]). Въ тѣсномъ смыслѣ *вѣкъ—годовой* періодъ времени. Въ договорѣ Игоря съ греками 945 г. сказано: «Игорь да хранитъ любовь всю правую, да не раздрушится, дондеже солнце сіяетъ и весь миръ стоитъ, «въ *нынѣшняя вѣкы* и въ будущая» (Ипат., въ Лавр. *вѣки*). Здѣсь *вѣкы—лѣта*, ибо въ началѣ договора послы Игоря говорятъ, что имъ поручено створити любовь съ греками «на *вся лѣта* дондеже сіяетъ солнце и весь міръ стоитъ». Въ договорѣ русскихъ съ греками при Олегѣ, 911 г., говорится также о мирѣ «на *вся лѣта* ...и вьсегда лѣтъ». Въ уставн. грамотѣ Всеволода Мстиславича церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, 1136 г., сказано: ...«а имати имъ той оброкъ и *въ вѣки — на всякій годъ* (т. е. всегда). Сравн.: «уставляю ловчее *въ вѣкы*» (Ип. 613). ... «Не дожидаясь опалы на себя и всякаго *вѣчнаю* разоренья[2]); 2) для означенія либо всей совокупности моментовъ, изъ коихъ слагается земное существованіе отдѣльнаго лица, либо извѣстнаго его возраста. Такъ въ поученіи митрополита кіевскаго Кирилла (XIII стол.) *жизнь* людская называется *вѣкомъ*: «Се уже видимо кончина міру приближися и урокъ *житію нашему* приспѣ, и *лѣта сокращаются* и уже мало время *житія нашего вѣка* сего видѣти»[3]). Въ мирномъ договорѣ съ греками 971 г. Святославъ обѣщалъ сохранить дружескія съ ними отношенія до конца *своего вѣка*: «Хочю имѣти миръ и свершену любовь... до *конца вѣка*, яко *николи же не помышлю* на страну вашю» (Ип. 47) Нерѣдко слово *вѣкъ* употреблялось и въ значеніи *возраста*. Напр., въ договорѣ Игоря съ греками 945 г. *средовѣчь* отличается отъ челов. старческаго и дѣтскаго возрастовъ: «Аще ли есть *средовѣчь*... аще ли будеть старъ или дѣтичь» (Ип. 31). Въ одномъ сказаніи 40-лѣтній возрастъ названъ *средовѣчіемъ*[4]). Сивилла Еритрія или Ерифина была *средняю вѣку*[5]).— Въ Воскресенской лѣто-

---

[1]) Русск. хронологич. вычисл. Хавскаго. Чт. М. Общ. Ист. и Др. 1847 г., № 6.

[2]) Воронеж. акты, III, 97.

[3]) Чт. М. Общ. И. и Др. 1847 г., № 8.

[4]) Пам. Стар. Рус. Лит., III, стр. 13.

[5]) Румянцов. списокъ книги о Сивиллахъ. Сахаровъ. Сказанія.

писи замѣчено: «Недѣля имать седмь дній, образуетъ житіе человѣческое. Четвертый день—*средовьчіе*» (стр. 253). Въ Новгор. лѣтописи сказано: «Инѣмъ бо человѣкомъ въ начатцѣ похваленіе бываетъ, инѣмъ же въ *средовьчіе*, другимъ-же въ старость» (П. С. Р. Л., III, 355). Отношеніе мірового вѣка къ человѣческому объяснено въ грамотѣ Новгородскаго архіепископа Геннадія соборному духовенству 1492 года, о пасхаліи на восьмую тысячу лѣтъ: «Енохъ праведный писалъ о вѣцѣ, глаголя сице: преже даже вся не бышя, постави Богъ *вѣка* тварнаго..... и раздѣли Богъ вѣкъ, человѣка ради, на времена и лѣта, на мѣсяцы, на дни и на часы и да разумѣетъ человѣкъ временъ премѣну и чтетъ своея жизни конець... Въ скончаніе жизни нашея лѣта не прейдутъ, ино того ради тако поставлено бысть, занеже та *седьмдесятъ лѣтъ* преобразуетъ *вѣкъ человѣческаю живота*». О семъ бо писалъ пророкъ Давидъ: «дніе лѣтъ нашихъ, въ нихъ-же седьмдесятъ лѣтъ»... Богословъ Григорій изъяви о вѣцѣ, глаголя: «понеже бо, рече, вѣкъ *седмеричнымъ* числомъ наполняется»... Митрополитъ Зосима повелѣлъ Геннадію «учинити пасхалію на осьмую тысящу лѣтъ: понеже седьмтысящное время пренде, да и паскалья рядовая съ толкомъ изошла, и нѣціи мнѣша, яко скончеваемѣ седмой тысящѣ, быти и скончаніе міру, ... понеже семеричень настоящій сей вѣкъ, да чаяли, скончяваемѣ седмой тысящи, быти и скончяніе міру»[2]). Справедливость мнѣнія О. Гонсіоровскаго, что выраженіе «вѣци» человѣкомъ въ Словѣ равносильно польскому «wiek»—возрастъ, напр. въ podeszlym wieku[3]), можно-бы подтвердить, между прочимъ, русскою надгробною надписью на плитѣ въ Зимнинской церкви, близъ Владиміра-Волынскаго;[5])

---

[1]) Ярославъ 1-й, будучи въ Новгородѣ, отказался платить *отъ года до года* подать Кіеву (Ип 89).

[2]) Русск. Истор библ VI, № 119. Ср. слова Іоанна экз. Болгар. приведенныя И. Срезневскимъ въ Словарѣ др. русск. яз.:—«Вѣкъ бо речеться и когожьдо человѣка житье, речеться паки вѣкъ *тысяща* лѣтъ вѣкъ единъ, паки глаголется вѣкъ все се житье, и паки придан вѣкъ ине по въскрьсении бес конъца будеть».

[3]) Русск. Историч. Библ. VI, 802—811.

[4]) Ж. М. Н. Пр. Февр. 1884.

[5]) Martynowski. Star. Polska, вып. 13, стр. 61.

«Здѣ лежитъ тѣло шляхетне уроженаго Дмитра Козѣки (ум. 1583 г.). *Вѣкъ* живота его 45 *лѣтъ*. Растяженіе вѣковъ Трояновыхъ въ столѣтія было-бы также неудобно, какъ напр. расширеніе понятія о годѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда годъ означаетъ *часъ* (Ип. 107, 120, 431 и др.), до объема понятія о періодѣ времени лѣтописнаго лѣта, исчисляемаго «отъ *года* до *года* въ 365 дней (Ип. 129). Иногда *годъ* означаетъ въ лѣтописи просто *пору* или *время*, какъ въ Словѣ *година*.

«Уже бо, братіе, не весела *година* (пора) въстала»..

«О, стонати... помянувъ пръвую *годину*» (пору)...

«Пособіе на ниче: ея *годины* (времена) обратиша»..

Образецъ лексической эластичности терминовъ, выражающихъ понятіе времени, представляютъ акты южной и западной Руси, гдѣ часы нерѣдко возводятся въ вѣка: — «*Часы — вѣки*»[1]), — «*вѣчные—часы*»[2]).

Разматывая, съ помощью историческаго рычага, грузную цѣпь нанизанныхъ въ повѣсти событій старой половины «сего времени», я нахожу, что *начальное* ея звѣно есть *первое* нападеніе половцевъ на Русь въ 1061 г., а *второе* звѣно—нападеніе Всеслава полоцкаго на Новгородъ въ 1067 г. Оплакавъ жалкую участь Изяслава Васильковича, притрепаннаго литовскими мечами, въ попыткѣ его притрепать славу дѣду своему Всеславу Брячеславичу, смѣшавъ съ грязью внуковъ Всеславовыхъ за крамольный духъ и опозорившее Всеславову область наведеніе на нее поганыхъ (литовцевъ), пѣвецъ, въ исполненіе своего намѣренія *почать*, по старымъ сказаніямъ, *повѣсть отъ стараю Владимѣра*, переходитъ къ первому насильственному вторженію половцевъ въ предѣлы Руси и говоритъ,—по моему чтенію:

«Которое бо бѣше насиліе отъ земли половѣцкыи
На 7 вѣцѣ Трояни»[3]).

---

[1]) Напр. въ жалов. грам. 1480 г. Александра Хидкевича объявляется всѣмъ кому вѣдать надлежитъ тыхъ *часовъ—вѣковъ* людямъ (Вил. Арх. Сб. т. VIII, стр. 5).

[2]) Напр. въ жалов. грам. королевы Боны 1551 г. дворище Тарасовское предоставлено «Капустичамъ . . . на *вѣчные — часы* мѣти и держати» (Ревиз. пущъ въ княж. Литов., изд. Вил. арх. ком., стр. 126).

[3]) Нѣкот., какъ М. Максимовичъ, неосноват. подозрѣваютъ ошибку въ ссылкѣ на 7-й в. Троянa (Ж. М. Н. П. 1836–7).

Здѣсь «которое» многіе измѣняютъ въ *котордю*, но такоо чтеніе произвольно и создаетъ лишнее повтореніе сказаннаге ранѣе о княжеской крамолѣ и ея плодахъ. Подобной-же передѣлкѣ подвергаютъ мѣстоим. «которую» въ стихѣ:

«*Которую* то бяше успилъ отецъ ихъ»..

слѣдующемъ за стихами:

«Тіи бо два храбрая Святъславлича
Игорь и Всеволодъ оуже лжу[1]) убуди»...

Насиліе половецкое выразилось въ такихъ жестокихъ притѣсненіяхъ, что одна память о нихъ приводила пѣвца въ содроганіе[2]). Насиліе у него — понятіе весьма широкое, вмѣщая въ себѣ то, что лѣтописецъ разсказываетъ на нѣсколькихъ страницахъ по поводу половецкихъ неистовствъ.

Обратимся къ лѣтописнымъ сводамъ. Всѣ они единогласно относятъ время рожденія Владиміра Мономаха къ 1053 году. «Въ лѣто 10 3 г. у Всеволода родися сынъ Володимиръ отъ царицѣ грѣчьское» (Ипат.), «отъ Всеволода родися сынъ и *нарече* имя ему Володимеръ отъ царицѣ грькынѣ» (Лавр.). Въ поученіи своемъ Мономахъ не приводитъ года своего рожденія, но объясняетъ—кто какое нарекъ ему имя. Это мѣсто поученія толкуется обыкновенно неправильно. Постараюсь его возстановить при помощи указанія Лаврентьевской лѣтописи, что имя *Володимеръ* дано ему *отцомъ:* (и *нарече*—и *нарекъ* онъ): «Азъ, худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ благовольнымъ[3]) — славнымъ нареченѣмъ въ кре-

---

[1]) Можно было бы перевести: *лживую* тварь, еслибы при этомъ не сглаживалось понятіе о *лежачей* твари, растревоженной, разбуженной. Лжа—ложь; ср. ложница, ложе—постель.

[2]) Въ XIII в. подобное насиліе терпѣла Галицкая земля отъ угровъ.—«Уже вѣдаюче лесть Галичьскую, оже Галичане ищутъ собѣ князя рускаго, и почаша *насилье* дѣяти во всемь». Дошло до того, что «въ божницахъ (часовняхъ) начаша кони ставляти и въ избахъ, иная многа *насилья* дѣяти» (Ип. 447, 448).

[3]) По погибшему Пушкинскому списку. Это чтеніе принято Карамзинымъ (прим. 230). По другому варіанту *благословеннымъ*. Всеволодъ въ 1054 г. находился у отца Ярослава (Ип. 114).

щенiи Василiй, русьскымъ именемъ Володимиръ—отцемъ възлюбленымъ, и матерью своею Мьномахы»... (слѣдуетъ большой пробѣлъ). Въ моемъ переводѣ: Я, смиренный, *отъ дѣда своего Ярослава* благожеланнаго—*славнымъ*[1] *нареченiемъ* въ крещенiи *Василiй*[2]), русскимъ именемъ *Владимiръ*—*отъ отца* возлюбленнаго, и *отъ матери своей Мономахъ*... Скоро послѣ рожденiя Владимiра Мономаха, именно 20 Февраля 1054 г., умираетъ дѣдъ его Ярославъ первый. Такимъ образомъ *наступили годы* Трояновы, началъ онъ *возрастать*:

«Были *вѣчи* Трояни,—минула *лѣта* Ярославля»...

По прошествiи *семи* лѣтъ послѣ рожденiя Владимiра, «въ лѣто 1061, придоша половци *первое* на русьскую землю *воевати*; Всеволодъ же изыде противу имъ, мѣсяца Февраля во 2-й день, и бившимъся имъ, побѣдиша Всеволода»... «Се бысть *первое зло* на русьскую землю отъ поганыхъ безбожныхъ врагъ» (Ип. 115). Упомянутое злополучiе постигло переяславскую область, въ которой княжилъ тогда Всеволодъ Ярославичъ. Этотъ *походъ* половцевъ на Русь подъ предводительствомъ князя Сокала былъ предпринятъ послѣ того какъ они, съ княземъ Блушемъ во главѣ, приходили къ Переяславлю, при самомъ началѣ княженiя Изяслава Ярославича въ Кiевѣ (1055 г.), никакого зла Руси не причинивъ своимъ прибытiемъ, такъ какъ Всеволоду удалось его отвратить заключенiемъ съ ними мира. Неизвѣстно—въ какомъ *мѣсяцѣ* родился Мономахъ, несомнѣнно, однако, что онъ не могъ родиться ранѣе 1 марта 1053 г., ибо старѣйшая лѣтопись наша начинаетъ годъ съ марта. Разборъ лѣтописныхъ данныхъ убѣждаетъ меня, что во время побѣдо-

---

[1]) Сравн. въ Словѣ Иларiона выраженiе о Владимiрѣ Великомъ: ...«имя принимъ вѣчно и *имянито* въ роды и роды Василiй». По Никонов. (Патрiаршему) своду Мономахъ будто бы нареченъ въ крещенiи Андреемъ (подъ 1172 и 1175 г.), но это опровергается и поуч., и записью игумена Данiила въ монастырѣ св. Саввы, гдѣ Мономахъ назв. *Василiй*—Владимiръ.

[2]) Сравн. списокъ Погодинскаго Пролога XIV в. объ освященiи Георгiевской церкви въ Кiевѣ: «Блаженный и приснопамятный всея Русскыя земли князь Ярославъ, *нареченный во святѣмъ крещенiи* Георгiй, сынъ Владимѣрь, крестившаго землю Русскую»... и т. д. (Максимов. соч., II. 141).

носнаго вторженія половцевъ въ Русь Мономаху было не менѣе семи, но *восьми* лѣтъ онъ еще не достигъ, что вполнѣ согласно съ показаніемъ Слова. Пѣвецъ опредѣляетъ возрастъ Трояна не *седьмымъ* годомъ, а *семилѣтіемъ*. Иначе онъ сказалъ бы:— «въ 7 вѣкъ, или на 7 вѣкъ, или 7 вѣка», ибо въ лѣтописи, при точномъ означеніи *текущаго* времени годами, мѣсяцами или днями, наичаще говорится: «въ годъ, въ мѣсяцъ, въ день», либо: «года, мѣсяца, дня», либо: «на лѣто, въ лѣтѣ («въ седмомъ лѣтѣ». Новг. I. 148), на мѣсяцъ, на день, «на осень»,— «на зиму». (Ип. 257 и др.). Въ самомъ Словѣ мы встрѣчаемъ выраженія: «другаго дни»,—«третьяго дни»,— «въ третій день». По моему разсчету, Мономахъ долженъ былъ родиться до 19 мая (день его смерти). По свидѣтельству Лаврентьевской лѣтописи, онъ княжилъ въ Кіевѣ 13 лѣтъ, проживъ всего 73 года: «Посѣдѣ Кыевѣ на отнѣ столѣ 13 лѣтъ,... живъ отъ рожества своего лѣтъ 73». Если, какъ я полагаю, Мономахъ процарствовалъ въ Кіевѣ *полныхъ* 13 лѣтъ и прожилъ, вопреки мнѣнію Карамзина, Костомарова и нѣкотор. другихъ, *полныхъ* 73 года, то, вступивъ на кіевскій столъ, по справедливому удостовѣренію Ипатьевской лѣтописи, въ 1113, онъ умеръ въ 1126 г., какъ вѣрно значится въ той же лѣтописи. Относя, согласно съ Карамзинымъ, по совпаденію солнечнаго затменія 19 марта 1113 г. съ годомъ смерти Святополка [1]), начало княженія Мономаха въ Кіевѣ къ 1113 г., а смерть Мономаха, по Лаврентьевской лѣтописи, согласно съ предположеніемъ Погодина, къ 1125 г., ошибочно заключаютъ и понынѣ [2]), что Мономахъ княжилъ въ Кіевѣ *неполныхъ* 13 лѣтъ (съ 20 апр. 1113 г.), и прожилъ *неполныхъ* 73 года,—съ 1053 г., послѣ 1 марта, по 19 мая 1125 г. Такое заключеніе было бы основательно лишь въ томъ случаѣ, еслибы въ удостовѣреніи лѣтописи о числѣ лѣтъ его княженія въ Кіевѣ и жизни вкралась *неточность*, но этого ничѣмъ доказать нельзя. Напротивъ, удостовѣреніе это *косвенно* подтверждается лѣтописною системою подведенія итоговъ лѣтъ, повидимому вѣрныхъ, когда они основаны на дробныхъ разсчетахъ. Такъ

---

[1]) И. Г. Р., т II, прим. 208.

[2]) Напр М. Грушевскій. Исторія Кіевской земли 1891 г., стр. 33.

напр., говоря, что Всеволодъ Ярославичъ прокняжилъ въ Кіевѣ *15 лѣтъ*, лѣтопись поясняетъ, что онъ «сидѣлъ на кіевскомъ столѣ съ 1 янв. 1076 г. по 15 іюля 1077 г., т. е. 6½ мѣсяцевъ (1076 г. кончился къ 1 марта) и съ 3-го октября 1078 г. по 13 апр. 1093 г., т. е. 14 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 10 дней, а всего *15 лѣтъ и 25 дней*. Во многихъ другихъ случаяхъ лѣтописецъ въ погодныхъ извѣстіяхъ, при подведеніи итоговъ лѣтъ, отбрасываетъ не только лишніе дни, но и лишніе мѣсяцы [1]). Необходимо, кромѣ того, замѣтить, что въ Лаврентьевской лѣтописи, ошибочно отмѣтившей годъ вступленія Мономаха на кіевскій столъ (1114 г.), событія подъ 1024 г., уложены не въ такой строгой хронологической послѣдовательности, какъ въ Ипатьевск.

Можетъ казаться страннымъ, почему ни въ лѣтописи, ни въ Словѣ, не содержится ссылокъ на подвиги Мономаха въ юномъ его возрастѣ, тогда какъ, по словамъ его поученія, онъ «тружалъ 13 лѣтъ». По моему мнѣнію, историки наши заблуждаются, полагая, что Мономахъ выступилъ на военное поприще въ 13 ти лѣтнемъ возрастѣ (около 1066 г.), основываясь на словахъ поученія: «А се вы повѣдаю, дѣти моя, оже ся есмь тружалъ пути дѣя и ловы *13 лѣтъ*». Лѣтописи наши не представляютъ примѣровъ, чтобы кто-либо изъ русскихъ князей въ малолѣтнемъ возрастѣ выступилъ самостоятельнымъ вождемъ на боевомъ поприщѣ, сколь бы рано ни совершался обрядъ посаженія на коня. Такъ, когда угрожала опасность Переяславской волости отъ половцевъ, Глѣбъ Георгіевичъ самъ поѣхалъ блюсти Переяславля, «князь бо Переяславскый Глѣбовичъ Володимеръ (одинъ изъ храбрѣйшихъ князей) въ то время *бяшеть мала* яко 12 лѣтъ» (Лавр. подъ 1169 г.). Если-бы въ 13 лѣтъ Мономахъ началъ сколько-нибудь *важныя* или *большія* военныя предпріятія («а всихъ путій 83 *великихъ*, а прока не испомню *меншихъ*»), то лѣтопись, составленная или дополненная въ его княженіе Сильвестромъ, не преминула-бы отмѣтить этотъ фактъ, между тѣмъ первые военные пути его она относитъ лишь къ 1076 г. По словамъ Мономаха, перечислившаго главнѣйшіе свои походы по 1117 г. включительно (послѣдній походъ на Ярославца), *первый* большой походъ онъ со-

[1]) Есть и такія извѣстія:—«Ростиславъ княжилъ въ Кіевѣ 8 лѣтъ безъ мѣсяца» (Ип. 364).

вершилъ, по порученію отца, къ Ростову сквозь землю вятичей, *второй*—къ Смоленску со Ставкомъ Скордятичемъ, который затѣмъ отправился къ Берестью съ Изяславомъ, а его самого послали къ Смоленску. Изъ Смоленска Мономахъ пошелъ къ Владиміру-Волынскому. «*Тое же зимы*—то и посласта Берестію брата на головнѣ[1]), идѣ бяху пожгли». Потомъ пошелъ къ отцу въ Переяславль, а вскорѣ опять къ Владиміру мира творить съ ляхами. Далѣе, по приказанію Святослава, ходилъ, въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, за Глоговы до Чешьскаго лѣса. Это, несомнѣнно, походъ, о которомъ упоминаетъ лѣтопись подъ 1076 г. (Лавр.), ибо въ томъ году, по единогласному свидѣтельству поученія и лѣтописи, у Мономаха родился старшій сынъ Мстиславъ («Новгородское дѣтя»). По системѣ Мономахова разсказа никакъ нельзя допустить, чтобы между походами къ Ростову и Смоленску протекло много лѣтъ. Послѣдній походъ, удаленіе Изяслава въ Польшу, вторичный походъ Мономаха къ Владиміру-Волынскому и миръ съ ляхами совершены въ 1073—1074, г. послѣ изгнанія Изяслава *братьями* Святославомъ и Всеволодомъ (22 марта 1073 г). Наша лѣтопись въ данномъ случаѣ согласна въ существѣ съ извѣстіями польскихъ хроникъ.—Безпорядки въ ростовской области, вызвавшія, какъ надо полагать, отправку туда Владиміра Мономаха, описываются лѣтописью подъ 1071 г., но они имѣли мѣсто, кажется, не ранѣе 1073 г., ибо событіе разсказывается по поводу прихода волхвовъ въ Кіевъ не какъ имѣвшее мѣсто въ 1071 г.[2]), но кстати, подъ этимъ годомъ, въ видѣ эпизода однажды бывшаго, притомъ въ то время, когда на ростовскую область уже простиралась власть Святослава, пославшаго знаменитаго Яна Вышатича собирать тамъ дань, власть же свою верховную на нее Святославъ могъ распространить только по изгнаніи Изяслава изъ Кіева, въ мартѣ 1073 г.[3]). Хотя

---

[1]) На головнѣ, вѣроятно, значитъ—на пожарище. Въ такомъ смыслѣ «*головня*» въ Ипат., стр. 556. Головнями жгли города. Сожженіе Болеславомъ Берестья И. А. Линниченко правильно относитъ къ 1073 г. Отнош. Руси и Польши, 116). Сравн. Нарушевича. Hist. Pol. подъ этимъ годомъ.

[2]) Сравн. подъ 1091 г. «*Въ се же лѣто* волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе».

[3]) Янъ Вышатичъ въ разговорѣ съ Бѣлозерцами называлъ Святослава *своимъ княземъ*, а смердовъ—подвластными Святославу.

Мономахъ, разсказывая о поѣздкѣ въ Ростовъ, и ссылается на порученіе отца своего, Всеволода, но нѣкоторое время (нѣсколько мѣсяцевъ) Святославъ и Всеволодъ равноправно распоряжались кіевскою волостью, сѣвъ на столѣ въ Берестовомъ,— пока Святославу не удалось сосредоточить исключительно въ своихъ рукахъ великокняжескую власть. Такимъ образомъ, начало самостоятельной дѣятельности Мономаха совпадаетъ приблизительно съ 20-ти лѣтнимъ его возрастомъ, а 13-ти лѣтъ онъ началъ *ловы дѣять* съ отцомъ въ Туравѣ, причемъ *въ юности* не щадилъ, на охотѣ, своей жизни. «Пути *дѣя* и *ловы*— 13 л.» уясняется послѣдующимъ: «А се тружахъся *ловы дѣя*»... «въ уности своей вередихъ». Съ юнымъ возрастомъ Владиміра преданіе связываетъ слѣдующій случай: На его глазахъ съ неба спалъ огонь и выгорѣла яма, гдѣ мѣрою обрѣтеннаго золотого пояса Спасителя было положено основаніе Кіево-Печерской церкви, (Патерикъ).

И такъ мы открываемъ буквальное совпаденіе въ показаніяхъ лѣтописи и Слова о возрастѣ Мономаха при первомъ нападеніи половцевъ на Русь. Насиліе отъ поганыхъ пѣвецъ приписываетъ княжескимъ крамоламъ, также согласно съ лѣтописью. «Всеславъ-же сѣде Кыевѣ. Се же Богъ яви силу крестную; понеже Изяславъ, цѣловавъ крестъ и *я* и, «т. е. схватилъ Всеслава у Смоленска, привезъ въ Кіевъ и посадилъ въ темницу. *Тѣмъ же наведе Богъ поганыя*» (Лавр., Ипат. подъ 1068 г.). Очень вѣроятно, что разбираемое мною мѣсто Слова повліяло на нѣкоторые варіанты стиха о Егоріѣ Храбромъ[1]). Въ нихъ дѣятельность его переносится въ *Черниговъ* и рожденіе его относится къ *седьмому году вѣка*, принимаемаго, впрочемъ, за *тысячелѣтіе*, что, быть можетъ, имѣетъ связь съ условнымъ эпическимъ счисленіемъ, по которому 7 лѣтъ принималось за 7000 лѣтъ, и предполагалось, что «осмой тысящѣ нѣсть конца»[2]).

Принимая за положеніе безспорное, что число *семь* имѣетъ въ народной поэзіи иногда значеніе эпическое, я подозрѣваю весьма искусное и вполнѣ подобающее солнечному потомку

---

[1]) Нѣкоторые варіанты отмѣчены А. Галаховымъ. Ист. русск. слов., изд. 1880 г.

[2]) Пам. стар. русск лит., вып. III, стр. 14.

Трояну сплетеніе пѣвцомъ года перваго опустошительнаго вторженія въ Русь окаянныхъ Агарянъ половцевъ, когда Мономахъ былъ *семилѣткой*, съ тѣмъ *седьмымъ* тысячелѣтнимъ вѣкомъ (въ апокрифическомъ Словѣ Меѳодія Патарскаго), къ которому пріурочивается *нашествіе Агарянъ*, разсѣяніе ими разныхъ странъ и ужасное положеніе побѣжденныхъ, послѣ чего идетъ разсказъ о нарожденіи антихриста.—Замѣчательно, что лѣтописецъ нашъ исчисляетъ время царствованія царя Солнца—Дажьбога, сына Сварогова, *днями*, поясняя, что тогда египтяне полагали день равнымъ *лѣту* (Ипат. 200). Если по дошедшему до лѣтописца, въ началѣ XII столѣтія, преданію Дажьбогъ Сварожичъ царствовалъ болѣе 7 тысячъ дней—лѣтъ, то весьма возможно, что знавшій подобное преданіе нашъ авторъ Слова употребилъ двусмысленное выраженіе (на вѣцѣ) съ цѣлью вызвать и миѳическое представленіе о долговѣчности Трояна—Мономаха, соотвѣтственно долговѣчности его предка Дажьбога.

Чтобы покончить съ вопросомъ о тожествѣ Трояна и Мономаха, приведемъ въ извѣстность, по даннымъ Слова и лѣтописи, свойства вступившей на Троянову землю обиды и ея прогрессивное развитіе. Изслѣдованіе это поможетъ распутать героическую генеалогію князей, выводимую пѣвцомъ отъ солнца Дажьбога Предварительно необходимо близко ознакомиться съ пріемами пѣвца, съ извилистымъ, причудливымъ токомъ его творчества, легко и на каждомъ шагу могущимъ ввести изслѣдователя въ заблужденіе. Пѣсенные переливы мысли пѣвца, подчиняясь порывистому чувству, весьма разнообразны и не всегда сразу уловимы. Тѣмъ не менѣе, въ пестрыхъ узорахъ, разведенныхъ поэтомъ, по народнымъ понятіямъ и вѣрованіямъ, на исторической канвѣ, проглядываетъ стройная система, скрѣпленная страстнымъ желаніемъ воодушевить русскихъ князей на борьбу съ кочевниками, для спасенія отечества, потрясеннаго крамолами. Не касаясь пока разсказа о самомъ походѣ Игоря и разсматривая лишь поэтическій сводъ предшествовавшихъ походу событій, мы убѣждаемся, что пѣвецъ не скользитъ по ихъ поверхности, но проникаетъ въ ихъ сердцевину и извлекаетъ оттуда наиболѣе важные факты, освѣщающіе возбужденіе княжескихъ усобицъ въ Трояновомъ вѣкѣ, около нач. вел. княж. Всеволода Ярославича,

и дальнѣйшее ихъ разрастаніе до Игорева похода. Княжескія крамолы составляютъ тотъ центръ, около котораго вращаются помыслы пѣвца. Онѣ являются исходнымъ пунктомъ его повѣствованія, ими же заканчивается былинный разсказъ, прерванный воззваніемъ къ князьямъ. Вниманіе пѣвца, поглощенное усобицами, не отрывается отъ нихъ до «плача Ярославны». Возвращаясь къ нимъ безпрестанно, онъ, въ обобщеніяхъ своихъ, со свойственнымъ ему лаконизмомъ и склонностью къ аллегоріи, перекладываетъ одну и ту же историческую эссенцію въ новыя формы, притомъ такія, которыя придаютъ содержимому болѣе выпуклости и живости, дѣлаютъ болѣе понятнымъ сказанное ранѣе. Поразительно умѣнье его обнять однимъ мѣткимъ словомъ нѣсколько однородныхъ понятій. Необыкновенная сила обаянія скрывается въ его *припѣвахъ*. Чрезъ нихъ главные мотивы пѣсни пріобрѣтаютъ бо́льшую яркость и, повторяясь, производятъ глубокое впечатлѣніе. Въ этихъ припѣвахъ сказывается возвышенное свойство народнаго духа— готовность къ самопожертвованію для блага родины. *Земля* русская у пѣвца — *народъ* русскій, сливающійся съ землею, какъ *матерью русичей,* почему они и называются имъ русскими *сынами*[1]). Костьми ихъ сѣется и кровью ихъ поливается русская земля. Какъ же послѣ того произрастаніямъ ея—деревьямъ, травѣ,—не приклоняться къ ней съ нѣжною тоскою, а цвѣтамъ не вянуть отъ жалостей, когда весь народъ русскій изнываетъ и стонетъ подъ гнетомъ жестокихъ напастей?! Вслѣдствіе интенсивности чувства и обширности умственнаго кругозора пѣвца, *общее* у него предпосылается *частному*. Обнявъ сперва сжатымъ стихомъ событія извѣстной поры во всей ихъ совокупности, какъ они внезапно отразились въ его сознаніи, онъ затѣмъ разрисовываетъ общій контуръ, показывая детали сквозь поэтическую призму. Такого способа повѣствованія авторъ Слова держится почти неизмѣнно, начиная съ характеристики Боянова творчества.

Остановимся теперь на разборѣ поэтическаго и историческаго матеріала, относящагося къ посѣтившей землю Тро-

---

[1]) Тоже въ лѣтописи: «Ольгу хвалятъ рустии *сыновѣ*»... «Богъ всегда рускыя земли и рускихъ *сыновъ*» (Ип. 44 и 310).

янову *обидѣ*. — Божій судъ покаралъ вступившагося за *обиду Олегову* молодого Бориса Вячеславича, въ возмездіе за самонадѣянную *похвальбу*. Пѣвецъ называетъ эту похвальбу *славой*, какъ однажды лѣтописецъ, по поводу хвастливыхъ словъ венгерца Фили, выразился: «Богу не услышавшу *славы* его» (Ип. 534)[1]). Изяславъ Ярославичъ въ той же битвѣ (1078 г.) сложилъ голову за *братнюю обиду*, не желая «больше волости», и тѣмъ, по удостовѣренію лѣтописца, *искупилъ* свои прегрѣшенія. Побуждающій князей вооружиться «*за обиду* сего времени, за раны Игоря», пѣвецъ говоритъ объ ополченіи Бориса за обиду, *причиненную Олегу Святославичу* тѣмъ, что онъ былъ лишенъ волости отцовской, т. е. черниговской[2]). Въ обидѣ «сего времени» проявилась коварная обида, выкованная Олеговымъ молотомъ и другими Ярославичами. Эта-то самая обида и поднялась въ силахъ Дажьбожьяго внука, — вступила на землю Трояню. Стихи:

«Рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же,
И *начаша* князи про малое: се великое, мълвити,
А сами на себѣ крамолу ковати....
А *поганіи* съ всѣхъ странъ *прихождаху*
Съ побѣдами на землю рускую...
Въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась»...

имѣютъ въ виду тѣ княжескія крамолы, которыя сопровождались побѣднымъ вторженіемъ въ Русь половецкихъ полчищъ, со второй половины XI до послѣдней четверти XII столѣтія, когда князья *изза* всякой малости затѣвали междоусобную

---

[1]) У Кирилла Туров.: «*похвалами* вѣнчаютъ». — «*Мужи отни похвалу* даша велику» (п. 1149 г.). Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ «съ *похвалою* въѣхаша въ Кіевъ» (Ип. 305). Мстиславъ Изясл. послѣ побѣды надъ половцами «съ великою *похвалою*» въѣхалъ въ Кіевъ (Ип. 317). «Такы же собѣ *хвалы* добудемъ». (Сузд. 1186 г.). «Мстиславъ велику *похвалу* створи Данилови» (Ип. 491).

[2]) Извѣстно, какую упорную и продолжительную борьбу велъ Олегъ за свою отчину. Чрезъ 15 лѣтъ по возвращеніи изъ ссылки на островъ Родосъ (около 1080 г.) онъ говорилъ сыну Владиміра Мономаха Изяславу: «Хочю... порядъ положити съ отцемь твоимъ, се бо мя выгналъ изъ города отца моего». Надѣясь на *правду* свою, онъ напалъ на Изяслава, который и былъ убитъ въ той сѣчѣ (Ип. 165). Обыкновенно лѣтопись понимаетъ обиду въ смыслѣ причиненія *зла* (Ср. Ип. 291, 597 и др.).

брань[1]), предоставляя половцамъ благопріятный случай для набѣговъ на русскую землю. Сохранился интересный памятникъ, иллюстрирующій приведенные мною стихи, — Слово неизвѣстнаго проповѣдника, произнесенное предъ князьями, въ видѣ поученія («скажю же вы притчю о семъ не въ чюже странѣ бывшю»), какъ надо полагать, около послѣдней четверти XI в. (по смерти дѣтей Давида Святославича), въ предѣлахъ *Черниговско-Сѣверской* области. Оно начинается такъ: «Слышите, *князи*, противящейся старѣйшей братьи и рать въздвижуще и *поганыя на свою братью возводяще*... Вы до слова брату стерпѣти не можете: *за малу обиду* вражду смертоносную въздвижете, помощь приемлюще отъ поганыхъ на свою братью».— Увѣщевая князей познать свое величество и свою *честь*—прекратить междоусобія, напоминая имъ о *дѣдѣ* ихъ — св. Владимірѣ, приведшемъ къ Богу «тысяща тысящами, тмы тмами душъ праведныхъ», выставляя образцомъ для подражанія совершенно спокойное княженіе Давида Святославича черниговскаго († 1123), княжившаго въ Черниговѣ въ большемъ княженьи, «понеже бо старѣй братии своей», неимѣвшаго ни съ кѣмъ вражды, непричинившаго никому малѣйшаго зла, всегда свято соблюдавшаго крестное цѣлованіе, вслѣдствіе чего братья «слушахутъ его яко отца», и покорялись ему «яко господину», —суровый проповѣдникъ, упомянувъ о сыновьяхъ Давида, въ томъ числѣ о Николѣ Святошѣ, въ заключеніе восклицаетъ: «Постыдимся, враждующи на братью свою и на единовѣрницы своя, въстрепещете, въсплачете предъ Богомъ пакы *славы отпадаете*... но не дай же вы Господь се слышавшимъ *отпасти славы* съ сима страстотерпцема (вѣроятно, Борисъ и Глѣбъ), его же днесь, убиенна, празднуемъ»[2]). Подобныя попытки духовенства внушить враждующимъ удѣльнымъ князьямъ взаимную любовь и сознаніе ихъ долга по отношенію къ старшему князю и къ отечеству, не приносили желанныхъ плодовъ. Въ самой средѣ святителей отъ времени до времени

---

[1]) С. И. Порѣнрьевъ перевелъ: «Стали князья ставить малое въ великое» (Ист. русск. слов. изд. 2, стр. 403). Въ большинствѣ переводовъ—подобная-же неточность, хотя въ Словарѣ Востокова значеніе «про» въ стихѣ подробно объяснено.

[2]) Москвитянинъ 1843 г., ч. II, 412—413.

появлялись крамольныя личности, какою былъ черниговo-рязанскій епископъ Порфирій. Получивъ, въ 1187 г., отъ великаго князя Всеволода Георгіевича полномочіе водворить миръ между Глѣбовичами Рязанскими — Романомъ, Игоремъ, Владиміромъ, Святославомъ и Ярославомъ, Порфирій тайкомъ отъ пословъ и мужей Всеволожихъ «инако рѣчь извороча къ нимъ, не яко святительскы, но яко перевѣтникъ и ложь... Тако Порфирій епископъ, исполнивъся срама и безчестья», возвратился окольными путями, опасаясь гнѣва Всеволода (Лавр.).

Комментаторы Слова упорно настаиваютъ на томъ, что обида вступила на землю Троянову въ образѣ *дѣвы*, нѣкоторые же принимаютъ ее за *дива*.—Вопреки общепринятому чтенію:

«Вступилъ *дѣвою* на землю Трояню» (по обоимъ спискамъ),

причемъ «вступилъ» исправляютъ, за исключеніемъ А. С. Петрушевича, на «вступила», или-же «вступивъ»,—читаю я:

«Вступи *лѣдвою* на землю Трояню»,—

сохраняя неприкосновенность текста стиха, но разсѣкая его сообразно съ глагольными формами Слова, его символикѣ и присущими обидѣ качествами. Коль скоро обида:

«*Убуди* жирня времена усобицъ» (сравн. «птичъ *убуди*»),

то на языкѣ пѣвца, она же *вступи*, подобно тому, какъ Стугна «*затвори*», море «прысну», земля «стукну». Свирѣпое свойство возбудившей крамолы обиды сходно со свойствомъ Дива [1]), возбудившаго половцевъ *звѣрскимъ* крикомъ, когда Игорь велъ дружины свои къ Дону, и бросившагося на русскую землю, когда онъ понесъ пораженіе при Каялѣ и попалъ въ путины желѣзныя. Мы видѣли, что положеніе Руси послѣ этой катастрофы пѣвецъ изображаетъ такими-же красками, какъ лѣтописецъ—по поводу пораженія Мономаха и Святополка на Стугнѣ. Очевидно, поэтому, что и обида, вступившая на Троянову землю, имѣла черты злобнаго существа.—Образъ обиды, и помимо всякихъ превращеній, достаточно рѣзко запечатлѣлся въ Словѣ

[1]) Звѣрское свойство Дива видно, между прочимъ, изъ описанія убійства Бориса 1015 г.:—«Нападоша нань аки *звѣрье дивіи*» (Ип. 93).

ея *поступью*, при *вступленіи* на Троянову землю [1]) въ олицетвореніомъ видѣ притѣснительницы, который, самъ по себѣ, не могъ имѣть ничего такого привлекательнаго, или же обольстительнаго, что рождало бы непремѣнно предположеніе о ея очаровательной *дѣвственности*.—Принятое чтеніе «дѣвою» вызываетъ неоправдываемую и народными повѣрьями поправку текста стиха. Ом. Партыцкій не безъ основанія утверждаетъ, что «у руского люду про дѣвицѣ-войницѣ нѣякихъ не находимо повѣрокъ» [2]). Правда, въ одной пѣснѣ *смертушка* обратилась въ красную *дѣвушку*, въ другой—бѣлая *лебедушка* обернулась красной *дѣвицей*, а въ третьей—*дѣвичья* красота раститъ крылья *лебединыя*,—на чемъ Е. Барсовъ, вмѣстѣ съ покойнымъ Потебней и многими другими, преимущественно строитъ выводъ—о превращеніи пѣвцомъ обиды въ дѣву съ цѣлью будтобы выставить обольстительный характеръ обиды [3]). Однако, въ народномъ миѳѣ и *солнце* зачастую принимаетъ образъ дѣвы [4]); потому-то «лице *дѣвиче огнено*; *огнь* бо естъ *божество*», сказано въ посланіи патріарха Луки къ Андрею Боголюбскому [5]). Въ малорусскихъ пѣсняхъ эпитетъ «*красная*» дѣвица часто замѣняется эпитетомъ *чарная*. У прибалтійскихъ славянъ *Дѣва* чтилась, какъ божество. Съ нею тожественна Дѣвонія, Дзѣванна, *водная богиня* у чеховъ и поляковъ. У насъ она извѣстна подъ названіемъ Мокоши (въ лѣтописи) или Дыи въ позднѣйшихъ памятникахъ (также Мокошь—Дива). Слѣды почитанія воды сохранились и въ Словѣ Ярославна обращается къ *водамъ* Днѣпра съ мольбою *взлелѣять* къ ней ея *ладу*, какъ-бы проявить свое могущество посредствомъ послушной ему *Лели*, которую въ системѣ славянской миѳологіи гадательно считаютъ дочерью Лады или Красыни (у чеховъ). *Морскіе смерчи* служили Игорю путеводителемъ предъ возвращеніемъ его на родину. Донецъ *лелѣялъ* его на своихъ *берегахъ* посредствомъ *берегыни*—русалокъ. Съ христіанской точки зрѣнія, *дѣвамъ* уподобляется *царство не-*

---

[1]) Ср :—«Наступи (Святославъ) на землю половецкую»...

[2]) Темныя мѣста въ Словѣ о П. Игор. Львовъ 1883 г., стр. 33.

[3]) Лексикологія Слова. I, стр. 235.

[4]) Ор. Миллеръ. Истор. Обозр. Рус. Слов. ч. I, стр. 28, 32.

[5]) Никон. или Патріарш. подъ 1160 г.

бесное. «Подобно есть царствие небесное десяти *дѣвъ*» [1]).—Въ духовныхъ стихахъ, земля — чистая *дѣва* отроковица [2]). По преданію, существовалъ древне-русскій языческій обычай приносить въ жертву *богамъ* отрока и *дѣвицю* по жребію (Ип. 54), а формы дѣвица и дѣва употребляются безразлично въ древне-русской письменности, напр. дочь Всеволода «Янка постриглась въ 1112 г. *дѣвою* сущи» (Ип. 197). Въ голубиной книгѣ птица-птицамъ мать имѣетъ лице, какъ *дѣвицы* [3]). Двойственный взглядъ на дѣву въ народной поэзіи зависитъ отъ того, что дѣва является носительницей то свѣтлаго то лихого, начала, подобно тому, какъ *доброй* женѣ, которая «дороже камня многоцѣннаго» (Ип. 5), противуполагается жена *злая*, типъ которой изображенъ Заточникомъ. Вообще-же, въ древне-русск. памятникахъ, какъ замѣчено И. Срезневскимъ, слово «дѣвою» означаетъ—*въ дѣвствѣ, непорочно* [4]). Воплощеніе злого начала—обиды въ дѣву, хотя и съ лебедиными крыльями, но безъ присоединенія соотвѣтственнаго эпитета, было-бы, кажется, противно древне-русскимъ эпическимъ пріемамъ. Такъ въ былинѣ о Потокѣ Михайлѣ Ивановичѣ *сретница* лебедь бѣлая Авдотья *Лиходѣевна*, обладавшая даромъ воскрешать изъ мертвыхъ, обернулась душой красной *дѣвицей* [5]). Если обиду въ Словѣ признать дѣвой, то о внутреннемъ характерѣ ея пришлось-бы судить только по лебединымъ крыльямъ, знаменующимъ не *прирожденныя* качества обиды, а ея *осложненіе.* Подъ лебедиными крыльми обиды, которыми она заплескала «у синяго моря «*плещучи*», разумѣю я отряды сторонниковъ крамольнаго Тмутороканскаго князя Олега — половцевъ, составлявшіе крылья или плещи его войска, въ соединеніи съ которыми онъ

---

[1]) Галицкое Евангеліе 1143 г., Поликарповское 1307 г. Въ Остромировомъ—«десятимъ дѣвамъ» (Ѳ. Буслаевъ).

[2]) Безсоновъ. Калики перех.

[3]) Въ обличит. словахъ говорится о почитаніи *вилъ.* Онѣ имѣютъ общія черты съ сѣверными *велвами* или *валами* и *сивиллами*—прорицательницами. Въ «Сказаніяхъ» Сахарова, Сивиллъ насчитывается 12. «Онѣ имѣютъ *дѣвственный* образъ и именуются предречительными, понеже на дѣвическій чинъ удобно духъ вселяется... и предреченія ихъ исполняхуся»...

[4]) Словаръ др.-русск. яз.

[5]) Сб. Кирши Данилова. Тоже въ Онежскихъ былинахъ, собр. Гильфердингомъ, № 6, стр. 51, № 39, стр. 180, 181.

возставалъ на Всеволода Ярославича и на Владиміра Мономаха[1]). Это ясно, между прочимъ, изъ игры словъ и соотвѣтствія привольнаго и шумнаго плесканія (взмахиванія) крыльями, возбуждавшаго усобицы, съ оглушительнымъ звономъ вступленія Олега въ златъ-стремень, въ Тмуторокани, доносившимся до давнаго Всеволода и стараго Владиміра, а также изъ того, что половцы, при наступленіи на нихъ Игоря, попавшаго затѣмъ къ нимъ въ *обиду*, бѣжали «рци *лебеди* роспущени». Здѣсь «роспущени» означаетъ, мнѣ кажется, не то, что съ распущенными крыльями, какъ полагалъ напр. Алябьевъ[2]), или же распуганные, какъ объясняли Потебня, Барсовъ и др., измѣняя «роспущени» въ «*роспужены*», но—въ разгонъ, въ разбивку или въ разсыпную, на огромномъ пространствѣ половецкихъ степей, «неготовами дорогами».—Въ русскомъ историческомъ эпосѣ XII в. крамольные *молоть* и *стрѣлы* немогли превратиться въ *дѣву*. Такое превращеніе противорѣчило бы символической терминологіи Слова, логической послѣдовательности изложенія и выдержанности поэтическихъ образовъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Не могу допустить, чтобы, напримѣръ, наряду съ готскими красными *дѣвами*, воспѣвавшими торжество половцевъ,—съ русскими *дѣвицами*, пѣвшими на Дунаи, — съ любой *дѣвицей* (кіевскою волостью), за которой гонялся Всеславъ полоцкій, и съ красной *дѣвицей*, которою Кончакъ предлагалъ своему товарищу Гзѣ опутать соколика, Владиміра Игоревича, пѣвецъ-художникъ назвалъ пробудившую жирныя времена усобицъ отвратительную обиду *дѣвою*, не присоединивъ къ ней подходящаго эпитета или же названія, какъ въ греческомъ мнѣ объ укушеніи соннаго Геркулеса змѣеобразной дѣвой Ехидной,—безъ чего дѣва, принимавшая вообще въ Руси издавна различные, но преимущественно *свѣтлые* образы, представлялась бы слишкомъ безцвѣтной. Если смотрѣть съ точки зрѣнія народной поэтической символики, то въ послѣдней обида характеризуется примѣтами, подтверждающими мое мнѣніе:—

---

[1]) Въ лѣтописи вспомогательныя дружины и вообще ополченія обыкновенно называются *крылами* или *плещами*: «Бьяхутся на *крылѣхъ* полкомъ», «Половци вдаша *плещи* свои на бѣгъ» (Ип. 193 301 и др.). Ср. «Тяжко ти, головы, кромѣ *плечю*».

[2]) Слово о Полку Игоревѣ. 1873 г.

«Въ сердцѣ обидушка — *зазнобушка*»; «сирота — *позябла* обидушка» [1]). *Знобкый* и *зяблый*—то же, что *студный* или *остудный* (отъ студъ) [2]). Въ переносномъ значеніи: студный—постыдный, мерзостный, позорный [3]). А. Будиловичъ отмѣтилъ, какъ явленіе замѣчательное, что *студъ* и *мразъ* служатъ въ славянскомъ языкѣ основою образованія словъ, означающихъ нѣчто *постыдное, омерзительное* [4]). Обида въ Слонѣ является съ чертами, свойственными водному змѣевидному существу Гидрѣ, или же Аспиду, такъ описанному въ азбуковникѣ Ѳ. Буслаева: «Аспидъ—змія *крылатая*, носъ имѣетъ *птичій*, а въ коей *земль вчинится*, ту землю *пусту* чинитъ. Живетъ въ горахъ каменныхъ. Когда заиграютъ трубы, тогда *засвищетъ*, заберется въ дыру и начинаетъ *битися*». Въ народной поэзіи Аспидъ перерождается въ змѣя Тугарина. Одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ называетъ *турчина* зміемъ: «*Турчинъ—змія*» [5]). Въ описаніи Куликовской битвы Мамай названъ Аспидомъ и Ехидной (П. С. Р. Л. IV, 78). Между разными дурными предзнаменованіями лѣтопись, подъ 1091 г., упоминаетъ о паденіи съ неба превеликаго *змія*, и это, ужаснувшее всѣхъ людей явленіе связывается съ княженіемъ въ Кіевѣ Всеволода Ярославича, въ частности—съ звѣриными его ловами (Ип. 150). Авторъ Слова назвалъ обиду *лядьвою* по ея омерзительному, противному свойству. Въ древнихъ памятникахъ встрѣчается глаголъ *оледьвать*, иногда *олядьвать*, по переводу Миклошича — desertum esse [6]).

---

[1]) Барсовъ. Причит. сѣв. пр. I, 109, 199 и др. Много подобныхъ примѣровъ приводитъ А. Анненскій. Наблюд. надъ яз. и поэз. русск. сѣв. Сб. ст. по славяновѣд. 1883 г.

[2]) Ср.: «Брань славна лучше есть мира *студна*» (Лавр. п. 1187 г.).

[3]) А. Потебня. О символахъ въ слав. нар. поэзіи 1860 г.

[4]) Первобытн. славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понят., стр. 7.

[5]) Шафарикъ—Старожитности. Поэтому нельзя сочувствовать примѣненію къ Слову, г. Тихонравовымъ и др., сравненія въ одномъ изъ позднѣйшихъ памятниковъ *половчина* съ *пардусомъ*. Припомнимъ, что Святославъ 1-й легко ходилъ «яко пардусъ» и что князья наши посылали пардусовъ другъ другу въ подарокъ.

[6]) Lexicon palaeosl. graec. lat.

Въ словарѣ ц. слав. яз. Востокова *оледѣти*—vincere (быть можетъ—vincire?). Оледѣть (олядѣть)—запустѣть, также омерзѣть. Отъ того же корня *ледачій* или *ледящій*. *Лодарь*, лодырь—повѣса, бездѣльникъ (не мерзавецъ ли?)[1]. *Леда*, на мало-русск.—пустяки, дрянь, мерзость. *Ледарь*—негодяй, *ледарка*—негодяйка[2]. *Обледѣвать*—побледнѣть[4]. Лѣтописецъ такъ описываетъ страданія русичей въ половецкомъ плѣну: «Въ странѣ незнаемой, печални, *зимою оцѣпляеми*, въ алчѣ и въ жажи и *въ бѣдѣ опустѣвше* лици, почернѣвше тѣлесы» (подъ 1093)[5]. По всему этому нѣтъ основаній сомнѣваться въ существованіи формы прилагат. лдѣвый, тѣмъ болѣе, что отвердѣніе *л* въ словѣ *ледъ*, а слѣдовательно и въ производныхъ словахъ, засвидѣтельствовано лѣтописными примѣрами[6]. Въ древне-русскихъ памятникахъ *ненависть* между родными и усобныя рати между князьями называются *мерзостью*[7]. У Кирилла Туровскаго отступленіе отъ христіанской морали—*зима* грѣховная, *ледъ* невѣрія[8]. По объясненію Сахарова, въ русской народной символикѣ *морозъ* происходитъ отъ появленія злыхъ духовъ (Сказ. русск. нар.). Олицетворенія нечистой силы представляются *замороженными*. Быть можетъ, потому въ Мѣрилѣ Праведномъ и

[1]) Сравн. былинное выраженіе въ лѣтописи: «Выступи полкъ изъ загорья, вси во бронѣхъ, яко во всякомъ леду» (Лавр. 1171 г.)

[2]) См. Толковый словарь Даля.

[3]) Словарь малорус.—червонорус. яз. Пискунова.

[4]) «Отрокъ въскочи въ вежу *обледѣвшимъ* лицемъ и измолкшимъ гласомъ» (Сказ. о Мих. Твер). Сравн. «ослабленомъ лицемъ» (Ип. 518).

[5]) Лавр. въ Ип. спискѣ вмѣсто «опустѣвше» стоитъ «*обледѣвше*» (стр. 157), хотя въ другомъ мѣстѣ: «Образъ лица его *попусталъ*» (Ип. 390).

[6]) См. «*во ледѣ*» (П. С. Р. Л. IX, 255, прим). П. Лавровскій приводитъ форму *льодъ* (Обз. особ. нарѣч. малор. Ж. М. Н. П. 1859 г., ч. CII, стр. 258). На случаи употребленія *о* вмѣсто *е* въ корнѣ словъ и на отвердѣніе *л* во многихъ словахъ указано, между прочимъ, И. Срезневскимъ: «топлое, досное, — недѣлный, силно» и др. (Мысли о яз. 181—193).

[7]) Пам. стар. русск. лит., вып. III, стр. 89, 113, 117. По словамъ поученія Мономаха, окаянное дѣло—суевѣріе—«*мерзко* быть Богу». «Богови студна и *мерьска* хвала и гордость» (Ип. 390). «Латинское *богомерзкое* служеніе» (Густ., тоже Воскрес. 205). «Стрѣлы и топоры громніи—нечестивая и *богомерзкая* вещь» (Мѣрило Праведное).

[8]) По изд. Калайдовича стр. 31.

считалось предосудительнымъ писаніе креста на льду. Въ народныхъ пѣсняхъ *мерзкій* употр. и въ смыслѣ *мертвый*. У многихъ славянъ существовало мрачное представленіе о *смерти*, какъ о царствѣ вѣчнаго *холода* и *зимы*, подъ властью богини Морены [1]), которая, въ Краледворской рукописи, знаменуетъ старость, смерть и зиму.

И такъ, слѣдуетъ читать: не *дѣвою*, но *л(ѣ)дѣвою*. Переходъ ь=е въ ъ=о, если только глухая гласная здѣсь находилась въ утраченной рукописи, могъ произойти по тѣмъ-же причинамъ, какъ и въ словахъ: «прѣвыхъ»,—«прѣвое»,—«мѣгла»,—«тѣма»,—«вихрѣ»,—«чрѣна» и проч.[2]) — Омерзительное свойство вступившей на Троянову землю обиды, какими обладали адскія богини, вродѣ Гекаты, вполнѣ гармонируетъ не только со стихами, изображающими *коварнаю* Олега и постепенное *прозябаніе* обиды отъ насѣянныхъ Гориславичами по землѣ стрѣлъ-усобицъ, но и съ произведеніями ею, въ противоположность живительному дѣйствію лучей солнца—Трояна, плодами: богатымъ урожаемъ зла, погубленіемъ или *охлажденіемъ* въ сердцахъ князей, проникшихся низкими, своекорыстными инстинктами, *побужденій* долга по отношенію къ оборонѣ русской земли отъ кочевниковъ[3]):

«Убуди жирня времена усобицъ,
А княземъ—на поганые погыбе»,

и съ печальною участью Игорева ополченія. Его прикрыла *пустыня*; въ народномъ-же пѣсенномъ творчествѣ обида зовется и *пустылой* [4]). Въ Словѣ «пустыня», прикрывшая силу Игореву

---

[1]) Подроб. у Аѳанасьева и Буслаева. О Живѣ и Моренѣ, какъ божествахъ смерти, см. Д. Щепкина: Миѳы слав. язычества 1849.

[2]) Ср. «папорзи» вмѣсто паперзи, «сморци» вмѣсто смерчи. Такое смѣшеніе полугласныхъ—обычно въ древн.-русск. памятникахъ и единогласно признается нашими лингвистами: Срезневскимъ, Колосовымъ, Ягичемъ, Лавровскимъ, Соболевскимъ, Кочубинскимъ, Житецкимъ и др.

[3]) Припомнимъ упрекъ, сдѣланный Олегу въ 1095 г. Святополкомъ и Владиміромъ: «Се ты не шелъ еси съ нами на поганые, иже погубиша землю русьскую», и отказъ Олега идти вмѣстѣ на половцевъ 1103 г., подъ предлогомъ нездоровья.

[4]) Примѣры собраны г. Анненскимъ.

(войско), означаетъ *запустѣніе* [1]). Олегово храброе гнѣздо попало въ тиски той самой прозябшей или распустившейся обиды, которая возникла въ силахъ Дажьбожьяго внука,—хотя оно

«Не было... *обиды* порождено»...
—«Вступита, господина, въ злата-стремень
За *обиду* сего времени»...

Вставшая обида есть то самое «зло», отъ котораго Мономахъ предостерегалъ князей послѣ ослѣпленія Василька: «Больше *зло встанетъ* въ насъ»...

Процессъ зачатія и прозябанія или роста усобицъ набросанъ пѣвцомъ-художникомъ въ *два пріема*, въ двухъ очеркахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого описаніемъ Каяльскаго боя. Только при совмѣстномъ, продолжительномъ и пристальномъ ихъ изученіи возможно разобрать длинную нить скомканныхъ въ нихъ событій, распредѣлить по эпохамъ и уложить въ географическія границы. Земля Трояна есть переходная ступень въ поступательномъ шествіи обиды по землѣ русской. Прежде, чѣмъ обида утвердилась на этой ступени, главный виновникъ ея, Олегъ, *вступавшій* въ златъ-*стремень*, т. е. *устремлявшійся* на рать [2]), ежедневно («по вся утра») [3]) причинялъ своими крамолами мученія Владиміру Мономаху въ Черниговѣ, и при содѣйствіи половцевъ «вниде въ городъ отца своего», вынудивъ Мономаха, какъ я уже сказалъ, перебраться въ Переяславль (1094 г.), а позднѣе (1096 г.) накинулся на землю Муромскую, Ростовскую и Суздальскую. Утвердившись на Тронновой землѣ, обида возбудила жирныя (обильныя) усобицы, сопровождавшіяся

---

[1]) Ср.: «На *пусти*, гдѣ ни села, ни людей» (Ип. 88). По поводу произведенныхъ татарами опустошеній, лѣтоп. приводитъ изреченіе прор. Исаіи: «Созижутъ *пустыя* вѣчная, *запустѣвшая* преже, воздвигнутъ(ъ)и городы *пусты*, *запустѣвшая* отъ рода» (Ип. 578).

[2]) На лѣтописномъ языкѣ, предпринять войну знач. всегда почти—«всѣсть на коня», или «устремиться на рать». Въ 1096 г. «Олегъ *устремися* на Суздаль» (Ип. 165, сравн. стр. 416 и др.). Въ Словѣ Игорь говоритъ: «Въсядемъ на свои бързыя комони».—«Ѣздить подлѣ стремени» старшаго князя значило—помогать ему вооруженною силою (Слова Ярослава Галицкаго Изяславу), и др.

[3]) Ср.: «По вся дни» (Ип. 157).

неслыханными злодѣяніями. Разгулъ обиды изображенъ и въ былинѣ о Вольгѣ Буслаевичѣ:

«Пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ по сырой *земли*,
Мать сыра земля сколебалася».—(Рыбниковъ).

Занесенныя въ лѣтопись рѣчи Мономаха (1097 и 1103 г.) обрисовываютъ положеніе Руси въ такомъ мрачномъ видѣ, какой она могла принять только въ пору полнаго разгара междоусобій, когда не только которѣ братьевъ съ братьями и племянниковъ съ дядьми, но даже возстаніе сыновей на отцовъ сдѣлалось явленіемъ заурядным. Такъ Ростиславъ Георгіевичъ въ 1148 г. «*роскоторався* съ отцемъ своимъ, оже ему отець волости не далъ» въ Суздальской землѣ, ѣздилъ въ Кіевъ жаловаться Изяславу, говоря: «Отецъ мя переобидилъ и волости мине далъ» (Ип. 257), и т. под. Усобицы успокоились временно въ 1113 г., по занятіи Мономахомъ вел. княжескаго стола («мятежъ уleже»), но вскорѣ возобновились крамолы недовольныхъ князей (около 1116—1117 г.) и нашли себѣ пищу для дальнѣйшаго развитія. Подъ 1136 г. суздальская лѣтопись замѣчаетъ, что «*крамола* въ нихъ (Ольговичахъ) бысть *не мала*». Пѣвецъ какъбудто переѳразируетъ рѣчь Владиміра-Мономаха: «Половци погубиша землю русьскую»... «губимъ землю русскую, сами на ся котору имуще, а половци землю нашу несуть роздно».... «Погыбнеть земля русьская, а врази наши половци, пришедъше, возмуть землю русьскую»,— стихами:

«Но часто врани граяхуть, трупія себѣ дѣляче» ..
«—А князи сами на себе крамолу коваху,
А поганіи сами (въ другомъ стихѣ: *со всѣхъ странъ*) побѣдами
наришуще на русскую землю»...
«Погибашетъ жизнь Дажьбожа внука».

И лѣтописецъ удостовѣряетъ, что въ 1092 г. «рать велика бяше отъ половецъ *отвсюду*». Сущность словъ Владиміра Мономаха о жалкомъ положеніи сельскаго люда, сказанныхъ въ Долобскѣ, 1103 г., при совѣщаніи о походѣ на половцевъ, скопирована пѣвцомъ въ поэтической ѳормѣ. На замѣчаніе дружины: «не веремя веснѣ воевати, хочемъ погубити смерды и ролью имъ»,— Владиміръ возразилъ: «Удивительно, дружина, если кто жалѣетъ рабочей лошади, которою пашутъ, а почему

того не разсудите, что смердъ примется пахать, а половчинъ, пріѣхавъ, ударитъ смерда стрѣлою, да кобылу его отниметъ, да въ село въѣхавъ, заберетъ жену его и дѣтей и гумно его зажжетъ и все имѣнье его возметъ. Лошади его жалѣешь, а самого почему не жалѣешь»? Съ неподдѣльною скорбью сѣтуетъ лѣтописецъ на запустѣніе пастбищъ и нивъ, въ записи подъ 1093 г.: «И гради вси опустѣша и переидемь *поля*, идѣ же пасома быша стада конѣ, овцѣ и волове, се все тще нынѣ видимъ, *нивы* порожьше стоятъ, звѣремъ жилища быша» (Ип. 156). Оба упомянутые мною былинные очерки усобицъ выработаны пѣвцомъ изъ *одного и того-же историческаго матеріала*,— матеріала весьма обширнаго, ибо вражда изза волостей и старшинства разросталась и въ средѣ Святославичей, и въ средѣ Мономаховичей. Чѣмъ болѣе развивались усобицы, чѣмъ чувствительнѣе затрогивались интересы того или другого поколѣнія, какъ напр. при изгнаніи въ 1128 г. Всеволодомъ Ольговичемъ дяди своего Ярослава изъ Чернигова въ Муромъ,— тѣмъ дерзновеннѣе становились половцы.... Въ 1135 г. Мирославъ посадникъ ходилъ изъ Новгорода мирить «кыянъ съ черьниговци и приде, не успѣвъ ницто-же, сильно бо възмялася вся земля русьская» (Нов. I, 7). И другой лѣтописецъ, про обострившуюся вражду между Мономаховичами и Ольговичами при Ярополкѣ Владиміровичѣ, говоритъ: «Бысть межи има такая пря велика, злоба, что едва утиши благоумный князь Ярополкъ брань ту лютую» (Ип. 213—215).

Пользуясь этими смутами половцы уже въ половинѣ XII в. чуть не завладѣли всею южною Русью. Около 1130 г. они налегли на нее такъ, что Мстиславъ Владиміровичъ едва *перемогался* (Ип. 217). Между тѣмъ раздоры княжескіе продолжали волновать русскую землю. Напр. въ 1142 г, когда Всеволодъ надѣлилъ племянника и сына, то «бысть братьи его тяжко сердце Игореви и Святославу: волости бо даетъ сынови, а братьи не надѣли ничимъ же» (Ип. 222). Въ 1144 г. «*роскотористася* Всеволодъ съ Володимѣркомъ Галицкимъ» (Ип. 225), и т. под. Въ 1148 г. Ольговичи говорили Изяславу Мстиславичу, прося мира: «А мы доколѣ хочемъ рускую землю губити? а быхомъ ся уладили». (Ип. 256). Въ 1154 г. кіевляне совѣтовали Изяславу Давидовичу изъ рода Ольговичей: «Поѣди Кіеву, ать не возмутъ насъ половцы». Сѣверный лѣтописецъ такъ изо-

бражаетъ положеніе Руси въ половинѣ XII в.: — «Бысть же сице нѣкое нестроеніе въ великихъ князехъ кіевскихъ, и многи рати, и убійства, и кровопролитія сотворяхуся, и вси убо тщахуся, и подвизахуся на великое княженіе кіевское. Сей бо Кіевъ слава и честь, и мати, и глава всей руской земли бысть» (Никон. подъ 1156 г.). Сидѣть въ Кіевѣ значило *царствовать* тамъ: — «А ты сѣди царствуя въ Кіевѣ», говорилъ Георгій Владим. Изяславу Мстиславичу въ 1149 г. (Ип. 266)[1]). Вскорѣ послѣ того, какъ сѣлъ на кіевскомъ столѣ Изяславъ Мстиславичъ, — «въ русскихъ князехъ не единомысліе бѣ, но разногласіе и вражда» (Ib.); и дѣйствительно, въ борьбѣ съ Ольговичами и дядей Юріемъ Долгорукимъ протекло все время княженія Изяслава. Вслѣдствіе этихъ нестроеній митрополитъ кіевскій Михаилъ, удалившійся въ Царьградъ, отказывался возвратиться въ Кіевъ, «услыша наипаче многи волны и которы въ Кіевѣ и во всей руской земли». Въ борьбѣ съ половцами гибли и славные русскіе богатыри. Такъ въ 1166 г. «половци воевавше Русь и убиша двухъ богатырей Андрея Жирославича и брата его Шварна за Переяславлемъ и много множество христіанъ плѣнивше, отъидоша» (Никон.). Въ 1167 г. «половци, увѣдавши, «яко князи не въ любви живутъ, шедше въ порогы, начаша пакостити гречникомъ» (Ип. 360). Въ 1170 г. Мстиславъ Изяславичъ молвилъ братьѣ: «Пожальтеся о русской земли и о своей отцинѣ и дѣдинѣ, оже половци несуть хрестьяны *на всяко лѣто* у вежи свои, а съ нами роту взимаюче, всегда переступаюче[2]), а уже у насъ и Греческій путь изъоимають, и Соляный, и Залозный» (Ип. 360, 368). Подъ тѣмъ-же годомъ въ Никонов. лѣтописи записано: «Приходиша половци мнози на Русь и много зла сотвориша христіаномъ; княземъ же русскимъ не могущимъ противу ихъ стати, понеже въ междоусобныхъ бранехъ многые вои избіени быша, и сице многая зла бываше отъ окаянныхъ половцевъ». Замѣчательно, что, описывая, подъ 1171 г., взятіе и разграбленіе Кіева войсками Андрея Боголюбскаго, лѣтописецъ употребилъ тѣ-же выраженія, какія мы находимъ въ стихѣ:

---

[1]) Лѣтопись нерѣдко князя называетъ царемъ (Ип. 303, 378 и мн. др.).

[2]) Потому-то въ Словѣ половцы — олицетворенная ложь (лжа). Н. Тихонравовъ и др. дѣлаютъ крупную ошибку, читая *жлу* вмѣсто *лжу*.

«А *вѣстона* бо, братіе, Кіевъ *тугою*, а Черниговъ напастьми» . . .

«Бысть въ Киевѣ на всихъ человѣцехъ *стенаніе* и *туга* и скорбь неутишимая, и слезы непрѣстаньныя» (Ип. 373). Такъ какъ пѣвецъ тотчасъ затѣмъ ссылается на которы:

«А князи сами на себе крамолу коваху» . . .

то можно полагать, что погромъ Кіева соединенными русскими дружинами онъ сливаетъ съ походомъ Кончака и Гзы на кіевскую и переяславскую область въ 1185 г. Развить свою мысль ему едва-ли было удобно, ибо въ томъ разграбленіи Кіева принималъ участіе Игорь Святославичъ съ братомъ Олегомъ Святославичемъ (Ип. 372). Послѣ убійства Андрея Георгіевича Суздальскаго, внука Мономахова, 1075 г., и похода Олега Святославича, брата Игорева, съ шурьями на Черниговъ (сравн. въ привед. стихѣ, «а Черниговъ напастьми»), гдѣ княжилъ тогда Святославъ Всеволодовичъ, позднѣе кіевскій (Ип. 406 и 407), — въ Ипат. подъ 1077 г. описанъ набѣгъ на Русь половцевъ, воспользовавшихся тѣмъ, что «бывши распрѣ межи братьею» (Ип. 408, 409); — нашествіе повторилось въ 1079 г., подъ предводительствомъ Кончака. Далѣе бѣдствія принимаютъ все болѣе и болѣе ужасающіе размѣры. «Хрестьяне были плѣняемы *по вся дни* отъ поганыхъ» и проливалась ихъ кровь, сказано въ лѣтописи подъ 1181 г., — что и побудило наконецъ Рюрика «пожить въ братолюбьи» . . . Вражду между братьями-князьями, отъ которой безвременно сходилъ въ могилу русскій людъ, лѣтописецъ постоянно приписываетъ лукавому и пронырливому дьяволу, отвращавшему князей, посредствомъ злыхъ совѣтниковъ, отъ божественной любви, «яко же бѣ лѣпо жити братьи единомыслено у купѣ блюдучи отецьства своего» (Ип. 234). «Зліи человѣци . . . суть окаяннѣйшіи бѣсовъ; бѣси бо сами не могуче что сотворити, то злыхъ человѣкъ на то пущаютъ» (Воскрес. 73). По словамъ Даніила Заточника, «съ добрымъ думцею князь высока стола додумается, а съ *лихимъ* думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ».

Отъ позднѣйшей пѣвецъ переносится къ отдаленной порѣ усобицъ:

«Тогда, *при Олзѣ*, Гориславличи
Сѣяшется и растяшетъ оусобицами».

Усобицы проявлялись во многочисленныхъ внутреннихъ войнахъ:

«То было въ *тыя рати* и въ *тыя полкы*».

Въ двукратной ссылкѣ на бѣдствія Дажьбожьяго[1]) *внука*, относимыя ко времени Олеговыхъ крамолъ, Слово разумѣетъ одного и того-же наслѣдственнаго *властителя*, чѣмъ подрывается господствующее мнѣніе о собирательномъ значеніи Дажьбожьяго внука, какъ народа, либо князей вообще[2]), и доказывается, что внукъ здѣсь соотвѣтствуетъ *индивидуальному родству*, въ такой-же эпической степени, въ какой оно установлено между Велесомъ и Бояномъ, тѣмъ болѣе, что когда авторъ Слова говоритъ о *потомкахъ*, то называетъ ихъ во множ. ч. *внуками*. Таковы Всеславовы *внуки*, таковы Стрибожьи *внуки*, вѣтры[3]), хотя Ярославна взывала къ *вѣтру-вѣтрило*, т. е. прародителю вѣтровъ.

«Погибашеть *жизнь* Дажьбожа внука» . . .

«Въстала обида въ *силахъ* Дажьбожа внука» . . .

Разница, въ этихъ стихахъ, по ихъ содержанію, сводится къ тому, что въ первомъ стихѣ разумѣется *все* достояніе или имѣніе Дажьбожьяго внука, все его богатство, *территорія и народъ русскіе*, во главѣ которыхъ стоялъ тогда Всеволодъ Ярославичъ, а нѣсколько позднѣе—Владиміръ Мономахъ. Во второмъ-же стихѣ, относящемся къ первому, какъ часть къ цѣлому, — только *воинство* русское, составлявшее оплотъ Дажьбожьяго внука, источникъ его могущества. Значеніе *жизни*, въ смыслѣ *достоянія*, уясняется обращенными къ Всеславовымъ внукамъ стихами:

«Вы бо своими крамолами начасте наводити поганыя
На землю рускую, на *жизнь* Всеславлю» . . .

и лѣтописными извѣстіями[4]). Возстаніе *обиды* въ *силахъ* Дажь-

---

[1]) Въ болгарскомъ переводѣ хр. Малалы Дажьбогъ сопоставленъ съ Геліосомъ.

[2]) Напр. Миллеръ. Взглядъ на Слово. Ж. М. Н. П. 1887 г. CXCIII в., стр. 44. Гедеоновъ. Варяги и Русь, стр. 352 и др.

[3]) Въ Мѣриѣ Праведномъ насчитывается 12 вѣтровъ. См ст. «о двунадесять вѣтру».

[4]) «Стада заяли . . . жита пожьгли и всю *жизнь* погубила еста». «Вземше волость и *жизнь* его всю».—«Пусти ма Чернигову, тамо ми *жизнь* вся». «А *жизнь* есмы его взяли, а *имѣнье* его раздѣлилѣ» . . — «Села и *жизнь* пожгоша»....— «*Жизни* нашея, ни селъ нашихъ не губите» . . .—«Азъ уже погинулъ душею и *жизнью*».—«И бѣ *жизнь* (довольство) и наполниша дворы» (Ип. 236, 243, 245, 254, 271, 339, 367, 558).

божьяю внука сплетается, чрезъ посредство вступленія ея на Троянову землю, — съ нанесенною Игорю обидою, погубленіемъ его *силы,* его ополченія:

«Уже пустыни *силу* прикрыла»...

Ополченіе Игорево и лѣтописецъ называетъ силою: «Владыко Господи, а не поганьская дерзость, обломи *силу* рабъ Твонхъ» (Ип. 437)[1]). Причиною гибели Игорева ополченія была вызвавшая и первое насильственное вторженіе въ Русь половцевъ, которая, отвлекавшая князей отъ общаго благого дѣла — защиты русской земли, и ослаблявшая русскія силы разъединеніемъ стяговъ и междоусобными кровопролитными войнами, когда князья, попирая родственныя узы, возставали другъ на друга изза мелочныхъ взаимныхъ счетовъ по захвату волостей. Ростиславъ говорилъ Изяславу Мстиславичу: «ты были *на рать вставли,* што успѣли»? (Ип. 256). *Вставть* означало *возстать* или *подняться.* Въ такомъ-же смыслѣ о возстаніи обиды говорится въ одномъ южно-русскомъ рукописн. прологѣ XVI в.[2]). Постигшая Игоря, по *превратности* временъ[3]), въ Каяльской битвѣ обида, первоначально, т. е. въ старое время, выразилась въ пролитіи крови *подданныхъ* Дажьбожьяго внука, и въ расхищеніи его *достоянія,* взошла на Троянову *землю* въ лицѣ Олега Святославича и его союзниковъ. Съ тою порою совпадаютъ грозныя небесныя предзнаменованія и крутой переломъ въ Руси, который весьма краснорѣчиво и съ неподдѣльнымъ чувствомъ описанъ лѣтописцемъ-современникомъ[4]), сокрушающимся о томъ, «яко на хрѣстьянсцѣ родѣ страхъ и коли-

---

[1]) Войско всегда—сила (Ип. 260, 282, 507, 568, 571 и мн. др.).

[2]) Примѣры: «*Вста* король»,—«*вставхомъ* на тя» (Ип. 309, 339) и т. д. Въ прологѣ XVI в., выписка изъ котораго любезно сообщена мнѣ профессоромъ А. А. Кочубинскимъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія выраженія: «... и вста гнѣвь на тихость и на любовь ненависть... и *вста обида* на смиреніе и разбой на братолюбіе»... Сравн: «буря съ вѣтромъ *вста* и волнамъ великимъ *вставшимъ* (Ип. 12) и др.

[3]) См. полустихъ: «Годины ся обратиша».

[4]) Заканчивая свой плачъ, лѣтописецъ добавляетъ: «Се бо *азъ грѣшный* много и часто Бога прогнѣвахъ» (Ип. 157).

банье и *бѣди упространися*»[1]). Все это приписывается наказанію Божьему за грѣхи, «подобаше бо намъ въ рупѣ преданнымъ быти языку страньну и беззаконьну и лукавейшю паче всея земли».

Помѣщеннаго рядомъ съ Трояномъ Дажьбожьяго внука очень легко смѣшать съ Трояномъ, при поверхностномъ знакомствѣ съ Словомъ и лѣтописью. Болѣе-же продолжительное ихъ изученіе приводитъ къ убѣжденію, что Дажьбожій внукъ есть солнечное прозвище внука Владиміра Св., давнаго великаго князя кіевскаго Всеволода Ярославича. Если мы вдумаемся въ стихъ, трактующій о насиліи отъ половцевъ на семилѣтіи Трояна, и въ тѣ стихи, которые связываютъ звонъ крамолъ Олеговыхъ съ княженіемъ Всеволода въ *Кіевѣ* и съ княженіемъ Мономаха въ *Черниговѣ*, сопоставивъ притомъ съ Бояновыми притчами на «Святослава» — Олега, и съ лѣтописью, то угадаемъ, что стихи, въ которыхъ разсказывается о гибели *жизни* и *силъ* Дажьбожьяго внука и вступленіи затѣмъ обиды на Трояню *землю*, представляютъ лишь перестановку содержащагося въ упомянутыхъ выше стихахъ фактическаго положенія на *миѳологическую* почву, съ цѣлью показать славное, героическое происхожденіе Игоря отъ Дажьбога чрезъ его внука Всеволода Ярославича и правнука — Владиміра Мономаха. Сообразно съ этимъ и крамольному Олегу, вступавшему «въ златъ-стремень» въ *приморской* Тмуторокани, пѣвецъ придаетъ свойства *крылатой* обиды, заплескавшей лебедиными крыльями у *синяго моря*, указывая тѣмъ на соединеніе Олега съ своими друзьями половцами, составлявшими крылья или плещи его войска въ усобныхъ ратяхъ[2]).

Упрекая внуковъ Всеславовыхъ за наведеніе поганыхъ на землю русскую, на *жизнь* Всеславову, пѣвецъ даетъ поводъ

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ предсказываетъ муку на томъ свѣтѣ *половцамъ*, «приимшимъ на семъ свѣтѣ *веселье* и *простороиство*».—Ср. стихъ: «По русской землѣ *простроишася* половци».

[2]) Перенося *брачную* обстановку въ сферу *ратную*, пѣвецъ и тутъ образно выставляетъ осложненіе обиды *связью* съ половцами, такъ какъ у двоевѣрныхъ русичей обрядъ вѣнчанія замѣнялся *плескапіемъ*: — «Бояре токмо и князи вѣнчаются, простымъ же людемъ яко именемъ и *плескапіемъ* розумъ даемъ всякъ» (Прав. Іоанна митропол. Карамзинъ. И. Г. Р., т. II, стр. 158).

считать русскую землю *достояніемъ Всеслава*. Когда Всеславъ завладѣлъ Кіевомъ въ 1068 г., то вся она дѣйствительно подпала на 7 мѣсяцевъ подъ его верховную власть и только черезъ шесть лѣтъ сдѣлалась достояніемъ Всеволода Ярославича. Но такъ какъ подъ погаными, которыхъ наводили на Русь Всеславовы внуки, пѣвецъ разумѣетъ *литовцевъ* (какъ это ясно изъ предыдущихъ стиховъ), то слѣдуетъ заключить, что въ данномъ случаѣ онъ указываетъ на полоцкую область, бывшую очень долго въ зависимости отъ кіевскихъ князей[1]), какъ на *часть* земли русской, ставшую ареной крамолъ Всеславовыхъ потомковъ. Пѣвецъ не могъ, конечно, не сознавать заслугъ Всеслава, по отношенію къ полоцкому княжеству, находившемуся столь долго въ его рукахъ (съ 1044 г.) и обязанному этому князю своимъ процвѣтаніемъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы пѣвецъ считалъ дѣятельность Всеслава вполнѣ достойною подражанія. Хотя послѣдній и стяжалъ себѣ громкую *славу*, но славу далеко не идеальную, благодаря чрезмѣрнымъ его притязаніямъ и кровожаднымъ инстинктамъ, и не миновалъ суда Божьяго за свои лукавые происки и пролитую напрасно кровь русскихъ сыновъ (Боянова припѣвка). Внесенная въ Слово былина подтруниваетъ надъ Всеславомъ, и обращенный къ его внукамъ стихъ:

«Уже бо *выскочисте* изъ дѣдней славы»

звучитъ двусмысленно, вызывая представленіе и объ *отпаденіи*, подобно тому, какъ напр.: «Сотононилъ *отпаде славы* пѣрвыя» (Ип. 59), и о *нечистомъ* происхожденіи самой славы. Былина выставляетъ въ комическомъ свѣтѣ звѣрскій нравъ Всеслава, дерзнувшаго разшибить *славу Ярославову*, а искусный *переходъ* къ былинѣ чрезъ воспоминаніе о бѣдствіяхъ Руси отъ *перваго* нашествія половцевъ въ 1061 г., за четыре года до начала Всеславомъ междоусобной рати (1065 г.), еще болѣе обнаруживаетъ неблагосклонный взглядъ пѣвца на завоевательную политику ловкаго чародѣя.

Первый напоръ возставшей обиды, первые ея удары, въ Мономаховы вѣка, довелось испытать Олеговому коганю, вел. князю Всеволоду Ярославичу, когда онъ княжилъ еще въ Переяславлѣ, 1061 г. Въ 1068 г. соединенныя силы князей Изя-

[1]) См. изв. подъ 1128, 1151 и др.

слава, Святослава и Всеволода не могли уже выдержать натиска половцевъ и были разбиты на Альтѣ (притокъ Трубежа). Какъ гибла «жизнь» русская съ момента вторженія половцевъ, мы хорошо знаемъ, напр, по судьбѣ, постигшей при Всеволодѣ обширную Тмуторокансную окраину. Племянники его вымогали волости, растаскивали волынскую землю и червенскіе города, часть которыхъ сдѣлалась добычей ляховъ, тіуны его произвольно обременяли населеніе поборами. Изгойные князья своею непокорностью *стужали* его, т. е. сокрушали (причиняли скорбь)[1]). По смерти Всеволода, кіевляне жаловались, что ихъ «*земля оскудѣла есть* отъ рати и продажъ» (Ип. 152). Обиду—зло терпѣлъ народъ русскій болѣе всего отъ поганыхъ союзниковъ Олега Святославича—половцевъ, за дружбу съ которыми Мономахъ и Святополкъ-Михаилъ выгнали его изъ Чернигова. Объ этомъ говорится и въ письмѣ Мономаха къ Олегу, и въ приведенномъ лѣтописью подъ 1096 г. упрекѣ Святополка и Владиміра: «ты *зло* мыслиши на наю и помогати хочеши поганымъ». Предъ вторичнымъ[2]) вступленіемъ Всеволода на кіевскій столъ 25 августа 1078 г., лѣтописецъ, по поводу побѣды надъ Всеволодомъ, одержанной на р. Сѣжицѣ наведенными Олегомъ и Борисомъ Вячеславичемъ половцами, перечисляя убитыхъ, замѣчаетъ, что упомянутые князья «много *зла* створше, *проливше кровь* хрестьянску». Ослабленіе *силъ* Всеволодовыхъ наглядно изображается притчами о раздробленіи государственнаго *организма*, о *тяжкомъ* положеніи его *головы*—Всеволода—безъ плечъ, о жестокихъ нравственныхъ страданіяхъ, причиненныхъ ему племянниками. «*У сихъ же печали*», поясняетъ лѣтописецъ, «*вста[ша] и недузи* ему». Встала обида въ его силахъ, а съ нею наступили и *немощи* Дажьбожьяго внука. Ниодинъ современный Всеволоду князь не обладалъ такими качествами и не былъ поставленъ въ такія условія, которыя давали-бы ему право на эпическое наименованіе Дажьбожьимъ внукомъ. Правда, прямой предокъ Игоря, отецъ крамольнаго Олега, Святославъ Ярославичъ отли-

---

[1]) Въ службѣ Константину философу: — «Молимъ ти ся *стоужающю* ми прегрѣшении, избави широтою покаянія» (И. Срезневскій. Свѣд. объ изв. и малоизв. пам.).

[2]) По смерти Святослава, Всеволодъ сидѣлъ на кіевскомъ столѣ съ 1 января 1076 г. по 15 іюля 1077 г.

чился побѣдою надъ половцами при Сновскѣ въ 1068 г., но Святославъ, занимавшій кіевскій столъ съ 22 марта 1073 г. до 27 декабря 1076 г., не могъ служить источникомъ Игоревой славы уже потому, что былъ *началомъ* изгнанія брата своего Изяслава изъ Кіева, слѣдовательно—зачинщикомъ *которы* между Ярославичами. По поводу хвастовства Святослава своимъ богатствомъ предъ нѣмецкими послами лѣтописецъ замѣчаетъ, что все *имѣнье его разсыпалось* въ разныя стороны; но это было богатство другого рода; нажилъ его «великій въ князихъ князь», какъ величается Святославъ въ Изборникѣ 1073 г., нечистыми путями, а потому оно и пошло прахомъ, какъ богатство Езекіи. Еще менѣе основаній считать Дажьбожьимъ внукомъ Святополка — Михаила, князя весьма отважнаго, но стоявшаго во многихъ отношеніяхъ ниже современныхъ князей по личнымъ свойствамъ,— особенно-же по своему жестокосердію [1]), столь возмутившему Мономаха послѣ злодѣйской расправы съ Васильком Ростиславичемъ. Святополка оплакивали только *бояре* и *дружина* его вся, кончину-же Изяслава, Всеволода и Мономаха оплакивалъ *весь народъ русскій*. Когда, по смерти Святополка въ 1113 г., Мономахъ водворился на кіевскомъ столѣ, то «*вси людьи* ради быша» (Ип. 198). Историкъ кіевской земли М. Грушевскій, на основаніи обстоятельнаго разбора разнообразныхъ взглядовъ историковъ на княженіе Святополка, пришелъ, согласно съ большинствомъ своихъ предшественниковъ, къ неблагопріятному для этого князя выводу [2]). Образъ храбраго Святополка, Мономахова сподвижника, врѣзался въ памяти народной, судя по эпическому разсказу о препровожденіи имъ трупа измѣнника — зятя своего Тугоркана, «угорскими иноходцами, къ святѣй Софіи къ Кыеву» Но ни въ этомъ разсказѣ, ни въ лѣтописной біографіи Святополка, не содержится рѣшительно никакихъ чертъ, которыя-бы соотвѣтствовали значенію Дажьбожьяго внука въ Словѣ [3]).

Свивая двустороннюю Игореву славу, авторъ Слова въ самомъ началѣ своего повѣствованія откапываетъ ея *корень*,

---

[1]) См. посланіе Поликарпа въ Патерикѣ.

[2]) Ист. Кіевской земли, стр. 121.

[3]) Разборъ этой былины помѣщенъ мною въ 3-й главѣ.

высказывая сожалѣніе, что не Бояну суждено воспѣть Игоря—*внука Троянова:*

«Пѣти было пѣснь Игореви, *того* (Трояна) внуку»...

и сближая при этомъ походъ Игоря съ знаменитыми походами Владиміра Мономаха, увѣнчавшими его побѣдными лаврами. По происхожденію отъ рода Ярослава перваго Игорь Святославичъ приходился Мономаху *внучатнымъ племянникомъ*, по дѣду своему крамольному Олегу Святославичу († 1115 г.), двоюродному брату Мономаха[1]). Мать Игоря была низкаго происхожденія, дочь какого-либо новгородскаго гражданина. Отецъ его Святославъ Ольговичъ женился 1136 г. Подъ этимъ годомъ въ Новгородской лѣтописи отмѣчено: «Оженися Святославъ Олговиць Новѣгородѣ и вѣнъцяся своими попы у св. Николы, а Нифонтъ (архіепископъ) его не вѣньця, ни попомъ на сватбу, ни церенцемъ—дасть, глаголя: «*не достоитъ ея поняти*» (Нов. I. 7.). Вывести искусственно прямое происхожденіе Игоря отъ Владиміра Мономаха на началахъ наслѣдственности героическаго духа[2]) и солнечнаго мива могло побуждать поэта не только совпаденіе похода съ солнечнымъ затмѣніемъ, но, между прочимъ, и единство замысловъ Мономаха и Игоря избавить Русь навсегда отъ кочевыхъ варваровъ-хиновы, одинаковая жажда отвѣдать шеломомъ Дону великаго.

Въ трудовыхъ доблестяхъ Игоря и Мономаха Слово отмѣчаетъ болѣе или менѣе сходныя черты. Игорь шествовалъ по *тропѣ* Мономаха, какъ Мстиславъ Великій «наслѣди отца своего *путь*», а король Даніилъ Романовичь—«*путь* отца своего Романа» (Ип. 540),—ревновалъ Мономаху, какъ потомокъ его Романъ Мстиславичъ[3]). Славившія Мономаха пѣсни приводили

---

[1]) Дядя Игоря—Всеволодъ Ольговичъ († 1146 г.) былъ, кажется, женатъ на внукѣ Мономаха, дочери Мстислава Владиміровича, такъ какъ Мстиславичей называлъ *шурьями* своими: «Всеволодъ (Ольговичъ) не хотя перепустити Новагорода *Володимерю племени*, призва *шюрина своя*, да имъ Берестий. Братья Всеволожа поропташа на нь, оже любовь имѣеть съ *Мьстиславичи съ шюрьями своими*» (Ип. 220, 224).

[2]) Лѣтописецъ такъ выразился о дѣтяхъ Рюрика Ростиславича: «по *духу* же паче прозябение въ наслѣдье ему бысть» (Ип. 475).

[3]) «Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя Измалтяны, рекомыя половци» (480).

его воззванія къ братьѣ и дружинѣ, напр. предъ походомъ 1103 г. «а любо будемъ живи, любо мертви» (Ип. 183) и изображали его пившимъ донецкую воду золотымъ шеломомъ. Игорь говорилъ дружинѣ:

«Хощу главу свою приложити, *а любо испити шеломомъ Дону*» [1]).

По толкованію сновидѣнія Святослава кіевскаго боярами Игорь съ братомъ Всеволодомъ жаждали испить шеломомъ Дону:

«Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата»
Поискати града Тмутороканя *а любо испити шеломомъ Дону*».

И походъ Игоря, и походъ Мономаха на половцевъ 1111 г., знаменуются небесными явленіями,—во второмъ случаѣ въ видѣ огненнаго столпа. Противъ Игоря половцы выступали *черными тучами*, кликомъ перегородивъ поля, и наконецъ покрыли его тьмою. Въ походѣ Мономаха половцы «*тмами тмы* оступиша полкы Рускыи», и т. под. (Ип. 193). Стараго Владиміра нельзя было пригвоздить (какъ Прометея) къ горамъ кіевскимъ. У Игоря, проникнутаго ратнымъ духомъ, храброе сердце было сковано въ упругомъ булатѣ и закалено въ отвагѣ. Однако, какъ бы мастерски авторъ Слова ни свивалъ славу Игоря по старымъ словесамъ, какимъ-бы пышнымъ вѣнкомъ ни вѣнчалъ своего героя, въ пѣснѣ звучитъ струна подобострастія. Въ дѣйствительности, Игорь стушевывается предъ величавою личностью Мономаха [2]). Завистливый, высокомѣрный и мстительный нравъ

[1]) «Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шеломомъ Донъ и приемшю землю ихъ всю и загнавшю оканьныя Агаряны» (Ип. 480). Ср. слова Василька Ростисл.: «Пойду на половцѣ, да любо налѣзу собѣ славу, любо главу свою положю за русьскую землю» (подъ 1097 г.). Изяславъ Мстисл. говорилъ кіевлянамъ: «да любо си голову положю предъ вами, любо си налѣзу столъ дѣда своего и отца своего» (Ип. 230).—«Побѣду принять или пасть» (Ип. 515).

[2]) При изложеніи княжескихъ усобицъ С. Соловьевъ перечислилъ всѣ случаи, доказывающіе, какъ народъ благоговѣлъ къ памяти Мономаха въ противуположныхъ концахъ Руси:—«На сѣверѣ, востокѣ и югѣ, въ Новгородѣ, Курскѣ и Кіевѣ, граждане отказывались поднимать руки на Мономаховичей. Они съ ужасомъ смотрѣли на усобицы въ потомствѣ того, кто всю жизнь трудился надъ примиреніемъ братьи. Распря въ семьѣ Мономаховичей казалась народу грѣховнымъ поруганіемъ надъ памятью великаго братолюбца и добраго страдальца за русскую землю. Такъ Мономахъ и по смерти своей оставался хранительнымъ духомъ Руси, и по смерти сдерживалъ ненавистныя ему при жизни усобицы родовыя» (Ист. отнош. между князьями Рюр. дома, стр. 178).

Троянова внука проявился въ столкновеніи его съ Владиміромъ Глѣбовичемъ переяславскимъ, пользовавшимся за свою необыкновенную храбрость преимуществомъ отъ русскихъ князей «напередѣ ѣздити въ руской земли» съ своими полками. Въ экспедиціи на половцевъ 1183 г. Игорь «не да ему того», несмотря на просьбу переяславскаго князя. Послѣдній, обидѣвшись, разорилъ нѣкоторые сѣверскіе города, а Игорь взялъ городъ Владиміровъ на щитъ и произвелъ страшное кровопролитіе, въ которомъ, находясь въ плѣну, Игорь каялся. Не далѣе какъ за пять лѣтъ до знаменитаго похода своего на половцевъ Игорь потерпѣлъ пораженіе отъ Рюрика Ростиславича и самъ, вскочивъ съ Кончакомъ въ лодью на р. Черторыѣ, едва успѣлъ пробраться въ Черниговъ[1]), имѣя своимъ сообщникомъ того самаго «поганаго кощея» со множествомъ половцевъ, который разбилъ его на Каялѣ. Эпизодъ этотъ заслуживаетъ особеннаго вниманія изслѣдователей, между прочимъ, потому, что указываетъ на отношенія въ то время Святослава кіевскаго къ половцамъ[2]). Душа пылкаго князя Сѣверскаго была склонна и къ благороднымъ порывамъ, долженствовавшимъ внушать къ нему сочувствіе дружины. Мы увидимъ, при описаніи похода, какъ дорожилъ онъ *черными* людьми. Лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что Игорь съ юности держалъ мысль высокую, считалъ позорнымъ для себя бѣжать изъ плѣна съ половецкимъ мужемъ, но искалъ, хотя безуспѣшно, почетнаго выхода (Ип. 437, 438). Не претендуя на полную оцѣнку характера Игоря, укажемъ на гостепріимство, оказанное имъ Владиміру Ярославичу Галицкому, выгнанному отцомъ своимъ изъ Галича. Ни Романъ Владиміръ-Волынскій, ни Ингварь Дорогобужскій, ни Святополкъ Туровскій, ни Давидъ Смоленскій, ни даже Всеволодъ Суздальскій, дядя его по матери, не приняли изгнанника, одни—«блюдяся» (опасаясь) мести грознаго Ярослава

---

[1]) «Игорь же видѣвъ половцѣ побѣжены, и тако *съ Кончакомъ вскочиста въ лодью*, бѣжа на Городѣцъ» (Ип. 421). Передъ тѣмъ лѣтописецъ говоритъ, что Игорь «има съ собою половцѣ, Коньцака и Кобяка» (Ип. 420).

[2]) «Половци испросили у Святослава Игоря, ать ляжеть съ ними по Далобьску». Отпустивъ Игоря, Святославъ навлекъ на себя негодованіе Рюрика, потому, что «привелъ къ собѣ половцѣ *въ помочь*».

Осмомысла, другіе — неизвѣстно почему, Игорь-же нетолько принялъ его *съ любовью,* но и оказалъ ему большой почетъ, а позднѣе *примирилъ* съ отцомъ, не безъ участія, конечно, жены своей Ефросиньи (Ип. 428). При прославленіи Игоря, пѣвцу представлялся удобный случай обнажить всѣ язвы накованныхъ Гориславичами крамолъ, питавшихся упорною и долговременною взаимною враждою Святославичей и Мономаховичей. Удрученный тоскою пѣвецъ не развертываетъ передъ нами всѣхъ скорбныхъ листовъ многочисленныхъ и свирѣпыхъ междоусобій, нерѣдко кончавшихся братоубійствомъ[1]), вызывавшихъ почти ежегодно опустошительные набѣги на Русь половцевъ въ послѣдней четверти XI и въ XII в., и испещряющихъ лѣтописи за время, протекшее между вступленіемъ обиды на Троянову землю и походомъ Игоря. Тѣмъ не-менѣе, сплетая старую пору Владиміра Мономаха съ новою эпохою и подкрѣпляя общія положенія былинными примѣрами, онъ показалъ, что княжескія крамолы тянулись отъ дѣтскаго возраста Трояна до похода Игоря почти непрерывною чредою и были причиной многократныхъ побѣдоносныхъ вторженій въ русскіе предѣлы половцевъ, сдѣлавшихся полновластными хозяевами Тмутороканской украины и оторванныхъ отъ Руси посульскихъ и поросскихъ городовъ, а нѣсколько позднѣе—и литовцевъ, разорявшихъ и расхищавшихъ Всеславову жизнь, т. е. область полоцкую. Вмѣстѣ съ тѣмъ, развивая героическую родословную Игоря, пѣвецъ возводитъ ее, по восходящей линіи, чрезъ Трояна Мономаха и его отца, Дажьбогова внука—Всеволода, къ самому Дажьбогу, вѣроятно прадѣду Мономаха, «ласковому Владиміру красному-солнышку, свѣтъ-солнцу Святославичу» нашихъ былинъ, котораго, по выраженію Соловьева, Мономахъ напоминалъ больше всѣхъ современныхъ князей. Какъ Ярославна умоляетъ солнце:

«О, свѣтлое и *трисвѣтлое* солнце!..»

такъ монахъ Іаковъ въ похвалѣ Владиміру св. восклицаетъ:

«О, блаженный и *треблаженный* княже Володимере!»

Далѣе Іаковъ называетъ Владиміра св. божественнымъ: «И

[1]) «Свершивѣ до конца *братоубиство*», говорили Давыдовичи, собираясь идти на Святослава къ Новгороду (Ип. 235).

вся людіе рускыя земли познаша Бога тобою, *божественыи* княже Володимере!» [1])

Къ героическо-солнечной генеалогіи примыкаютъ: родной братъ Игоревъ—ярый туръ Всеволодъ и великій Хорсъ—великій князь Изяславъ Ярославичъ. Слово величаетъ Всеволода Трубчевскаго *солнцемъ*, которое, одновременно съ другимъ солнцемъ — Игоремъ, померкло въ день каяльской битвы («два солнца помѣркоста») [2]). Яраго тура принято представлять свѣтлымъ быкомъ, миѳическимъ образомъ солнца [3]). Яръ-туръ—Яровитъ или Herovit, «lingua latina *Mars* dicitur», какъ объяснено въ житіи Оттона Бамбергскаго. Изъ того-же житія видно, что Яровитъ почитался и богомъ плодородія. Подтверждается это косвенно Словомъ, ибо Всеволодъ, стоя, при отступленіи Игоревыхъ полковъ, «на *бороні*» (на защитѣ), подобно Яровиту, отражавшему враговъ золотымъ *щитомъ*, съ которымъ его изображали, *прыскалъ* на враговъ («прыщеши на вои») стрѣлами, какъ море прыскало дождевыми смерчами:

«*Прыскну* море полунощи,
Идутъ смерчи мьглами» . . .

Въ лѣтописи на каждомъ шагу встрѣчается эпическое уподобленіе падающихъ стрѣлъ *дождю*. Въ Словѣ также говорится:

«Идти *дождю* стрѣлами» . . .

Обращая Всеволода въ живой *источникъ дождя* стрѣлообразнаго, пѣвецъ, кажется, исходилъ изъ общеславянскаго воззрѣнія на двойственность роли Яровита, какъ солнечнаго божества войны, какимъ считаютъ Триглава, и плодородія, — воззрѣнія,

---

[1]) Похвала съ указ. разночтеній у С. Голубинскаго. Ист. Рус. Цер. I, 1, 209.

[2]) Едва-ли нужно повторять, что туръ — символъ храбрости. О яромъ турѣ см. въ Краледвор. рукоп. поэму о Ярославѣ, и Любушинъ судъ. «Романъ Мстиславичъ храбръ бо бѣ яко и *туръ*» (Ип. 408). Въ Словѣ храбрые дружинники сравниваются съ *турами*.

[3]) А. Аѳанасьевъ. Зооморфич. божества у славянъ. Отеч. Зап. 1852 г. № 2.—Ѳ. Буслаевъ смотритъ на быка и корову, какъ на миѳологическіе символы неба, свѣта и погоды (Русск. послов. и поговорки). — *Погода* считалась у нѣкоторыхъ славянъ особымъ божествомъ. Счастье принято называть *золотымъ*

выразившагося, между прочимъ, въ символическомъ объединеніи пѣвцомъ *боевою труда* съ *полевыми работами* (ср. описаніе битвы на Немизѣ и др.)[1]). *Яростное* свойство, придаваемое пѣвцомъ туру-Всеволоду, вообще переносилось и книжниками въ сферу войны, въ смыслѣ стойкости противленія врагу[2]). Солнечная природа яръ-тура Всеволода въ полномъ блескѣ раскрывается направленной къ нему, подъ впечатлѣніемъ солнечнаго затменія, рѣчью Игоря[3]):

«Одинъ братъ, одинъ *свѣтъ-свѣтлый* ты Игорю» . . .

и *сіяніемъ* шлема Всеволодова во время отступленія Игоревыхъ полковъ:

«Камо туръ поскочаше своимъ златымъ шеломомъ *посвѣчивая*,
Тамо лежатъ поганыя головы половецкыя» . . .

Всеволодовъ шлемъ свѣтился *солнечнымъ* свѣтомъ. Позднѣе, въ XIII в., лѣтописецъ, словами былинъ, представляетъ щиты и свѣтлое оружіе русскихъ полковъ блистающими подобно солнцу: «*Блистахуся* щити и оружници *подобни солнцю*».—«Велику же полку бывшю его (Даніила), устроенъ бо бѣ храбрыми людми и *свѣтлымъ* оружіемъ».—«Бѣ полковъ его (Даніила) *свѣтлость* велика отъ оружья *блистающася*» (Ип. 510, 512 и 540). Но эти обычныя прикрасы, какъ и заурядность эпитета *свѣтлый* въ обращеніи къ князьямъ, распространеннаго митрополитомъ Никифоромъ, въ одномъ посланіи къ Мономаху, и на его *обѣдѣ*, и на его *одежды*, не умаляютъ впечатлѣнія, какое производитъ на насъ намѣренное сосредоточеніе пѣвцомъ всей силы свѣта на буй-турѣ Всеволодѣ.

Доискиваясь исторической основы былины о состязаніи въ бѣгѣ бѣдоваго, рожденнаго «отъ волхованія», снабженнаго

---

[1]) Ѳ. Буслаевъ замѣтилъ, что *бонще* значитъ и *токъ*, и *мѣсто битвы* (О вліяніи христіанства на слав. языкъ).

[2]) Ср. разсужд. митроп. Никифора о душѣ Мономаха; опредѣленіе *яростію* въ азбуковникѣ Ѳ. Буслаева и др.

[3]) Доказательства мои произнесенія этой рѣчи самимъ Игоремъ см. въ слѣд. главѣ.

наузами (въ видѣ повязки), обладавшаго способностью *опрометаться*[1]) волкодлака Всеслава съ великимъ Хорсомъ, ознаменовавшемся побѣдою перваго надъ вторымъ, о неестественно быстромъ достиженіи Всеславомъ Тмуторокани, въ одномъ и томъ же, повидимому, ристаніи,—о поразительной чуткости Всеслава къ заутреннему колокольному звону, призывавшему *на служеніе Хорсу въ Полоцкѣ*, я нахожу такую основу въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о борьбѣ Всеслава съ Изяславомъ Ярославичемъ, когда послѣдній вторично занималъ великокняжескій столъ въ Кіевѣ. Послѣ ночного бѣгства Всеслава изъ Бѣлгорода тайкомъ отъ кіевлянъ *въ Полоцкъ*, Изяславъ, впервые вокняжившійся въ Кіевѣ 1055 г., — «снова сѣде на столѣ своемъ (2 мая 1069 г.) и *прогна Всеслава изъ Полотьска* и посади сына своего Мстислава въ Полотьскѣ, иже вьскорѣ умре ту, и посади въ него мѣсто брата его Святополка, а *Всеславу же бѣжавшю*»— къ Новгороду (Ип. 152). Въ 1071 г. Всеславъ выгналъ Святополка Изяславича изъ Полоцка, который, несмотря на пораженіе Всеслава Ярополкомъ Изяславичемъ у Голотичьска въ томъ же году[2]), оставался, съ важнѣйшими пригородами, во власти Всеслава до смерти его 1101 г. Помѣщенный въ Словѣ за былиннымъ разсказомъ о прыжкѣ Всеслава къ кіевскому столу былинный разсказъ о состязаніи великаго Хорса-Изяслава съ *лютымъ* волкомъ Всеславомъ напоминаетъ древнеславянскій миѳъ о снѣданіи солнца волкомъ, приводимый лѣтописцемъ, съ ссылкою на невѣгласовъ (невѣждъ—пусто-

---

[1]) *Бѣжать волкомъ*, въ Словѣ, преимущественно значитъ бѣжать быстро —*опрометью*. По народному повѣрью, тому, кто хочетъ *перекинуться* птицей или звѣремъ, помогаетъ трава *желѣза*,—какъ объяснено въ травникѣ (И Забѣлинъ. Ист. русск. жизни, II). Въ Чаровникахъ говорится объ *опрометныхъ* лицахъ звѣриныхъ и птичьихъ. Богатырь Вольга обращался въ птицу. Поэтому нельзя согласиться съ Буслаевымъ, будто Всеславъ умѣлъ *гадать* по птицамъ (христомат.). «У Всеслава была душа волшебная въ *другомъ* тѣлѣ». Гораздый—*ловкій*; хитрый—очень часто знач. *искусный*, но нерѣдко—*лукавый*. «Разумѣю я твою *хытрость*», говорилъ Владиміръ Василькович Льву Даниловичу (Ип. 601).

[2]) О позднѣйшемъ двукратномъ походѣ Мономаха на полоцкую область, въ отмщеніе за нападеніе Всеслава на Смоленскъ, см. поуч. Мономахово.

мель), при описаніи имъ солнечныхъ затмѣній[1]). Всеславовы смѣлыя и грандіозныя предпріятія, исполненныя странныхъ случайностей и превратностей, дали обильную пищу народной фантазіи. Согласно съ Боянновой характеристикой свойствъ Всеслава, выдвигающей на передовой планъ *быстроту* передвиженій (сравненіе съ птицей), былина изображаетъ его пробѣгающимъ огромныя пространства въ самое короткое время, дѣлающимъ гигантскіе прыжки, какъ въ былинѣ о Волхѣ Всеславичѣ, что̀ дѣлалъ «одинъ *скокъ* на цѣлую версту, а другого скоку люди не могли отыскать». Аллегорическій смыслъ *достиженія* Всеславомъ Тмуторокани до *курь*, не имѣющихъ, кажется, никакого, подозрѣваемаго нѣкоторыми, отношенія ни къ куренямъ тмутороканскимъ, ни къ р. Курѣ, уясняется стихомъ объ успѣхѣ Всеслава въ соперничествѣ, на великокняжескомъ пути, со своимъ побѣдителемъ въ Немигской битвѣ, представителемъ Хорса—солнца, которое, по преданію, *скачетъ* по небу[2]). Быть можетъ, былина двусмысленно и иронически сближаетъ пѣніе куръ[3]) не-то съ титуломъ *курь* вмѣсто *кирь* (ср. «*кури*» ... Ип. 228), какъ синонимомъ *господина*, каковымъ назывался и великій Новгородъ и Псковъ, не-то съ позднѣйшимъ натискомъ на Тмуторокань *куролесника, озорника* или *проказника*[4]) (шелудиваго) Боняка, умѣвшаго выть поволчьи, истребившаго въ 1096 г. огнемъ окрестности Кіева и отрядившаго въ томъ-же году князя *Курю* воевать переяславскую украйну[5]); не-то, наконецъ, съ куронами (корсь), до земель которыхъ простирались на сѣверѣ колоніи полочанъ[6]). Такъ

---

[1]) «Егда оубо погыбаетъ лоуна или слъньце, глаголять — влъкодлаци лоуну изѣдоше или слъньце». (Словарь Миклошича). Кажется, тоже повѣрье пробивается въ стихѣ о Егоріѣ Храбромъ, *напужавшемъ на волковъ рыскучихъ*.

[2]) Объ этомъ преданіи, между проч., у Буслаева. Вл. хр. на слав. яз. стр. 17.

[3]) Ср. «Бысть къ *куроме*».—«Яко бысть въ *куры*» (Ип. 319 и 603).

[4]) По толкованію В. Даля, *курь* означаетъ также часть стрѣльнаго замка. Отсюда, вѣроятно, въ переносномъ смыслѣ—*пострѣлъ* или *куролесникъ*. Въ договорѣ Руси съ греками проказа значитъ вредъ, пакость (Ип. 32 и др.).

[5]) Мономахъ въ поуч. упоминаетъ объ одномъ Бонякѣ.

[6]) И. Бѣляевъ. Исторія Полоцка, 1872 г.

какъ Всеславъ оборачивался волкомъ только по ночамъ,—очевидно, всегда въ такомъ видѣ упреждая восходъ солнечный, то смышленому пѣвцу не подобало трактовать объ упрежденіи солнца-Хорса волкообразнымъ Всеславомъ, еслибы подъ Хорсомъ не скрывалось опредѣленное лицо и еслибы не представлялся удобный случай занести въ поэтическую лѣтопись важное событіе. Приданный Хорсу эпитетъ *великій*, какъ и въ похвальной пѣснѣ, сложенной, по свидѣтельству Длугоша, въ честь Мстислава Мстиславича Удалого, въ которой онъ названъ *великимъ* свѣтиломъ (Hist. Pol., VI, 607), самъ по себѣ наводитъ на мысль о лицѣ могущественномъ и знаменитомъ, а по сравненію съ стихами:

«Тоже звонъ слыша давный *великій* Ярослав(л)ь» ...
«... Святославъ грозный *великій* кіевскій» ...
«... Тогда *великій* Святославъ изрони злато слово» ...
«... *Великый* княже Всеволоде»!..

даетъ намъ уже полное право признать въ великомъ Хорсѣ *великаго князя*. Такимъ великимъ княземъ Хорсомъ въ описываемое время никто иной и не могъ быть, кромѣ Изяслава Ярославича, проходившаго тогда *путь великаго княженія* кіевскаго, ибо княженіе представлялось *путемъ*. Такъ Дмитрій Ивановичъ, по словамъ автора сказанія о его жизни и преставленіи, призвавъ старшаго сына Василія «на старѣйшій *путь*, передалъ въ руцѣ его *великое княженіе* — столъ отца его и дѣда, и прадѣда» (П. С. Р. Л., IV, 353). Верховная власть Изяслава въ Руси простиралась и на Тмутороканскую область. *Перенявъ* Изяслава, перебѣжавъ[1]) или перерѣзавъ ему путь, перехвативъ у него, при помощи преданной ему партіи кіевлянъ, велико-княжескій столъ, вслѣдъ за взрывомъ негодованія ихъ на Изяслава за отказъ снабдить ихъ оружіемъ и конями для похода на половцевъ, Всеславъ тѣмъ самымъ достигъ владычества и надъ Тмутороканью[2]). Когда Всеславъ, освобожденный изъ подземелья, направился ко княжьему двору,

[1]) Перерыскать — перебѣжать. Ср.: — «Начаша люди *срыскатися*». (Нов. I, 137).

[2]) Нѣтъ слѣдовъ существованія въ домонгольскій періодъ другого города Тмутороканя — Остерскаго, упоминаемаго Воскресенскою лѣтописью и лежавшаго выше Кіева, на правомъ берегу Днѣпра.

то Изяславъ *побѣжалъ* оттуда. «Людье высѣкоша Всеслава изъ поруба въ 15 день сентября и поставиша и (его) среди двора княжа... Изяславъ же бѣжа въ ляхы», съ того же княжьяго двора, назыв. въ лѣтописи великимъ Ярославовымъ дворомъ (Ип. 421). Объ этомъ событіи кіевляне вспоминали даже въ 1147 г.: «Рече единъ человѣкъ (на вѣчѣ): по князи своемъ ради, идемъ, но первое о семъ промыслимы, акоже и преже створиша при Изяславѣ Ярославличѣ, высѣкше Всеслава исъ поруба злии они, и поставиша князя собѣ, и *много зла бысть про то граду нашему*» (Ип. 246). Лѣтописецъ не записалъ часа, когда совершилась катастрофа, но, по смыслу былины, рѣшительный переломъ наступилъ до солнечнаго восхода. Согласно миѳу о единоборствѣ солнца съ волкомъ, Всеславъ побѣдилъ Изяслава благодаря чудесной способности оборачиваться волкомъ. На эту способность сильно налегаетъ былинный разсказъ, конечно потому, что она обратила на себя особенное вниманіе въ Кіевѣ. Сидя *тамъ* на великокняжескомъ столѣ, онъ отправлялъ всѣ обычныя княжескія функціи, а ночью утрачивалъ человѣческій образъ, слоняясь волкомъ. Поэтому должно читать:

«Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ города рядяше[1]),
А самъ въ ночь влъкомъ рыскаше изъ Кыева,—
Дорыскаше до куръ Тмутороканя»...

[1]) Рядъ или порядъ городовъ выражался преимущественно въ надѣленіи. Напр.:—«Рюрикъ *роздая* мужемъ своимъ грады» (862 г.). «Мужи эти были княжескаго рода: «По тѣмъ бо городамъ сѣдяху *князья* подъ Олгомъ суще» (907 г.). Ярославъ I «*роздѣли* имъ (сыновьямъ) грады... и такъ *уряды* сыны свои» (Лавр., Ипат.). «Всеволодъ *порядъ* створивъ всей братіи, *роздавъ* имъ волость ихъ комуждо по старѣйшинству» (Лавр. 1180 г.). «Рядъ о землѣ и городахъ» постоянно производили князья (Ип. 593). Города часто отдавались на *покормъ*, для пользованія доходами, даже иностранцамъ, напр. Устилугъ данъ былъ уграмъ на покормъ (Ип. 218). О рядѣ при раздѣлѣ наслѣдства въ Русской Правдѣ сказано: «Аже кто умираа *раздѣлитъ* домъ свой дѣтямъ, на томъ же стоятъ, пакъ ли безъ *ряду* умретъ, то всѣмъ дѣтямъ»... «Судить и рядить» — обычные термины въ грамотахъ, опредѣляющихъ компетенцію свѣтской и духовной власти. «Судить по праву, рядить по ряду»... Не стану распространяться о рядѣ въ смыслѣ *договора*, а также — устройства (полки *рядить* и т. под.). Въ пѣснѣ о Борисѣ и Глѣбѣ, запис. Кирѣевскимъ, сохранилась память о томъ, какъ «Володиміръ князь сталъ своихъ чадъ удѣльными *городамъ надѣлялъ*. Однажды въ лѣтописи: «ряды рядить» (Ип. 324).

По складу своему второй изъ приведенныхъ стиховъ отвѣчаетъ стиху:

«Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда»[1].

По историческому содержанію трехъ стиховъ всѣ указанныя въ нихъ дѣянія Всеслава совпадаютъ съ пребываніемъ его *въ Кіевѣ*, отъ момента перехвата у Изяслава великокняжескаго стола, съ опорой на *клюки*, — о которомъ повѣтствуютъ начальные стихи былины о похожденіяхъ Всеславовыхъ.

Подъ *стружіемъ*, которымъ Всеславъ *доткнулся*[2]) кіевскаго стола, разумѣютъ наичаще: одни—*копье*[3]) или *ратище*, другіе—*древко*. Стружіе не можетъ быть копьемъ. «Преломить *копье*»—сразиться, «конецъ *копья*» — остріе копейное (какъ и въ Словѣ), «взять *копьемъ*»—завоевать оружіемъ. Всеславъ-же добылъ Кіевъ не оружіемъ, но чрезъ лукавства и воспользовавшись измѣною кіевлянъ Изяславу. Упомянутое стружіе есть т. наз. древко или *стержень*[4]), отожествленный составителемъ Толковаго Словаря — Далемъ съ *торчкомъ*, на который что-либо *надѣвается*, — только стержень не копья, а *хоругви*. Князья русскіе, въ знакъ побѣды и перехода завоеваннаго города въ ихъ власть, водружали хоругви свои на заборолахъ, или же воротахъ взятаго непріятельскаго города. Такъ, при осадѣ Калиша Даніиломъ Романовичемъ, горожане молвили Конраду Мазовецкому: «Аще русская *хоругвь станетъ на забороль*хъ, то кому честь учиниши,—не Романовичема ли? а свою честь уничижиши». Когда приверженная Даніилу партія передала ему г. Галичъ въ 1235, г. то онъ «приниде ко пречистѣй святѣй Богородици и *прия столъ* отца своего, и *обличи побѣду*, и постави на Нѣмечьскыхъ вратѣхъ *хоругвь* свою» (Ип. 518). Въ 1254 г. тотъ-же Даніилъ, взявъ нѣмецкій городъ Насилье близъ Опавы, «постави *хоругвь* свою на градѣ и *обличи побѣду*» (Ип. 547). Непреложнымъ доказательствомъ того, что стружіе—стержень хоругви, служатъ слѣдующіе стихи, описы-

---

[1]) Бѣлгородъ—на з. отъ Кіева, на р. Ирпени. «Градъ малъ у Кіева» (Ник. 1097 г.). Въ лѣтоп. вел. кн. Литов. Бѣлый гор. показ. на р. Рупвни (Ирпени) въ 6-ти миляхъ отъ Кіева.

[2]) Ср. «*потчеся* конь»—споткнулся (Ип. 514).

[3]) Напр. С. Соловьевъ Ист. отнош. м. кн. Рюр д., стр. 83, и мн. др.

[4]) «Отъ *стрѣжньй* отъя врата» (Ип. 141).

вающіе трофеи, доставшіеся Игорю послѣ побѣды надъ половцами при первомъ съ ними столкновеніи предъ каяльской битвой:

«Чрьленъ стягъ, *бѣла хоруговь*,
Чрьлена чолка, *сребрено стружіе*—
Храброму Святъславличу».

Русичи взяли у половцевъ собственно *два* трофея: 1) красный *стягъ* съ его принадлежностью, придѣланною къ нему наверху красною чолкою изъ конскихъ окрашенныхъ волосъ[1]), и 2) бѣлую *хоругвь*, утвержденную на бѣломъ-же, б. мож. серебрѣномъ стружіи или стержнѣ. *Сребрено* значитъ не то, что сдѣланное изъ серебра, а серебристое (бѣлое), или серебрѣное. Слово называетъ: половецкія стрѣлы *злачеными* (разговоръ Кончака съ Гзою), шеломы русскихъ князей—то *златыми*, то *злачеными* (какими они и были въ дѣйствительности), берега Донца, струи Сулы и сѣдину Святославову — одинаково *серебряными*. Хоругвью лѣтопись иногда называетъ также только самую ткань, прикрѣпленную къ стружію: «Данило *хоругвь* угрина Фили *раздра наполы*» (Ип. 534). «Говоря о прикосновеніи къ великокняжескому столу стружіемъ, при опорѣ Всеслава на клюки, пѣвецъ, кажется, намекалъ и на шаткость достигнутой имъ высокой власти, чрезъ потерю свободы заключеніемъ въ порубъ, называвшимся иногда *заточеніемъ* (Ип. 377). Стихи:

«Великому Хръсови путь прерыскаше»...
«И дотчеся стружіемъ злата стола кіевскаго»...

помѣщенные авторомъ Слова въ обратномъ порядкѣ (первый послѣ второго) и раздѣленные вставочными эпизодами, относятся къ одному и тому-же историческому факту—достиженія Всеславомъ власти надъ Кіевомъ при помощи *клюкъ*.

Большинство комментаторовъ заставляютъ Всеслава подпираться клюками *о коней* и скакать на лошадяхъ къ Кіеву со стружіемъ въ рукахъ[2]), упуская изъ виду: 1) что Всеславъ *насильно* привезенъ въ Кіевъ и тотчасъ посаженъ, съ двумя

---

[1]) О стяговой чолкѣ см. Ип. 381.

[2]) У Партыцкаго Всеславъ подперся *оконью*, т. е. конемъ марою. Оконь, по Словарю Миклошича,—конь бѣсовская въ образѣ человѣка (Темн. мѣста Слова, стр. 47).

сыновьями, въ порубъ Изяславомъ, схватившимъ его на р. Ршѣ (Оршицѣ)[1]), — при впаденіи ея въ Днѣпръ близъ Смоленска,—куда его заманили Ярославичи, 2) что во всѣхъ другихъ мѣстахъ Слова лошади называются *комонями*:—«бръзыя *комони*»,—«*комони* ржуть»—«бръзъ *комонь*»,—«*комонь* въ полуночи». По моему мнѣнію, коль скоро Всеславъ *кональ* или *металъ*[2]) жребій (връже жребій) о любой ему дѣвицѣ[3])—волости кіевской, то онъ стремился къ достиженію своей цѣли — мѣты или *кона*[4]), т. е. кіевскаго стола:

«Тъй клюками подпръся о *конь*
И скочи къ граду Кыеву»...

Жребій о дѣвицѣ кинулъ Всеславъ въ Полоцкѣ, когда созрѣла у него мысль сдѣлаться самовластцемъ въ русской землѣ, осуществленіе же цѣли представлялось невозможнымъ помимо *очаровательнаю* кіевскаго стола. Всеславъ не обладалъ ни наслѣдственнымъ правомъ на Кіевъ, ни силами, достаточными для похищенія кіевской волости *побѣдными* жеребьемъ, но располагалъ качествами, которыя питали въ кровожадномъ искателѣ приключеній надежду добиться цѣли кривыми путями посредствомъ *клюкъ—крюковъ*, ловкихъ и лукавыхъ изворотовъ или хитроспѣтеній[5]), разными, какъ говорится, *неправдами* или кривдами[6]). Клюки или *кривули* (въ прямомъ смыслѣ—костыли), отличавшіяся чародѣйскими свойствами и составлявшія опору Всеслава, могутъ содержать въ себѣ понятіе о нарушеніи

---

[1]) Какъ р. Рша измѣнилась въ Оршицу, такъ г. Рша—въ Оршу, на Днѣпрѣ. Въ грамотѣ Сигизмунда отъ 13 декаб. 1541 г. оршскіе бояре зовутся Рошскими. «Князю Василію Толочинскому наказывается жить на замку *Орша*... всимъ бояромъ *Рошскимъ* при томъ замкѣ мѣшкать» (А. З. и Ю. Рос. I, № 106).

[2]) Ср. «*мечемъ* жребій на отрока и дѣвицю» (Ип. 54).

[3]) Ср. «которая *волосчь люба*». (Лавр. подъ 1149 г.) Изяславъ Давыдовичъ не хотѣлъ уходить изъ Кіева, «зане *улюбилъ ему Кыевъ*» (Ип. подъ 1154 г.),

[4]) Ср. пословицу: «пошла битка въ *конь*».

[5]) Сравн. Боянову припѣвку: «Ни *хитру*, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія не минути».

[6]) «*Кривости* ради налѣзохъ грѣхъ себѣ» (письмо Мономаха къ Олегу). *Оклюка* — обманъ, *клюкать*—кривить, хитрить, обманывать. Въ клюкахъ Слова можетъ содержаться и намекъ на *Кривичей*: «Первии насельницы... въ Полоцкѣ Кривичи; они же населили смоленскую область.—Я. Гротъ сближаетъ клюку съ шведск. *kyska*—костыль (филологич. раз.).

Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ клятвы не причинять ему вреда, но прежде всего подъ клюками пѣвецъ, кажется, разумѣетъ систематическій способъ дѣйствій, непосредственную и сознательную опору, а нетолько единичный случай нарушенія клятвы братьями Ярославичами, приведшій Всеслава ко временной потерѣ свободы. Случай этотъ, не входившій, конечно, въ его личные разсчеты, самъ по себѣ, безъ тѣхъ происковъ Всеслава, отъ которыхъ Ярославичи надѣялись обезпечить себя заточеніемъ его въ погребъ, едва-ли могъ послужить достаточнымъ матеріаломъ для поэтическаго образа опоры клюками о конъ. Лѣтописецъ, говоря, что у Изяслава не было *клюкъ*, какъ-бы старался загладить или смягчить преступленіе крестнаго цѣлованія по природѣ своей прямодушнымъ, правдивымъ Изяславомъ, преступленія, имѣвшаго такой-же чрезвычайный характеръ, какой имѣло извѣстное нарушеніе мирной клятвы, въ сношеніяхъ съ половцами, со стороны Мономаха [1]), который считалъ клятвопреступленіе тяжкимъ грѣхомъ, влекущимъ за собою погубленіе души (поуч.). Вообще же въ лѣтописяхъ нашихъ, особенно въ Ипатской, замѣтно какое-то колебаніе при оцѣнкѣ внутреннихъ качествъ «*великаго тѣломъ*» Изяслава Ярославича. Ставя высоко его *правдолюбіе*, засвидѣтельствованное, между прочимъ, участіемъ его въ дополненіи Ярославовыхъ законовъ, восторгаясь безграничнымъ его *братолюбіемъ*, утверждая, что въ немъ не было *клюкъ*[2]), лѣтописецъ пытается опровергнуть ходячее мнѣніе, поддерживавшееся враждебной Изяславу партіей, о погубленіи, по его приказанію, чади, выпустившей Всеслава изъ поруба, и свалить всю вину на сына Изяславова Мстислава [3]), но, наряду съ

[1]) Убійство Китана и Итларевой чади въ 1095 г.

[2]) «Люби правду, *клюкъ*-же въ немъ не бѣ, ни льсти» (Ип. 142). Въ Лавр. «*криваю* ненавидѣ, любя правду, не бѣ бо въ немъ льсти». Въ иныхъ спискахъ—«кривды» вмѣсто клюкъ.

[3]) «Аще ли кто дѣеть: Кыянѣ исѣкли, которѣи же высадили Всеслава изъ поруба, то сѣ (Изяславъ) того не створи, но *сына* его» (Лавр.); въ Ипат. ошиб. «ни сынъ его».—Изъ лѣтописи не видно, чтобы, приближаясь съ Болеславомъ польскимъ къ Кіеву, Изяславъ разрѣшилъ сыну казнить 70 челов. освободившей Всеслава чади. Расправа надъ ними, равно какъ ослѣпленіе многихъ гражданъ и погубленіе безъ вины и разслѣдованія («другія же безъ вины погуби не испытавъ») совершены Мстиславомъ, повидимому, болѣе или менѣе самостоятельно.

этимъ, онъ дѣлаетъ рѣзкій упрекъ Изяславу за нарушеніе имъ клятвы,—за вѣроломное лишеніе Всеслава свободы послѣ цѣлованія креста съ обѣщаніемъ не причинять ему никакого вреда. «Аще ли кто преступитъ (крестъ), то и сдѣ приимуть казнь и на преидущемъ вѣцѣ казнь вѣчную» (1068 г.). Нарушеніе Изяславомъ клятвы порицалъ и суровый подвижникъ Антоній. Нѣсколько далѣе лѣтописецъ впадаетъ уже въ другой тонъ: «Поистинѣ, аще что створилъ есть на свѣтѣ семь етеро согрѣшеніе, отдастся ему, зане положи главу свою за брата своего» (подъ 1078 г.). Какъ-бы то ни было, но одно уже упоминаніе лѣтописцемъ въ некрологѣ о смерти Изяслава о *ключахъ* невольно заставляетъ подозрѣвать былинную связь ихъ съ *ключами* Слова.

Звонъ софійскихъ колоколовъ, раздававшійся въ Полоцкѣ, Всеславъ слышалъ *въ Кіевѣ*,—причемъ напуганному воображенію его могъ чудиться призывъ въ Хорсу и въ звонѣ колоколовъ кіевской Софіи,—какъ двусмысленно повѣствуютъ заключительные стихи былины, изображающіе совпаденіе обоюдныхъ притязаній Всеслава и Изяслава на полоцкое княжество, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно устанавливающіе тожество Хорса съ Изяславомъ. Тревожное состояніе вѣщей души Всеслава въ ту пору, когда онъ прислушивался къ колокольному звону, вызывалось опасеніемъ Всеслава за участь отдаленнаго отъ Кіева, но въ политическомъ отношеніи тѣсно связаннаго съ нимъ Полоцка[1]), предчувствіемъ готовности полочанъ признать надъ собою власть Изяслава, пользовавшагося временами сильной поддержкой Польши, благодаря браку тетки его съ Казиміромъ (Лавр., Ипат.) и браку его самого съ сестрою Казиміра въ 1043 г. (Соф., Воскр., Никон.). Благопріятный для Изяслава, посвященный ему колокольный звонъ въ Полоцкѣ служитъ какъ-бы предвѣстникомъ изгнанія Всеслава изъ его отчины,—предвѣстникомъ одной изъ *неминуемыхъ бѣдъ*,

[1]) Связь Полоцка съ южною Русью поддерживалась браками. Въ одинъ 1143 г. Всеволодъ кіевскій женилъ сына Святослава на дочери полоцкаго князя Василька, а Изяславъ отдалъ дочь свою за Рогволода Борисовича въ Полоцкъ. «Всеволодъ, князь Киевьский, приинде, и съ женою, и съ всѣми бояры, на свадбу» (Ип. 224). Полоцкіе епископы очень часто присутствовали на церковныхъ торжествахъ въ Кіевѣ.

ниспосланныхъ ему судьбою. Заутренній звонъ у «грозныхъ» полочанъ сливался съ гуломъ вѣчевого колокола, а въ какой мѣрѣ полоцкіе князья страшились народнаго вѣча, можно заключить, между прочимъ, по слѣд. фактамъ: Въ 1128 г. полочане прогнали отъ себя Давида Всеславича съ дѣтьми (Ипат.). «Въ 1132 г. полочане выгнаша Святополка, а Василька посадиша Святославича» (Лавр.). Въ 1162 г., послѣ отраженія Рогволода Борисовича Володаремъ отъ Городна при помощи литовцевъ, Рогволодъ «иде въ Дрютескъ, а Полотьску *не смѣ* ити, зане же множество погибе полочанъ, полотчане-же *посадиша* въ Полотьскѣ Василковича» (Ип 355), и т. п. Непосредственный переходъ пѣвца отъ впечатлѣнія, произведеннаго на Всеслава доносившимся до него изъ Полоцка и западавшимъ въ его вѣщую душу звономъ, къ субъективному воспоминанію о перенесенныхъ Всеславомъ многихъ бѣдахъ, *несмотря ни вѣщій ею даръ*, сразу наводитъ на живое представленіе о злополучной, хотя временной, утратѣ Всеславомъ своей отчины, наибольшемъ испытанномъ имъ въ жизни несчастьи.

Приводя къ одному знаменателю всѣ видовыя понятія, какія обыкновенно соединяютъ съ зендскимъ (древне-персидскимъ) словомъ *корѳ, корешъ*—солнце, по санскритскому корню *кри*, я полагаю, что былина, ясно указывающая на солнечные признаки Хорса обращеніемъ къ нему заутренняго звона, преимущественно понимала подъ солнечнымъ божествомъ Хорсъ элементъ *животворящій, живодавца*. *Кресить*—оживлять. Kresz—священный огонь, около котораго пляшутъ наканунѣ праздника Іоанна Предтечи[1]). По извѣстной пословицѣ, Путята *крестилъ* новгородцевъ мечомъ, а Добрыня—*огнемъ*. Сила креста приравнивается къ очистительной силѣ огня. Хорсъ, кажется, совпадаетъ съ божествомъ *Жива* или Живый, называемымъ въ хроникѣ Длугоша божествомъ *жизни*. Въ одномъ спискѣ лѣтописи праздникъ Рождества Христова названъ *корочюномъ* (подъ 1143 г.)[2]).—Всеславу удалось перегнать Изяслава только благодаря тому, что послѣдній *великодушно* пощадилъ жизнь Всеслава, бывшую въ полномъ его распоряженіи. По лѣтописи,

---

[1]) Шимкевичъ Корнесловъ русск яз., стр. 117.

[2]) О Корочунѣ есть спеціальное изслѣдов. А. Петрушевича. Львовъ. 1876 г. См. также Е. Голубинскаго. Ист. рус. ц. I, 1, стр. 741.

Всеслава избавилъ отъ заключенія въ порубѣ честный *крестъ;* однако, она поясняетъ, что при попыткѣ приверженцевъ Всеслава къ освобожденію заключеннаго, преданная Изяславу дружина совѣтовала ему: «ать призвавше *лестью* къ оконцю, пронзуть и мечемъ, но князь сего *не послуша*». Параллельно благочестивому разсужденію лѣтописца, по поводу восшествія Всеслава на кіевскій столъ, о силѣ животворящаго креста, къ которому тогда-же воззвалъ Всеславъ съ воздыханіемъ [1]), и объ искушеніяхъ отъ лукаваго и пронырливаго дьявола, народная фантазія, издревле воспитанная въ вѣрованіяхъ языческихъ, приписала спасшую Всеслава животворную силу солнечному божеству Хорсу въ образѣ Изяслава. Едва-ли суевѣрная и грубая толпа солнцепоклонниковъ, среди которой складывались былины, раздѣляла взглядъ лѣтописца на *преступленіе креста* [2]). Подобныя отступленія отъ христіанской морали не роняли князя въ ея глазахъ и не мѣшали *обожать* его, если онъ внушалъ къ себѣ народную любовь, тѣмъ болѣе, что, вступая на великокняжескій путь и шествуя по немъ, Изяславъ опирался на освященное обычаемъ *право,* получивъ столъ по завѣщанію отца, будучи старшимъ сыномъ, тогда какъ послѣдовавшія по заточеніи Всеслава событія обнаружили тайныя стремленія послѣдняго захватить кіевскій столъ, въ подкладкѣ коихъ лежали *кривды.* Въ сознаніи, а слѣдовательно и въ эпосѣ народномъ, не могли пройти безслѣдно оставленные лѣтописцемъ безъ вниманія, при характеристикѣ личности Изяслава, выдающіяся государственныя его заслуги: побѣды надъ чудью, голядью и сусолою. Ему-же Великій Новгородъ обязанъ своимъ спасеніемъ въ тяжкую для него годину. Когда новгородцы, подъ предводительствомъ посадника Изяславова Остромира [3]), въ походѣ на чудь потерпѣли жестокое пораженіе и самъ Остромиръ былъ

---

[1]) По освобожденіи, въ день Воздвиженія (15 сентября 1068 г.), «Всеславъ въздохнувъ рече: о, кресте честный, понеже къ тобѣ вѣровахъ, избави мя отъ рова сего»! (Ип. 121).

[2]) Сравн. «крестъ взомьститъ» (Ип. 222).

[3]) По смерти брата—Владиміра, Изяславъ поручилъ править столомъ его новгородскимъ близоку своему Остромиру (Послѣсловіе Остромирова евангелія, 1056 г.).

убитъ, то «паки Изяславъ иде на чудь и взя осекъ Кедипинъ[1]), сирѣчъ *Солнечная рука*» (Никон., Воскрес. и др.). Неизвѣстно—какую дань признательности принесли Изяславу новгородцы, но мы знаемъ, какое удручающее впечатлѣніе произвела неожиданная его кончина на кіевлянъ. Когда заколотаго на Нѣжатиной Нивѣ Изяслава привезли лодьей къ Городцу, то «изидоша противу ему *весь городъ Кіевъ*, а когда понесли въ Кіевъ, то «не бѣ лзѣ слышати пѣнья въ плачѣ велицѣ и воплѣ, *плакася по немь весь городъ Кіевъ*» (Ип. 144). Вотъ лучшее доказательство, что Изяславъ и у мятежныхъ кіевлянъ оставилъ по себѣ весьма добрую память[2]). Русскій народъ произнесъ свой приговоръ надъ Изяславомъ въ разобранной нами былинѣ. Авторъ Слова дробитъ ее на двѣ части,—излагаетъ ее въ два пріема, хотя безъ строгаго соблюденія хронологическаго порядка, но и безъ малѣйшаго извращенія существенныхъ историческихъ фактовъ. Начинается былина прыжкомъ Всеслава къ Кіеву, при опорѣ на клюки, кончается побѣдой Всеслава надъ Изяславомъ на поприщѣ соревнованія и ея результатами. Промежуточные эпизоды—предварительное истребленіе Всеславомъ Новгорода и кровопролитная битва на Немизѣ приводятся: первый—какъ позорное для Всеслава нарушеніе завѣта Ярослава, второй—какъ справедливое возмездіе за причиненное Новгороду зло. Былина, обрисовывая диковинную натуру предпріимчиваго, хищнаго и кровожаднаго (лютаго волка) Всеслава, выводитъ на сцену свѣтоноснаго Хорса, руководясь историческими происшествіями,—внѣшними и внутренними чертами сходства Изяслава съ Хорсомъ, выхваченными изъ солнечнаго культа и жизни этого великаго князя. Нѣсколько разъ *восходя*, по родовому праву, на отцовскій золотой престолъ кіевскій, и *заходя*, будучи прогоняемъ изъ Кіева, въ

---

[1]) Мѣстоположеніе этого осѣка не найдено. Н. Барсовъ. Истор. геогр. изд. 2, стр. 48. По объясненію Я. Грота, Солнечная рука — переводъ слова Kädepacіva (Филологич. разыск. I, 237).

[2]) Крайнею односторонностью отличается оцѣнка душевныхъ качествъ Изяслава, сдѣланная С. Соловьевымъ. «Можно-ли», говоритъ онъ,—«назвать незлобивымъ князя, который позволилъ сыну своему замучить множество кіевлянъ, жестоко преслѣдовалъ Всеслава полоцкаго» и т. д. (Ист. отн. м. кн. Рюр. д., стр. 95).

страну чужую, къ ляхамъ, которые однажды также показали ему «путь отъ собѣ» (Ип. 128),—отстоявъ Новгородъ отъ натиска финнскихъ племенъ, онъ призванъ былъ вести упорную борьбу съ гонявшимся за кіевскою волостью, перебѣжавшимъ ему дорогу волкообразнымъ существомъ, изъ которой, въ концѣ концовъ, вышелъ съ торжествомъ, не упавъ духомъ отъ неудачи, и въ порывѣ великодушія, не помянувъ зла, геройски сложилъ свою голову за русскую землю и братнюю обиду, потерпѣвъ такимъ образомъ необыкновенно славную, по понятіямъ современниковъ, участь.

Отожествленіемъ Хорса съ Изяславомъ, Дажьбожьяго внука съ Всеволодомъ и Трояна съ Мономахомъ подрывается положеніе о *полномъ* тожествѣ Хорса и Дажьбога[1]) (Боданскій, Костомаровъ, Срезневскій, Петрушевичъ и др). Нельзя отрицать существованія, по языческимъ воззрѣніямъ, общихъ *основныхъ* свойствъ упомянутыхъ солнечныхъ боговъ, но нельзя не признать, что полагалось и нѣкоторое различіе между ними какъ по сферѣ проявленія ихъ власти въ земномъ мірѣ, такъ и по степенямъ происхожденія отъ своего праотца Сварога. Каждый изъ боговъ языческихъ, имѣвшій особое наименованіе, почитался представителемъ особой стихіи, и еще въ послѣдней четверти XI стол. приверженцы языческихъ вѣрованій въ Руси насчитывали почти столько-же боговъ, сколько ихъ было въ концѣ X стол., ибо, по словамъ приходившихъ въ Кіевъ, 1071 г., волхвовъ, имъ являлись *пять боговъ* (Ип. 123). *Огонь*—Сварожичъ несомнѣнно почитался божествомъ отдѣльнымъ отъ божества—солнца. Такъ Кириллъ Туровскій говоритъ: «Уже бо не нарекутся богомъ *стихіа, ни солнце, ни огнь*»[2]).—Видное мѣсто въ сонмѣ божественныхъ героевъ авторъ Слова отводитъ и Ярославу галицкому, выводя его происхожденіе отъ Перуна, ко-

---

[1]) Въ проложномъ житіи св. Владиміра Хорсъ поставленъ предъ Дажьбогомъ: «Изби вся идолы: Перуна, Хорса, Дажьбога и Мокошь и прочая вся кумиры». Голубинскій. Ист. церкви, I, 1, см. списокъ по Синод. Прологу 1400 г., № 240. Въ Ипат.: «постави кумиры: ...и Хоръса, и Дажьбога» (стр. 52).

[2]) По преданію, занесенному въ Никонов. лѣтопись, первое крещеніе руссовъ при Аскольдѣ и Дирѣ было вызвано тѣмъ, что положенное въ *огнѣ* евангеліе осталось невредимымъ.

тораго съ теченіемъ времени смѣнилъ Родъ[1]), «метавшій на землю плодотворныя груды, сѣдя на воздусѣ» (Калачевъ). Сидя высоко на златокованномъ престолѣ, подпирая Угорскія (Карпатскія) горы[2]), рядя судьбы до Дуная, отворяя ворота Кіеву[3]), онъ металъ *громозди* (бремены) *чрезъ облака*, расточая *грозы* по землямъ и поражая султановъ за землями[4]).

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію взаимной связи между похожденіями Всеслава, въ поэтическомъ ихъ описаніи, — для повѣрки часто высказываемаго мнѣнія о допущенной пѣвцомъ путаницѣ событій. По разсказу его, занятіе Всеславомъ кіевскаго стола будто-бы предшествовало нападенію на Новгородъ, тогда какъ въ дѣйствительности происходило наоборотъ. Изысканія мои приводятъ къ заключенію, что поэтическая группировка событій въ Словѣ нимало не погрѣшаетъ противъ исторической послѣдовательности ихъ хода, въ чемъ они касаются Всеславовыхъ предпріятій, и что принятое чтеніе:

«*Оутрѣ же* воззни стрикусы отвори врата Новуграду»,—

дающее неправильно поводъ приписывать пѣвцу несогласную съ истиной перестановку фактовъ, подлежитъ исправленію. Убѣжавъ отъ кіевлянъ ночью изъ Бѣлграда, Всеславъ —

«Обѣсися синѣ мьглѣ *оутрѣ же*. .
Воззни стрикусы отвори врата Новуграду».

Обѣситися — повѣситься (*обѣстити́ся* — объявиться). *Оутрѣ же* — *утромъ же*, вопреки мнѣнію Миклошича, Партыцкаго и др., считавшихъ оутрѣже аористомъ отъ глагола оутрѣгнути. Въ Прологѣ библ.: «Аще не обрящется кто на рѣцѣ *оутро*». — «Аще не приступите *утро* подъ городъ» (Ипат. 42) — «Видѣста *утрь* въ гробѣ два ангела» [5]). «Ты же изидеши *вечерь* предъ

---

[1]) Имя *Родъ* попадается въ лѣтописи: тіунъ Родъ. Дѣдъ Пребора — *Родъ* (Ип. 372 и 566). О Родѣ см. ст. Ѳ. Бусл.: Древн. эпич. пред. слав. племенъ. Русск. Слово 1860 т., 10 и 11.

[2]) Въ 1149 г. венгерскій король говорилъ: «Хочю поступити *подъ горы* галичьского князя, не дати же ся ему двигнути» (Ип. 269).

[3]) Ср.: «А Кіевъ ти ся кое *отворилъ*»? (Ип. 300). Въ 1172 г. Мстиславъ, войдя въ Кіевъ, взялъ *ряды* съ братьею, съ кіянами и *съ галичанами* (Ип. 375).

[4]) И. Шараневичъ указалъ на борьбу Ярослава съ царемъ Мануиломъ въ 1161—1175 г. Изслѣд. по отеч. ист. и геогр. 1169 г., стр. 37.

[5]) Словарь др. русск. яз. И. Срезнев., подъ словомъ *зоря*.

очима ихъ».—Въ поуч. Мономаха: «*Вечеръ* водворится плачъ, а заутра радость».—Въ живомъ народномъ языкѣ употребительна нарѣчная форма *вечоръ*, проникшая въ южную лѣтопись: «*вечоръ* въ суморокъ» (Ип. 147). Въ Словѣ форма «оутръ же» употреблена вмѣсто оутро же. Частица *же* должна стоять въ концѣ стиха соотвѣтственно древне-русскому обычаю, напр. «язъ ти на конѣ уже всѣдаю *же*» (Ип. 308) и мн. др. Мое чтеніе подтверждается лѣтописью, по которой Всеславъ выбѣжалъ тайкомъ отъ кіевлянъ изъ Бѣлгорода въ Полоцкъ *ночью* («бывшю нощи»). *Поутру же*, узнавъ объ этомъ, бывшіе съ нимъ люди возвратились въ Кіевъ и созвали вѣче, причемъ выражали сожалѣніе, что *прогнали* своего князя. Разногласіе между лѣтописными списками сводится лишь къ тому, что по однимъ (Лавр., Ипат., Никон.) люди возвратились, когда *увидѣли*, а по другимъ (какъ Радзивил.), когда *услышали*, что князь сбѣжалъ:—«*Заутра же* видѣвше людье князя бѣжавша, възвратишася Кыеву», 1068 г.)[1]. И такъ лѣтопись представляетъ весьма незначительный варіантъ той самой былины, которая приведена въ Словѣ и свидѣтельствуетъ, что Всеславъ *утромъ же* повѣсился въ синемъ туманѣ, т. е. скрылся, какъ-бы надѣвъ себѣ петлю на шею изъ волшебныхъ своихъ наузъ. Можно подозрѣвать, что въ глаголѣ «обѣсися», кромѣ прямого значенія — повѣсился,— скрывается и другое понятіе, именно понятіе *обличенія*[2]. Послѣдующіе стихи объясняютъ причину закравшейся въ душу Всеслава боязни, побудившей его къ тайному бѣгству отъ кіевлянъ въ Полоцкъ при приближеніи соперника своего Изяслава съ польскимъ княземъ. Всеславъ

---

[1]) Въ стихѣ: «Скочи *отъ нихъ* лютымъ звѣремъ», предполагаютъ кіевлянъ, но мнѣ кажется, пѣвецъ съ намѣреніемъ оставилъ мѣсто для догадокъ, чтобы и кіянъ, и клюки, отнести къ совмѣстной *причинѣ* бѣгства Всеслава изъ Бѣлгорода.

[2]) Въ жалованной грамотѣ короля Казиміра, писанной въ Берестьи, на землю Ясудову, распоряженіе о конфискаціи земли Ясуда мотивировано тѣмъ, что онъ кони покралъ и *въ томъ ся* самъ *объсилъ* (Ревизія пущъ. Изд. Вил. Арх. Ком., 173). Въ другихъ западно-русскихъ актахъ *объсить*, иногда *обвѣсить*, всегда значитъ—повѣсить (см. алф. указ. къ т. XVII Акт. изд. Вил. Арх. Ком.).

предвидѣлъ, что, по измѣнившимся въ пользу Изяслава обстоятельствамъ, непостоянные кіевляне раскаются въ изгнаніи Изяслава и снова призовутъ его къ себѣ на княженіе,—какъ это въ дѣйствительности и случилось. Тогда свѣжа еще была у Ярославичей, Изяслава, Святослава и Всеволода, память о варварскомъ опустошеніи Всеславомъ великаго Новгорода въ 1067 г. и ограбленіи имъ Новгородскихъ церквей. Въ глазахъ Ярославичей такой поступокъ клонился къ опозоренію славы ихъ отца, которому Новгородъ обязанъ былъ освобожденіемъ изъ-подъ кратковременной власти отца Всеславова Брячислава въ 1021 г.,—а потому и заслуживалъ сугубой мести. Ошибочно полагаютъ, будто «воззни [1]) стрикусы», коими Всеславъ отворилъ ворота Новгорода, поправъ Ярославову славу,— *возовыя*, или же *вонженныя*, стѣнобитныя орудія[2]). *Стрикать*—колоть [3]). Поэтому стрикусы — колья. Нигдѣ нѣтъ слѣдовъ того, чтобы стѣнобитныя орудія (порокъ, таранъ) когда-либо назывались стрикусами.—«Воззни стрикусы» (или *вожжени*) значитъ вожженными кольями (палками) или *головнями* [4]). Въ актахъ XI—XIV стол. *ж* и *з* употребляются часто безразлично. «Около вой *лязите*», вмѣсто ляжьте—въ поуч. Мономаха (ср. «*взлозше*» въ Ипат. подъ 1091 г. вмѣсто *взложше*, какъ въ Хлѣбников.). Въ Маріинскомъ четвероевангеліи «*розьство*», что по мнѣнію А. Будиловича, могло образоваться на почвѣ юго-славянской черезъ форму рож(дь)ство [5]). Въ Новгор. I лѣтоп. встрѣчается форма *зжгло*. «Бысть на небеси знамя: огнь

---

[1]) Въ Пушк. *воззни*.—Въ Екатер. *возни*.

[2]) Е. Барсовъ передѣлалъ ихъ на «взнясь стрикусы», отъ *взняться*. Лексикологія Слова, стр. 101.

[3]) Въ житіи кн. Муромскаго Константина говорится о *настркати* въ смыслѣ накалыванія.

[4]) Такъ назыв. въ лѣтоп. орудія поджога городовъ.

[5]) Ж. М. Н. П. Мартъ 1884 г., стр. 164 Сравн. памяти. дипломатич. и суд. дѣлов. яз. въ Галицко-Влад. княж., изд. Головацкаго, № XXI. Тамъ же княжьство, № 5. Много примѣровъ перехода *ж* въ *з* приводитъ Колосовъ: козде, въ Апост. 1307 г.,—золчь—вм. жолчь, зарко, зелѣзо, хызина, земчугъ и др. Обзоръ звуков. и формальн. особен. нар. русск. яз. 1878 г., стр. 186.—Также П. Лавровскій. О языкѣ сѣв. русск. лѣтоп. 1852 г., стр. 105, и другіе наши филологи. Въ словѣ «воззни»—ассимиляція звуковъ.

ходилъ аки молонья и *зжило* небо» (стр. 157). Въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтоп. особенно замѣчательна форма *зазюша*. «А Гюргевъ *зазюша* половцѣ тощь» [1]). Встрѣчается въ лѣтописи и *вожьже*, *вожьюша* (Ип. 504 и 547). Этими возжонными кольми Всеславъ отворилъ Новгородскія ворота. Мое толкованіе вполнѣ согласуется съ извѣстіями сѣверныхъ лѣтописей подъ 1066 и 1067 г., дополняющими разсказъ южной лѣтописи о занятіи Всеславомъ Новгорода[2]). «Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль полотскый, и зая Новгородъ до Неревьскаго конца и *пожже*, и поима все у св. Софіи, и паникадила, и колоколы, и отъиде». (Соф. I, Новг. III, Никон.) По другой редакціи: «Пришедъ Всеславъ, взяша Новгородъ и *пожже* до окрома Неревскаго и св. Софію пограби и *покуль пожже, потомъ городъ достьша*, и отъиде Всеславъ» (Новгор.). Мономахъ въ поученіи разсказываетъ, что позднѣе Всеславъ спалилъ и Смоленскъ (около 1080 г.). Туда поспѣшилъ Мономахъ съ черниговцами, но Всеслава уже не засталъ. О сожженіи Всеславомъ Новгорода лѣтописи единогласно упоминаютъ еще ранѣе этого бѣдствія, подъ 1063 г., по случаю неблагопріятнаго знаменія — пятидневнаго обратнаго теченія р. Волхова. «На четвертое (послѣ того) лѣто *пожже* Новгородъ Всеславъ, а люди зая»,—или же: «*пожже* Всеславъ градъ» (Лавр.), или: «погорѣ весь городъ» (Ипат.). О развореніи Всеславомъ Новгорода гласитъ лѣтопись и позднѣе, подъ 1180 г. «Иде князь Мстиславъ Ростиславичъ съ новгородци ратію на Полтескъ на зятя своего Всеслава; ходилъ бо бяше *нѣкоюда дѣдъ его* на Новгородъ и взялъ ерусалимъ церковный и ссуды служебные и погостъ единъ завелъ за Полтескъ; князь же Мстиславъ Ростиславичъ все хотя возвратити» (Никонов.). Вынужденный уступить Изяславу Полоцкъ въ 1069 г., Всеславъ поднялъ племя *вожанъ* (водь) и съ ними 23 октября того года напалъ вторично на Новгородъ, но потерпѣлъ пораженіе и попался въ плѣнъ, изъ котораго былъ отпущенъ

---

[1]) Подъ 1095 г., стр. 160. Въ Хлѣбников. спискѣ—*зажюша*.

[2]) По предположенію Карамзина, тамъ сидѣлъ тогда Мстиславъ Изяславичъ, который, будучи побѣжденъ, ушелъ въ Кіевъ (И. Г. Р., т. II, прим. 118).

«Бога дѣля» (Новг., Никон.)[1]). Въ несчастной для Всеслава битвѣ на Гзенѣ, около Новгорода[2]), новгородцы, предводимые княземъ Глѣбомъ Святославичемъ, отобрали и Владиміровъ крестъ, хранившійся прежде на полатяхъ въ св. Софіи, «его же взялъ князь Всеславъ ратію». На другой мѣсяцъ послѣ перваго вторженія въ Новгородъ (въ февр. 1067 г.). Ярославичи Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, 3-го марта 1067 г. взяли Минскъ и разбили Всеслава на р. Немизѣ. Поэтому былина и переходитъ прямо отъ раскрытія Всеславомъ Новгородскихъ воротъ возжонными стрикусами къ скачку его съ Дудутокъ на Немигу. Впрочемъ, народный эпосъ могъ въ образѣ воэзныхъ стрикусовъ сплотить воедино оба похода Всеслава на Новгородъ и, въ такомъ случаѣ, избранная пѣвцомъ форма лексикальною своею стороною задѣвала бы характеристическія черты обоихъ походовъ—въ ихъ историческомъ содержаніи.—Дудутки искали близъ Новгорода (монастырь на Дудуткахъ), тогда какъ Дудутки, правдоподобно, нынѣшнее с. Дудичи на р. *Птичи*, южнѣе Минска[3]). — Названіе Немиги (по нѣкоторымъ — Нѣманъ) хотя и удержалось донынѣ въ одномъ изъ кварталовъ г. Минска, — хотя и носила одна изъ рѣчекъ около Минска еще въ XVI стол.[4]), но гдѣ именно протекала знаменитая Немиза, явившаяся *Немезидой* для Всеслава, съ точностью опредѣлить пока никому не удалось, быть можетъ потому, что названію рѣки, берега которой

---

[1]) «Велика бяше сѣча вожаномъ и паде ихъ безчисльное число, а самого князя отпустиша Бога дѣля» (Нов.).

[2]) Ср. о пожарѣ въ Неревскомъ концѣ отъ Борисовой улицы *до Гзени* (Новг. III, 223, IV, 98).

[3]) Ср. мн. Н. Барсова. Очер. русск. истор. геогр. 1885 г., стр. 185. Д. Иловайскаго. Ист. Рос., ч. I, прим. 41, и др.—Слова Бояновой припѣвки о Всеславѣ: «ни *птицю* горазду» не намекаютъ-ли на р. *Птичу*, съ которой полетѣлъ Всеславъ, а слова «суда Божія не *минути*»—на *Минскъ*?

[4]) Эту Немигу (Niemiga) указалъ С. Шолковичъ. Писцовая кн. Пинскаго староства, т. I, стр. 154 и предисл. По мнѣнію Соловьева, Немига лѣтописи и Слова — притокъ Свислочи, что весьма вѣроятно, ибо небольшую рѣчку, протекающую въ Немигской части г. Минска и вливающуюся въ Свислочь, мѣстные изслѣдователи называютъ Немигой. Кондратовичъ. Ист. г. Минска, Варш. газета 1854 г. См. возраж. М. Довнара-Запольск. Ист. Крив. и Дрегов. зем. 52.

обагрились кровью русскихъ сыновъ, и лѣтопись, и Слово, усвоили оттѣнокъ эпическій, также какъ и рѣкѣ, поглотившей Игорево ополченіе. Недаромъ иностранцы *каяли* князя Игоря въ томъ, что погрузилъ воинство въ р. *Каяль*. Подобное фатальное значеніе придавалось нерѣдко названіямъ рѣкъ и впослѣдствіи. Такова р. *Аджь* [1]), «еже зовется *юрестъ*» (Воскрес. 196). Такъ въ 1378 г. р. *Пьяная* (притокъ р. Суры), чрезъ которую прошли соединенныя русскія войска, считалась роковою. «Гдѣ наѣхаша въ зажитіи медъ и пиво, напивахуся *допьяна* безъ мѣры, и ѣздять *пьяни*, по истинѣ за *Пьяною—пьяни*». Потому русскіе полки и были разбиты татарами, которыхъ навели мордовскіе князья (П. С. Р. Л., IV, 73).

[1]) Южнѣе р. Терека на Кавказѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ Словѣ изложены всѣ болѣе или менѣе выдающіеся эпизоды Игорева похода: однако, не всегда въ томъ порядкѣ, въ какомъ они дѣйствительно слѣдовали одинъ за другимъ, а мѣстами — какъ-бы вразбивку. Нить пѣсеннаго разсказа иногда прерывается отъ внезапнаго наплыва взволнованнаго чувства пѣвца. Изъ наболѣвшей души его вырываются болѣзненные стоны. Назойливая мысль о плѣненіи князей и безвозвратной гибели Игоревыхъ дружинъ, сознаніе угрожавшей Руси опасности, когда ободренные успѣхомъ половцы, подъ предводительствомъ Кончака и Гзы, несмѣтными толпами стали врываться въ нее чрезъ открытыя Игоремъ ворота, отвлекаютъ пѣвца отъ повѣствованія о подробностяхъ похода, воскрешая въ его памяти княжескіе раздоры, благодаря которымъ, отъ налетѣвшей тучи черныхъ вороновъ — половцевъ, помрачилась русская земля. Среди этого мрака понеслись цѣлые потоки такой жгучей тоски, что среди воплей людскихъ отъ нихъ поникала трава, увядали цвѣты[1]), а уронившія листву деревья къ землѣ приклонялись. Въ разсказѣ о походѣ пѣвецъ прежде всего изображаетъ борьбу, происходившую въ умѣ Игоря при видѣ солнечнаго затмѣнія, обратившаго день въ ночь[2]) и случившагося спустя недѣлю послѣ выступленія Игоря (23 апрѣля), именно 1-го мая, до перехода его дружинъ чрезъ Сѣв. Донецъ, на пути къ р. Осколу.

«Спала князю умъ по хоти и жалость,
—Ему знаменіе заступи искусити Дону великаго» . . .

---

[1]) «Уныша цвѣты», ср. *унылые* тѣла (Ип. 577).

[2]) «*Ночь* стонущи ему грозою» . . .

Для уясненія значенія слова «спала» разсмотримъ предварительно значеніе слова «запала» въ стихѣ:

«Зоря свѣтъ запала, мгла поля покрыла»...

Послѣднее, само по себѣ, можетъ имѣть двоякій смыслъ—*западенія* и *вспыльчивости*, смотря по тому, какому глаголу отдадимъ въ данномъ случаѣ предпочтеніе: *пасти* (откуда—запѧсти), или же *палати*—пылать (откуда—опалатися или гнѣваться)[1]). Думаю, что здѣсь идетъ рѣчь не о западеніи, иначе—было-бы *западе*[2]). Въ виду смѣшенія въ Словѣ древнѣйшихъ формъ съ позднѣйшими, надо обратиться къ поэтическому воспроизведенію пѣвцомъ свѣтовыхъ измѣненій въ природѣ. Когда въ Словѣ изображается исчезновеніе *вечерней* зори, то говорится: «Погасоша *вечеру* зори». Появленіе *утренней* зори совпадаетъ съ утреннимъ появленіемъ свѣта или *разсѣтомъ*. «Кровавыя[3]) зори *свѣтъ* повѣдаютъ»,—«Съ вечера *до свѣта*». Вечерняя зоря не западаетъ, но *гаснетъ* или тухнетъ[4]), какъ гасли багряные столпы:

«Оба багряная стълпа погасоста»...

Смѣна свѣта темнотою обусловливается *помраченіемъ*: «Два солнца *помьркоста*». «Ночь *меркнетъ*», что означаетъ сгущеніе мрака. «Зоря свѣтъ запала» одновременно съ покрытіемъ полей мглою (туманомъ), успокоеніемъ соловьинаго щелканья и пробужденіемъ галочьяго говора. Поэтому, согласно съ О. Партыцкимъ и П. Голубовскимъ[5]), я признаю, что «зоря» поставл. въ родит. пад. ед. числа. Въ переводѣ: Зори свѣтъ запылалъ. У автора нашего щелканье соловьевъ въ началѣ похода умолкаетъ на разсвѣтѣ. Оно изображаетъ славныя пѣсни пѣвцовъ — соловьевъ новаго времени, послѣдователей соловья стараго времени—Бояна, щелкавшаго князьямъ славу.

---

[1]) Ср. «*распалѣвся* гнѣвомъ» (Ип. 390); въ былинѣ Новгор. о Василіѣ Буслаевичѣ, у него предъ боемъ «распалилась буйная головушка»; и гл. *палити*, запалити (Ип. 155 и др.).

[2]) Ср. «*Паде* ся Кобякъ»,—«*падоша* стязи».

[3]) Кровавый цвѣтъ предвѣщалъ кровопролитье. Такое знач. имѣло напр. появленіе кровавой звѣзды въ 1064 г.

[4]) Въ Словѣ Иларіона: «Іюдейство погыбе и законъ по семъ, *яко вечерняя заря, погасе*».

[5]) Кіев. Стар., авг. 1884 г., стр. 712.

«Щекотъ славій» уснулъ надолго. Вплоть до возвращенія Игоря изъ плѣна, авторъ Слова, въ припѣвахъ, жалуется на унынie *голосовъ* и поникновеніе, жажду *веселья*, т. е. радостныхъ *пѣсенъ*, прекратившихся съ злополучнымъ переворотомъ въ природѣ, при которомъ мракъ началъ брать перевѣсъ надъ свѣтомъ. Естественнѣе было соловьямъ умолкнуть на разсвѣтѣ пятка, того дня, когда русичи одержали раздразнившую половцевъ нечестну̀ю, по замѣчанію Святослава, побѣду, нечестно̀ проливъ поганую кровь, — нежели наканунѣ, при наступленіи ночи съ четверга на пятницу, — тѣмъ болѣе, что соловьи — «славии добропѣсеньныи»[1]) поютъ и по ночамъ. Побѣду пятничную надъ половцами уже не приходилось воспѣвать, ибо, по лѣтописному извѣстію, она завершилась къ самой ночи, когда навстрѣчу Игоревымъ полкамъ понеслись съ моря, блистая трепещущими[2]) молніями, черныя тучи, сбираясь затмить четыре свѣтила, а въ субботу съизрана *кровавыя* зори возвѣщали свѣтъ, вмѣсто соловьевъ, встрепенувшихся и возвѣстившихъ свѣтъ прервавшимися *веселыми пѣснями* уже по прибытіи Игоря на родину. Прекращеніе, предъ битвой, соловьинаго щелканья смѣняется пробужденіемъ дружиннаго говора галокъ, порывавшихся, какъ и въ разгаръ усобицъ, летѣть «на уѣдье». Галочій говоръ долженъ былъ проснуться съ утренней зарей въ пятокъ, — въ тотъ день, въ который, *съ заранія*, русскія дружины разбили половцевъ, взяли богатую добычу — множество драгоцѣнныхъ предметовъ — и умчали красныхъ дѣвокъ половецкихъ. Прегражденіе русичами великихъ полей червленными щитами (припѣвъ, затѣмъ повторенный) соотвѣтствуетъ лѣтописному *изряженію* или построенію Игоремъ полковъ, имѣвшему, по лѣтописи, мѣсто въ пятокъ поутру[3]).

Коль скоро мы имѣемъ дѣло съ формой «запала(лъ)» — запылалъ, — то «спала» можно смѣло принять за форму «спала(ла)» — вспылила. На воспаленное состояніе Игорева ума, на охватившій его *пылъ*, прямо указываетъ крайняя

---

[1]) Новг. Минѣи XII в.

[2]) Нѣкоторые неосновательно полагаютъ, что молніи *трепетались* (Соболевскій, Козловскій и др.).

[3]) Такое-же значеніе имѣетъ и вторичный припѣвъ о прегражденіи полей, съ тою разницею, что русичами тогда строились полки для отступленія.

горячность второй половины его рѣчи къ дружинѣ, обличающей страстное, горячее желаніе (хоть)[1]), которое сочеталось съ упорнымъ намѣреніемъ,

«...Истягну умъ крѣпостью своею»...

во что-бы то ни стало идти впередъ къ великому Дону:

«Хощу бо, рече, копіе преломити»...

Вожделѣніе Игоря испить шеломомъ Дону, столкнувшись съ жалостью[2]), что солнце ему заступило путь, вспылило его умъ. Это увлеченіе опальнаго ума Игорева подъ вліяніемъ жалости, подавленной непреклонною *волею*, указано, по моему мнѣнію, и въ первомъ стихѣ толкованія сна Святослава боярами:

«Уже, княже, *туга умъ полонила*»...

Если въ стихѣ и отражается также душевное состояніе вел. кн. Святослава, то не подлежитъ, все-таки, сомнѣнію, что тотъ-же стихъ поясняетъ психическую причину, приведшую Игоря къ рѣшимости, какъ сказано далѣе въ снотолкованіи:

«Поискати града Тмутороканя,
А любо испить шеломомь Дону»...

ибо въ послѣднемъ стихѣ *повторяются* запальчивыя слова Игоря, обращенныя къ дружинѣ:

«Хощу главу свою приложити[3]),
А любо испити шеломомь Дону»...

Приводя обращеніе Игоря къ войску, вызванное впечатлѣніемъ отъ грознаго знаменія, пѣвецъ приступаетъ къ первому акту похода: созыву дружинъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ и Путивлѣ, гдѣ пребывала тогда жена Игоря, дочь Ярослава Галицкаго, племянница, по матери Ольгѣ, вел. князя Суздаль-

---

[1]) Сильное желаніе, влеченіе — по малорусски *жага* (Пискуновъ). Ср. «*располѣвься* гнѣвомъ» въ Ип., *спалка* въ Новг. въ смыслѣ вспышки гнѣва.

[2]) *Жалость* (грусть) въ половцахъ лѣтописецъ противуполагаетъ *радости* русскихъ (Ип. 184).

[3]) Въ лѣтоп. очень часто: «приложитися къ отцамъ и дѣдамъ» въ смыслѣ — *лечь рядомъ*, присоединиться. Дружина говорила Святославу I-му: «Идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ». Игорь хотѣлъ голову свою приложить къ головамъ русичей, вмѣстѣ съ русичами хотѣлъ и копье преломить («приломити»). Ср: «Ту ся копіемъ приламати»...

сняго Всеволода Юрьевича, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Владиміромъ Ярославичемъ, бѣжавшимъ изъ Галича въ 1183 г.[1]). Затѣмъ наступаетъ значительный перерывъ въ изложеніи событій до прибытія буй-тура Всеволода Святославича Трубчевскаго къ Осколу, гдѣ Игорь поджидалъ его два дня. Нѣсколько далѣе пѣвецъ снова возвращается ко дню 1-го мая:

«Тогда вступи Игорь-князь въ златъ-стремень
И поѣха по чистому полю . . .
Солнце ему тьмою путь заступаше» . . .

Рѣчь, вложенную пѣвцомъ въ уста одного изъ братьевъ Святославичей и произнесенную предъ движеніемъ соединенныхъ дружинъ отъ Оскола къ р. Сальницѣ, комментаторы единогласно приписываютъ буй-туру Всеволоду, перенося на него центръ тяжести повѣствованія въ такомъ фазисѣ похода, въ которомъ ободреніе и руководительство полководца представлялись наиболѣе необходимыми. Позволяю себѣ рѣшительно утверждать, что рѣчь эта произнесена не Всеволодомъ, а самимъ Игоремъ. Вотъ мои доводы:

1) Игорю, какъ иниціатору похода, какъ полководцу, пораженному убылью солнечнаго свѣта, было гораздо естественнѣе считать горячо имъ любимаго («милаго»), закаленнаго въ бояхъ, своего брата[2]) Всеволода *единымъ свѣтомъ свѣтлымъ*[3]), т. е. какъ-бы единственнымъ его лучомъ надежды на успѣхъ, нежели наоборотъ,—тѣмъ болѣе, что Всеволоду пѣвецъ придаетъ эпитетъ *яраго* тура (яркаго), а Яръ, у западныхъ славянъ—Яровитъ, почитался *свѣтлымъ* богомъ, принадлежащимъ къ солнечному составу (праздникъ Ярилы). Поэтому Всеволода пѣвецъ, такъ-же какъ и Игоря, прямо называетъ солнцемъ («два солнца померкоста»). Самая рѣчь, по своему со-

---

[1]) Ипат. 428. По возвращеніи изъ похода Игорь помирилъ Владиміра съ отцомъ, отославъ къ послѣднему съ сыномъ своимъ Святославомъ (Ип. 428). Владиміръ Ярославичъ б. женатъ съ 1167 г. на дочери Святослава Всеволодовича Болеславѣ (Ип. 361 и 389).

[2]) По смерти Олега Святославича 1180 г., у Игоря оставался одинъ родной братъ—Всеволодъ.

[3]) Сравн. причитаніе Евдокіи по смерти мужа Дмитрія Ив.: «свѣте мой свѣтлый, чему помрачился еси» (П. С. Р. Л. IV. 353).

держанію, въ устахъ Игоря получаетъ гораздо болѣе естественности и полноты, чѣмъ въ устахъ Всеволода. Игорь, дождавшись Всеволода, молвитъ ему: «одинъ братъ, единый свѣтъ-свѣтлый ты *Игорю*[1]). Если-бы рѣчь принадлежала Всеволоду, то оставалось бы безъ поясненія — съ какой стати и *кому* былъ Игорь единымъ свѣтомъ-свѣтлымъ, а безъ этого поясненія «*единый* свѣтъ-свѣтлый» не имѣло-бы надлежащаго смысла. Всеволодъ-же является *для Игоря* свѣтомъ-свѣтлымъ въ противоположность солнцу, хотя и свѣтлому въ то время, когда Игорь взглянулъ на него, но имѣвшему на бо̀льшей части своего диска тусклый свѣтъ, подобно мѣсяцу[2]). Въ тревожную минуту, когда половцы со всѣхъ сторонъ обступили Игоревы полки, Всеволодъ стойкой защитой оправдалъ упованіе на него Игоря, «своимъ златымъ шеломомъ *посвѣчивая*». Здѣсь очевиденъ поэтическій противовѣсъ солнечному затмѣнію солнечной натуры Всеволода[3]). — «Уже, княже, Игорю *утрпѣ* солнцю-свѣтъ». Уже, князь, Игорю *постыло* солнечный свѣтъ (по моему переводу),—такъ выражается пѣвецъ при воззваніи къ князьямъ. Солнце снова полнымъ блескомъ засіяло на небѣ, когда Игорь возвратился изъ плѣна въ Сѣверщину:

«Солнце *свѣтится* на небеси,
Игорь князь — въ руской земли»...

Хотя Игорь также принадлежалъ къ солнечной системѣ, по Троянѣ, но съ минуты солнечнаго затмѣнія, имъ пренебреженнаго, его собственный свѣтъ началъ ослабѣвать, пока не померкъ совершенно въ каяльской битвѣ, и ему ничего болѣе не оставалось, какъ положиться на свѣтлую натуру своего брата, блиставшую до каяльскаго пораженія. Внѣ сферы солнечнаго затмѣнія (неполнаго) и произведеннаго имъ *на Всеволода* впечатлѣнія, вліянія которыхъ пѣвецъ вовсе не касается,

---

[1]) Ср.: «Одинъ есмь братъ съ Ярославомъ» (Нов. IV). Другого роднаго брата у Игоря тогда не было, ибо Олегъ Святославичъ ум. 16 янв. 1179 г.

[2]) «Игорь, возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць» (Ип. 431). «Солнце сотворися аки мѣсяць и изъ рогъ его яко огнь палящъ исхожаше» (Никон.). «Звѣзды видѣти яко и въ *нощы*» (Воскрес.).

[3]) Въ Волынской лѣтоп. сіяніе шеломовъ сравнивается съ солнечнымъ свѣтомъ: «Шеломы ихъ *яко солнцю* восходящю».

обращеніе Всеволода къ Игорю, какъ къ единому свѣту-свѣтлому, противорѣчило-бы нетолько засвидѣтельствованнымъ лѣтописью качествамъ Всеволода (онъ былъ «во Олговичехъ *всихъ удалье* можьственою доблестью»)[1], но и взгляду пѣвца на лѣствицу старшинства князей собственно Черниговскаго, Новгородъ-Сѣверскаго и другихъ, волости коихъ примыкали къ Новгороду-Сѣверскому,— своему политическому центру, и сосредоточивались подъ рукою Новгородъ-Сѣверскаго князя. Старшинство Игоря надъ Всеволодомъ отразилось и въ упрекѣ ихъ пѣвцомъ за пробужденіе половцевъ, и въ обращеніи къ нимъ Святослава въ золотомъ словѣ:

«Игорь и Всеволодъ уже лѣу убуди»..
«О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде»!..

Желая отомстить Игорю, Владиміръ Глѣбовичъ 1183 г. «иде на *Сѣверьскыѣ городы*». Собираясь на половцевъ, Игорь *призывалъ* («призва къ собѣ») брата Всеволода, племянника Святослава и сына своего Владиміра. Предъ походомъ онъ *обращался съ* такимъ *воззваніемъ къ братьи и дружинѣ* въ томъ же году: «Половци оборотилися противу рускимъ княземь, а мы безъ нихъ кушаимся на вежахъ ихъ ударити» (Ип. 427). Такъ и вообще предъ битвою воззваніе къ дружинѣ всегда лежало на обязанности старшаго князя—предводителя[2]. — Приведу, для сравненія съ воззваніями Игоря, образцовую рѣчь, сказанную войскамъ «славнымъ» Изяславомъ Мстиславичемъ предъ битвой съ Володиміромъ Галицкимъ 1152 г. «Изяславъ же рече дружинѣ своей: «братья и дружино! Богъ всегда рускы землѣ и рускихъ сыновъ въ безчестьи не положилъ есть; на всихъ мѣстѣхъ честь свою взимали суть; нынѣ же, братье, ревнуимы тому вси, у сихъ земляхъ и передъ чюжимы языкы дай ны Богъ честь свою взяти»... (Ип. 310).

---

[1]) По словамъ лѣтописца, онъ превосходилъ другихъ Ольговичей также «рожаемь, воспитаемь и возрастомъ» (Ип. 467).

[2]) Также точно на совѣщаніяхъ князей первое слово принадлежало старшему князю. Въ Долобскѣ, когда Мономахъ и Святополкъ расположились каждый съ своею дружиной, то Мономахъ сказалъ: — «Братъ, ты старѣй, скажи, какъ-бы намъ промыслить о русской землѣ».

2) Говорившій рѣчь Святославичъ дѣлаетъ особое ударе-ніе на *его курянахъ*, извѣстныхъ кметяхъ, составлявшихъ цвѣтъ его дружинъ. Лѣтопись не смѣшиваетъ курянъ съ *трубчанами*, такъ-же, какъ не смѣшиваетъ ихъ съ *путивльцами* и *переяславцами* (Ипат. 496, 503). Если мы прослѣдимъ, по лѣтописи, судьбу Новгородъ-Сѣверскаго княжества съ конца тридцатыхъ годовъ до исхода XII вѣка, то увидимъ, что Курскъ, извѣстный съ половины XI в. (житіе преп. Ѳеодосія), какъ главный городъ Сѣверской земли, когда о Новгородѣ-Сѣверскомъ не было еще и помину, и принадлежавшій сначала къ Переяславскому княжеству[1]), составлялъ почти за все то время, съ небольшими перерывами, съ Новгородомъ-Сѣверскимъ одну княжескую волость. — Хотя еще по Любечскому раздѣлу Курскъ былъ уступленъ Олегу Святославичу, вслѣдствіе чего Святославъ Ольговичъ называлъ его своей *отчиной*, но окончательно онъ перешелъ къ Ольговичамъ въ 1136 г., по распоряженію Ярополка Владиміровича, первоначально (въ 1127 г.), посадившаго туда Мстислава Изяславича (Лавр.). Въ 1139—1146 г. Новгородъ-Сѣверскій съ Курскомъ, Путивлемъ и Корачевымъ принадлежалъ Святославу Ольговичу, который еще въ 1137 г. ходилъ на Псковъ «съ Куряны» (Нов. I, 8) и которому былъ данъ, вѣроятно, Всеволодомъ Ольговичемъ послѣ уступки ему Кіева Вячеславомъ Владиміровичемъ 1138 г. Въ 1139 г. «Всеволодъ приведе брата изъ Курьска» (Лавр.). Въ 1141 г. «иде Святославъ Курьску, бѣ бо и Новѣгородѣ сѣдя Сѣверскомъ» (Ип. 221). Въ Курскъ онъ пріѣзжалъ изъ Чернигова «уставливать людей» (Ип. 233), а оттуда отправился въ Новгородъ-Сѣверскій. Въ 1146 г. Святославъ Ольговичъ, находясь въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ, далъ Курскъ съ Посемьемъ Ивану Георгіевичу (Ип. 236)[2]). Вся область Новгородъ-Сѣверская была затѣмъ отнята вел. княземъ кіевскимъ Изяславомъ Мстиславичемъ

[1]) Куряне надолго сохранили привязанность къ племени Володимерову, и отказывались поднимать руки на него (слова, сказ. Изяславу въ 1147 г.).

[2]) П. Голубовскій ссылается на уступку Курска Святославомъ Ольговичемъ *Глѣбу* Юрьевичу. Ист. Сѣверск. земли, стр. 132.

въ 1146 г. Онъ говорилъ Владиміру и Изяславу Давидовичамъ: «Чего еста хотѣла волости, то вама есмь изыскалъ,—ото Новгородъ и что Святославлѣ волости» (Ип. 239). Въ слѣдующемъ году Святославъ Ольговичъ безуспѣшно пытался отобрать Курскъ отъ Мстислава Изясл. (Ип. 250). Лѣтопись упоминаетъ объ опустошеніи Изяславомъ окрестностей Нов.-Сѣверскаго и сдачѣ ему Путивля (Кенигсб.). Вскорѣ (1151 г.) Святославу, при помощи Глѣба Юрьевича, удалось возвратить Курскъ: «Взяше градъ Курескъ, и тамо посажаше по всей земли курской намѣстники своя». Въ 1152 г. Святославъ Ольговичъ называется уже вел. княземъ Новгородъ-Сѣверскимъ (Ник.). Когда утвердился въ Кіевѣ Изяславъ Давыдовичъ (1158 г.), то Святославъ Ольговичъ получилъ Черниговъ, а Святославъ Всеволодовичъ всю Новгородъ-Сѣверскую область (Ип. 337). Въ 1161 г. Курскъ переданъ Святославомъ Олегу Святославичу Новгородъ-Сѣверскому (Ип. 351), а по смерти Олега удѣлъ его перешелъ цѣликомъ къ брату Игорю, въ 1179 г., и его потомкамъ—сыну Святославу и внуку Олегу, участвовавшему въ калкской битвѣ[1]). «Куряне и трубчане и путивльцы прибыли кыйждо со своими князьми . .Данилови и *Олговы Курьскому* крѣпко бившимся» (Ип. 497, тоже Лавр.). Въ 1231 г. приходилъ къ Новгороду съ другими князьями Святославъ Трубчевскій (Новг. I, 48) Если въ XII в. Курскъ сливался съ какимъ-либо удѣломъ Новгородъ-Сѣверскаго княжества, то скорѣе съ Рыльскимъ, отстоящимъ отъ Курска вдвое ближе Трубчевска. Если бы Курскъ входилъ въ составъ удѣла буй-тура Всеволода Святославича, то Всеволодъ и назывался бы Курскимъ, а не Трубчевскимъ, ибо Курскъ былъ несравненно важнѣе Трубчевска. Во всякомъ случаѣ Игорь, въ качествѣ старшаго Новгородъ-Сѣверскаго князя, вправѣ былъ считать Курскъ своимъ городомъ. Его были всѣ походные стяги, его было все ополченіе:

«Наведе *свои* храбрыя плъкы».

Правда, Всеволодъ Трубчевскій шелъ инымъ путемъ *изъ Курска* (Ип. 431), выступивъ изъ Трубчевска («Игорь *поима* съ собою Всеволода *изъ Трубецка*») но обстоятельство это, нисколько

[1]) Ип. 221, 236, 251, 268, 351, 415.

не устанавливая принадлежности Курска Всеволоду[1]), указываетъ только на *раздѣленіе* ополченія послѣ предварительнаго совѣщанія князей, вызванное, быть можетъ, тѣмъ, что Всеволодъ поджидалъ вспомогательные отряды черниговскихъ Куевъ, а Игорь ѣздилъ въ Путивль для свиданія съ женой.

3) По свидѣтельству лѣтописи, Игорь двинулся къ Осколу на челѣ *своихъ* дружинъ *съ конницей*, тогда какъ особо о коняхъ Всеволода, шедшаго по другому направленію изъ Курска, лѣтопись не упоминаетъ. Игорь, до прибытія Всеволода, говоритъ дружинѣ:

«А всядемъ, братіе, на свои бръзыя *комони*» . . .

Значитъ, стихъ, слѣдующій за предложеніемъ одного брата другому,—сѣдлать борзыхъ коней:

«А *мои* ти готови, осѣдлани у Курьска напереди»,

относится къ конямъ Игоревымъ,—тѣмъ болѣе, что и въ первомъ воззваніи къ дружинѣ, до соединенія съ братомъ, Игорь предлагалъ дружинѣ сѣсть на борзыхъ коней (Слово), а находясь въ плѣну, съ особеннымъ сожалѣніемъ вспоминалъ о потерѣ *коней*: «гдѣ кони и оружья многоцѣнная?». Куряне-конники[2]) составляли ядро Игорева ополченія, и рыданія русскихъ женъ, оплакивавшихъ, послѣ каяльской битвы, смерть своихъ мужей, всего громче раздавались на Посемьѣ (берега Сейма), т. е. въ Курскѣ и его окрестностяхъ, ибо «Коза молвяшеть: пойдемъ *на Семь, ідѣ ся осталѣ жены и дѣти*, — готовъ намъ полонъ собранъ» (Ип. 435).—Поэтому я читаю:

«Игорь ждетъ мила-брата Всеволода,
И рече ему:—буй тур(е) Всеволод(е)»...

Такъ, несомнѣнно, читалъ и авторъ сказанія о Задонщинѣ. Въ ней рѣчи княжескія онъ разбиваетъ на двѣ части, распредѣляя ихъ: а) между двумя Ольгердовичами—Андреемъ Полоцкимъ и Дмитріемъ Трубчевскимъ[3]) и б) Дмитріемъ Иванови-

---

[1]) М. Погодинъ въ спискѣ князей курскихъ правильно не помѣстилъ Всеволода Святославича (Древн. Русск. Ист., т. II, стр. 49).

[2]) Обсуждая планъ отступленія, Игорь говорилъ: «лучьшии конници переберуться» (Ип. 432).

[3]) Объ нихъ см. Stadnicki: Bracia Wladisl. Jagelly, стр. 16 — 35, и Wolff: Rod Gedimina. 1886 г., стр. 88 и 89.

чемъ и Владиміромъ Андреевичемъ. Въ обоихъ случаяхъ начинаетъ говорить *старшій* князь, т. е. Андрей Ольгердовичъ и Дмитрій Ивановичъ. «Въ литовской землѣ молвяше *Андрей Ольгердовичь* своему брату: брате Дмитрій! *сами есмы собѣ два брата*... сынове Олгердовы».—Далѣе: «И говоритъ ему (Владиміру) князь великій *Дмитрій Ивановичь*: «брате, Владиміръ Андреевичъ! сами есмы внуки в. князя Владиміра кіевскаго». — Вмѣсто «свѣтъ-свѣтлый *Игорю*» можно-было сказать: свѣтъ-свѣтлый *Игореви*, какъ въ стихѣ: «*Игореви* - князю Богъ путь кажетъ» (сравн.: «рече Гзакъ *Кончакови*»)[1], но въ Словѣ мы неоднократно встрѣчаемъ и другую форму дательнаго падежа—«*Игорю*». Такъ: «*Игорю* утрѣпе солнцю - свѣтъ»,—«князю *Игорю* небыть кликну»,— «слава *Игорю*», — форму, усвоенную, вѣроятно, переписчиками, которая употребляется авторомъ Слова, какъ нормальная, въ звательномъ падежѣ:

«О, моя сыновча, *Игорю* и Всеволоде!»
«Донецъ рече: княже-*Игорю*!»

Такимъ образомъ, подрывается предположеніе И. Жданова[2]), старавшагося доказать пропускъ въ Словѣ обращенія *Игоря* къ Всеволоду, опровергнуть совершенно правильное мнѣніе Максимовича и Огоновскаго о томъ, что стихъ:

«Игорь ждетъ мила брата Всеволода»...

касается свиданія братьевъ при р. Осколѣ, и отнести встрѣчу эту къ предшествовавшему времени, слѣдуя показанію Лаврентьевскаго свода: «И *сняшася* у Переяславля Игорь съ *двѣмя* сынома изъ Новагорода-Сѣверского, исъ Трубѣча Всеволодъ братъ его, Ольговичъ Святославъ изъ Рыльска и черниговьская помочь» (стр. 367 и 377).—П. Голубовскій, при разборѣ мнѣнія Аристова о переходѣ Игоря къ р. Осколу, отвергаетъ предварительное о походѣ совѣщаніе князей около Переяславля[3]), но ему не удалось поколебать достовѣрность лѣтописнаго сви-

[1]) И. Ягичъ полагаетъ, что эта форма свойственна югу и юго-западу Россіи. Зам. по ист. рус. яз., стр. 107.

[2]) Литература Слова. Кіевъ, 1880 г., стр. 48—51.

[3]) Печенѣги, Торки и Половцы (Кіев. унив. изв. 1883 г., стр. 325 и 326 прим.). По мнѣнію Голубовскаго, Игорь шелъ по правой сторонѣ Сѣв. Донца и переправился близъ зміевскаго городища.

дѣтельства, имѣющаго, быть можетъ, связь со словами, сказанными предъ походомъ Игоремъ и Всеволодомъ и поставленными имъ въ укоръ княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ:

«Нъ рекосте: мужаимъся сами»,
«Преднюю славу сами похытимъ, а заднюю си сами подѣлимъ»

Болѣе опредѣленныя указанія имѣются въ Словѣ о сборѣ войскъ въ Путивлѣ, по сосѣдству съ Переяславской землей:

«Стоятъ стязи въ Путивлѣ»...

Всѣ Новгородъ-Сѣверскія земли тяготѣли къ Чернигову, какъ къ своему стольному городу, а чрезъ него—къ Кіеву. Совокупность ихъ пѣвецъ объединяетъ въ *землю русскую*, называя землей русской, или же русичами, т. е. русскими сынами, все Игорево ополченіе, собранное изъ разныхъ мѣстностей кіевскаго княжества. Посемье съ Курскомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ постоянно зовутся волостью Черниговскою[1]) (Ип. 435 и др.). Святославъ Всеволодовичъ, утвердившись *въ Черниговѣ*, говорилъ Олегу въ 1164 г.: «а брата ти *надѣлю* Игоря и Всеволода» (Ип. 358). Мстиславъ Изяславичъ посылалъ ко всѣмъ Ольговичамъ въ *Черниговѣ*, когда они были въ его волѣ (Ип. 368). Въ борьбѣ съ Ростиславичами изза Кіева, 1174 г., Святославъ Всеволодовичъ имѣлъ подъ рукою болѣе 20 князей, «всихъ бяше *старѣй*» (Ип. 391). Въ 1180 г. Святославъ Всеволодовичъ молвилъ братьѣ своей: «Вотъ я старше Ярослава (Всеволодовича Черниговскаго), *ты, Игорь, старѣе Всеволода* (Святославича), нынѣ я вамъ *въ отца мѣсто* остался, велю тебѣ, Игорю, здѣсь остаться съ Ярославомъ, блюсти Черниговъ и всю волость свою». (Ип. 418)[2]). Вотъ почему въ Словѣ Игорь и Всеволодъ обращаются къ старику Свято-

[1]) Нельзя согласиться съ мнѣніемъ В. Сергѣевича, что *коренная* русская земля есть исключительно земля *полянъ* (Юридич. древности, стр. 84). Считая яснымъ, что *Черниговская* волость не составляла въ полов. XII в. части русской земли, онъ основывается на переданныхъ лѣтописцемъ словахъ князей Вячеслава и Изяслава, но вѣдь еще въ 1026 г. Ярославъ и Мстиславъ «раздѣлиста по Днѣпръ *русскую землю*», да и договоры съ греками, и Правда Русская, не однихъ полянъ, конечно, разумѣетъ подъ именемъ русиновъ.

[2]) Въ 1181 г. Рюрикъ Ростиславичъ уступилъ Святославу «старѣйшинства и Киева, а собѣ взя всю рускую землю». Однако лѣтописецъ не перестаетъ величать Рюрика великимъ княземъ (Ип 426), называя въ то-же время великимъ княземъ и Святослава (426, 427 и 430).

славу, какъ къ *отцу*, а послѣдній обращается къ нимъ, какъ къ своимъ *сынкамъ*. Богъ указывалъ Игорю путь съ береговъ р. Тора «къ *отню* злату столу». Авторъ Слова говоритъ о забвеніи Всеволодомъ нетолько города Чернигова, но и *отня* злата стола. Игорь и Всеволодъ пробудили лжу, которую усыпилъ *отецъ* ихъ (Святославъ). Такъ-же точно относился къ Святославу кіевскому и Владиміръ Глѣбовичъ, говорившій ему, въ 1183 г.: «пусти мя, *отче* Святославе, напередъ съ сторожи» (Ипат., Лавр. подъ 1185 г.). — Полная зависимость Новгородъ-Сѣверскихъ удѣловъ отъ Чернигова, сдѣлавшагося центромъ особаго обширнаго княжества съ 1024 г., послѣ побѣды Мстислава надъ Ярославомъ I-мъ, рѣзко отмѣчена въ четырехъ мѣстахъ Слова: а) въ упрекѣ, сдѣланномъ Игорю и Всеволоду вел. княземъ Святославомъ, что они пренебрегли могуществомъ брата его Ярослава, сильнаго своими *черниговскими* былями[1]), у котораго *испросили*, по выраженію лѣтописи, въ помощь *однихъ* лишь Куевъ съ воеводою Олстиномъ; б) въ прославленіи пѣвцомъ доблестной защиты отступавшаго ополченія яръ-туромъ Всеволодомъ:

«Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота[2])
И града *Чернигова*... отня злата стола»...

---

[1]) Д. Бѣляевъ подъ *былями* разумѣлъ древніе Сѣверскіе роды (Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ. Врем. М. О. И. и др. 1850 г., кн. VIII). Многіе позднѣйшіе изслѣдователи, въ томъ числѣ Е. Барсовъ и И. Срезневскій, считаютъ былей вельможами. Въ западно-русск. актахъ подъ былями разумѣются просто *обыватели*. Напр.: «маютъ быти люди ту *бѣлые* и оселые» А. Ю.-З. Рос. ч. VI, т. I, стр. 539.

[2]) Въ этомъ стихѣ я принимаю «*раны*» за родит. падежъ отъ *рана* въ знач. *гибели* или пагубы, примѣровъ коего очень много. «*Дорога*» только и можетъ означать *дорду* (ср. «неготовами *дорогами*» и «*драныя* оксамиты» въ Словѣ). Всеволодъ прикрывалъ *отступленіе* русскихъ полковъ, и подъ конецъ очутился въ такомъ положеніи, что Игорю *жаль* было его, по выраженію Слова. Авторъ *соболѣзнуетъ*, восклицая: Какая *пагубная* (пагубы) дорога — (предстояла) забывшему честь и жизнь... Всеволодъ дрался до *самозабвенія*, «яко и оружья въ руку его не доста», при гибельномъ отступленіи. Лѣтописецъ разсказываетъ, что при продолжительномъ отступленіи пѣшимъ строемъ «*многи ранени и мертви быша въ полкахъ* руских»... «Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и *проси души своей смерти*, яко да бы не видилъ *паденья* брата своего». Всеволода схватилъ Романъ Кичь въ то время, какъ онъ отбивался съ дружиной, «*идуще* вкругъ при езерѣ» (Ип. 433). Отчаянная защита Всеволодова *не могла подать* повту повода къ разсужденію о *тяжкости* половецкихъ ранъ.

Въ Чернигове-же Всеволодъ былъ погребенъ (1196 г.); в) въ томъ, что захватъ половцами посульскихъ городовъ («по Сулѣ грады подѣлиша») нанесъ ударъ и Чернигову («въстона *Чернигову* напастьми»), такъ-же, какъ захватъ поросскихъ городовъ причинилъ тяжкое горе Кіеву («въстона Кіевъ тугою»); г) въ сравненіи Игоря и Всеволода съ *столпами* («оба багряная стлъпа погасоста»)[1]). Они были столпами (опорой) Черниговскаго княжества[2]). Хотя, говоря о помраченіи двухъ солнцъ, объ угашеніи обоихъ столповъ, пѣвецъ не означаетъ ихъ собственныя имена, но въ этихъ солнцахъ-столпахъ не трудно угадать главныхъ героевъ похода, ибо послѣдствіе это пріурочено къ каяльской битвѣ. Съ ними погасли и молодые мѣсяцы[3]), т. е. солнечные *спутники* — Владиміръ Игоревичъ, 12 лѣтній[4]), и Святославъ Ольговичъ 18 лѣтній[5]), — вопреки распространенному мнѣнію, что молодые мѣсяцы—*только* Олегъ и Святославъ, которые «тьмою ся поволокоста»,—побуждающему многихъ, по подозрѣнію описки въ имени, опрометчиво подставлять Владиміра вмѣсто Олга (Грамматинъ, Максимовичъ и др.). Дѣло въ томъ, что молодые мѣсяцы—*также* Олегъ-Павелъ и Святославъ-Андреянъ, *сыновья Игоря*[6]). Они участія въ самомъ походѣ не принимали, какъ это доказывается заключительными стихами Слова, предложеніемъ пѣть славу *Владиміру* Игоревичу, возвратившемуся изъ половецкой земли въ 1187 г. (Ип. 443), съ умолчаніемъ объ остальныхъ сыновьяхъ Игоря, и занесенными въ лѣтопись: а) словами самого Игоря о его раскаяніи: «Гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ, гдѣ нынѣ брата моего

---

[1]) Столпы — радугообразныя сіянія. Такъ въ 1141 г., при погребеніи Андрея Владиміровича въ Переяславлѣ, «на небеси быша три солнца съяюче межи собою, а столпы три стоящи отъ земли до небеси» (Ип. 221).

[2]) Ср.: «*Черниговцемъ* пріѣхавшимъ и Кияномъ и Смолянномъ и инѣмъ странамъ» (Ип. 495). «*Черниговская сторона*» (Ип. 417). «*Черниговскія страны*» (Ип. 515). Въ Словѣ: «*Страны* ради, гради весели».

[3]) Мѣсяцъ попольски—xiężyc.

[4]) Владиміръ—Петръ Игорев. род. 8 октября 1173 г. (Ип. 383). Уже въ 1183 г. онъ съ отцомъ принималъ участіе въ походѣ на половцевъ (Ип. 427).

[5]) Святославъ-Борисъ Ольговичъ род. 1167 г. (Ип. 360).

[6]) Родились: первый 1175 г., второй 1177 г. (Ипат. 407 и 409). У Игоря была еще дочь, отданная въ 1190 г. за внука Святослава, Давида Ольговича (Ип. 409).

сынъ, гдѣ *чадо рожденія моего*»? и б) словами Святослава Всеволодовича Давиду Смоленскому: «Половци побѣдилѣ Игоря и брата его (съ) *сыномъ*» (Ип. 434, 435). Но охватившая всю Сѣверскую область тьма не могла, конечно, не задѣть Олега и Святослава, не бросить и на нихъ тѣни. — Такимъ образомъ предположеніе А. Смирнова, что Олегъ Игоревичъ погибъ въ походѣ, оказывается неосновательнымъ[1]). Судьба его неизвѣстна, Святославъ-же[2]), вмѣстѣ съ Романомъ и Ростиславомъ Игоревичемъ, родившимися по возвращеніи Игоря изъ плѣна, были, изъ мести за избіеніе 500 галицкихъ великихъ бояръ, повѣшены въ Галичѣ, съ женами и дѣтьми своими, около 1208—1211 г. — Главному герою похода Игорю—Георгію было въ 1185 г. 34 года, такъ какъ онъ родился въ 1151 г. (Ипат. 292). Въ Новгор. I лѣтоп., подъ 1214 г., замѣчено: «Всеволодъ Святославичъ Черный, правнукъ Ольговъ, изгналъ внуковъ Ростиславлихъ изъ Руси, говоря: брата моя есте два князя повѣсили вы въ Галици, яко злодѣя, и положили есть укоръ на всѣхъ, и нѣту вамъ чести въ русьской земли».

Чтобы уразумѣть всю суть Святославова мутнаго сна и отыскать нити, связующія его съ ходомъ историческихъ событій, надо прежде всего очистить текстъ разсказа сообразно съ особенностями живого языка Слова и той поэтической обстановкой, при которой сонъ имѣлъ мѣсто.—Пѣвецъ относитъ сонъ къ пребыванію Святослава *въ Кіевѣ:*

«А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ».

Вѣщій характеръ сна[3]) и объясненіе боярами всѣхъ *наступив-*

[1]) Слово о Полку Игоревѣ. 1177 г., стр. 105 и слѣд.

[2]) Онъ женился на Ярославѣ Рюриковнѣ 1187 г. (Ипат. 443).

[3]) *Проявленія* во снѣ знаетъ наша лѣтопись. Таковы сны: князя Мала (о приходѣ Ольги въ жемчужной одеждѣ съ чернымъ покровомъ и т. д.); Новгородскаго епископа Нифонта, выдѣнный имъ въ 1156 г., за три дня до смерти (о свиданіи съ преподобн. Ѳеодосіемъ на мѣстѣ князя Николы Святоши) и предсказаніи Ѳеодосіемъ скорой кончины епископа (Никон.). Иностранныя хроники повѣствуютъ о нашемъ Романѣ Мстиславичѣ, что предъ Завихостской битвой, въ которой его убили, онъ видѣлъ зловѣщій сонъ: прилетѣли щеглы и побили воробьевъ. — Аѳанасьевъ и Буслаевъ приводятъ пѣсни, содержаніе которыхъ составляетъ вѣра въ сонъ. Въ одной изъ пѣсенъ признакомъ нехорошаго сна, какъ и въ Словѣ, является *разрушеніе хоромины* (Арх. Ист. юридич. свѣд. кн. III, отд. VI).

ших послѣдствій Игорева пораженія, въ чемъ, какъ увидимъ, не можетъ быть сомнѣнія, по соотвѣтствію объясненія съ разсказомъ Святослава о своемъ сновидѣніи, удостовѣряютъ, что сонъ былъ разсказанъ Святославомъ не ранѣе того, какъ онъ узналъ о пораженіи Игоря, и что, слѣдовательно, между временемъ объясненія Святославова сна и временемъ возвращенія Игоря изъ плѣна прошелъ весьма незначительный промежутокъ. По лѣтописи, подробности Игорева похода впервые сообщилъ Святославу, въ *Черниговѣ*, нѣкто Бѣловолодъ Просовичъ. Тогда Святославъ «утеръ слезъ своихъ и произнесъ: «О, возлюбленные мои братья и сыны, и мужи земли русской! Далъ мнѣ Богъ укротить поганыхъ, но вотъ, по увлеченію молодости, — отворили ворота въ русскую землю. На все да будетъ воля Господня. И какъ пенялъ я на Игоря, такъ теперь еще болѣе скорблю я по Игорѣ, — братѣ моемъ». Рѣчь эта, видоизмѣненная и распространенная пѣвцомъ, помѣщена въ Словѣ вслѣдъ за Святославовымъ сновидѣніемъ и сказана, когда Игорь и Всеволодъ находились въ плѣну, по прибытіи Святослава чрезъ Новгородъ-Сѣверскій къ Чернигову на пути изъ Корачева, куда онъ ѣздилъ собирать войска для предположеннаго похода на половцевъ къ Дону. Нападеніе на Русь Кончака и Гзы, незадолго до возвращенія Игоря изъ плѣна,

«По руской земли прострошася половци»...

объяснено боярами дьявольскимъ навожденіемъ:

«Уже връжеся Дивъ на землю»...

Опустошивъ русскую землю и захвативъ, по обыкновенію своему, *множество плѣнныхъ*[1]), половцы возвратились въ Лукоморье (Ип. 437). Вслѣдъ затѣмъ вырвался изъ плѣна Игорь, который, по совѣту думцевъ своихъ, воспользовался *отсутствіемъ половецкихъ полковъ*,—«уполошася приѣзда ихъ» (Ип. 438), «малу времени минувшу послѣ каяльской битвы» (Лавр.). Случилось это *осенью* 1185 г., когда деревья не по добру обнажились отъ листьевъ:

«А древо не бологомъ *листвіе срони*».

---

[1]) Кза, предлагая Кончаку идти на Сеймъ, говорилъ, что тамъ «готовъ *полонъ* собранъ, емлемъ же городы безъ опаса».

Можно почти навѣрное сказать, что тогда былъ *листопадъ*—октябрь. Угнетенное психическое состояніе Святослава, изображенное въ «снѣ» [1]), и вызванное прискорбными вѣстями чрезъ Бѣловолода, достигло крайней степени, когда, по взятіи половцами Римова, испытавъ рядъ страшныхъ неудачъ, изъ коихъ главною слѣдуетъ считать безуспѣшную, по винѣ смольнянъ, экспедицію для спасенія Ярославова зятя [2]), доблестнаго Владиміра Глѣбовича, князья русскіе, предводимые Святославомъ, «возвратишася въ домы своя, бяхуть бо *печални* и со сыномъ своимъ Володимѣромъ Глѣбовичемъ, зане бяшеть раненъ велми язвами смертьными и *хрестьянъ плененыхъ* отъ поганыхъ» (Ип. 437). Сновидѣніе Святослава едвали совпадаетъ съ моментомъ прибытія его въ Кіевъ предъ посылкой въ Посемье силъ для усмиренія мятежа (Ип. 435) и выступленіемъ затѣмъ съ подручными князьями по Днѣпру на-встрѣчу половцамъ. «Князь Святославъ посла по князи и собрашася къ нему къ Кыеву». (Лавр.). По поэтическому представленію пѣвца, Святославъ видѣлъ тревожный сонъ гораздо ранѣе упомянутаго прибытія своего въ Кіевъ, и именно, какъ надо полагать, непосредственно предъ походомъ Игоря и поѣздкой своей въ Корачевъ, когда возвратился *восвояси* послѣ побѣды надъ половцами съ Рюрикомъ Ростиславичемъ (Ип. 430). Кажется, всего естественнѣе было Святославу разсказать сонъ вслѣдъ за полученіемъ неблагопріятнаго извѣстія объ Игорѣ. По крайней мѣрѣ и сонъ, и золотое слово, тогда произнесенное, помѣщены одинъ за другимъ. Что-же касается *объясненія* сна, то если оно и зиждется на дѣйствительномъ фактѣ, то неподлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что изложеніе его есть плодъ творчества самого автора повѣсти. Это объясненіе, по своему содержанію и поэтическому колориту, вполнѣ гармонируетъ съ другими частями повѣсти. Оно въ такой степени проникнуто

---

[1]) Содержаніе сна само по себѣ свидѣтельствуетъ о подавленномъ состояніи духа Святославова, но это какъ-будто отражается и въ первомъ стихѣ объясненія сна боярами,—хотя угнетеніе ума («туга умъ полонила») бояре переносятъ и на Игоря, по поводу происходившей въ его душѣ борьбы предъ движеніемъ въ половецкія степи.

[2]) «Отда Ярославъ дчерь свою за Володимера за Глѣбовича, Переяславлю, 8 нояб. 1179 г.» (Ипат. 415).

личной идеей пѣвца, что, приписывая его боярамъ, онъ самъ какъ-бы является ихъ душою, самъ за ними скрывается и самъ за нихъ говоритъ. Потому-то изслѣдователи всегда затруднялись обозначить конечную границу толкованія сна боярами,—хотя очевидно, что оно завершается стихомъ:

«А мы уже, дружина, жадни веселья»,—

ибо, во 1-хъ, какъ я сказалъ, толкованіе сна должно отвѣчать всему его содержанію, и, во 2-хъ, сожалѣніе объ отсутствіи радостныхъ впечатлѣній выражено не лично отъ пѣвца, съ обычнымъ его обращеніемъ къ братіи (т. е. *къ дружинѣ*), но *отъ представителей дружины* въ лицѣ входившихъ въ ея составъ бояръ.

Слова: «въ Кіевѣ на горахъ»[1]) считаю принадлежащими не Святославу, а пѣвцу, вопреки мнѣнію Огоновскаго и др., такъ какъ: 1) въ устахъ Святослава указаніе на мѣсто сна—горы кіевскія, было-бы лишнимъ повтореніемъ, въ виду сдѣланнаго имъ указанія на разрушеніе крыши въ его теремѣ златоверхомъ, извѣстно гдѣ находившемся; 2) начальный стихъ первой половины Святославова разсказа о сновидѣніи, по моему чтенію:

«Си ночь съ вечера одѣвахъ тьма»...

долженъ, по складу своему, согласоваться съ начальнымъ стихомъ второй половины того разсказа:

«Всю нощь съ вечера»...

3) Стихъ, переходный къ разсказу Святослава о сновидѣніи, со включеніемъ словъ: «въ Кіевѣ на горахъ», обличаетъ пріемъ пѣвца при сравненіи съ запѣвомъ въ плачѣ Ярославны:

«Ярославна рано плачетъ *въ Путивлѣ на забралѣ*»...

Сонъ распадается на двѣ части: Въ первой символическіе признаки постигшаго кіевскаго князя и всю Русь великаго горя выражаются: въ одѣваніи княземъ, ночью, своего темени[2])

---

[1]) Сравн.: «Воспитана бысть *въ Кыевѣ на горахъ*» (Ип. 474).

[2]) Читаютъ обыкновенно «одѣвахъте». Если-бы *одѣвали*, то стояло-бы *одѣваста*. Сравн.: «одолѣсте», «проліясте», «створисте», «рекосте» въ златомъ словѣ Святослава. Въ Новг. II лѣтоп. двѣ формы: *тьма* и *тма* (стр. 147).

черною пелевою [1]), въ насыпаніи князю на нѣдро (лоно), пустыми колчанами поганыхъ помощниковъ (половцевъ), крупнаго жемчуга (слезы) [2]), въ угощеніи его синимъ виномъ съ примѣсью труда и въ исчезновеніи кнѣса [3]) теремнаго, означающемъ полетъ двухъ соколовъ—Игоря и Всеволода—въ половецкія степи, отъ котораго раскрылись половцамъ ворота въ Русь. *Одѣваніе темени черными* покровомъ соотвѣтствуетъ, въ объясненіи бояръ, плѣненію ума кручиной и распространенію по русской землѣ *тьмы*, какъ послѣдствія пренебреженія Игоря къ солнечному затмѣнію, и, можетъ быть, восторгу готскихъ *дѣвъ*.—«*Темно* бѣ»,—«*тьмою* ся *поволокоста*»,—«*тьма* свѣтъ *покрыла*» [4]). «*Нѣювали*» князя не люди, какъ полагаютъ [5]), по *доски*. Слѣдуетъ читать:

«И нѣгуютъ мя уже дьскы безъ кнѣса»...

Нѣгуютъ—*упокояютъ*, покоютъ. *Покои* Святослава начали разрушаться и самъ онъ обратился въ *покойника*. Лежачее положеніе Святослава на *кровати тисовой*, смѣшанное съ *трудомъ синее вино*—ничто иное, какъ гибельный походъ [6]) къ *синему* Дону, *синему* морю, обманутая надежда испить шеломомъ синяго Дону и сопровождавшееся плачевнымъ пораженіемъ Игоря *кровопролитіе*, которое пѣвецъ уподобляетъ *пированью кровавымъ виномъ*:

«Ту кроваваго вина не доста,
Ту пиръ докончаша храбріи русичи...
Сватовъ попоиша, а сами полегаша»...

---

[1]) Ср. у иконъ, напр., «*предполы*, рекше пелены» (Лав. 1231).

[2]) «*Слезы* его лежачи на скранью его, яко *жемчюжная верна*» (Ип. 364).

[3]) По точному опредѣленію И. Забѣлина, *кнѣсь* (князь, конекъ)—соединеніе кровельныхъ скатовъ на вершинѣ въ одно ребро. Кровля терема устраивалась въ видѣ колпака, шатра, палатки (Черты самобытности въ русск. зодчествѣ. Древн. и Нов. Россія, 1878 г.).

[4]) Ср. стихъ: «Уже пустыни силу *прикрыла*».

[5]) Напр., Павскій ошибочно перевелъ: *шутили* (половцы). Другіе: «нѣгуютъ» переводятъ—умиляютъ, утѣшаютъ, и ставятъ послѣ «мя» точку. Плохое тутъ было утѣшеніе для Святослава.

[6]) Трудъ—воинское дѣло — пожалуй, въ устахъ Святослава можетъ имѣть еще и другой смыслъ—травянаго снадобья (graciola officinalis). Ad. Krasinski, упустивъ изъ виду главное значеніе труда, перевелъ: «Ziolami (зельемъ) sine wino zaprawili» (Piesn o Polku Igora, 1856).

Лежаніе мертвыхъ русичей на кровью политой землѣ напоминаетъ ту *кровать* (окровавленную траву), на которую притрепанъ былъ Изяславъ Васильковичъ *литовскими* мечами, и смертный одръ Бориса Вячеславича—постель изъ зеленой паполомы—полога. *Тисовая* кровать Святослава—не *тесовая*[1]) и не сдѣланная изъ *тиса*[2]), но *тисовою цвѣта*. Тисъ всегда называется *жемчужнымъ* или *перловымъ* — taxus *baccata*. Въ западно-русскихъ актахъ различается *тисовый* цвѣтъ, *тисовая* масть. Виленская археогр. коммисія, въ прилож. къ XVIII т. изд. ею актовъ алфавитномъ указателѣ, сочла тисовую масть за *гнѣдую* (стр. 576), но съ этимъ согласиться нельзя, ибо въ томъ-же самомъ актѣ, на который она ссылается, говорится о *гнедомъ* быкѣ (стр. 143 и 144). Въ т. VI, ч. 1, арх. ю.-з. Россіи упоминается о *тисавомъ* конѣ рядомъ съ карымъ и *гнедымъ* (стр. 316). Потому заключаю, что *тисовый* есть *перловый*. Тисовый цвѣтъ кровати гармонируетъ съ посыпаніемъ на грудь великаго *жемчуга*, что̀ знаменуетъ, по объясненію бояръ, наступившее въ Руси *бусово* время, радостно воспѣтое готскими красными дѣвами. Бусый—сѣрый, *смурый* (Даль). Перлы называются бусами очевидно по своему цвѣту. Форма *бусово* образовалась такъ-же, какъ напр. «*сизовый*»[3]). «Время бусово», по моему переводу—*смурое, пасмурное,* ненастное, сѣрое для Руси, или *непогодье:*

«Уже бо, братіе, не весела *година* въстала»...
«... *Годины* ся обратиша»...[4])

---

[1]) Сравн. «камень *тесаный*,—древо *тесаное*» (Ип. 509—564).

[2]) По однимъ—*кипарисъ*, по другимъ—*кедръ*. Въ церковн.-слав. *тисъ*. Областное назв. тиса—негной, зеленица (А. Будиловичъ).

[3]) «Шапка кумыцкая *сизова*».—«Епанча сукна *сизово*» (Акты Воронеж. кн. I, стр. 117).

[4]) Ср. церковн.-слав. *пасмоурьнъ*.—«Рюрикъ, видѣ свое *непогодье*, отъиде» (Лавр. 1206 г.). О сродствѣ идеи *непогоды и года* см. соображенія И. Срезневскаго (Изв. Акад. наукъ VIII, 217). Въ былинахъ:

«Грабятъ *бусы* галеры, разбиваютъ *черленыя* корабли».
«А и быстры рѣки разливалися,
Топятъ много *бусы* корабли».

См. Ѳ. Буслаева. Историч. Христом., стр. 1476, и его-же: «О вліяніи христіанства на слав. яз., стр. 36. Хотя *бусами* и назывались извѣстнаго устройства суда (см. Словарь И. Срезневскаго), но здѣсь идетъ рѣчь, кажется мнѣ, о бусыхъ галерахъ, *бусыхъ* корабляхъ, т. е. *сѣрыхъ*, чего, повидимому, Ѳ. Буслаевъ не признаетъ.

Засимъ должны прекратиться толки о мнимомъ половецкомъ ханѣ Бусѣ (Ор. Миллеръ и др.) и о князѣ славянъ и антовъ Боксѣ или Бусѣ, разбитомъ, по Іорнанду, королемъ остроготовъ Винутаромъ въ 378 г. (А. Кухарскій, О. Огоновскій и др.).

Вторая часть сна какъ-бы подтверждаетъ свидѣтельство лѣтописца, что проявленія во снѣ бываютъ также звѣрьми и птицами (П. С. Р. Л., IV, 332). По продолжительности карканья вороновъ, она довольно точно, въ общихъ чертахъ, обозначаетъ время начавшагося погрома русскихъ полковъ (вечеромъ въ субботу), продолжавшагося *всю ночь* до воскресенья[1]),

«*Съ вечера до свѣта* летятъ стрѣлы каленыя»...

и предсказываетъ упомянутыя пѣвцомъ ранѣе —

«А въстона ... Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми»...

несчастныя послѣдствія пораженія Игоря вплоть до возвращенія его изъ плѣна, побѣдоносное вторженіе въ русскія области половцевъ, причиненныя ими бѣдствія, захватъ городовъ по Рси и по Сулѣ, страданія русскаго народа и возвращеніе ихъ съ богатой добычей къ Лукоморью.

«Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху
Оу плѣсньска на болони, бѣша дебрь кисаню,
И нес(л)о шлю(хъ) къ синему морю».

Босуви — босые или *пѣшіе*. При побѣгѣ изъ плѣна Игорь, соскочивъ съ замученнаго коня, побѣжалъ *босымъ* волкомъ, по лѣтописи—*пѣша*[2]). *Плѣснескъ* ничего общаго не имѣетъ съ лѣтописнымъ городомъ Плѣсньскомъ или Прѣснескомъ[3]). Съ *плѣ-*

---

[1]) По лѣтописному описанію каяльской битвы можно полагать, что паника объяла русскіе полки, когда Игорь получилъ рану. Всю *ту дньлу* (субботу) они бились *крѣпко до вечера*. По полученіи Игоремъ *раны* «*бысть печаль велика* въ полку его. Наставши же *нощи* суботнии, и поидоша *бьючися*».— Битвы нерѣдко продолжались цѣлую ночь; напр. въ 1213 г. «*всю нощь* бистася» (Ип. 491).

[2]) Ср. въ Ипат.: «прибѣже Ростисл. нагъ и босъ» (стр. 579). Босой волкъ — тоже, что голый». «Явися въ Смололеньскѣ *волкъ голъ*, люди ѣхъ» (Воскр., стр. 252). *Босва, босовь—ступня* (Даль).

[3]) О гор. Плѣснескѣ (нынѣ монастырь на Плѣсенскѣ у. с. Подгорицъ), см. ст. И. Шараневича въ Зорѣ. Львовъ, 1870 г., кн. 2.

снескомъ (на болонья — прирѣчной низменности или заливномъ лугу) соединяется понятіе о мѣстѣ, покрытомъ *плъсенью* (плѣсьскъ) или *тиною*, трясиною, образующеюся по пологимъ берегамъ рѣки, изгибы или колѣна которой, по преимуществу, называются *плесами* или *омутами*[1]). *Бѣша*, какъ справедливо полагалъ Ф. Миклошичъ, а занимъ кн. Вяземскій, — дѣеприч. отъ глагола *бѣсити—остервенять*[2]). *Дебрь кисаню* — буквально *юдоль квашную* или *плачевную*. На живомъ народномъ языкѣ *киснуть*, кисляниться, кислиться, *кваситься* (въ Курск. губ.) значитъ *плакать*[3]). Къ синему морю несло *шлю(хв)*. По обоимъ спискамъ (Пушк., Екатер.), въ глаголѣ «нес(л)о» опущенъ звукъ *л*, но такое опущеніе свойственно живому народному языку[4]). Въ двухъ стихахъ утраченной рукописи Слова буква *х* или была пропущена, или была написана крайне неразборчиво. Это видно изъ Екатерининской копіи, по изданію Симони:

«Отъ желѣзны(хъ) великихъ полковъ половецкыхъ»,..

«Стлавшу ему зелену траву на свои(хъ) сребреныхъ брезѣхъ»[5]).

Шлюхами, по объясненію снотолкователей, являются готскія дѣвы, спѣшившія къ лукоморью подбирать насыпанное въ битвѣ на берегу Каялы золото—

«Русскаго злата насыпаша»,

которымъ они и забрякали:

«Въспѣша на брезѣ синему морю,
Звоня рускимъ златомъ».

---

[1]) Плесо, плеса, (Рус., Словацк., Чешск.). Ср. *плеса*—ступня, и *плашь*—хорут. pleša, plešina, словацк. plešina, чеш. ples.

[2]) Сравн.:—«*Рища*».—«*Скача*»—«*Мечa*» (бремены).

[3]) Толковый словарь Даля.—Годи тобѣ, жинка, *киснути* (Словарь малорус.-червонорус. Пискунова). Дебрь — долина, сравн. «*удолъ*» (Ипат. 512). «Дебрь *глубокая*» (Ип. 533). Въ толковой псалтыри (до 1100 г.) сказано: «Камо въ *удоль плачевную*, тако бо псано и съберу вьсѧ языкы въ удоль Иасафатову» (И. Срезневскій. Др. пам. рус. письма и яз., стр. 154). Въ древнихъ памятникахъ *дебрью* огненною назыв. *геенна*. Примѣры въ Словарѣ др. русск. яз. И. Срезневскаго.

[4]) Примѣры опущенія въ народныхъ пѣсняхъ буквы *л* приведены М. Колосовымъ: то(л)ко, по(л)удновать, б(л)агослови, и т. под. (Звуков. и формальн. особ русск. яз. 1878 г.). Ср. слово *земя* и др.

[5]) Древности. Труды Моск. Арх. Об., т. XIII, вып. 2, стр. 40 и 45.

Радость готскихъ дѣвъ противополагается горести русскихъ женъ,—плакавшихъ, что имъ:

«Злата и сребра не мало того потрепати».

Ссылкой бояръ на торжество готскихъ дѣвъ у прибрежья *синяю моря кончается* объясненіе сна, *оканчивающаюся* разсказомъ Святослава о движеніи шлюхъ къ *синему морю*. По своему происхожденію отъ бѣса—«дѣти *бѣсовы*» (на языкѣ Слова) или *нечистыя* исчадья (на яз. лѣтописномъ) половцы, въ образѣ вороновъ, изображаются, какъ и въ толкованіи сна боярами, дьявольскимъ навожденіемъ, собравшимся на звѣрскій свистъ Дива и бѣсившимъ или остервенявшимъ квашную (плачевную) юдоль [1]). По народному повѣрью, въ топкихъ мѣстахъ водятся черти, затаскивающіе людей въ пучину [2]). Въ лѣтописи, языческіе боги—*бѣсы* (черные, крылатые, съ хвостомъ) представляются живущими въ *безднахъ*, а въ южно-русскихъ думахъ, по свидѣтельству Максимовича, и теперь воронъ, какъ дурная примѣта, изображается каркающимъ въ глубокой *долинѣ* [3]). Пардово, иначе Ольгово, храброе гнѣздо кануло, по объясненію снотолкователей-бояръ, въ пучинѣ подъ вліяніемъ злого духа Дива, руководившаго половцами. Вороны — половцы играютъ роль *послушныхъ* этому чудовищу органовъ, погубившихъ Игореву силу и повергшихъ всю Русь въ великое смятеніе:—«Слышавше таку погыбель о братьѣ своей, и до бояръ, *возпиша* вси, и бысть *плачь* и стенанье» (Лавр. 1186 г.). «Митя-

---

[1]) «Святополкъ окаянный сбѣсился отъ нападенія *бѣса* (1019 г.). Слуги *бѣсовы* убили Бориса (Ип. 94).—«*Бѣси* на зло *посылаеми* бываютъ... *бѣси* на злое всегда *ловятъ*... и на зло слеми, скори суть» (подъ 1015 г.). Въ сказаніи о Михалицкомъ монастырѣ: «Приступиша къ нему пси *дьяволомъ наваждениемъ*» (Нов. III, 1199 г.). Въ Стихирарѣ праздн. Новг. (до 1163 г.) сказано, что кровь Бориса пролита «*отъ наваженія дивола*» (И. Срезн. Пам. стр. 180).—О *бѣсованіи* суздальскихъ волхвовъ въ лѣтоп. подъ 1024 г.—«Злаго *бѣшенія* и кудѣшества» (Ип. 536). Есть пословица: «Лѣшій *свищетъ*, на 40 верстъ кругомъ слышно».

[2]) Извѣстны пословицы:—«Изъ омута въ адъ какъ рукой подать».—«Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ бродить».—«Горы да овраги—чортово житье» и др. (Ѳ. Буслаевъ Русск. посл. и погов. Арх. Ист. юрид. свид. II, 2. Тоже у Снегирева.

[3]) «Ой, кряче ли черненькій воронъ да на глыбокой долинѣ».

хуться акы въ *мотви*,... мнозѣ *печаловахуться* и *проливахуть* же *слезы* своя *за него*» (Ип. 437). Мотва—*матня*, часть *сѣти*, куда загоняется рыба, на живомъ народномъ языкѣ—*карна*, какъ и объяснено Далемъ въ толковомъ Словарѣ. Иногда уловки дьявола называются *сѣтью* [1]). Карна означаетъ высшую степень *сѣтованія* [2]). Сѣтовать то-же, что *карить* [3]), родств. съ исландскимъ kaega [4]). Такъ уясняются слѣдующіе послѣ припѣва

«А Игорева храбраго плъку не крѣсити»...

стихи:

«За нимъ *кликну карна*,
И *желя* поскочи по руской земли, смагу людемъ мычючи».

Первый стихъ соотвѣтствуетъ лѣтописнымъ словамъ: «Вознишa»... «Проливахуть слезы своя *за него*» .. «Мятяхуться акы въ *мотвѣ*». Дойдя до крайняго напряженія, народная горесть *(желя)* понеслась по русской землѣ жаръ (пекло) людямъ мыкая. Обыкновенно значеніе *жели* болѣе свѣдущіе комментаторы выво-

---

[1]) «Дьявольская *сѣть* скрушися».—«*Сѣть* дьявола».—«Отъ сѣти многолукаваго дьявола, иже воюетъ на крестьяны» (Ип. 82 и 390). Сѣтямъ рыболовнымъ приносились жертвы. И. Срезн. Свѣд. объ изв. и малоизв. пам., XXIV, стр. 37, 42.

[2]) «Двою *сѣтованію сѣтую* и тужу» (Соф., изд. Строева, стр. 101). «Яко *сѣть* бо пріидетъ на вся живущая» (Русск. истор. библ. VI, 817). «Въ праздники Богъ намъ наводитъ «*сѣтованіе*» (Ип. 155).— «*Ради* быша людье, токмо дьяволъ *сѣтоваше*» (Лавр. 1149 г.). Подъ 1233 г., по случаю смерти молодого князя Федора Ярославича, лѣтописецъ говоритъ:— «Сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позваны,... бысть... *въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе*» (Нов. I, 49). «Въ радости мѣсто плачь и въ пѣния мѣсто... рыданіе въ нихъ и *сѣтованіе*». Сказ. о св. Николаѣ. Свѣд. объ изв. и малоизв. пам., XXXII. Сочинитель Сказанія о житіи и преставленіи Дмитрія Ивановича восклицаетъ:—«Что нарку день той, день скорби и туги, день тмы и мрака, день бѣды и печали, день вопля и слезъ, день *сѣтованія* и *жалости*» (П. С. Р. Л. IV, 354). По поводу кончины кн. Александра 1263 г. лѣтописецъ пишетъ:—«Бысть плачь велій и кричаніе и туга велика, яко и земли трястися» (Воскр.). Въ посл. царя Константина 1465 г.: «Тогда бѣаше радость, нынѣ же плачь, тогда веселье и радованіе, нынѣ горесть и безмѣстіе» (И. Срезн Словарь).

[3]) Свояченица Миндовга поѣхала *карить* по сестрѣ (Ип. 568). Сравн. *укаривашется* (Ib.).

[4]) Я. Гротъ. Филологич. разыск. 1, 460.

дятъ изъ лѣтописнаго противоположенія ея *веселью*: «Господь... въ радости мѣсто наведе на насъ плачь и *во веселье* мѣсто *желю* на рѣцѣ Каялы», причемъ упускаютъ изъ виду замѣчательное мѣсто Галицко-Волынской лѣтописи, раскрывающее само по себѣ истинный смыслъ *жели* и глагола *желѣти*, употр. въ письмѣ Мономаха къ Олегу [1]). Когда сгорѣлъ г. Холмъ отъ неосторожности «окаяныя бабы», то Даніилъ Романовичъ *утѣшалъ* брата своего Василька:—«яко же отъ Бога бывшѣй бѣдѣ не имѣти *желѣ* поганскы» [2]) (Ип. 557), т. е. не предаваться языческой *горести* [3]). Крайняя степень возбужденія народнаго чувства, его *жгучесть*, выразилась въ томъ, что при своемъ распространеніи желя *мыкала* жаръ («смагу мычючи») [4]). Въ народныхъ пѣсняхъ къ тоскѣ прибавляется эпитетъ *горючая*, въ сказаніяхъ—плачъ *горекъ*, слезы *огненныя* [5]). — Дальнѣйшій, мною возстановленный и рисующій русскихъ женъ въ разливѣ печали стихъ:

«Печаль жирна тече среди земли Руской».....

женъ, какъ-бы охваченныхъ пламенемъ тоски въ рознѣ или разлукѣ съ мужьями:

«Въ *пламянѣ розѣ* жены Рускія въсплакашась»...

дополнитъ картину всеобщаго смятенія и сокрушенія русскаго народа. Хотя приведенные выше три стиха не включены въ объясненіе боярами Святославова сна, но, предшествуя разсказу его о сновидѣніи, они помогаютъ намъ разобраться въ той части сна, которая касается постигшихъ Русь бѣдствій послѣ того какъ соколамъ (князьямъ, участвовавшимъ въ походѣ на половцевъ), по выраженію бояръ,

«Крыльца *притрепали* саблями поганыхъ,
А *самаю* опуташа въ путины желѣзны».

---

[1]) «Сядетъ, аки горлица на сусѣ деревѣ *желѣючи*».

[2]) Желя названа поганскою потому, что въ языческой храминѣ, «рекше въ *ропатѣ*... нѣсть веселія, но *печаль*» (Ип. 74).

[3]) Нельзя желю принять за ропотъ. «Дружина начаху *ропотати* на князя» (Соф., изд. Строева, 91).

[4]) Значеніе глагола *мыкати* хорошо объяснено въ Словарѣ Востокова.

[5]) См. П. С. Р. Л. IV. 78.—«Святославъ Олговичъ плакася *горко* по братѣ своемъ Игорѣ» (Ип. 250). Жена Дмитрія Ивановича Евдокія причитала надъ мужемъ, *огненыя* слезы отъ очію испущающи» (П. С. Р. Л. IV, 353).

«*Припѣшали*» переводятъ: *притомили*. Н. Тихонравовъ утверждаетъ, что въ народной поэзіи соколъ съ *обрубленными* крыльями называется *пѣшимъ*. Въ Словарѣ Востокова *опѣшить* — обкарнать. Но мы видимъ, что у сокола Игоря собственныя крылья остались цѣлы, ибо изъ плѣна онъ *летѣлъ* соколомъ:

«И *полетѣ* соколомъ подъ мѣглами»...
«Аже соколъ къ гнѣзду *летитъ*»...

Крыльца—полки Игоревы и Всеволодовы, *опѣшенные* саблями половецкими. Авторъ Слова въ основаніе стиха кладетъ, кажется, тотъ моментъ, когда, окружонные со всѣхъ сторонъ погаными, русичи «сосѣдоша съ коней» и довольно долго *пѣшіе* отступали по направленію къ Донцу («бьяхуться идоуще *пѣши*»). При этомъ они потеряли всѣхъ своихъ коней. — *Сами* сокола были *опутаны* «въ путины желѣзны» [1]), какъ вообще опутываетъ нечистая сила. Полагаю, что *припѣшеніе* соколамъ крыльцевъ *саблями поганыхъ*, въ снотолкованіи, бояръ соотвѣтствуетъ ночному карканью босыхъ или *пѣшихъ* воронов въ разсказѣ Святослава. При разборѣ всѣхъ разнообразныхъ поэтическихъ комбинацій, характеризующихъ результаты Игорева похода, оказывается, что «дебрь кисаня»—юдоль *квашная*—у плѣснеска на болони есть символическое изображеніе той *жирной печали*, которая *затопила* русскую землю вслѣдъ за потопленіемъ Игорева воинства на днѣ Каялы. Предъ изложеніемъ Святославова сна, пѣвецъ говоритъ, что иноземцы каяли князя Игоря,

«Иже *погрузи* жиръ во(и) днѣ Каялы рѣки половецкыя».

По объясненію бояръ, половцы простерлись по русской землѣ,

«Акы (какъ—когда) пардуже гнѣздо и въ морѣ *погрузиста*,
И великое буйство подаст(а) Хинови» [2]).

Единство поэтической идеи пѣвца, по своему *предмету*, ярко проявляется въ *погруженіи* Игорева ополченія въ пучину и

---

[1]) Игорь говорилъ: «*связня* преда мя (Господь) въ рукы безаконьнымъ» (Ип. 434). Послѣ побѣга Игоря, остальные князья «держими бяху твердо, и стрегоми, и потверженны многими *железы* и казньми» (Лавр. 1186). По Ипат., Игоря бдительно стерегли, позволяя ему охотиться, и чествли его, но неизвѣстно, какъ обращались съ другими князьями.

[2]) О знач. формъ: «погрузиста» и «подаст(а)» см. примѣч. къ переводу.

распространенiи половцевъ по русской землѣ, послѣ *погруженiя* пардова гнѣзда, устанавливающими внутреннюю связь между той и другой поэтическими картинами, при изображенiи послѣдствiя Игорева пораженiя, и вмѣстѣ съ тѣмъ приближающими мое чтенiе къ подлиннику. Такое-же объективное совпаденiе фантазiи у автора Слова замѣчается нами и по отношенiю къ произведенному обидой перевороту въ мірѣ оптическомъ съ той поры, какъ черныя тучи (въ видѣ половцевъ), съ трепещущими въ нихъ *синими* молнiями, прикрыли четыре свѣтила—солнца, до возвращенiя Игоря изъ плѣна. Испытанная Русью плачевная доля послѣ плѣненiя князей, порабощенiе многихъ русскихъ городовъ, опустошенiе русскихъ земель и обратный уходъ кочевниковъ съ богатой добычей, къ *синему* морю, гдѣ готскiя красныя дѣвы забрякали русскимъ золотомъ, воспѣвая наступившее *пасмурное* время и лелѣя месть Шарукановy [1]), объясняются боярами, какъ факты совершившiеся, распространившеюся по Руси съ моря, чрезъ рѣку Канлу, *тьмою* отъ погашенiя солнечныхъ свѣтилъ—князей, послѣ того, какъ русскiя драгоцѣнности, вмѣстѣ съ плѣнниками, попали въ руки половцевъ, въ видѣ трофеевъ, благодаря подавленiю русскихъ силъ,

«Уже тресну нужда на волю»...

и поощренiю *заносчивости* поганыхъ хулителей-кощунниковъ на позоръ и *поношенiе* русичей:

«И великое *буйство* подаст(а) Хинови.
Уже *смесеся* хула на хвалу».

Приведенныя въ повѣсти рѣчи Святослава и особенно разсказъ его о вѣщемъ снѣ показываютъ, что пѣвецъ близко былъ поставленъ къ великому князю кiевскому и изучилъ его натуру. Онъ хорошо зналъ склонность его къ суевѣрiю, съ которою знакомитъ насъ и лѣтописецъ въ извѣстiи подъ 1194 г. Такъ, Святославъ говорилъ женѣ, что не надѣется дожить до

[1]) Лѣтопись даетъ ясное понятiе о половецкой мести:—«Они ведуться *полонены*, друзiи посѣкаеми бываютъ, друзiи на *месть* даеми бываютъ, горкую смерть прiемлюще, друзiи трепечуть, зряще убываемыхъ, друзiи гладомъ уморяеми и водною жажею, они вижемы и пятами пхаеми и на зимѣ (холоду) держими и ударяеми» (Лавр. подъ 1093 г.).

дня св Маккавѣевъ, потому, что въ этотъ день умеръ его отецъ. Передъ самою смертью своею Святославъ «видѣніе видѣ нѣкако». Считалъ онъ дурной примѣтой, что не удалось ему поклониться гробу родителя: «Не любоваше во умѣ своемъ, яко не поклонися отню гробу» (Ип. 457).

Располагая событія сообразно былинному матеріалу и своимъ личнымъ впечатлѣніямъ, пѣвецъ, уже послѣ объясненія боярами Святославова сна, переходитъ ко вторженію половцевъ, подъ командою Кончака, въ Переяславскую область Владиміра Глѣбовича, какъ къ одному изъ происшествій, оставившихъ по себѣ неизгладимый слѣдъ въ народномъ сознаніи. Обыкновенно, вслѣдъ за Снегиревымъ, Сахаровымъ, Максимовичемъ и др., читаютъ:

«Нъ се зло, княже, *ми* не пособіе,
На ниче ся годины обратиша;
Се оу Римъ кричатъ подъ саблями половецкими,
А Владиміръ—подъ ранами!»

Такимъ чтеніемъ затемняется смыслъ стиховъ, въ дѣйствительности не допускающихъ представленія о какомъ-либо недостаткѣ помощи *самому пѣвцу*, въ которой онъ вовсе и не нуждался. Недоразумѣніе происходитъ отъ разложенія глагола *мине* (будущ. отъ минути)[1]. Форма здѣсь употреблена краткая, вмѣсто *минетъ*[2]. Подобное усѣченіе обычно въ пѣсенномъ творчествѣ нетолько для настоящаго времени, но и для будущаго, какъ показываютъ примѣры опущенія личнаго окончанія 3-го лица ед. числа, собранные, между прочимъ, М. Колосовымъ:—«уйде», «потеряе», и т. д.[3]. Впрочемъ, примѣры безъ *ть* попадаются и въ памятникахъ, отличающихся выдержанностью церковно-слав. языка: «почьте», «може», «буде»[4]. Заспимъ два первые стиха получаютъ у меня слѣдующій складъ:

«Нъ се (сіе) зло, княже, мине,
Пособіе на ничє (ни къ чему),—ся годины обратиша» (годины оборотились).

---

[1]) Сравн. «*Минула* лѣта Ярославля»,—«Суда Божія не *минути*». Также въ Лавр. подъ 1147 г. «не мога ихъ *минути*».

[2]) Напр. «смерть никого не *минетъ*». (Пам. стар. рус. лит., II, 440).—«Проминетъ» (Ип. 264). Пословица гласитъ: «Что изстари ведется, то не *минется*».

[3]) Обзоръ звуков. и формальн. особен. народн. рус. яз.. стр. 245.

[4]) И. Ягичъ считаетъ это откликомъ живой рѣчи. Зам. по ист. рус. яз. стр. 93. ср. стр. 147. Максимовичъ, а за нимъ и Головацкій, однимъ изъ признаковъ отличія южнорусскаго яз. отъ великорусскаго признавали то, что: «коли передъ *ть* е стоитъ, то откидается, напр. «бере». «може», «дыше»: иногда отбрасывается *е*: «зна», «гуля», «спѣва». Розправа о яз. южно-русск., стр. 37.

«Се зло» (т. е. злополучіе, бѣду) пѣвецъ относитъ къ дряхлымъ *лѣтамъ* Святославовымъ, считая его устранимымъ, ибо, замѣчаетъ непосредственно передъ этимъ пѣвецъ, старому (князю) не трудно помолодиться, когда грозитъ опасность его гнѣзду [1]):

«А чи диво ся, братіе, стару̀ помолодити?
Коли соколъ *во мытехъ* бываетъ (*вылиняетъ* [2]),—
Высоко птицъ взбиваетъ»...

Тѣмъ не-менѣе помощь *одною* вел. князя Кіевскаго не достигла бы цѣли, ибо *времена превратились*; благодаря оплошности Игоря, вернулась прежняя бѣдственная пора,—о чемъ ранѣе говоритъ Слово, въ связи съ пробужденіемъ старинныхъ невзгодъ обидой:

«Оуже бо, братіе, не весела година въстала»...

Вслѣдствіе разъединенія Мономаховыхъ стяговъ, Давидъ съ смольнянами не успѣли соединиться съ Рюрикомъ и Святославичами, чтобы общими силами ударить на враговъ. Рюрикъ и Святославичи, по выраженію лѣтописца, «*опоздишася* сжидающе Давида (съ) смольняны, и тако князѣ Русіѣ *опоздишася* и не заѣхаша ихъ». Вмѣстѣ съ горестною порою возникла и потребность, для спасенія Руси, выдвинуть противъ половцевъ всѣ русскія силы. Такимъ образомъ, мы наталкиваемся на замѣчательный по замыслу параллелизмъ, служащій пѣвцу деликатнымъ мотивомъ воззванія къ вел. князю Суздальскому Всеволоду и другимъ князьямъ, воззванія, которому предпосылается стихъ:

«Трубы трубятъ городенскія» [3]).

---

[1]) Ср. «сключися *злоба*», въ описн. лѣтоп. перехода чрезъ Стугну и послοвицу: «Перевертываетъ съ ветху на молодъ».

[2]) «Въ мытехъ» имѣетъ, повидимому, двойств. значеніе: *выливаніе перьевъ* (линяніе) и самый *полетъ* (ср. мытарство). Есть пословица: «*голь*, какъ *соколъ*». Въ стихѣ очевидна для меня игра словъ, съ намекомъ на плѣшивую голову Святослава, на которой немного уже оставалось *серебряной сѣдины*.

[3]) Прилагат. «городенскія» можетъ происходить и отъ *Городна* (напр., въ 1132 г. «ходи Мстиславъ на Литву съ Всеволодомъ Городенскимъ», и отъ заборольныхъ *городней*. Ср. стихъ: «Уныша бо градомъ забрылы», въ связи съ лѣтописнымъ описаніемъ паденія *городней* заборольныхъ г. Римова. Трубами сзывали дружины въ походъ. Предъ вступленіемъ Игоря трубы трубили въ Новгородѣ-Сѣверскомъ.— «Изяславъ... ударяй у трубы, съзва Кыянъ» (Ип. 278) и т. под. Ср.: «Городнику, закладъюче *городню*». — «Мостнику... колько *городень* починать». (Русск. Пр. ст. 108, 109).

Превратность временъ повела къ переяславскому погрому. Владиміру Глѣбовичу удалось кое-какъ отстоять Переяславль. Израненный при его защитѣ, страдающій и физически, и нравственно, онъ послалъ къ Святославу и Давиду сказать: «Се половци у мене, а помозите ми». Узнавъ, что Святославъ съ значительными подкрѣпленіями собрался на встрѣчу половцамъ, Кончакъ отступилъ отъ Переяславля и, воспользовавшись промедленіемъ русскихъ князей, мимоходомъ взялъ приступомъ г. Римовъ, причемъ двѣ городни (ограды) заборольныя, по несчастью, обрушились и полетѣли, съ бывшими въ нихъ людьми, къ *ратнымъ*, т. е. къ осаждавшимъ. Всѣ жители Римова, не успѣвшіе пробиться чрезъ *Римьское* болото, попались въ плѣнъ (Ип. 436). Кровавый эпизодъ этотъ воспроизведенъ поэтомъ въ томъ видѣ билины современной, въ какомъ онъ воспринятъ народнымъ сознаніемъ тотчасъ послѣ того, какъ «судомъ Божіимъ», по выраженію лѣтописи двѣ городни со стѣнъ Римова, съ его защитниками, обрушились въ половецкій лагерь. Замѣчательное восклицаніе поэта:

«Туга и тоска сыну Глѣбову»!

поражаетъ искренностью и глубиною чувства именно потому, что въ немъ слышится отголосокъ вопля народнаго. Нѣкоторые (Карамзинъ, Огоновскій и др.) подъ Римомъ разумѣютъ *Ромны*, забывая, что въ поученіи Мономаха названы и Римовъ, куда онъ ходилъ изъ Переяславля, и Роменъ [1]). Полагая, что Римовъ названъ въ Словѣ Римомъ по тому-же произношенію, по какому прилегающее къ Римову болото названо въ лѣтописи не Римовскимъ, а *Римскимъ*, я отдаю предпочтеніе мнѣнію Бѣляева и Соловьева, отожествившихъ Римовъ или Римъ съ нынѣшнимъ селомъ Римомъ, на одной линіи съ Прилуками, въ 40 в. на востокъ, въ 15 верст. отъ Сулы [2]), на границѣ уѣздовъ Роменскаго, Лохвицкаго и Прилуцкаго [3]), — хотя заслуживаетъ вниманія мнѣніе Н. Барсова, пріурочившаго Римовъ къ нынѣшнему селу Римовкѣ, на притокѣ Псела Грунѣ,

[1]) «Идохомъ за Римовъ»... «Ко Ромну идохъ»...

[2]) Бѣляевъ. Географ. свѣд. въ древ. Руси. Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. VI, стр. 18 и 94.

[3]) Соловьевъ. Ист. Рос., II, прим. 457.

въ с.-в. отъ Гадяча [1]). Возможно, что форма «у Римъ» образовалась отъ народнаго названія города—Римы [2]), но вѣроятнѣе, что, подъ вліяніемъ говора, въ первоначальной формѣ «Рима» выпалъ звукъ *а*, подобно тому, какъ въ стихѣ:

«А съ ним(а) молодая мѣсяца».

Не считая нужнымъ входить въ мелочный разборъ воззванія пѣвца къ князьямъ [3]), я сказанное по этому предмету дополню лишь своими соображеніями о трехъ Мстиславичахъ. По смерти, 1173 г., въ Берестьи, младшаго сына Мстислава Изяславича... мира (Ипат. 383), можетъ быть Казиміра (принятаго Татищевымъ за Святослава), остались *трое Мстиславичей*: Романъ, Всеволодъ и Святославъ. Въ 1173 г. изъ Новгорода Романъ перебрался въ г. Владиміръ-Волынскій, послушавъ совѣта дружины своей, говорившей ему: «а пойди *къ братьи* къ Володимирю». Въ то время Святославъ Мстиславичъ владѣлъ Червенскою землею, уступленною имъ въ томъ-же году Владиміру Ярославичу Галицкому, вѣроятно въ обмѣнъ принадлежавшаго ему ранѣе Бужска, съ придачей какихъ-то трехъ городовъ (Ип. 384). Всеволодъ сидѣлъ въ Белзѣ до полученія отъ Романа г. Владиміра-Волынскаго, 1188 г. Три Мстиславичи вмѣстѣ съ Ингваремъ и другимъ Всеволодомъ причислены авторомъ Слова, по ихъ происхожденію, къ *гнѣзду* нехудому славнаго прадѣда ихъ Мстислава Великаго и дѣда ихъ Изяслава Мстиславича, подобно тому, какъ участники каяльскаго похода названы Ольговымъ, въ иномъ мѣстѣ барсовымъ, *гнѣздома* [4]) Ингварь и Всеволодъ основательно принимаются почти всѣми комментаторами за сыновей Ярослава Изяславича, но трехъ Мстиславичей иные, напр., Ом. Огоновскій, считаютъ дѣтьми *Ярослава* Изяславича, полагая, что одинъ изъ нихъ—Мстиславъ Пересопницкій поставленъ пѣвцомъ, въ первомъ воззваніи,

[1]) Очерки Русск. истор. геогр., изд. 2, стр. 163.

[2]) Срав. «у Курьска»,—«у плѣсньска» и т. под.

[3]) При разборѣ этого воззванія не мѣшаетъ имѣть въ виду отчасти сходные пѣсенные призывы провансальскихъ трубадуровъ къ крестовымъ походамъ. Обстоятельный обзоръ провансальской поэзіи сдѣланъ В. Модестовымъ. Библ. для чт., 1855 г.

[4]) Современ. Всеволодъ Суздал.—*большое гнѣздо*.

рядомъ съ Романомъ [1]), другіе же, какъ Петрушевичъ, всѣхъ трехъ Мстиславичей считаютъ двоюродными братьями Ингваря и Всеволода Ярославичей. Умирая, 1172 г., во Владимірѣ-Волынскомъ, Мстиславъ Изяславичъ урядился съ братомъ—Ярославомъ Луцкимъ о дѣтяхъ своихъ: «яко же ему не подозрѣти *волости подъ дѣтми* его» (Ип 281 и 382). Такимъ образомъ три Мстиславичи получили волости не путемъ завоеванія, но *по наслѣдству*. Огоновскій и др. заблуждаются, полагая, что не только въ воззваніяхъ: къ Роману и Мстиславу, и къ Ингварю, Всеволоду и тремъ Мстиславичамъ, повторяется имя одного и того-же Мстислава Ярославича *Нѣмою*. Въ первомъ воззваніи Мстиславъ, поставленный рядомъ съ Романомъ, можетъ быть дѣйствительно — Мстиславъ Ярославичъ Нѣмой, ходившій съ Святославомъ Кіевскимъ и др. князьями на половцевъ, а впослѣдствіи принимавшій участіе въ судьбѣ дѣтей Романа и спасшій Даніила Романовича отъ смерти въ калкскомъ бою.—«Бѣ крѣпокъ, понеже ужика (родственникъ) [2]) сый Роману отъ племени Володимеря прирокомъ Мономаха, бѣ бо *велику любовь* имѣя ко отцу его, ему же поручивше по смерти свою волость дая князю Данилови» (Ип. 497). «Мстиславу же Нѣмому давшу отчину свою князю Данилови и сына своего поручивъ Ивана» (Ип. 501). Нельзя, однако, допустить, чтобы *Ярославича* пѣвецъ причислилъ къ тремъ *Мстиславичамъ*. Признавая, согласно съ Петрушевичемъ, за трехъ Мстиславичей дѣтей Мстислава Изяславича, и прихожу къ заключенію, что второе воззваніе относится и къ Роману. Вторичное обращеніе къ старшему и сильнѣйшему изъ трехъ Мстиславичей, кстати задѣвшее Романа при обращеніи къ его братьямъ, вытекаетъ изъ подобія тѣхъ особыхъ политическихъ условій въ которыхъ находились волости трехъ Мстиславичей на западной окраинѣ Руси и которыя выражены повтомъ ссылкою на ихъ *лядскія сулицы и щиты*, гармонирующіе съ *латинскими шеломами* Романа и Мстислава [3]). Какъ извѣстно, отецъ Романа Мстиславъ

---

[1]) Слово Стр. 97—99.

[2]) *Ужика*—отъ *уже*—вервь. Древне-русская община называлась *вервью* въ силу родственныхъ узъ, связывавшихъ ея членовъ.

[3]) Въ ссылкѣ Слова на латинскіе шеломы и лядскія сулицы Н. Дашкевичъ видитъ указаніе на западное вліяніе только по внѣшности. Княж. Даніила, 95.

Изяславичъ пользовался сильною поддержкою польскихъ князей, проявившихъ пріязнь свою къ русскимъ князьямъ, между прочимъ, въ *препоясаніи мечомъ боярскихъ дѣтей* (Ип. 270). Лѣтопись называетъ ляховъ *ротниками* его (Ип. 365). Въ числѣ его воеводъ выдающуюся роль игралъ нѣкій Володиславъ лахъ (Ип. 376), служившій ранѣе Ростиславу Мстиславичу (Ип. 360). Мстиславъ Изяславичъ женился на польской княжнѣ Юдиѳѣ, дочери Болеслава III Кривоустаго отъ брака съ Сбыславой Святополковной,—сестрѣ Казиміра Справедливаго, женатаго на дочери Всеволода Мстиславича Еленѣ [1]), и Межки Стараго. Такимъ образомъ, сынъ Болеслава III, *свата* Изяславова (Ип. 268), Казиміръ Справедливый приходился Мстиславу Изяславичу шуриномъ, а Роману Мстиславичу дядей по матери, *уемъ* по выраженію лѣтописи, примѣненному къ родному брату Казиміра Межку Старому,—вслѣдствіе чего жена Романа приходилась, по лѣтописи, *ятровью сына Казимірова Лешка Бѣлаю*, женатаго на дочери Ингваря Ярославича—Гримиславѣ [2]).

Родственныя съ польскими князьями связи Мстислава Изяславича, сына его Романа и Романовыхъ дѣтей Даніила и Василька объяснены мною въ другомъ спеціальномъ трудѣ, изъ котораго привожу наглядную генеалогическую роспись:

Болеславъ III Крив. (жена) Сбыслава † 1108. Изяславъ.

Казиміръ Справ. Межко Стар. Юдиѳь (жена) Мстиславъ.

Лешекъ Бѣлый. Романъ.

Даніилъ Василько.

При такихъ данныхъ стихъ:

«Кое ваши сулици *лядскія* и щиты»...

означаетъ вовсе не то, что русскія дружины Ярославичей и Мстиславичей имѣли польское вооруженіе, а то, что они пользовались оружіемъ польскихъ дружинъ, какъ войскъ вспомогательныхъ, по союзу съ польскими князьями, готовыми во

---

[1]) На дочери Казиміра былъ женатъ Всеволодъ Святославичъ Черный (Ип. 414).

[2]) «Бѣ Ингваръ съ ляхы и Мстиславъ... Потомъ же сѣде Ингварь въ Володимерѣ *поя у него Лестько дщерь*» (Ип. 482).

всякое время прибыть къ нимъ на подмогу [1]). — Запереть открытыя Игоремъ ворота въ Русь изъ Половецкой земли было задачей крайне трудной, а потому естественно, если пѣвецъ смотрѣлъ на ляшскую помощь, какъ на средство значительно обезпечивавшее успѣхъ похода русскихъ князей на вопіявшій къ нимъ Донъ. Военную помощь оказывали нѣкогда ляшскіе князья Святославичамъ, которые платили ляхамъ тою-же монетой. Такъ въ 1076 г. Святославъ Ярославичъ посылалъ сына Олега съ Владиміромъ Мономахомъ въ помощь Болеславу Смѣлому на чеховъ. Въ 1142—1145 г. Всеволодъ посылалъ сына своего Святослава съ др. князьями въ помощь зятю своему князю Володиславу, «на братью его на меншую на Болеславичѣ» (Болесл. и Межку). На свадьбѣ у Всеволода, вслѣдъ затѣмъ, пили и «безбожнии ляховѣ». При содѣйствіи Ольговичей Владиславъ пріобрѣлъ нѣсколько городовъ, а Игорь Ольговичь съ братьей получили г. Визну (Ип. 224—227). Въ свою очередь, между 1144—1146 г., Володиславъ и Болеславъ, зять Всеволодовъ, ходили съ Ольговичами на многоглаголиваго Владимірка Галицкаго.

Возвратимся къ походу Игоря. Для полноты нашего изслѣдованія сдѣлаемъ попытку отыскать знаменитую рѣку, на днѣ которой Игорь погрузилъ драгоцѣнный кладъ изъ богатырей—воиновъ («жиръ-вои») [2]). Вопросъ о мѣстѣ окончательнаго

[1]) Близкія связи Руси и Польши возникли при Владимірѣ св., женившемъ сына своего Святополка на дочери Болеслава Храбраго (Титмаръ). Завелись въ Русской землѣ и ляшскія поселенія со временъ Ярослава Стараго, который, по завоеваніи Червенскихъ городовъ, размѣстилъ плѣнныхъ ляховъ по берегамъ р. Рси (1031 г.), гдѣ они и оставались въ началѣ XII в. («суть до сего дне»). Связи эти, въ отношеніи вѣроисповѣдномъ, характеризуются, въ XI в. посланіемъ черноризца Іакова къ вел. князю Димитрію—Изяславу Ярославичу, посланіемъ папы Григорія къ тому же князю 1075 г., гдѣ Изяславъ также названъ Димитріемъ (Сравн. Изяславъ постави монастырь св. Димитрія 1051), посланіемъ митрополита Никифора къ Волынскому князю Ярославу Святополковичу, начинающемся словами: «Понеже земля лядская въ сусѣдѣхъ у тебя есть, живущіе, еже на ней суть, *латинское* пріяли ученіе»... и т. д. (Помѣщ. у Макарія, т. II. Разборъ у Голубинскаго).

[2]) Облитый кровью въ послѣдней битвѣ съ половцами посѣвъ костьми русачей *тугою* взошелъ по русской землѣ. «*Печаль жирна*» разлилась по русской землѣ. Тутъ очевидна повтич. связь съ погруженіемъ въ Каялѣ *жира* воиновъ.—Въ Судѣ Любуши «zirna vlast». Глаголъ «жировать» (жить) въ Новг. лѣтоп. Нельзя «жиръ-вои» читать «жирово», какъ предлагалъ А. Потебня. Слово о Полку Игоревѣ. Воронежъ, 1878 г.

пораженія Игорева ополченія остается открытымъ. Соображая разнообразныя сужденія, Д. Иловайскій, относительно Каялы, затруднился опредѣлить—какая это именно рѣка, замѣчая, что главная битва происходила гдѣ-то *ближе* къ Азовскому морю (Лукоморью), чѣмъ предполагалъ Карамзинъ, считавшій Каялу Кагальникомъ [1]). И. Бѣляевъ думалъ, что Каялой должна была прозываться какая-нибудь рѣчка, *ближайшая* къ морю, быть можетъ—Кагальникъ, ибо, по лѣтописи, дружина Игорева частью потонула въ *морѣ* [2]). Уже изъ взаимнаго сопоставленія двухъ приведенныхъ мнѣній видно—какъ мало имѣютъ значенія, въ занимающемъ насъ вопросѣ, домыслы, основанные на какихъ-либо отрывочныхъ свѣдѣніяхъ, а не на подробномъ историко-географическомъ изысканіи, начало котораго, впрочемъ, положено нѣкоторыми изъ нашихъ ученыхъ.—Чтобы ближе ознакомиться съ походнымъ маршрутомъ Игоря и точно опредѣлить день каяльской битвы, безъ чего невозможно составить себѣ отчетливаго представленія о мѣстности, гдѣ она происходила, необходимо предварительно вычислить, при помощи Слова *все* время, посвященное русскими полками на битву съ половцами. Если-бы несуществовало Слова, то мы были-бы лишены надежнаго средства согласовать противорѣчія между двумя, повидимому самостоятельными, извѣстіями о походѣ, исходящими преимущественно: съ одной стороны изъ кіевскихъ, а съ другой—изъ суздальскихъ источниковъ. Разногласіе сводится къ тому, что по Ипатской лѣтописи, гдѣ походъ изложенъ наиболѣе обстоятельно, пораженіе Игоря у р. Каялы имѣло мѣсто на *третій* день послѣ побѣды, одержанной надъ половцами русскими дружинами въ пятницу по переходѣ р Сюурлія. Между тѣмъ, по лѣтописямъ Лаврентьевской и Никоновской, послѣ удачной стычки въ пятницу, русичи цѣлыхъ *три дня стояли* на вежахъ, веселясь и похваляясь, а затѣмъ, будучи окружены половецкими войсками, бились съ ними будтобы *еще три дня* до окончательнаго ихъ разгрома, что повторено въ Радзивилловскомъ спискѣ. Правдивый и задушевный разсказъ пѣвца, по современнымъ ему былинамъ, финальному

---

[1]) Ист. Рос., ч. I, прим. 72.

[2]) О географич. свѣд. въ др. Рос. Зап. Геогр. Общ. 1852 г., кн. VI, стр. 79, 80.

анту Игорева предпріятія даетъ яркій колоритъ, освѣщающій сухія, хотя гораздо болѣе подробныя, лѣтописныя данныя и сглаживающій ихъ шероховатости. Изъ Слова мы узнаемъ, что послѣ побѣды надъ половцами въ пятокъ «съ зарання» (по лѣтописи въ обѣдъ), при отступленіи къ Донцу, сѣча длилась всего *два* дня:

«Бишася день (пятница), бишася другый (суббота),
Третьяго дня (воскрес. по Ипат.), къ полудню, падоша стязи Игоревы».

Прибытіе «неготовами дорогами» свѣжихъ половецкихъ подкрѣпленій Слово, сослано съ Ипатскою лѣтописью, относитъ къ субботѣ:

«Другаго дня (послѣ пятка) вельми рано *кровавыя* зори свѣтъ повѣдаютъ».

Въ этотъ субботній день русскія дружины, спѣшившись, начали отступать подъ прикрытіемъ полка Всеволода, стоявшаго «на борони». «Отступиша» нѣтъ никакой надобности измѣнять, какъ дѣлаютъ очень многіе, въ «оступиша» [1]). Въ Задонщинѣ [2]), описывающей положеніе Мамая почти такими-же поэтическими чертами, какими Слово описываетъ положеніе Игоря, параллельно стиху:

«Русскіе полки отступиша»,

стоитъ:

«Поганые борзо вси отступиша».

Если-бы половцы оботупили русскіе полки въ субботу, то, спѣшившись, послѣдніе не могли-бы подвигаться впередъ и отбиваться до воскреснаго полудня. По лѣтописи Ипат., половцы только *начали во множествѣ выступать* въ субботу утромъ и напирать на русскіе полки, что и побудило Игоря предпринять *отступленіе* къ Донцу Тоже самое, въ сущности, говоритъ и пѣвецъ, удостовѣряющій, что въ субботу половцы собирались со всѣхъ сторонъ и *крикомъ перегородили поля*, а русичи преградили щитами:

«Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша»,
«А храбріи Русичи преградиша—чрълеными щиты» [3]).

---

[1]) Сравн.: «оступи, оступленному, объступиша (Ип. 176, 178, 555, 565) и *отступяче* (Ип. 317) и др.

[2]) По Кирилло-Бѣлоз. списку XV в., изд. И. Срезневскимъ 1858 г.

[3]) «Преградиша» — подразумѣвается *поля*. Ср. «Русичи великая *поля* чрьлеными щиты прегородиша».

По сказанію, занесенному въ Суздальскую и Никоновскую лѣтописи, половцы, дождавшись подкрѣпленій, за которыми раньше послали, *притиснули* русичей къ *водѣ*, къ которой не допускали ихъ, безпокоя безпрестанными набѣгами въ теченіи *трехъ* дней, вслѣдствіе чего русскіе полки изнемогли «*въ зноѣ и въ тузѣ*». По смыслу разсказа Ипатской лѣтописи, дружины Игоря «яко стѣнами силными *огорожени* бяху полкы Половѣцьскими» уже при взятіи Игоря въ плѣнъ, причемъ русичи пытались пробиться сквозь половецкія полчища и искать спасенія въ *бѣствѣ*, т. е. въ воскресенье. Бѣжать нельзя было, говоритъ лѣтописецъ, ибо половцы окружили ихъ со всѣхъ сторонъ, прижавъ къ какому-то «езеру» (озеру). Когда къ ночи въ пятницу собрались разбитые Игоремъ въ тотъ день половцы [1]), Игорь сказалъ братьѣ и дружинѣ: «Вотъ видѣлъ я полки половецкіе, что ихъ много здѣсь-же. *Или ужь вся они соединились*? Нынѣ же поѣдемъ ночью, а кто поѣдетъ утромъ за нами, то всѣ ли поѣдутъ (или вѣтъ), но лучшіе всадники переберутся, а самимъ намъ какъ Богъ пошлетъ». Встрѣтивъ возраженіе со стороны Святослава Ольговича и Всеволода, онъ произнесъ: — «Да неднвно есть разумѣющи, братья, умрети», въ неточномъ переводѣ М. Погодина: — «Пусть будетъ такъ, но чтобы не пришлось намъ здѣсь умереть» [2]). Игорь, напротивъ, выражалъ великодушную готовность умереть [3]), по сочувствію къ сотоварищамъ, заявившимъ о трудности своего положенія вслѣдствіе крайняго утомленія коней,—подобно тому, какъ позднѣе, по его внушенію, всадники не рѣшились покинуть пѣшихъ черныхъ людей.— «Если побѣжимъ»,—молвили они,—«удеремъ сами, а черныхъ людей оставимъ, то отъ Бога будетъ намъ грѣхъ за выдачу сихъ. *Пойдемъ*,—но или умремъ, или живы будемъ *вси* вмѣстѣ [4]). Томясь въ плѣну, Игорь говорилъ: — «Азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины» (Ип. 437). Изъ лѣтописи видно, что Всеволодъ поддержалъ заявленіе Святослава, ссылаясь на

---

[1]) «Яко собрашася половци вси».

[2]) Древн. русск. истор.

[3]) Такъ, кажется, понялъ и Карамзинъ, придавшій словамъ Игоря тотъ смыслъ, что онъ не боится смерти (И. Г. Р., т. III, прим. 70).

[4]) Здѣсь послѣ слова: «пойдемъ» во 2-мъ изд. лѣтописи 1871 г., которымъ я руководствуюсь, неумѣстно поставлена точка съ запятой.

утомленіе коней и опасеніе остаться на дорогѣ, ибо онъ принималъ, вмѣстѣ съ Владиміромъ Игоревичемъ, главное участіе въ схваткѣ съ половцами. Описавъ грозные симптомы, встрѣченные на пути къ Дону русскими полками, и выступленіе имъ навстрѣчу половецкихъ силъ, пѣвецъ восклицаетъ:

«О, русская земле, уже *за шеломянемъ* еси»!

Пѣвецъ переходитъ къ исходу ночи (долго-ночь), въ которую русичи преградили великія поля своими щитами, въ надеждѣ стяжать себѣ честь, а князю славу, и къ пятничной побѣдѣ надъ половцами, по поводу которой Игорь, какъ свидѣтельствуетъ та-же лѣтопись, говорилъ:—«Вотъ Богъ могуществомъ своимъ возложилъ на враговъ нашихъ побѣду, а на насъ честь и славу». Далѣе пѣвецъ снова восклицаетъ:

«О, русская земле, уже *не шеломянемъ* еси»!

Шеломя есть вершина, вышка, маковка, бугоръ. Въ такомъ смыслѣ является *шоломя* въ лѣтописи, отличающей его отъ *горы* и *холма*[1]). Такъ какъ пѣвецъ называетъ высоты или возвышенности земныя, въ ихъ цѣломъ составѣ, горами и холмами[2]), то остается предположить, что *шеломя* имѣетъ у него и иное значеніе. Соболѣзнуя о томъ, что русская земля (ополченіе) *уже* за шеломянемъ, какъ и позднѣе о томъ, что Ольгово гнѣздо, побивая птицъ—половцевъ, *далеко* залетѣло, къ самому морю, пѣвецъ хотѣлъ сказать, что ведомые Игоремъ соединенные полки *достигли предѣльнаго пункта похода*, до встрѣчи съ половцами, забрались въ глубину прикрывшей ихъ позднѣе половецкой пустыни, т. е. находились уже *за вершиной*. Какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, но вершина,

---

[1]) Напр *гора* Угорская и др., *холмъ*, гдѣ стояли кумиры (Ип. 980), извѣстный Витичевъ *холмъ*, и др.

[2]) «Рища ... чресъ поля на *горы*»,—«Ты пробилъ еси каменныя *горы*»,—«Мало-ли ти бяшетъ *горъ* подъ облаки вѣяти»?... «Притопта *хлѣми* и яругы». Обычной передѣлкѣ *горъ* въ *горѣ* (въ обращеніи къ вѣтру) нельзя сочувствовать, какъ и всякимъ другимъ искаженіямъ текста. Сравн. «*врѣху* древа».— Ярославна вовсе не желала, да и не могла желать, чтобы вѣтеръ не вѣялъ *внизу*. Она упрекала вѣтеръ въ томъ, что, несмотря на широкій *просторъ* колыхать корабли «*на синѣ морѣ*», онъ съ безполезнымъ насиліемъ (насильно) мыкалъ вражескія стрѣлки на воиновъ ея супруга.

за которую перевалили русскія дружины, относятся не столько къ какой-либо горной возвышенности [1]), сколько къ самому *походу*. Предпріятіе воинское, подобно всякому другому, въ послѣднемъ фазисѣ имѣетъ свою *вершину* (гл. вершить), или свой *конецъ*. Оканчивая походъ, русскіе полки переходили его вершину, на соврем. языкѣ — *завершили* его. Выраженіе: «за шеломянемъ еси», какъ противуположеніе выраженію: «не шеломянемъ еси», заключаетъ въ себѣ игру словъ, имѣющую, по моему убѣжденію, цѣлью живописно выдвинуть тотъ поворотный моментъ, когда Русь, потерявшая почву подъ ногами, незадолго до погруженія въ пучину, дрогнула, утративъ свое превосходство въ борьбѣ съ погаными, перестала быть верховою и, сойдя съ коней, какъ сказано въ лѣтописи, начала отступленіе пѣшимъ строемъ.. Не шеломянемъ, потому я и перевожу: *не верхомъ*.

Дѣло Игоря было проиграно благодаря его оплошности. Солнечное затмѣніе заслоняло ему путь, предсказывая его собственное затмѣніе,—печальный исходъ предпріятія. Несмотря на полученныя чрезъ развѣдчиковъ дурныя вѣсти, Игорь, съ братьею, говорилъ: «Если возвратимся, не бившись, то позоръ намъ будетъ хуже смерти» [2]). Настроеніе русскихъ дружинъ, по достиженіи ими широкихъ полей, показано въ стихѣ:

«Щекотъ славій успе, *говоръ галичь* убуди».

Дружины надѣялись поживиться богатой добычей, какъ и въ жирныя времена раздоровъ:

«А галици свою рѣчь *говорятъ*:
Хотятъ полетѣти на уедіе».

Поэтому, если занесенное въ нѣкоторые списки лѣтописи извѣстіе о похвальбѣ князей послѣ пятничной побѣды надъ по-

---

[1]) О мѣстныхъ горахъ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Игорь ѣхалъ «по чистому полю». Въ Сѣверщинѣ извѣстны слѣдующія небольшія возвышенности: *Жестовыя* горы на Осколѣ, *Сокольи* горы, *Святыя* горы на Донцѣ, *Галичьи* горы на Дону, въ 100 в. выше Воронежа», – *Изюмъ-Курганъ* на Донцѣ,— горы на Тихой Соснѣ, гора *Малыя Дивы* близъ Каротояка (Воронеж. акты, II. 73, III. 88).

[2]) Ср: «Луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти»...

ловцами и о рѣшимости ихъ идти за Донъ, а оттуда къ Лукоморью, чтобы *до конца* взять свою славу, и погрѣшаютъ противъ истины, то только развѣ въ отношеніи времени этой похвальбы, весьма сходной съ приведеннымъ въ Словѣ восклицаніемъ Игоря *предъ переходомъ чрезъ Донецъ*. По свидѣтельству пѣвца, Игорь дѣйствительно увлекался мечтой проникнуть *въ конецъ* поля половецкаго для отвоеванія Тмуторокани. Святославъ кіевскій упрекалъ Игоря и Всеволода въ томъ, что они напрасно понадѣялись на себя, поторопились добывать славу въ разсчетѣ самостоятельно похитить «прежнюю славу, а на заднюю—самимъ подѣлиться». Это—довольно близкое воспроизведеніе рѣчи, сказанной Игоремъ въ 1183 г.:—«Половцы оборотились противъ русскихъ князей, а мы *безъ нихъ покусимся* на вежахъ ихъ ударить» (Ип. 427). Описавъ, нѣсколькими стихами, начавшееся отступленіе русскихъ дружинъ по безводной степи, пѣвецъ, какъ-бы въ качествѣ свидѣтеля, задаетъ себѣ вопросъ и самъ на него отвѣчаетъ:

«Что ми шумитъ, что ми звенитъ
Давеча [1]) рано, *предъ зорями*?
Игорь плъкы заворочаетъ» [2])...

По лѣтописи, это происходило въ воскресенье, когда начинало свѣтать. «Бысть же *свѣтающе недѣли*, *возмятошася* Ковуеве въ полку, побѣгоша, Игорь же... поиде къ *полку* ихъ, хотя *возвороти* къ полкомъ» (Ип. 433). Обыкновенно въ заворачиваніи Игоремъ полковъ предполагаютъ попытку его остановить дрогнувшихъ и пустившихся въ бѣгство Куевъ. Вполнѣ раздѣляя это мнѣніе, замѣчу, что *шумъ и звонъ* ясно указываютъ на *возмущеніе* Куевъ. Можетъ быть, слѣдуетъ переводить:

---

[1]) «Давеча» (образовавшееся отъ *давъ*) многіе считаютъ свойственнымъ исключительно великорусск. нарѣчію. Думаю, что въ народномъ обиходѣ употребительно было на югѣ Руси и *давеча*. На это указываетъ часто встрѣчающаяся въ южно-русск. пам. форма *нынѣча* (или нынеча, или нонеча). См. *Ипат.* 470, Воскр. 214 и мн. др. Ср. Грам. XIV — XV в., изд. Д. Мейчикомъ, стр. 36, 40, 92.

[2]) Ср. ст. 122 Русской Правды, гдѣ *ворочати*—воротить обратно. Въ лѣтоп. *возворотити*—возвратить.

Игорь (въ) полки возвращаетъ (бѣглецовъ), Въ дальнѣйшемъ стихѣ:

«Жаль бо ему мила брата Всеволода»...

выражается, какъ справедливо замѣчено Максимовичемъ, Огоновскимъ, Хрущовымъ и др., душевное состояніе Игоря, когда, уже будучи схваченъ врагами,—«видѣ брата своего крѣпко борющася, проси души своей смерти, яко дабы не видѣлъ паденія брата своего»... Итакъ, по совершенно согласному съ лѣтописью свидѣтельству Слова, битва Игоря съ половцами, начавшись рано въ пятницу, кончилась на *третій* день.

Ополченіе выступило изъ Новгорода-Сѣверскаго на третій день пасхи, 23 апрѣля 1185 года, во вторникъ [1]). Солнечное затмѣніе, въ среду 1-го мая (во вечерню), застало Игоря еще на пути къ Сѣверному Донцу. Попытаемся опредѣлить: сколько времени употреблено ополченіемъ, съ середы 1-го мая на переходъ отъ Донца къ р. Каялѣ и въ какомъ направленіи совершонъ самый переходъ. Прибытіе къ р. Осколу послѣдовало приблизительно къ вечеру 2 мая, въ четвергъ. Тамъ Игорь поджидалъ *два дня*, т. е. въ теченіи пятницы и субботы, 3 и 4 мая, брата своего Всеволода (Ип. 431):

«Игорь ждетъ мила-брата Всеволода»...

Оттуда, по прибытіи Всеволода, двинулись къ р. Сальницѣ. Въ разстояніи около 120 в. на югъ отъ Сенска протекаетъ большая р. Соленая, правый притокъ р. Волчьи, но ее нельзя принять за Сальницу, которая, по ошибочному предположенію Буткова,—тотъ же Сюурлій, принимаемый Аристовымъ за сліяніе двухъ Ерелей. Д. Багалѣй [2]), слѣдуя Н. Аристову [3]) и Барсову, смѣшалъ Сальницу съ р. Торомъ. И. Бѣляевъ, отвергая, согласно съ Татищевымъ, Бутковымъ, Арцыбышевымъ и др., предположенное Карамзинымъ тожество съ Сальницей р. Сала, протекающаго сѣвернѣе р. Кагальника, смѣшалъ ее съ р. Бо-

---

[1]) Великъ-день былъ 21 апрѣля (Ип. 430). Это подтверждается вычисленіями (см. напр. археографич. календарь Горбачевскаго).

[2]) Истор Сѣверской земли. 1882, стр. 185, 249 и слѣд.

[3]) Изслѣдов. о Половецк. землѣ. Изв. ист.-филологич. общ. въ Нѣжинѣ, 1877 г.

гучаромъ, а Сюурлій съ р. Чиромъ [1]). Издавшій въ 1846 г. книгу Большого Чертежа Спасскій (въ примѣч. къ стр. 33), ссылаясь на экземпляръ этой книги 1792 г., гдѣ говорится о впаденіи въ Донецъ съ правой стороны, между Изюмомъ и Изюмцемъ (разстояніе 2 версты), рѣки Сальницы, высказалъ предположеніе о существованіи старѣйшаго списка Большого Чертежа, въ которомъ показана р. Сальница, замѣтивъ, что въ географич. словаряхъ Сальница означена въ Изюмскомъ уѣздѣ, но на картахъ ея нѣтъ. Дѣйствительно, въ спискѣ Большого Чертежа отъ 1627 г., изданнаго въ 1838 г., Языковымъ, Сальница показана между р. Изюмомъ и Изюмцемъ, которыя пали въ Сѣв. Донецъ подъ Изюмскимъ курганомъ, — «гдѣ Донецъ Сѣверный возятся» [2]). Мѣстоположеніе ея около Изюма извѣстно было и Татищеву. Если Сальница не отмѣчена на топографическихъ картахъ, то, вѣроятно, она пересохла, подобно многимъ, нѣкогда значительнымъ рѣкамъ, напр. притоку Десны Снови, обратившейся въ болото, Смядынкѣ у Смоленска, на которой погибъ св. Глѣбъ, и др.,—но въ Торъ [3]), извѣстный лѣтописцу и упомянутый во всѣхъ спискахъ Большого Чертежа, преобразиться никакъ не могла. Одну и ту-же рѣку лѣтописецъ не назвалъ-бы и Сальницей, и Торомъ, безъ такого поясненія, какое сдѣлано имъ относительно Ерели-Угла. Описаніе похода Владиміра Мономаха на половцевъ въ 1111 г., увѣнчавшагося блестящей побѣдой около той-же Сальницы, на потокѣ Дегея, не только не противорѣчитъ записи въ Большомъ Чертежѣ, но скорѣе подтверждаетъ ее. Такимъ образомъ, вторичная переправа чрезъ Донецъ, которой не могъ избѣжать Игорь при приближеніи къ Сальницѣ, должна была совершиться по Изюмскому перевозу. «А межи Изюма и Изюмца (рѣки) на Донцѣ Изюмскій перевозъ», называемый въ одномъ изъ эк-

[1]) О географич. свѣд. въ древн. Россіи. Зап. Геогр. Об. 1852 г. VI, стр. 79 и 80.

[2]) Неподалеку отсюда, въ 3-хъ верстномъ разстояніи отъ устья р. Береки, упоминается въ актѣ 1680 г. р. Солоная крыница, впад. въ Донецъ.— Д. Багалѣй. Матер. для истор. колониз. Харьков., Курск. и Вор. губ. 1886 г.

[3]) По удостовѣренію Л. Шабельскаго, именемъ этой рѣки назывался нѣкогда и г. Славянскъ. Историч. опис. р. Сѣв. Донца близъ Св. горъ. Зап. Одесск. Об. Ист. и Др., т. II.

земляровъ Большого Чертежа *малымъ* въ отличіе отъ *большого* перевоза ниже устья р. Тора, отъ малаго въ 10 верстахъ. Отъ Сальницы, вслѣдствіе сообщенныхъ развѣдчиками тревожныхъ извѣстій о сосредоточеніи половецкихъ силъ, и о необходимости или немедленно идти впередъ, или возвратиться домой, Игоревы дружины торопливо выступили *ночью* къ р. Сюурлію и достигли ее къ разсвѣту въ *пятницу*, 10 мая, т. е. на пятые, либо шестые приблизительно сутки по выступленіи отъ Оскола 5 или 6 мая, съ ежедневнымъ переходомъ около 25 верстъ. По моему предположенію, р. Сю-урлій—нынѣшняя рѣка Орлня, притокъ Волчьей, впадающей въ Самару [1]), (на которой Мстиславъ Изяславичъ разбилъ половцевъ), въ разстояніи на югъ отъ средняго теченія Соленой около 25 в. Нѣкоторое измѣненіе названія объясняю тѣмъ, что по-татарски *су* значитъ рѣка [2]).— Засимъ и начало дальнѣйшаго пути отъ р. Сальницы надо отнести не къ кануну пятницы, какъ думаетъ Д. Багалѣй вслѣдъ за Арцыбышевымъ и Погодинымъ, когда произошла первая стычка съ половцами, а приблизительно къ кануну понедѣльника (6 мая). Лѣтописецъ разсказываетъ, что, получивъ отъ развѣдчиковъ извѣстіе о появленіи половцевъ, Игорь, по совѣщаніи съ братьей, рѣшилъ идти впередъ. «И тако угадавше и ѣхаша *чересъ ночь Заутра-же* (т. е. поутру)[3]) пятьку наставшу, во обѣднее время, усрѣтоша полкы Половѣцькыѣ».—Знаменательное утро пятка отдѣляется большимъ промежуткомъ времени отъ ночи, въ которую Игорь поспѣшно двинулся отъ Сальницы къ Сю-урлію. Эту ночь лѣтописецъ не пріурочиваетъ къ четвергу. Медлительность похода, указаніе на которую я вижу въ стихѣ:

«Дремлетъ въ полѣ Олгово хороброе гнѣздо» . . .

дала возможность Тмутороканскому идолу—Кончаку сосредоточить половецкія силы, разбросанныя на огромномъ про-

---

[1]) «Волчьи воды впали въ Самару, а лѣсу съ тѣхъ мѣстъ до Перекопа нѣтъ». Кн. Больш. Черт., изд. Спасскаго.

[2]) На нѣкоторыхъ восточныхъ языкахъ *су*—вода.

[3]) Обыкновенно битва начиналась *съ заутра* (Ип. 252, 287) и др.

странствѣ между Днѣпромъ и Волгой [1]). Лѣтопись различаетъ половцевъ переяславскихъ, *корсунскихъ*, лукоморскихъ и русскихъ. При самомъ началѣ похода, провѣдавъ, по обличавшимъ бѣдственную участь Игоря грознымъ явленіямъ, о намѣреніи Игоря, Дивъ своимъ пронзительнымъ крикомъ далъ знать о выступленіи Игоря: Волгѣ, Поморью, Посулью, Сурожу (нынѣ Судакъ въ Крыму), *Корсуню* (вѣроятно области Корсуньской),— простиравшейся до Днѣпра, отъ самаго Херсонеса, и Тмутороканскому идолу или кумиру [2]). Быстрое соединеніе половцевъ объясняется тѣмъ, что, по свидѣтельству Роберта де-Клари, описавшаго 4-й крестовый походъ, каждый половецъ (куманъ) имѣлъ около 10 запасныхъ лошадей, которыхъ бралъ съ собою въ походъ, чѣмъ ускорялся обыкновенный переходъ въ шестеро, семеро и даже въ восьмеро [3]). Почти тоже сообщаетъ Мих. Литвинъ о татарахъ. «Многіе татары ведутъ съ собою по пяти лошадей, потому и совершаютъ походы съ такой быстротой [4]). По нашей лѣтописи, половцы, потерпѣвъ пораженіе, прежде всего хватали своихъ коней: «Половци побѣгоша хватаючи коней, не смѣша ни коня пояти въ руцѣ», и т. п. Встрѣчу Игоревыхъ дружинъ съ половцами такъ разсказываетъ лѣтописецъ:— «Яко быша къ рѣкѣ ко Сю-урлію», выѣхали изъ половецкихъ полковъ застрѣльщики и, пустивъ по стрѣлѣ на русичей съ *оной* стороны рѣки (съ противоположнаго берега) [5]), ускакали. Тогда, поясняетъ лѣтописецъ, Русь еще не переправилась чрезъ Сюурлій. Ускакали и тѣ половецкіе отряды, которые стояли далеко

---

[1]) «Послашася *по всей земли* своей» (Лавр.). Половецкая земля «межи Волгою и Днѣпромъ» (Ип. 314). Пороги Днѣпровскіе были уже въ землѣ половецкой. См. воззваніе къ Днѣпру, пробившему «каменныя горы *сквозь землю половецкую*».

[2]) Какъ въ Словѣ поганый половчинъ—поганый кощей Кончакъ — представляется черным ворономъ («ни тебѣ, черный воронъ»), такъ, по нѣкоторымъ спискамъ Задонщины (напр. въ Христоматіи Буслаева, стр. 1313), черным вороном называется Мамай: «Не въ обидѣ есми были по роженію, ни истребу, ни кречету, ни *черному ворону*, (ни) *поганому сему Мамаю*».

[3]) Rob. de Clary. La prise de Constantinople.

[4]) О нравахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ.

[5]) *Окая* сторона всегда въ лѣтописи, описаніи военныхъ дѣйствій означаетъ *другую* сторону, въ противоположность *сей* сторонѣ, ближайшей къ русскимъ полкамъ.

отъ рѣки Очевидно, половцы (какъ сказано въ Никонов. сводѣ) пускали стрѣлы лицемѣрно, въ ожиданіи съ часа на часъ прибытія подкрѣпленій: «неготовами дорогами». по выраженію Слова [1]). Святославъ Ольговичъ, Владиміръ Игоревичъ и Ольстинъ съ Куями погнались за половцами, перебредя р. Орляй, вѣроятно у пересѣченія двухъ нынѣшнихъ дорогъ, неподалеку села *Богатырь*,—а Игорь и Всеволодъ слѣдовали за ними помалу, не распуская своихъ полковъ. Разбивъ половцевъ, передовые русскіе отряды гнали непріятеля до вежъ, гдѣ часть ихъ остановилась подъ предводительствомъ Святослава Ольговича, остальные же, погнавшіеся далѣе, подоспѣли къ нимъ ночью, съ богатой добычей. Полагая продолжительность преслѣдованія половцевъ, съ переходомъ Орляя, до вежъ, всего около 6 часовъ и пройденное за это время пространство около 30 верстъ, необходимо признать, что пунктъ расположенія для ночлега («облегоша ту») попавшихъ въ засаду русскихъ дружинъ, предъ кровавыми зорями, находился на южной окраинѣ большой степи, окаймленной съ сѣверо-востока рѣкой Сухою *Ялы* и притокомъ ея Икряной, а съ запада — рѣкою Мокрою *Ялы* съ притокомъ Кашлагачемъ и Шайтанкой, неподалеку верховьевъ р. Кальчика (знаменитой Калки), соединяющейся своимъ устьемъ съ устьемъ р. Калміуса, близь Маріуполя. Такимъ образомъ, войска Игоря приблизились къ Азовскому морю на однодневный переходъ (около 25 в.), причемъ надо имѣть въ виду значительное, по удостовѣренію нашихъ геологовъ (Гельмерсенъ и др.), обмѣленіе Лукоморья за семь столѣтій.— Д. Багалѣй, вмѣстѣ съ Бутковымъ, принимаетъ Каялу за Калміусъ, поясняя, что «Каяла-Калміусъ» и есть Калка, на которой произошла несчастная битва русскихъ съ татарами въ 1224 г.[2]). Подойдя, хотя окольнымъ путемъ, довольно близко къ мѣсту послѣдней битвы Игоря съ половцами, почтенный историкъ Сѣверской земли совершенно произвольно отожествляетъ Калміусъ съ Калкой, образующейся изъ слiянія двухъ Кальчиковъ, гдѣ (на Калцѣхъ или на Калкахъ), впослѣдствіи Тохтамышъ

---

[1]) Одна дорога половецкая была за Бугомъ: «Михаилъ Юрьевичъ сгони ихъ за Бугомъ. Наѣхаша *дорогу ихъ*. Поѣхаша *по дорозѣ*».

[2]) Ист. Сѣв. земли, стр. 252.

побѣдилъ Мамая. По книгѣ Большого Чертежа, Калміусская дорога въ Перекопъ, куда шелъ Соляной путь,—«водится къ рѣчкамъ *Каламъ*, которыя пали въ море, и отъ рѣчекъ Калъ къ р. Короташу». Всѣ русскія дружины, — исключая какихъ-нибудь 15 человѣкъ, и небольшого отряда Куевъ, спасшихся бѣгствомъ,—«*въ морѣ истопоша*». Пѣвецъ также говоритъ, что пардово гнѣздо погрузло въ морѣ:

«По Русской земли прострошася половци,
Акы пард(ъ)уже гнѣздо и *въ морѣ* погрузиста (погрузили)
И великое буйство подаст(а) хинови»

Послѣдніе стихи отвѣчаютъ лѣтописному: «Поганыи же *Половци побьдивше* Игоря съ братьею, и взяша *гордость велику*», Обыкновенно изслѣдователи превратно объясняютъ, что *половцы* приравниваются къ *барсовому* гнѣзду, упуская изъ виду свойство живого языка, склоннаго употреблять частицу *акы* нетолько для означенія *качества* («акы волци,—акы туры» и т. под.), но и для означенія *времени*. Въ Словарѣ книжной малорусской рѣчи XVII в., изд. Житецкимъ, море—составъ водный озеро. Моремъ часто называлась просто *пучина*[1]).—Такъ какъ иностранцы каяли Игоря за погруженіе русскихъ воиновъ на днѣ Каялы, то подъ моремъ и въ Словѣ, и въ лѣтописи, разумѣется *Лукоморье* со всѣми его озерами и рѣками[2]). Это —

[1]) Примѣры см. въ Толковомъ Словарѣ Даля. Въ одной пѣснѣ поется: «Тильки найшла *у полі* синенькее *море*». Чубинскій, т. V, 552. А. Потебня полагалъ, что «въ морѣ истопоша»—погибли въ озерѣ. Слово и Зап. по русск. грам. II. 245. Такого-же мнѣнія многіе, напр. М. Андріевскій. Кіевск. Стар. 1882 г. Сент. 451. О формѣ *пардуже* см примѣч. къ моему перев. Слова.

[2]) Въ Лавр.:—«Идемъ по нихъ (половцевъ) *лоуку моря*». И *полуостровъ* Таманскій, гдѣ былъ г. Тмуторокань (древняя Таматарха) въ житіи св. Ѳеодосія названъ островомъ. Обыкновенно пишутъ Тмутаракань, но я не считаю себя вправѣ измѣнять древняго правописанія, строго выдержаннаго и въ лѣтописи, и въ Словѣ. Ср. слѣдующую любопытную запись одного, хранящ. въ Имп. публ. библ. синодика: «Въ лѣто SФА подвигшуся бранію изо *Тмуторокання* в. к. Мстиславу, сыну в. кн. Владиміра, на Косожскаго князя Редегу, и сразився съ нимъ единъ на единого, и заколе его ножемъ своимъ, а жену его и дѣти его взя въ плѣнъ. И егда пріиде в. к. во *Тмуторокань* и воздвиже церковь Преч. Богородицы, и крести дѣтей Редегиныхъ, во св. крещеніи Георгій да Романъ. И Георгій бездѣтенъ, а за Романа далъ дочь свою, и отъ него пошли многія роды»... Москвитянинъ. 1854 г. Дек. кн. 2, 116. По словамъ Погодина, писано уставомъ, при царѣ Мих. Ѳедор.

то самое *море*, откуда вѣтры, Стрибожьи внуки, вѣяли стрѣлами на полки Игоревы, за что Ярославна упрекала вѣтеръ-вѣтрило,— откуда шли половцы навсрѣчу русичамъ, откуда Святославъ Кіевскій, подобно вихрю, вырвалъ поганаго Кобяка («изъ луку-моря»),—куда, наконецъ, Ярославна поутрамъ слала потоки своихъ слезъ. — Если-бы Каяла протекала гдѣ-либо около устьевъ Дона, то непонятнымъ представлялось бы и *прибытіе* половецкихъ подкрѣпленій *со стороны Дона*, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Слово:

«Половци *идуть отъ Дона* и отъ моря»...

и пребываніе плѣннаго Игоря около р. Тора, откуда, на пути къ Новгороду-Сѣверскому, Игорь прибылъ по освобожденіи изъ плѣна, *пѣшкомъ*, въ одинадцать дней къ городу Донцу, находившемуся въ $1^1/_2$ в. ниже впаденія р. Лопани въ р. Уду, близь Хорошева дѣвичьяго монастыря[1]). Пѣвецъ разсказываетъ, что Игорь, въ сопровожденіи Лавра, поскакалъ, сначала на конѣ, къ *Лугу* Донца, (ср. нынѣшн. *Лугань*), но скоро они надорвали коней и затѣмъ пробирались по берегу рѣки, укрываясь отъ погони:

«На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ»...

Остается намъ разобратъ—почему пѣвецъ, отличающій Донъ отъ Донца, съ которымъ Игорь, избавившись отъ плѣна, велъ трогательную бесѣду, помѣщаетъ Каялу, рѣку *половецкую*, у Дона великаго.

«Кончакъ ему (Гзѣ) слѣдъ правитъ къ Дону *великому*».
«Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати[2])
О шеломы половецкыя, на рѣцѣ *на Каялѣ у Дону великаго*».

---

[1]) В. Пассекъ. Курганы и городища. Русск. Истор. Сб. т. III, кн. 2, стр. 214.

[2]) Лугомъ Донца назывались, вѣроятно, окрестности р. Лугани, истоки которой начинаются неподалеку р. Тора. Мѣстность, примыкающая къ Днѣпру у Боплана носитъ назв. Великаго Луга.

[3]) О. Гонсіоровскій находитъ въ ударахъ сабель о шеломы половецкіе подобіе *чоканью* бокаловъ (Зам. о Словѣ. Ж. М. Н. П. Фев. 1884, стр. 274). Принимая «тручати» въ знач., указанномъ Ф. Пискуновымъ въ его Малорус. Червонорусск. Словарѣ, (толкать), но съ видоизмѣненіемъ сообразно уподобленію пѣвцомъ битвы молотьбѣ, а сабель—цѣпамъ, перевожу: Тутъ саблямъ *потолочься*...

Высказывая желаніе «позрѣть синего Дону»,— «испити шеломомь Дону», Игорь разумѣлъ Донъ великій:

«Ему знаменіе заступи искусити Дону *великаго*».
«Галици стады бѣжать къ Дону *великому*».

Свое понятіе о Донѣ великомъ опредѣляетъ, въ общихъ чертахъ, самъ-же пѣвецъ въ стихѣ, изображающемъ замыселъ притворившагося спящимъ [1]) Игоря бѣжать изъ плѣна *съ береговъ р. Тора*:

«Игорь мыслію поля мѣритъ *отъ великаго Дону до малаго Донца*»

Игорь, измѣряя пространство, какое предстояло ему пройти до Донца, очевидно соображалъ разстояніе отъ р. Тора, близъ которой обрѣтался плѣнникомъ [2]). Въ этой части лѣтописное показаніе оправдывается Словомъ. По разсказу лѣтописца: «Сий же (Игорь, по передачѣ ему конюшимъ, что Лавръ его поджидаетъ) пришедъ къ рѣцѣ (Тору) и перебредъ и всѣде на конь, и тако поидоста сквозѣ вежа». Ему удалось прокрасться чрезъ непріятельскіе станы, ибо «сторожемъ его *играющимъ* и *веселящимся*, а князя *творяхуть* спяща», т. е. *полагали*, что онъ спитъ [3]). Пѣвецъ поясняетъ, что Игорь прикинулся спящимъ (чтобы отвлечь вниманіе сторожей). Слова: играющимъ и веселящимся» замѣнены у пѣвца выраженіемъ «*ся подвизаша*», т. е., по моему переводу: (станы) *подвизались*. По объясненію пѣвца, Влуръ (Лавръ) поджидалъ князя *за рѣкой*, откуда далъ знакъ свистомъ. Игорь побѣжалъ къ тростнику и *на воду*, т. е. *на рѣку*. Такъ и въ бесѣдѣ Игоря съ Донцомъ вода разумѣется *рѣчная*:

«Стрежаше е(го) гоголемъ *на водѣ*».

---

[1]) Въ стихѣ: «Игорь спитъ, Игорь бдитъ»... Снегиревъ неосновательно заподозрилъ пропускъ частицы *не* (не спитъ). Слово. Рус. истор. сб. 1838 г. т. III, стр. 107—128.

[2]) Игоря взяли *Тарголове*, а Всеволода и Святослава Ольговича *Бурчевичи* (Вобурчевичи), которыхъ лѣтопись отличаетъ отъ половцевъ собственно Лукоморскихъ (Ип. 454). Лѣтописецъ добавляетъ, что Игорь и Всеволодъ попали въ руки: первый—какого-то Чилбука, а второй—Романа Кзича.

[3]) Ср. «Творяшеться тамо и долго быти» (Ип. 437).

Игорь вскочилъ на поводного коня»[1]) и пустился по направленію къ Донцу, а потомъ «*иде пѣшь*», какъ въ Словѣ, изъ коего видно, что и Лавръ скакалъ сначала на конѣ. Относительно поры Игорева побѣга Слово также согласно съ лѣтописью. И тамъ, и здѣсь, удостовѣряется, что Игорь вырвался изъ плѣна *вечеромъ*, тотчасъ по закатѣ солнца. Пѣвецъ говоритъ, что Игорь лежалъ уже въ палаткѣ, когда:

«Погасоша *вечеру* зори» (вечернія зори).

По лѣтописи, избавленіе отъ плѣна совершилось въ пятокъ «*въ вечерѣ*». Спрашивается, насколько лѣтописное извѣстіе объ избавленіи Игоря изъ плѣна вечеромъ согласуется со стихомъ:

«Комонь—*въ полуночи*. О, *Влуре* свисну за рѣкою»!

какъ должно читать, устранивъ несуществующаго въ Словѣ, но признаваемаго всѣми переводчиками *Овлура*?[2]). Для разрѣшенія этого вопроса необходимо освоиться съ понятіемъ пѣвца о *полуночи* и опредѣлить точнѣе моментъ, къ которому пѣвецъ относитъ условный знакъ Лавра. Обозрѣніе стиховъ Слова, въ которыхъ время обозначается *полуночью*, показываетъ, что выраженіе «въ полуночи» значитъ—*среди* ночи, какъ и въ лѣтописи: «въ *нощи* бывши тутенъ, стонаше *полунощи*» (Ип. 150),—«приѣздящимъ воиномъ *полунощи*» — «якоже всее *нощи* клину не переста» (Ип. 534).

«Крычатъ телѣгы (въ) *полунощи*»...

Всеславъ прыгнулъ лютымъ звѣремъ

... «въ *плъночи* изъ Бѣлаграда»...

«Прысну море (къ) *полунощи*» ..

Послѣдній стихъ имѣетъ непосредственную связь съ освобожденіемъ Игоря, ибо повесшіеся смерчи явились для него божественнымъ указаніемъ пути на родину. Очень вѣроятно, что пѣвецъ, въ данномъ случаѣ, соединялъ съ полуночью также и представленіе о *сѣверѣ*, что было, конечно, весьма кстати, ибо Игорю предстоялъ путь въ *Сѣверщину*[3]). О томъ, что Игоря

---

[1]) Лѣтопись различаетъ поводныхъ—верховыхъ—коней отъ товарныхъ — обозныхъ (Ип. 309).

[2]) Сравн.: «О, Бояне»,—«О. далече зайде соколъ»,—«О, стонати Русской земли»...

[3]) «Сѣверяне сѣдоша по Деснѣ, Семи и Сулѣ и нарѣкошася *Сѣверы*» (лѣтоп.).

поджидаетъ Лавръ съ приготовленнымъ конемъ, увѣдомилъ князя *конюшій* его (Ип. 438). Когда раздался свистъ Лавра, съ условнымъ знакомъ исчезновенія[1], Игорь еще не перешелъ р. Тора. Пѣвецъ говоритъ, что князь бросился *на воду* послѣ свистка.

Вечеръ наступалъ, когда заря угасала, и считался уже началомъ *ночи*.—«Въ день—до захожденія солнечнаго» (Нов., II, 135).— «Солнцю зашедшоу... съвѣтъ створиша *вечеръ*» (Ип. 510).

«Всю *нощь съ вечера* босуви врани взграяху»...

Такимъ образомъ, *вечерніе сумерки*, постепенно сгущаясь, переходили въ *ночной мракъ*. — «Вечоръ въ суморокъ» (Ип. 147). «Прѣспѣ вечеръ и зайде солнце, *смерчеся свѣтъ*, и *наста нощь* и бысть *тма*» (П. С. Р. Л., IV, 74) [2]).

«Дълго *ночь меркнетъ*» (помрачается).

Продолжалась ночь до появленія свѣта зари. «Нощи исходящи... пришедшу дню... *явися заря*, также *и свѣтъ*, и потомъ возсія солнце» (Нов. II, 139).– «*Зоръ* начашася *займати*» (Ип. 301).— «Трясеся земля *предъ зорями въ нощи*» (Лавр. 1107 г.).

«Зоря свѣтъ запала(лъ)»...

«*Другаго дни* велми рано кровавыя *зори свѣтъ повѣдаютъ*»...

Ночь, длившаяся 12 часовъ, какъ и день — 12 часовъ, раздѣлялась на четыре трехчасовыхъ періода. Д. Прозоровскій нашелъ въ лѣтописяхъ слѣдующія выраженія: «долго-вечера» (около 2-го часу лѣтн. ночи), долго ночи, совпадающ. съ куроглашеніемъ [3]). Поэтому я отношу долго-ночь (меркнетъ) въ Словѣ къ исходу ночи, къ глубокой ночи. Не должно думать, чтобы, въ Словѣ, съ понятіемъ о *раннемъ* часѣ всегда соединялось понятіе объ *утрѣ*, наступавшемъ вообще съ разсвѣтомъ. «Въ *утрій день по зорямъ* ѣхавше до солнца» (Ип. 279).—«Свѣ-

[1]) «Небыть—кликну». *Небыть* слѣдуетъ различать отъ *не быти*.— Небыть—небытіе,—быть—бытіе (ср. Словарь др. рус. яз. И. Срезневскаго).

[2]) По представленію книжниковъ· — «Бездны бывши древле верху земли, отъ нея-же тмы, вечеръ и нощь, и свѣтъ, и день» (Ип. 159).

[3]) Стар. русск. счисленіе часовъ. Труды 2-го арх. съѣзда въ Петербургѣ, стр. 171.

тающю же пятку» (Ип. 603). — Правда, *съ заранія* значитъ *съ утра*, т. е. послѣ появленія зари:

«*Съ заранія въ пятокъ* потопташа»...[1])
«*Съ заранія* до вечера, съ вечера *до свѣта*»...

Но въ двухъ стихахъ Слова *рано* означаетъ, несомнѣнно, время *ночное*:

«Давечя *рано предъ зорями*»...
«Тому (Хорсу) позвониша *заутренюю рано*»...

Въ лѣтописи, подъ 1107 г.: «Трясеся земля *предъ зорями въ нощи*». Заутреняя служилась *ночью*. Въ житіи Бориса и Глѣба (по изд. О. Бодянскаго) говорится: «Борисъ повелѣ презвутеру пѣти *заутрень нощи сущи*». — «Въ *нощи* загорѣлась свѣща въ церкви», когда *заутренюю* пѣли. — Звонило у Софіи *заутренюю* въ пятомъ часу *нощи*» (Нов. II, 161). — «Въ *заутреннее* время бысть на небеси знаменіе, и *до свѣта*» (Ib. 169). — «Отпѣвши *заутреню предъ зорями*». — «*Наутрья*, по отпѣтьи *заутрени*» (Ип. 134 и 604). — «По обычаю... отстоявшю *утренюю предъ зорями*» (Лавр. 1074 г.). По словамъ А. Аѳанасьева, колокольный звонъ, предвѣщавшій восходъ солнца подобно крику пѣтуховъ, раздавался въ предразсвѣтные часы. По народному повѣрью, крикъ пѣтуховъ служилъ сигналомъ, что на небѣ звонятъ къ заутренѣ[2]). Въ Златой Чепи объяснено, что «заутреняя... наречеться *конець нощи*, а вечерняя *конець дня*». По разсчету Д. Прозоровскаго, заутренюю начинали вслѣдъ за *куроглашеніемъ*, а въ евангеліи время пѣтлоглашенія значится послѣ полуночи, предъ утромъ[3]). Авторъ Слова относитъ, въ запѣвахъ, и причитанія Ярославны къ *раннему* часу, поясняя, что она *кичилась*[4]) *нивьсть* (какъ) *рано*:

«Зегзицею, незнаемь-рано кычеть»...

---

[1]) Изъ лѣтописи видно, что русичи разбили половцевъ въ пятницу *утромъ*.

[2]) Поэтич. воззр. славянъ на природу, стр. 518—520.

[3]) Стар. русск. счисл. часовъ, стр. 173.

[4]) Ср.: «голосъ слышитъ» — слышит(ся), «говоръ убуди» — возбуди(ся). Н. Тихонравовъ и др. полагаютъ, что: «кикахуть» и «кычеть» отъ одного и

предоставляя читателю догадываться: днемъ или ночью она заголосила. Въ украинскихъ думахъ кукушка начинаетъ куковать такъ-же весьма рано:

«*Барзо рано*—пораненьку не сова, зозуля заковала»[1]).

Кажется, Ярославна начинала проливать по плѣнномъ мужѣ слезы при самомъ разсвѣтѣ и кончала причитанія при солнечномъ восходѣ[2]). Потому-то, вѣроятно, обращеніе ея къ вѣтру и Днѣпру *предшествуетъ* обращенію къ тресвѣтлому солнцу. Поэтическая фантазія, не затруднившаяся уподобить день ночи при неполномъ солнечномъ затмѣніи:

«Нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди»...[3])

будто стремится сблизить плачъ Ярославны, по времени, съ каяльской битвой, происходившей въ срединѣ мая, когда кровавыя зари возвѣщали свѣтъ весьма рано. Въ этомъ плачѣ звучитъ отголосокъ Игоревыхъ страданій, испытанныхъ при самой развязкѣ кроваваго пира, имѣвшей мѣсто, по выраженію пѣвца, *къ полудню*. Старинный полдень далеко не совпадалъ съ нашимъ полуденнымъ часомъ. Прежде *часы* сообразовались: дневные—съ восходомъ, а ночные—съ заходомъ солнца[4]). Полдень совпадалъ съ шестью час. послѣ солнечнаго восхода. Такъ

того-же глагола: «*кикати*» или «*кыкати*». Мнѣ кажется, однако, что форма «кычетъ», отъ церк.-слав. *кычитися*, употребл. въ смыслѣ *кичитися*, *кичение*—надмѣнность (ср. Словарь Даля). Ярославна какъ-бы хорохорилась, что она полетитъ къ мужу и облегчитъ его страданья.

[1]) П. Кулишъ. Ист. возсоед. Руси, т. I, прилож., стр. 350.

[2]) «*Рано*, въсходящю солнцю» (Ип. 263). Въ Задонщинѣ: «Андреева жена Марья да Михаилова жена Оксинья *рано* плакашася» (Списокъ Кир. Бѣлозер.).

[3]) Ср.: «дьяволъ *стемляше*» (Ип. 80).

[4]) Впрочемъ, изъ разбора лѣтописныхъ данныхъ Д. Прозоровскій заключилъ, что дневные часы не всегда зависѣли отъ момента солнечнаго восхода (Стар. русск. счисл. часовъ, стр. 174).— Счисленіе суточнаго времени должно было урегулироваться съ изобрѣтеніемъ механическихъ часовъ Сербиномъ Лазаремъ, 1404 г. Въ полов. XVI в. указана лѣтописью разница между новгородскими и московскими часами: — «Въ декабрѣ въ *третій* часъ ночи по московск. часамъ, а по новгородск. часамъ на *шестомъ* часѣ на ночномъ, загорѣлось въ Юрьевѣ монастырѣ» (Нов. II, 154).

2 авг... «въ *6 часъ, о полудни*» (Нов. IV, 73). 11-го авг. 1124 г. «въ 9-й часъ дни *передъ вечернею* начало убывать солнце, мало не смерчеся *по полудни*» (Нов. II). По нашему счисленію, то было около 3-хъ часовъ дня, почти въ ту-же сравнительно пору, какъ началось затмѣніе 1-го мая 1185 г. Оно случилось «въ часъ 10-и дни, яко въ *звоненіе вечернее*», а вечерню служили въ маѣ всегда около 10 часовъ дня: «Мая въ 14-й день 1117 г., въ часъ 10-ть *вечерню* поющимъ въ св. Софіи» (Нов. I, 4). «Солнце помьрче яко по часу и болѣ и звѣзды быша и пакы просвѣтися» (Нов. I, 18). Такъ какъ 15 мая солнце восходитъ около 4 часовъ, то каяльская битва кончилась между 9—10 час. утра. Надо полагать, что, при обращеніи къ солнцу съ нѣжными укорами въ немилости къ ладѣ, Ярославна была озарена его лучами [1]):

«Чему, господине, простре горячюю свою лучю *на ладѣ* вои»...

Сравнивая этотъ стихъ съ стихомъ въ обращеніи къ вѣтру:

«Чему мычеши хиновьскыя стрѣлки.... на *моея лады вои*»,

я предполагаю въ первомъ умышленный пропускъ пѣвцомъ «*моея*». Игорь былъ ладой не одной Ярославны, но, по своей солнечной натурѣ—и тресвѣтлаго солнца,—его двойникъ. Здѣсь, какъ и въ игрѣ словъ *лучю* и *луци*, проявилось присущее пѣвцу остроуміе: онъ *ладу* сближаетъ съ набойной *лодьей*, какъ видно изъ обращенія къ Днѣпру:

«Ты лелѣялъ еси (колыхалъ) на себѣ Святославли *насады* до плъку Кобякова,—
Възлелѣй, господине, мою *ладу* ко мнѣ»...

Къ сожалѣнію, въ запѣвѣ обращенія къ солнцу, Екатерининскій списокъ расходится съ Пушкинскимъ. Въ первомъ—«*на морѣ*» (плачетъ), во второмъ — «*рано*», что̀ и подало поводъ А. Петрушевичу произвольно читать: *на зарѣ*, какъ и въ предыдущемъ стихѣ:

«А быхъ не слала къ нему слезъ *на морѣ* рано»...

---

[1]) Обращеніе Ярославны къ солнцу едва-ли удобно сближать, какъ это сдѣлалъ Ѳ. Буслаевъ, съ заговоромъ оружія посредствомъ узловъ и считать ее заклинательницей оружія, приписывающей солнцу способность околдовывать его (Арх. истор. юридич. свѣд., кн. I, отд. IV, стр. 41).

А. Петрушевичъ, очевидно, не замѣтилъ, что плачъ Ярославны сливается съ морскими смерчами:

«Прысну *море* полунощи, идутъ смерци мьглами»...

Это явленіе природы произошло подъ вліяніемъ потоковъ слезъ Ярославны, которыми она наполняла море. Чудесной силой сжалившагося надъ ней тресвѣтлаго солнца, вода морская, смѣшанная съ горючими слезами, поднялась дождевыми облаками и понеслась къ *стверу*, указывая Игорю путь на родину... Неизвѣстно—сколько времени протекло отъ выхода Игоря изъ своей палатки до свистка Лавра... Однако, слѣдуя указаніямъ Слова, можно полагать, что Игорь услыхалъ свистъ уже *ночью*,— особенно, если мы придадимъ ночи такой-же широкій смыслъ, какой ей приданъ въ разсказѣ Святослава о своемъ сновидѣніи: «Си *ночь съ вечера*» и т. д. Пѣвецъ объясняетъ и условность свиста, и что̀ именно имъ выражалось:

«Велятъ князю разумѣти, князю Игорю не быть кликну».

Пребываніе плѣннаго Игоря на Великомъ Дону, неподалеку р. Тора, откуда онъ мысленно мѣрилъ поля до Малаго Донца, доказываетъ, что по географической терминологіи, господствовавшей на Руси въ XII столѣтіи, область Великаго Дона была очень обширна [1]), захватывая и ту площадь *великаю поля* половецкаго, *въ конць* [2]) котораго Игорь хотѣлъ преломить копье,— которую наканунѣ пятничной битвы русичи загородили червленными щитами,—среди которой летали стрѣлы, гремѣли сабли, трещали копья въ кровавую субботу;—то *поле безводное*, въ которомъ, по словамъ Ярославны, тресвѣтлое солнце горячимъ лучемъ сомкнуло луки воиновъ ея лады, а по выраженію пѣвца: рѣки *мутно текли*, т. е. смутно, тревожно (сравн. *мутенъ* сонъ). Изъ Лавр. и Никон. лѣтописей видно, что половецкіе маневры клонились къ тому, чтобы отрѣзать русскія дружины отъ воды. «Изнемогоша безводіемъ сами и кони ихъ»,—«бѣ бо тогда зной велици зѣло»..., «къ водѣ недающи пройти»..., «къ водѣ рус-

[1]) Такъ и древне-русск. область Дунайская сливалась съ р. Дунаемъ. Въ 1162 г. греч. царь далъ Васильку Георгіевичу четыре города «*на Дунаи*» (Ип. 357). Въ 1106 г. Владиміръ «угонивше половци *до Дуная*» (Ип. 186).

[2]) *Конець поля* или *кіньци поля* въ этомъ знач. и донынѣ употребл. малорусcомъ. Аѳ. Чужбинскій. Пантеонъ. 1854, № 2, стр. 30, 31 (отд. библіогр.).

скому воинству не дадяще приступити»..., «и отнюдь русское воинство отлучиша отъ воды».

Теперь послѣдуемъ за отступающими къ Сѣверному Донцу полками Игоря. Руководящею нитью, при топографическихъ изысканіяхъ, здѣсь можетъ служить «езеро», вокругъ коего, на глазахъ схваченнаго половцами Игоря, метался, истощая послѣднія усилія отбиться отъ налегавшихъ на него враговъ, буй-туръ Всеволодъ, изломавшій въ куски все свое оружіе. Въ теченіи субботы, днемъ, дружины русскія, на обратномъ пути, *пѣшимъ* строемъ («бьяхуться идуще пѣши») не могли пройти большого разстоянія Лишь только слѣзли съ коней, какъ Игорь получилъ сильную рану въ лѣвую руку. Эта рана была, кажется, не единственная Пѣвецъ взываетъ къ князьямъ,—отомстить за *раны* Игоревы,—Ярославна порывалась обмыть кровавыя *раны* своего мужа.— Тогда же взятъ былъ въ плѣнъ раненный еще раньше воевода Игоревъ. Бой, съ большимъ урономъ для русичей («многи *ранени* и *мертви* быша въ полкохъ рускихъ»),—причемъ «*убиша* и *дивна богатыря Добрыню Судиславича*» (Никонов.), длился до вечера. Ночью русскія дружины, вѣроятно, ускорили отступленіе, не переставая *отбиваться*: «Наставши же нощи суботнии, и поидоша бьючися». Въ воскресенье утромъ продолжали идти. Находившійся посреди полковъ Всеволодъ «не мало мужьства показа». (Ип. 433). Одинъ изъ посвященныхъ пѣвцомъ этой геройской оборонѣ Всеволода стиховъ неправильно понимаютъ комментаторы:

«Кая раны дорога, братіе,
Забывъ чти [1]) и живота»...

«Раны дорога» — гибельная дорога[2]), какъ «*градома* забралы»— городскія забралы,— «*вечеру* зори»— вечернія зори, — «*солнцю* свѣтъ—солнечный свѣтъ Въ сложности, пространство, пройденное ополченіемъ съ утра субботы до воскреснаго *полудня*, когда, по свидѣтельству Слова окончательно пали стяги Игоревы и

---

[1]) Въ повѣсти Флавія :—«Забылъ еси. . естества и братства, и любовь горящу, и санъ, и *честь*». Князья возвращались изъ удачныхъ походовъ со славою и *честью* (напр. Ип. 329).

[2]) Такъ понялъ и Гаттала :—«jaka-te to bratři, dráha ran . . . Slovo o polku Igorevě. Пражское изд. 1858 г.

братья разлучились, не могло превышать 35--40 верстъ. Упомянутое лѣтописью озеро—не то ли самое, которое находится лѣвѣе впаденія Орля въ Волчью, не далѣе восьми верстъ отъ устья Мокрой Ялы,—подлѣ села Богатыря? При разысканіи мѣста гибели Игоревыхъ полковъ можетъ помочь данный пѣвцомъ половецкой Каялѣ эпитетъ *быстрая:*

«Ту ся брата разлучиста на брезѣ *быстрой* Каялы».

По всѣмъ признакамъ, рѣка, поглотившая Игорево ополченіе, была многоводною, поэтому къ ней болѣе подходитъ *Мокрая* Ялы по своимъ размѣрамъ и обилью воды сравнительно съ Сухою Ялы. Допуская, что давнѣйшее названіе рѣки подверглось нѣкоторому измѣненію,—я нахожу одно изъ главныхъ доказательствъ тожества Каялы съ р. Ялы въ Ипатскомъ сводѣ, гдѣ она названа «Каялы», а не Каяла, какъ въ приведенномъ стихѣ Слова и въ другихъ мѣстахъ:

«Ту ся копьямъ приламати... на рѣцѣ *на Каялѣ*»..

«На рѣцѣ *на Каялѣ* тъма свѣтъ покрыла»..

«Омочю бебрянъ рукавъ *въ Каялѣ* рѣцѣ» ..

Лѣтописное названіе рѣки, кажется,— не Каяла, а Каялы: «Въ день св. Воскресенія... Господь въ радости мѣсто наведе на вы плачь и во веселье мѣсто желю на рѣцѣ *Каялы*».

Въ заключеніе разберемъ три стиха Слова, побуждающіе многихъ искать половецкую рѣку Каялу въ окрестностяхъ Черниговскаго Канина, упом. въ Лавр. лѣтоп. подъ 1152 г. Разсказавъ о томъ—какая горькая участь постигла на Нѣжатиной Нивѣ вступившагося за обиду Олегову храбраго и молодого князя Бориса Вячеславича, вооружившагося, въ союзѣ съ нимъ, противъ Всеволода Ярославича, которому помогали Изяславъ съ сыномъ Ярополкомъ и Владиміръ Мономахъ, пѣвецъ переходитъ къ другому поучительному примѣру гибельныхъ плодовъ отъ посѣянныхъ Олегомъ раздоровъ. По моему чтенію, согласному со сплошнымъ текстомъ Пушкинскаго списка:

«Съ тоя же каялы Святоплъкъ пове(зъ),

Лѣ я, отця своего,

Междю оугорьскими иноходцы, ко святѣй Софіи [1]), къ Кыеву».

[1]) Ср.: «... у святыя *Софеи* въ колоколы».—Въ завѣщ. Ивана Юхнова Олехновича 1515 г. сказано: «А тѣло мое грѣшное маетъ поховати сынъ мой Федко у церкви святое *Софеи*,—а рубль грошей и конь бурый на церковь святое *Софеи*... А писавъ духовницу дякъ *Софейскій*». Кіев. Стар. 1892 г. Фев., 345.

Мнѣнія о лежащемъ въ тэмѣ этихъ стиховъ событіи расходятся. Одни принимаютъ его за проводы *Ярополкомъ* родного отца своего Изяслава Ярославича, павшаго въ битвѣ 30 октября 1078 г., вслѣдъ за Борисомъ Вячеславичемъ, въ то время, когда Святополкъ Изяславичъ пребывалъ въ Новгородѣ Великомъ. Другіе полагаютъ, будто здѣсь идетъ рѣчь о тестѣ Святополка половецкомъ князѣ Тугорканѣ, убитомъ 19 іюля 1096 г., при отступленіи отъ Переяславля послѣ неудачной его осады 30 мая того года. По явной несостоятельности перваго мнѣнія, бездоказательно допускающаго ошибку въ имени сына Изяславова, необходимо принять второе мнѣніе, какъ находящее себѣ полное оправданіе въ лѣтописи. Въ подтвержденіе его приведу свои соображенія. Трупъ Изяслава былъ привезенъ съ Нѣжатиной Нивы (близъ нынѣшняго Нѣжина) къ Городцу въ лодкѣ: «Привезоша *въ лодьи* и поставиша противу Городцю» [1]). Навстрѣчу вышло все населеніе Кіева. Потомъ возложили тѣло на сани и повезли *въ церковь св. Богородицы*, —но везли не лошади, а «*попове* и *черноризци*», позади-же шелъ Ярополкъ: «*Идяше* по немь, плачася, съ дружиною своею» (Лавр., Ипат.). По лѣтописному извѣстію, когда, послѣ битвы 1096 г., поутру отыскали трупъ Тугоркана, то «*взя* и Святополкъ акы *тьстя своего и враги* и *привезше и къ Кыеву*» (Лавр.). «*Взя* Святополкъ акы цьстя своего и акы врага и *привезше Киеву*» (Ипат.). Сторонниковъ перваго мнѣнія наиболѣе смущаютъ слова пѣвца: «съ тоя же каялы», заключающія въ себѣ какъ-бы ссылку или на р. Каялу, или на Канину зелену паполому, по принятому ими чтенію предыдущихъ стиховъ,—причемъ нѣкоторые принимаютъ канину за *конскую*, нѣкоторые-же производятъ отъ *канія* — коршуна, либо отъ *ткани* (Гатталя). Но упомянутая ссылка имѣетъ, по моему мнѣнію, другой смыслъ. Въ Словѣ

---

[1]) Нельзя утверждать, чтобы везли рѣкою, хотя это и вѣроятно. Ладьи употреблялись въ древней Руси и при похоронныхъ обрядахъ. Трупъ вел. князя Святополка Михаила въ 1112 г. также «привезоша *въ лодьи* Кыеву» изъ подъ Вышегорода. Въ Городецъ Георгій Володиміровичъ ѣздилъ изъ Кіева въ *насадѣ* (Ип. 288), а Святославъ Ольговичъ съ братомъ Владиміромъ—въ *лодьяхъ* (Ип. 293), вѣроятно по Остру и Деснѣ Городецъ—возлѣ с. Вигуровщины, на р. Гнилушѣ. Сожженъ въ 1135 г. и получилъ назв. Песочнаго городка. В. Гошкевичъ: Замокъ кн. Семена Олельковича и Городецъ.

говорится не о Каниной паполомѣ, а о *казни иной* и зеленой паполомѣ.

«Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе
И на ка(з)нь ину: зелену паполому постла»...

Разсматривавшій черновыя бумаги сотрудника Мусина-Пушкина по изданію Слова,—Малиновскаго, Е. В. Барсовъ удостовѣряетъ, что въ нихъ слитно написано: «казнину». Изъ этого, а также изъ пропуска буквы *з* въ Пушкинскомъ изданіи Слова и Екатерининской копіи, явствуетъ, что въ утраченномъ, или же первоначальномъ спискѣ повѣсти, буква *з* находилась надъ спорнымъ словомъ. Въ рукописяхъ конца XV в. и XVI в. полууставныхъ, переходящихъ въ скоропись, къ которымъ я отношу утраченный списокъ Слова [1]), буква *з*, по древнему

[1]) Къ сожалѣнію, Мусинъ-Пушкинъ не оставилъ сколько-нибудь обстоятельнаго описанія сгорѣвшаго хронографа, къ которому приложено было Слово. Для опредѣленія времени и условій его написанія, нѣкоторую помощь могло-бы оказать подробное научное обозрѣніе многочисленныхъ рукописей Ярославскаго Спасо-Преображенскаго монастыря.—Профессоръ А. А. Кочубинскій любезно сообщилъ мнѣ, что въ бытность свою въ Ярославлѣ, на археологическомъ съѣздѣ, онъ осматривалъ дѣло (по описи № 18), о высылкѣ Мусину-Пушкину, 12 авг. 1791 г., изъ мѣстной консисторіи, вмѣстѣ съ Степенной книгой, *трехъ* изъ пяти «гронографовъ», найденныхъ въ библіотекѣ архіерейскаго дома, въ который, за перенесеніемъ, по указу Императрицы Екатерины II отъ 26 фев. 1786 г., архіерейской каѳедры изъ Ростова въ Ярославль, былъ обращенъ древній Спасскій монастырь, основанный Константиномъ Всеволодовичемъ Мудрымъ (Никон. 1216 г.). Одинъ изъ посланныхъ хронографовъ—полууставный на 570 л., другой на 480 л. и третій на 429 л. По словамъ самого Мусина-Пушкина, хронографъ съ прилож. Слова, *обозначенный номеромъ* 323-мъ (Сынъ Отеч 1839 г., т. VIII, отд. VI, стр. 16), купленъ имъ, чрезъ своего комиссіонера, у управлявшаго тѣмъ монастыремъ, до упраздненія его по Синодальному указу 29 мая 1788 г., архимандрита Іоила, уже послѣ увольненія послѣдняго. Вѣроятно, погибшій хронографъ прежде принадлежалъ тому-же монастырю. Остальные два хронографа и понынѣ хранятся въ ризницѣ арх. дома. Іеромонахъ Владиміръ въ описаніи Ярославскаго Спасо-Преображ. монастыря, изданномъ въ 1881 г., замѣчаетъ, что древнѣйшія рукописи поступили въ ризницу Спасскаго монастыря по перенесеніи архіер. каѳедры изъ Ростова въ Ярославль, а ранѣе принадлежали Ростовскому Успенскому собору, и что рукописями историческаго содержанія библіотека начала обогащаться съ XVII в. Въ трудѣ іеромонаха Владиміра имѣются ссылки на какія-то старыя описи рукописей ризницы, приводятся заглавія, нѣкоторыя надписи о пожертвованіяхъ, покупкѣ книгъ и т. под.

обычаю ставить ее подъ титломъ [1]), очень часто выводится изъ строки и обозначается надъ нею ломаной линіей. Такъ напр., въ трехъ мѣстахъ небольшого отрывка Воскрес. лѣтописи эта буква помѣщена надъ строкой, имѣя неясныя и невполнѣ одинаковыя очертанія [2]). Самое слово «казнь» писалось въ подобныхъ памятникахъ часто «кань» съ надстрочнымъ *з*, напр. въ Луцидаріусѣ (сирѣчь просвѣтитель): «На кую страну Богъ кань напусти» [3]). Пропускъ надстрочнаго *з* оказался и въ другомъ словѣ Повѣсти: «воззни» (стрикусы), но только по Екатерининской копіи, въ Пушкинскомъ же печатномъ изданіи ошибка, къ счастью, исправлена. Весьма вѣроятно, что и въ словѣ «повѣ(з) буква *з* стояла надъ строкою, по крайней-мѣрѣ въ первоначальномъ спискѣ Слова, и выпущена, по недосмотру, позднѣйшимъ переписчикомъ [4]). При этомъ необходимо, однако, имѣть въ виду, что *первоисточникомъ* утраченной рукописи могла быть *устная* передача пѣсеннаго Сказанія о полку Игоревѣ. Будучи тщательно записано какимъ-либо образованнымъ любителемъ, оно, естественно, могло, на письмѣ, сохранить и въ частностяхъ отпечатокъ малорусскаго произношенія и тѣхъ обычныхъ усѣченныхъ формъ, какія наблюдаются въ просторѣчіи. Таковы напр. глагольныя формы въ «3-мъ лицѣ» на-*ь*, употребленіе *ы* вмѣсто *и*, и т. под., какъ по свидѣтельству знатоковъ, и въ языкѣ кобзарей и лирниковъ, а также сохраненная и лѣтописью, и Словомъ, форма, въ живомъ народномъ языкѣ «*пъсь*» вмѣсто *пъснь* [5]),—«*бысь*» вмѣсто *быстъ*, и т. под. Если текстъ Слова дошелъ до насъ по списку, воспринявшему со всею точностью устную передачу, чего нельзя отвергать, то, безъ сомнѣнія, первоначально оно было записано вскорѣ

---

[1]) Въ послѣсловіи Остромирова евангелія буква *з* помѣщена трижды надъ строкой: «бли(з)оку»,—«гора(з)нѣе»,—«за(з)рѣти».

[2]) П. С. Р. Л т. VII, л. рукоп. 48: «(з)наменія»,— «и(з)рядивши»,— «во(з)вратити». И. Козловскій справедливо замѣтилъ, что надстрочное *з*, обычное въ рукописяхъ XVI в., пишется бокомъ и притомъ такъ размашисто, что стоитъ надъ нѣсколькими буквами сразу. Труды Моск. арх. общ., XIII, 2, 14.

[3]) Лѣтоп. русск. лит., т. I, стр. 58.

[4]) Такіе пропуски есть и въ лѣтописи: «на *ровѣтѣ*» вмѣсто *розсѣтѣ* (Ип. 455) и др. Иногда пропускъ буквы объясняется ассимиляціей.

[5]) «Со пѣсми» (Никон. п. 1094 г.) и др.

послѣ Игорева похода, никакъ не позднѣе конца XII в., еще при жизни Святослава Всеволодовича († 1194 г.), и Игоря Святославича († 1202 г.), ибо оно носитъ на себѣ всѣ признаки свѣжести поэтическаго воспроизведенія современныхъ пѣвцу историч. фактовъ, въ связномъ разсказѣ, гдѣ Игорь называется *кнѣземъ*, что̀ едва-ли могло-бы удержаться при перенесеніи Слова на бумагу по смерти Игоря [1]). Будь Слово записано позднѣе, оно навѣрное подверглось-бы измѣненіямъ, урѣзкамъ и дополненіямъ примѣнительно къ позднѣйшимъ обстоятельствамъ.

При неодиократной перепискѣ Слова древнія формы языка его нѣсколько пострадали; переписчики оказали на него вліяніе [2]), но въ меньшей степени, чѣмъ на языкъ нашихъ лѣтописей. Переписывалось Слово не такъ часто, какъ лѣтописи, ибо, не говоря уже о несочувствіи къ нему духовенства [3]), не переставшаго приводить примѣры маловѣрія въ исходѣ XII в. [4]), оно къ концу XIV в. во многихъ отношеніяхъ стало непонятнымъ. Героическая миѳологія Слова, вѣроятно, возбуждала тогда такія-же, если не бо̀льшія недоумѣнія, какъ и нынѣ.— Воззваніе къ князьямъ, исполненное энтузіазма, повидимому,

---

[1]) И такіе многоопытные и многосвѣдущіе ученые, какъ И. Срезневскій, замѣчаютъ, что, «судя по изложенію Слова, оно составлено вскорѣ послѣ самаго событія, въ немъ разсказаннаго». Др. пам. русск. письма и яз. стр. 35.

[2]) Существ. особенности языка Слова довольно хорошо сгруппированы О. Огоновскимъ въ предисловіи къ его капитальному изслѣдов. этого памятн., стр. XIX—XXVIII.

[3]) Въ Словѣ христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ обличаются «*пѣсни мірскія*, какъ бѣсовскія игры». И. Срезнев. Пам. 270.—Въ поуч. Ефрема Сирина къ злымъ вещамъ причисляются: «*пѣнія дѣмоньска*: «Горе тѣмъ иже піютъ вино *съ усльми*». И. Срезнев. Свѣд. объ изв. и малоизв. пам. VI, 43. По поводу злодѣяній Святополка лѣтописецъ говоритъ: «Плохо тому городу, въ коемъ князь «любяй вино пити *съ усльми* и съ младыми свѣтники» (Ип. 98), и т. под.

[4]) Подъ 1200 г лѣтописецъ, по поводу построенія Рюрикомъ каменной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ, замѣчаетъ:—«Днесь отъяшася отъ многъ сердець помышленія суетьна и *глаголы маловѣрныя*; овии бо глаголаху, яко златомъ *власомъ* поверзена есть церкви отъ небесе и тѣмь-же утвержена» (Ип. 479). Это повѣрье имѣло, вѣроятно, какую нибудь связь съ Волосомъ.

не оставшееся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ[1]) и имѣющее для насъ важное значеніе какъ по красотамъ поэтическимъ, такъ и по историческимъ даннымъ, могло въ то время, когда уже заглохло въ народѣ сказаніе объ Игоревомъ походѣ, интересовать лишь весьма ограниченный кругъ читателей.— Пѣсенный, мѣрный складъ Слова самъ по себѣ служилъ надежнымъ предохранительнымъ средствомъ отъ произвольныхъ передѣлокъ, по поговоркѣ: изъ пѣсни слова не выкинешь.

«Иная казнь» (наказаніе, мука) въ видѣ постилки зеленой паполомы (смертный одръ) противуполагается той пыткѣ, какую терпѣли Всеволодъ Ярославичъ и Владиміръ Мономахъ отъ звона Олегова мятежнаго молота. Какую-бы муку, какія-бы испытанія судьба не посылала доброму *страдальцу* за русскую землю Трояну, они ни въ силахъ были сломить его энергію, никакая борьба не могла утомить этого подвижника настолько, чтобы великій духъ его ощутилъ потребность покоя, не могла «пригвоздить» его къ горамъ кіевскимъ, откуда онъ, съ своими побѣдоносными стягами, поспѣвалъ всюду, гдѣ только угрожала опасность русской землѣ. — Возстановляя текстъ стиха, изображающаго послѣдствія хвастовства Бориса Вячеславича своею силою (Ип. 141), я понимаю выраженіе «съ тоя же каялы» въ томъ значеніи, какое вытекаетъ изъ понятія Божьяго суда и наказанія. Каяла—мѣсто пытки, казни, или *суженое мѣсто*, по выраженію автора Задонщины[2]): «Иностранцы каяли Игоря за погруженіе цвѣта

---

[1]) Въ 1187 г., зимою, князья южнорусскіе стали снаряжаться въ походъ на половцевъ, но цѣль не была достигнута вслѣдствіе отказа Ярослава Всеволодовича идти за Днѣпръ, послужившаго причиной раздора между нимъ и Рюрикомъ Ростиславичемъ. Послѣ безплодной экспедиціи Ольговичей къ р. Осколу въ 1191 г. зять Всеволода Суздальскаго Ростиславъ Рюриковичъ, въ 1193 г., вторично нанесъ пораженіе половцамъ на р. Ивлѣ и возвратился со *славою великою* (Ип. 455, 456). По смерти Святослава Кіевскаго, Всеволодъ Юрьевичъ, посадивъ въ Кіевѣ Рюрика Ростиславича, въ 1198 г. (по Лавр.), совершилъ походъ на половцевъ къ Дону. Половцы, услыхавъ о наступленіи внука Мономахова, «бѣжаша и съ вѣжами къ морю». Вел. князь ходилъ по зимовищамъ ихъ возлѣ Дона. Черезъ пять недѣль онъ возвратился во Владиміръ, гдѣ былъ встрѣченъ съ великою радостью.

[2]) «Пересвѣта черница, брянскаго боярина, на суженое мѣсто привели».

русскаго воинства на днѣ Каялы. «Лѣ я»—еле взялъ [1]). Въ такомъ значеніи нарѣч. *лѣ*—во всѣхъ древнихъ памятникахъ, начиная съ Остромирова евангелія и Изборниковъ 1073 и 1076 т. «Я»—обычная сокращенная старо-славянская форма отъ *ялъ*, часто встрѣчающаяся и въ Лавр. лѣтописи. Это «лѣ я» превосходно выражаетъ волновавшія Святополка чувства, его душевную борьбу. Какъ недавній врагъ, Тугорканъ внушалъ къ себѣ презрѣніе Святополка, но, въ качествѣ тестя, онъ не могъ быть оставленъ безъ подобающаго погребенія. Нѣтъ уважительныхъ причинъ въ словѣ «отця», предполагать искаженіе, усмотрѣнное напр. А. Петрушевичемъ [2]). Тесть по отношенію къ зятю издревле почитается у насъ вторымъ *отцомъ*. Примѣровъ въ лѣтописяхъ,—начиная съ XI в., множество: «Володимеръ (Васильковичъ) зовяше *тестя* своего Романа (Брянскаго) река: господине *отче*!... Романъ же река: «*сыну* мой Володиміру!» (Ип 577), и т. д. Въ 1494 г, вел князь Литовскій Александръ просилъ руки дочери царя Ивана Васильевича Елены: «абы былъ ему *вторымъ отцемъ*»[3])—.Тугорканъ, судя по поэтическому разсказу, былъ привезенъ къ Кіеву какъ-будто такимъ-же способомъ, какимъ привезли во Владиміръ-Волынскій, въ 1087 г., убитаго Нерядцемъ Ярополка,—котораго: «взяша отроци *на конь* (т. е. коней) *передъ ся*, несоша къ Володимерю» (Ип. 145)[4]). Однако, подъ *угорскими иноходцами* скрывается, по моему мнѣнію, и смыслъ аллегорическій. Во всѣхъ почти лѣтописныхъ спискахъ сказано, что Тугоркана погребли *на могылѣ* (полагаютъ--Аскольдовой), притомъ *межи путема*, *грядущима* на Берестовое, а *другима*—*идущима* въ монастырь Въ Лавр.:—«*межю путема идущима* на Берестово и *другымъ* въ монастырь *идуще*». Эти-то два пути иронически,

[1]) Иногда *лѣ*, напр. «лѣ жива» (Ип. 407) Ср. форму *лѣдва*.

[2]) Напрасно онъ по своему передѣлалъ: «Повелъ бяше тестя». Слово, стр. 49. Какимъ способомъ могъ Святополкъ *повести* мертваго тестя?

[3]) Акт. З. и Ю. З. Рос., т. II, № 79. Отецъ однажды въ лѣтописи названъ *батей* (Ип 352).

[4]) Обычай препровожденія къ могилѣ мертваго тѣла, привязаннаго къ доскамъ промежъ двухъ коней, по словамъ путешественника Георги, существовалъ у азіатскихъ народовъ. Д. Анучинъ: Сани, лодьи и кони, какъ принадлежность похороннаго обряда, 1890 г.

быть можетъ, и названы *иноходцами*, т. е. угорскими окольными путями, яко-бы ведшими къ св. Софіи чрезъ мѣстность *Угорское* близь Берестова, гдѣ похоронены Аскольдъ и Диръ, убитые Олегомъ 882 г. Съ той же стороны находились *Угорскія* ворота. Въ *промежности* двухъ путей и былъ погребенъ Тугорканъ. Несомнѣнно, что въ разсказѣ о немъ лѣтопись и Слово почерпнули матеріалъ изъ одной и той-же *былины*, подвергнутой пѣвцомъ художественной обработкѣ. На вопросѣ о томъ—дѣйствительно ли трупъ Тугоркана отвезенъ къ Кіеву угорскими конями останавливаться было-бы безполезно. Извѣстно только, что въ Русь препроводились комони изъ Угоръ (Ип. 44). Угорскіе кони въ лѣтописи называются *фарями*, а угорскіе всадники—*фаревниками* (Ип. 493 и 570).

Переводъ Слова.

Сказаніе о походѣ Игоревомъ, Игоря, сына Святославова, внука Олегова[1]).

Не пристало-ли намъ, братія, начать
Старыми сказаньями трудовыя извѣстія
О походѣ Игоревомъ, Игоря Святославича?
— Начаться-жъ этой пѣснѣ по былинамъ сего времени,
А не по замыслу Боянову!

Боянъ вѣдь вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь творить,
То расточался: — мыслью по строю,
Сѣрымъ волкомъ по землѣ,
Сизымъ орломъ подъ облаками.

Помнила вѣдь молва прежнихъ временъ усобицы;
Тогда пускала она десять соколовъ на стадо лебедей,
Вздора и достигала...
А прежде пѣснь пѣла:
Старому Ярославу, храброму Мстиславу,
Который зарѣзалъ Редедю предъ полками касожскими,—
Красивому Роману Святославичу...

Боянъ-же, братія, не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ,
Но свои вѣщіе персты на живыя струны вскладывалъ;
Онѣ-же сами князьямъ славу рокотали.

Почнемъ же, братія, повѣсть сію
Отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря,
Который стянулъ умъ твердостью своею
И поощрилъ[2]) сердце свое мужествомъ,—
Исполнившись ратнаго духа,
Навелъ свои храбрые полки на землю половецкую,
За землю русскую.

Тогда Игорь воззрѣлъ на свѣтлое солнце и видѣлъ:
Отъ него тьмою всѣхъ своихъ воиновъ прикрытыми.
И сказалъ Игорь (обращаясь)[8]) къ дружинѣ своей:
«Братія и дружина! Лучше-жъ[4]) бы порублену быть, нежели
плѣнену быть...
Такъ возсядемъ, братія, на своихъ борзыхъ коней,—
Да[5]) позримъ синяго Дону!

Вспылила князю умъ, за вожделѣньемъ[6]), и жалость[7]), —
(Что) знаменье ему заступило[8]) испробовать Дону великаго.
— «Хочу вѣдь», сказалъ онъ, — «копье преломить
Въ концѣ поля половецкаго, (вмѣстѣ) съ вами, русичи,
Хочу голову свою приложить, àлибо испить шеломомъ Дону!»

О, Боянъ, соловей стараго времени!
Кà-бы ты сіи полки выщелкалъ[9]),
Скача, славій, по мысленному строю[10]),
Летая умомъ подъ облаками,
Свивая славы по обѣ половины сего времени,
Рыская въ трону Троянову, чрезъ поля на горы!
Пѣть было пѣснь Игорю, того[11]) внуку: —
«Не буря соколовъ занесла чрезъ поля широкія»,
— Галки стадами бѣгутъ къ Дону великому...
Или запѣть было, вѣщій Боянъ, Велесовъ внукъ:—
«Кони ржутъ за Сулою, звенитъ слава въ Кіевѣ»?..
— Трубы трубятъ въ Новгородѣ, стоятъ стяги въ Путивлѣ!

Игорь ждетъ мила-брата Всеволода..
И сказалъ ему: «Буй-туръ[12]) Всеволодъ!
Одинъ братъ, одинъ свѣтъ-свѣтлый ты Игорю, —
Оба мы — Святославичи;
Сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней,
А мои те готовы, осѣданы у Курска напереди.
А мои-те куряне—извѣстные ребята[13]);
Подъ трубами повиты, подъ шеломами взлелѣяны,
Концомъ копья вскормлены;
Пути имъ вѣдомы, овраги имъ знакомы,
Луки у нихъ напряжены, колчаны отворены, сабли выострены;
Сами скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ,
Снискивая себѣ чести, а князю славы».

Тогда вступилъ Игорь-князь въ златъ-стремень
И поѣхалъ по чистому полю...
Солнце ему тьмою путь заступало;
Ночь, стеная ему угрозой, птицъ возбудила[14]),
Свистъ звѣрскій[15]) — въ стаи сбилъ.
Дивъ[16]) вопитъ вверху строя[17]),
Велитъ повиноваться землѣ незнакомой:
Волгѣ, и Поморью, и Посулью, и Сурожу, и Корсуню,—
И тебѣ, Тмутороканскій пентюхъ!

А половцы неготовыми дорогами
Побѣжали къ Дону великому.
Рипятъ телѣги[18]) въ полуночи, словно лебеди распущенныя...
—Игорь къ Дону воиновъ ведетъ.

Уже-ка бѣды его (обаянье) охраняетъ птицъ, по обличью[19]):
Волки, въ угрозу, свирѣпствуютъ по оврагамъ,
Орлы клектомъ на кости звѣрей зовутъ,
Лисицы лаютъ на червленые щиты...

О, русскій народъ, уже ты—завершаешь!
Долго ночь[20]) меркнетъ .. зори свѣтъ запылалъ[21]), туманъ поля покрылъ...
Щелканье соловьиное успокоилось, говоръ галочій возбудил(ся)...
Русичи великія поля червленными щитами преградили,
Снискивая себѣ чести, а князю славы.

Съ-израна[22]), въ пятокъ,—потоптали
Поганые полки половецкіе
И разсыпались[23]) стрѣлами по полю; —
Помчали[24]) красныхъ дѣвокъ половецкихъ.
А съ ними—золото и ткани, и дорогіе бархаты[25]).

Вьюками и спанчами, и кожухами,
Начали мосты мостить по болотамъ и топкимъ[26]) мѣстамъ,—
И всякими уборами половецкими ..
Червленый стягъ, бѣлая хоругвь,
Червленая чолка, серебряный стержень —
Храброму Святославичу!

Дремлетъ въ полѣ Олегово храброе гнѣздо...
Далеко залетѣло!—Не было, однако, на обиду порождено,—

Ни соколу, ни кречету [27]), ни тебѣ, черный воронъ, поганый половчинъ!...
— Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ,
Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому.

Другого дни, весьма рано, кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ;
Черныя тучи съ моря идутъ,—
Хотятъ прикрыть четыре свѣтила,—
А въ нихъ трепещутъ синія молніи.
Быть грому великому, идти дождю стрѣлами съ Дону великаго!
Тутъ копьямъ преламатьси [28]), тутъ саблямъ потолочьси
О шеломы половецкіе, на рѣкѣ на Каялѣ, у Дону великаго.
— О, русскій народъ, уже ты—не верхомъ!

Вотъ вѣтры, Стрибожьи внуки, вѣютъ съ моря стрѣлами
На храбрые полки Игоревы;
Земля грохочетъ; рѣки мутно текутъ;
Пѡроси [29]) поля́ прикрываютъ; стяги глаголютъ;
Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ сторонъ...
Русскіе полки отступили.
Дѣти бѣсовы кликомъ поля́ преградили,
А храбрые русичи,—преградили червленными щитами.

Яръ-туръ Всеволодъ! Ты стоишь на оборонѣ,
Прыщешь на воиновъ стрѣлами,
Гремишь о шеломы мечами булатными.
Куда туръ поскакалъ, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
Тамъ лежатъ поганыя головы половецкія;
Пощепаны саблями каленымі
Шеломы оварскіе отъ тебя, яръ-туръ Всеволодъ!

Какая пагубная дорѡга, братія,—забывшему честь и жизнь,
И городъ Черниговъ,—отчій златой престолъ,
И свои милыя вожделѣнья [30])—
Красавицы Глѣбовны нравъ и обычай?!

Были годы Трояновы,—минули лѣта Ярославовы.
Были походы Олеговы,—Олега Святославича...
Тотъ вѣдь Олегъ мечомъ крамолу ковалъ,
И стрѣлы по землѣ сѣялъ.
—Ступаетъ въ златъ-стремень въ городѣ Тмуторокани..
Тоже звонъ слышалъ давный, великій (сынъ) Ярославовъ; —

Сынъ Всеволодовъ знать. Владиміръ
Каждое утро уши закладывалъ въ Черниговѣ[31]).

Бориса же Вячеславича похвальба на судъ привела
И на казнь иную: — зелену-шелену постлала за обиду Олегову, —
Храбраго и молодого князя
Съ той-же каялы Святополкъ повезъ, —
Еле взялъ, — отца своего,
Между угорскими иноходцами, къ святой Софіи, къ Кіеву.

Тогда, при Олегѣ, чрезъ Гориславичей,
Сѣялось, и росло усобицами;
Погибало достоянье Даждь-божьяго внука;
Въ княжьихъ крамолахъ годы человѣческіе сократились.

Тогда по русской землѣ рѣдко пахари кикикали,
Но часто вороны каркали, трупы[32]) себѣ дѣля,
А галки свою рѣчь говорили: —
Хотятъ полетѣть на проѣденье.

То было въ тѣ рати и въ тѣ походы,
А этакой рати — не слыхано:
Съ-израна до вечера, съ вечера до свѣта,
Летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шеломы,
Трещатъ копья булатныя,
Въ полѣ незнакомомъ, среди земли половецкой.
— Черна-земля, подъ копытами,
Костьми была посѣяна, а кровью полита[33]); —
Кручиной[34]) взошли они по русской землѣ.

Что (сдалось) мнѣ — шумитъ, что (сдалось) мнѣ — звенитъ,
Давеча рано, — предъ зорями?
Игоръ полки заворачиваетъ...
— Жалко ему мила брата Всеволода!

Бились день, бились другой;
Въ третій день, къ полудню, пали стяги Игоревы.
Тутъ братья разлучились на берегу быстрой Каялы,
Тутъ кроваваго вина не достало,
Тутъ пиръ докончили храбрые русичи, —
Сватовъ[35]) попоили, а сами полегли
За землю русскую.

— Никнетъ трава отъ жалостей[36]),
А древо отъ кручины къ землѣ приклонилось[37])

Уже-ка, братія, не веселая пора встала:
Уже пустыня силу прикрыла...
— Встала обида въ силахъ Дажь-божьяго внука;
Вступила[38]) мерзкою на землю Троянову[39]);
Всплескала лебедиными крыльями,
На синемъ морѣ, у Дону плещучи,...
Возбудила жирныя времена усобицъ,
А у князей (возбужденье) на поганыхъ погибло

Сказали вѣдь братъ брату: «сіе мое, а то—мое-же!»
И начали князья изза малаго—«сіе великое», молвить,
А сами на себя—крамолу ковать; —
А поганые со всѣхъ сторонъ приходили
Съ побѣдами, на землю русскую..
— О, далеко зашелъ соколъ, птицъ бья,—къ морю!
Знать, Игорева храбраго ополченья не воскресить!

За нимъ возопило сѣтованье,
И горесть понеслась по русской землѣ,
Пѣкло[40]) людямъ мыкая.
Въ пламенной розни жены русскія расплакались[41]),такъ сказывая:
«Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслью смыслить,
Ни думою сдумать, ни очами соглядать,
А золота и серебра ни-мало того потрепать».

Такъ застоналъ вѣдь, братія, Кіевъ отъ кручины, а Черниговъ отъ напастей[42]),
Тоска разлилась по русской землѣ;
Печаль жирная текла среди земли русской...
— Знать, князья сами на себя крамолу ковали,
А поганые сами, съ побѣдами, нарыскивая на русскую землю,
Взимали дань по бѣлкѣ отъ двора.

Тѣ вѣдь два храбрые Святославичи—Игорь и Всеволодъ—
Уже ложь[43]) пробудили,
Которую-то было успокоилъ отецъ ихъ Святославъ
Грозный, великій, Кіевскій,—
Угрозою[44]) въ трепетъ привелъ
(Со) своими сильными полками[45]) и булатными мечами: —

Наступилъ на землю половецкую,
Притопталъ холмы и овраги,
Взмутилъ рѣки и озѣра,
Изсушилъ потоки и болота,
А поганаго Кобяка, изъ луки-моря,
Отъ желѣзныхъ, великихъ полковъ половецкихъ,
Какъ вихрь, исторгнулъ;
И палъ Кобякъ въ городѣ Кіевѣ,
Въ гридницѣ Святославовой!

Тутъ нѣмцы и венедцы, тутъ греки и морава,
Поютъ славу Святославову[46]), кають князя Игоря[47]),
Который погрузилъ богатырей-воиновъ
На днѣ Каялы, рѣки половецкой; —

Русскаго золота они насыпали...
Тутъ Игорь-князь пересѣлъ изъ сѣдла-злата да въ сѣдло кощунниково.
— Уныли вѣдь городскія забралы, а веселье поникло.

А Святославъ смутный сонъ видѣлъ въ Кіевѣ на горахъ.
«Въ сію ночь, съ вечера, одѣвалъ я темя», сказалъ онъ,
«Черною пеленою, на кровати перловой;
Черпали мнѣ синее вино, съ трудомъ смѣшанное;
Сыпали мнѣ, пустыми колчанами поганыхъ понятыхъ,
Великій жемчугъ на нѣдро[48]);
И покоюютъ меня уже доски безъ кнѣса
Въ моемъ теремѣ златоверхомъ...

Всю ночь, съ вечера, босые вороны вскаркивали
У плѣсняка[49]) на болоньѣ[50]), бѣся юдоль[51]) квашную[52]),—
И несло шлюхъ къ синему морю»...

И сказали бояре князю: «Уже, князь, кручина умъ плѣнила;
Сіе вѣдь (значитъ) два сокола слетѣли съ отчаго престола златого
Добывать города Тмутороканя, алибо испить шеломомъ Дону.
Уже соколамъ крыльца припѣшили саблями поганыхъ,
А самихъ опутали въ путины желѣзныя...

Темно вѣдь было въ третій день:
Два солнца померкли, оба багряные столпы погасли,
А съ ними—молодые мѣсяцы.

Олегъ и Святославъ тьмою поволокнись.
На рѣкѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла.
По русской землѣ простерлись половцы,—
Какъ барсовъ уже гнѣздо и въ пучинѣ (вдвоемъ) погрузили[53]),
И великую смѣлость придали хиновѣ.

Уже понеслась хула на хвалу, уже ударила неволя на свободу,
Уже бросился Дивъ на землю[54])...

Сіе вѣдь (значитъ) готскія[55]) красныя дѣвы
Запѣли на берегу синяго моря,
Звоня русскимъ золотомъ[56]);
Поютъ время смурое, лелѣютъ месть Шароканеву.
—А мы уже, дружина, жаждемъ веселья!»

Тогда великій Святославъ выронилъ златое слово,
Со слезами смѣшанное, и сказалъ: —
«О, сынки мои, Игорь и Всеволодъ![57])
Рано начали вы половецкую землю мечами дразнить[58]),
А себѣ славы снискивать.
Однако, не честно[59]) вы одолѣли,
Не честно вѣдь кровь поганую пролили;
Ваши храбрыя сердца въ жесткомъ булатѣ[60]) скованы,
А въ отвагѣ закалены.
Сіе-ли сотворили вы моей серебряной сѣдинѣ?!

Такъ уже не вижу[61]) я власти сильнаго и богатаго,
И многовойнаго брата моего Ярослава,
Съ черниговскими вельможами;
Съ Могутами, и съ Татранами, и съ Шельбирами.
И съ Топчаками, и съ Ревугами, и съ Ольбѣрами...
Тѣ вѣдь безъ щитовъ, съ засапожниками,
Крикомъ полки побѣждаютъ.
Звоня въ прадѣдную славу.
Но вы сказали: мужаемся сами,
Передовую славу сами похитимъ,
А на остальную сами подѣлимся!»[62]).

Аль диво, братія, старому помолодиться?!
Коли соколъ вылазитъ,— бываетъ,—
(То) высоко птицъ взбиваетъ,
Не дастъ гнѣзда своего въ обиду.

Но сіе зло избѣжитъ, князь, пособіе[63]),—
Наизнанку годины оборотились;
Вотъ у Римова кричатъ подъ саблями половецкими,
А Владиміръ—подъ ранами.
Горе[64]) и тоска—сыну Глѣбову!

Великій князь Всеволодъ!
Не мыслью тебѣ перелетѣть издалека—
Отчій златой престолъ поблюсти.
Ты вѣдь можешь Волгу веслами раскропить,
А Донъ шеломами вылить.
Ежели-бы ты былъ, то были-бы:
Рабыня[65]) по ногатѣ, а кощунникъ по рѣзану.
Ты вѣдь можешь по-сушѣ живыми выжигами стрѣлять,—
Удалыми сынами Глѣбовыми!

Ты, буй-Рюрикъ, и Давидъ!
Не ваши-ли (за) злачеными шеломами по крови плавали?
Не ваши-ли храбрые дружинники рычатъ, какъ туры,
Раненые саблями каленымн, на полѣ незнакомомъ?
— Вступите, господа, въ златыя стремена, за обиду сего времени,—
За землю русскую,
За раны Игоревы, отважнаго Святославича!

Галицкій Осмомыслъ-Ярославъ!
Высоко сидишь ты на своемъ златокованномъ престолѣ;
Подперъ горы Угорскія своими желѣзными палками,—
Заступивъ королю путь, затворивъ Дунаю ворота,
Метая[66]) громады чрезъ облака, судьбы рядя до Дуная.
Грозы твои по землямъ текутъ....
Отворяешь Кіеву ворота,
Стрѣляешь съ отчаго златого престола
Султановъ за землями...
Стрѣляй, господинъ, Кончака, поганаго кощунника,
За землю русскую,
За раны Игоревы, отважнаго Святославича!

А ты, буй-Романъ, и Мстиславъ!
Храбрая мысль носитъ (въ) васъ умъ на дѣло.
Высоко плаваешь—на дѣло—въ отвагѣ,

Какъ соколъ, на вѣтрахъ ширяясь,—
Хотя птицу, въ смѣлости, одолѣть.

Есть вѣдь у вашихъ желѣзные наперсни
Подъ шеломами латинскими;
Тѣми треснулъ народъ,—и многія страны:
Хинова, литва, ятвяги, дерьмо и половцы,—
Сулицы свои повергли, а головы свои преклонили
Подъ тѣ мечи булатные.

Но увы, князь!—Игорю[67]) постылъ[68]) солнечный свѣтъ,
А древо не добромъ листву сронило[69]):
По Рси и по Сулѣ—города подѣлили...
Знать, Игорева храбраго ополченья не воскресить!
Донъ къ тебѣ, князь, вопіетъ,
И зоветъ князей на побѣду.
— Ольговичи, храбрые князья, поспѣли[70]) на брань.

Ингварь и Всеволодъ, и всѣ три Мстиславичи!
Не худого гнѣзда—шестокрыльцы!
Не побѣдными жеребьями себѣ волости вы расхватали!
Гдѣ ваши златые шеломы и сулицы ляшскія, и щиты?
Заградите полевыя ворота[71]) своими острыми стрѣлами,
За землю русскую,
За раны Игоревы, отважнаго Святославича!

Уже вѣдь Сула не течетъ серебряными струями
Къ городу Переяславлю;
И Двина болотомъ течетъ къ онымъ грознымъ полочанамъ
Подъ кличемъ поганыхъ...

Одинъ-же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
Позвонилъ своими острыми мечами о шеломы литовскіе...
Притрепалъ славу дѣду своему Всеславу,
А самъ,—подъ червленными щитами, на кровавой травѣ,—
Притрепанъ литовскими мечами,
Онъ, съ вожделѣнною, на кровать,—и рекъ[72]):
«Дружину твою, князь, птицъ крылья пріодѣли,
А звѣри кровь полизали»!
Не было тутъ брата—Брячислава, ни другого—Всеволода;
Одинокій-же выронилъ жемчужную душу
Изъ храбраго тѣла чрезъ златое ожерелье...[73])

Уныли голоса, поникло веселье.
Трубы трубятъ городенскія..

Ярославъ! И всѣ внуки Всеславовы!
Уже понизьте стяги свои,
Вонзите (въ ножны) свои мечи вредные[74]),
Уже вѣдь выскочили вы изъ дѣдной славы.
Вы вѣдь своими крамолами начали наводить поганыхъ
На землю русскую,—на достоянье Всеславово!
— Каково-то было насилье отъ народа половецкаго
На семилѣтіи Трояновомъ!

Бросилъ Всеславъ жребій о дѣвицѣ ему любой.
Тотъ клюками подперся о конъ,
И скакнулъ къ городу Кіеву, и доткнулся, стержнемъ,
Златого престола Кіевскаго[75]);
Скакнулъ отъ нихъ лютымъ звѣремъ, въ полночи, изъ Бѣлграда[76]),
Обвѣсился въ синемъ туманѣ утромъ-же...

Возжонными колотырями[77]) отворилъ ворота Новгороду,—
Разшибъ славу Ярославу,—
Скакнулъ волкомъ до Немиги съ Дудутокъ...
На Немигѣ снопы стелютъ головами[78]),
Молотятъ цѣпами булатными,
На току жизнь кладутъ,—вѣютъ душу отъ тѣла...
Немиги кровавые берега не добромъ были посѣяны,—
Посѣяны костьми русскихъ сыновъ...

Всеславъ князь людямъ судилъ, князьямъ города рядилъ,
А самъ, въ ночь, волкомъ рыскалъ изъ Кіева...
Дорыскалъ до куръ Тмутороканя,—
Великому Хорсу, волкомъ, путь перерыскалъ..
Тому въ Полоцкѣ позвонили заутренюю рано,
У святой Софіи, въ колокола,
А онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ...
Если и вѣщая душа—въ другомъ тѣлѣ,
Но часто отъ бѣды страдалъ.
Тому вѣщій Боянъ и наперво
Припѣвку смышленый сказалъ:
«Ни хитрому, ни гораздому, ни съ птицу[79]) гораздому,
Суда Божьяго не миновать!»...

О, стонать русской землѣ, помянувъ прежнюю пору и прежнихъ князей!»
Того стараго Владиміра нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ.
Сего вѣдь нынѣ стали стяги: (одни) — Рюриковы, а другіе — Давидовы;
Но, когда розно ихъ носятъ, имъ въ хвостъ и гриву дуютъ копья.

(Дѣвицы) поютъ на Дунаѣ...
Ярославны, однако, голосъ слышит(ся)
Кукушкой, ни-вѣсть рано, она кичит(ся)...
«Полечу», сказала, «кукушкой по Дунаю,
Омочу бобрянъ-рукавъ въ Каялѣ-рѣкѣ,
Утру́ князю кровавыя его раны
На ожесточенномъ его тѣлѣ».

— Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ, на забралѣ, такъ сказывая:
«О, вѣтеръ-вѣтрило! Зачѣмъ, господинъ, насильственно вѣешь?
Зачѣмъ мыкаешь хиновскія стрѣлки,
На своихъ не тяжкихъ крыльцахъ, на моей лады воиновъ?
Мало-ли тебѣ было горъ подъ облаками вѣять,
Лелѣя корабли на синемъ морѣ?
Зачѣмъ, господинъ, мое веселье по ковыли развѣялъ?»

— Ярославна рано плачетъ, въ Путивлѣ-городѣ, на забралѣ, такъ сказывая:
«О, Днѣпръ-Словутичъ! Ты пробилъ каменныя горы сквозь землю половецкую,
Ты лелѣялъ на себѣ Святославовы носады до полка Кобякова;
Взлелѣй, господинъ, мою ладу ко мнѣ,
Дабы я не слала къ нему слезъ на море рано».

— Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ, на забралѣ, такъ сказывая:
«Свѣтлое и тресвѣтлое солнце! Всѣмъ ты тепло и краснò;—
Зачѣмъ, господинъ, простерло горячій свой лучъ[80]) на ладиныхъ воиновъ,—
Въ полѣ безводномъ жаждой имъ луки сопрягло,
Кручиной имъ колчаны заткнуло?»

Прыснуло море къ полночи. Идутъ смерчи туманами:
Игорю-князю Богъ путь кажетъ
Изъ земли половецкой на землю русскую,—
Къ отчему златому престолу.

Погасли вечернія зори. Игорь спитъ,—Игорь бодрствуетъ;—
Игорь мыслью поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца.
Конь—въ полуночи. О, Влуръ свистнулъ за рѣкою!
Велитъ князю разумѣть: Князю Игорю исчезнуть кликнулъ.

Стукнула земля, зашумѣла трава; —
Станы-то половецкіе подвизались,—
А Игорь-князь поскакалъ: горностаемъ къ тростнику
И бѣлымъ гоголемъ—на воду...
Вскинулся на борзаго коня и прыгнулъ съ него босымъ волкомъ,
И побѣжалъ къ Лугу Донца, и полетѣлъ соколомъ подъ туманами,
Избивая гусей и лебедей къ завтраку и (къ) обѣду, и (для) ужина.
Коли Игорь соколомъ полетѣлъ, тогда Влуръ волкомъ побѣжалъ,
Труся собою студеную росу...
Понадорвали вѣдь они своихъ борзыхъ коней.

Донецъ сказалъ: «Князь-Игорь! Не мало тебѣ величія,
А Кончаку, непріятности, а русской землѣ веселья».
Игорь сказалъ: «О, Донецъ! Не мало тебѣ величія,
Лелѣявшему князя на волнахъ,
Стлавшему ему зелену-траву на своихъ серебряныхъ берегахъ,
Одѣвавшему его теплыми туманами
Подъ сѣнью зелена-древа;
Стерегъ ты его гоголемъ на водѣ,
Чайками на струяхъ, чернядьми[81]) на вѣтрахъ...

Не такъ лишь», сказалъ онъ, (учинила) «рѣка Стугна:
Худую струю имѣя, пожравшая[82]),—
Будучи чужими ручьями и стержнями расперта къ устью[83]),—
Юношу: князю Ростиславу затворила Днѣпръ, при темномъ
берегѣ».
— Плачется мать Ростиславова по юношѣ князѣ Ростиславѣ.
Увяли цвѣты отъ жалобы,
А древо отъ кручины къ землѣ приклонилось[84]).

Знать, не сороки затроскотали?! —
На слѣду Игоревомъ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.

Тогда вѡроны не каркали, галки помолкли,
Сороки не троскотали, по лозиннику ползали только[85]).
Дятлы тектомъ путь къ рѣкѣ кажутъ.
— Соловьи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ.

Молвитъ Гзакъ (обращаясь) къ Кончаку: «Ежели соколъ къ гнѣзду летитъ,—
(То) соколича разстрѣляемъ своими злачеными стрѣлами».
Сказалъ Кончакъ (обращаясь) ко Гзѣ: «Ежели соколъ къ гнѣзду летитъ,—
Такъ мы соколка̀ опутаемъ красною дѣвицею».
И сказалъ Гзакъ (обращаясь) къ Кончаку: «Если его опутаемъ красною дѣвицею,—
Не намъ будетъ—соколокъ, не намъ—красная дѣвица,
То почнутъ нашихъ птицъ и бить въ полѣ половецкомъ».

Рекъ Боянъ и выходки на (сына) Святославова,—
Пѣснотворецъ, знать, стараго времени,—
(Сына) Ярославова, Олегова державнаго[86]), вожделѣнья:
«Тяжко тебѣ, головѣ, внѣ плечь,
Злополучно тебѣ, тѣлу, внѣ головы»...
— Русской землѣ безъ Игоря.

Солнце свѣтится на небеси,
Игорь-князь—въ русской землѣ!
Дѣвицы поютъ на Дунаѣ,
Вьются голоса чрезъ море до Кіева...

Игорь ѣдетъ по Боричеву—къ святой Богородицѣ Пирогощей...
—Страны рады, города веселы...
Пѣвши пѣснь старымъ князьямъ,
А потомъ молодымъ пѣть:
Слава: Игорю Святославичу,
Буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу!
Здоровы, князья и дружина,
Побораи, за христіанъ,—на поганые полки!
— Князьямъ слава, такъ—дружинѣ[87])!
Аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРЕВОДУ СЛОВА.

[1]) Стремясь достигнуть полноты и возможной точности перевода, съ сохраненіемъ синтаксическихъ пріемовъ древне-русскаго пѣсеннаго творчества, я не пропустилъ ни одного слова, ни одной частицы, не позволилъ себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ подлинника въ *словорасположеніи*, обращая притомъ вниманіе и на грамматическія формы Между всѣми частями Слова существуетъ такая тѣсная взаимная связь, а историческіе эпизоды разбросаны въ немъ съ такой поэтической свободой, что рѣзкое дробленіе его на части или пѣсни посредствомъ *нумераціи*, которой не существовало въ подлинникѣ, представляется, вопреки настояніямъ Максимовича, Шевырева и др., весьма рискованнымъ. При самостоятельномъ раздѣленіи Слова на стихи я слѣдовалъ мѣрному теченію, плавности рѣчи пѣвца, тщательно оттѣняя ее тамъ, гдѣ она переходитъ въ *припѣвы*. Не припутывая къ тексту ничего лишняго, я ставилъ въ скобки добавленныя мною пояснительныя слова. Къ сожалѣнію, современный языкъ безсиленъ воспроизвести вполнѣ сочность и живость красокъ, унаслѣдованныхъ авторомъ повѣсти отъ вѣщаго Бояна. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Слова принятое мною дѣленіе на стихи можетъ подвергнуться существеннымъ измѣненіямъ, но, кажется, лишь тогда, когда появится сравнительное изслѣдованіе *музыкальной* его стороны по матеріаламъ, собраннымъ въ области народной музыки г. Мильгуновымъ и др., ибо изученіе русской пѣсни приводитъ къ выводу, что ритмическія ея ударенія опредѣляются преимущественно пѣніемъ (Вестфаль. О русск. народн. пѣснѣ. Рус. Вѣстн. 1879 г., 10). Впрочемъ, какія-бы ни оказались результаты подобныхъ изысканій, едва-ли заслужитъ одобреніе посягательство на неприкосновенность такихъ стиховъ, какъ напримѣръ:

«И всякими узорочьи половецкыми»...

или, при изображеніи участи Бориса Вячеславича:

«Храбра и млада князя»...

Съ точки зрѣнія современной теоріи, и стоятъ-то эти стихи не на своемъ мѣстѣ, какъ-бы запоздалые,—тѣмъ не менѣе условія древне-русскаго пѣсеннаго твор.

чества не позволяютъ ни переставить ихъ, ни сдѣлать въ нихъ какія-либо урѣзки или дополненія безъ ущерба поэтической гармоніи, которою, какъ извѣстно, особенно отличаются малорусскія думы. Правда, сѣверно-русскія народныя пѣсни и былины не лишены также выдающихся красотъ лирическихъ, но все-же нельзя отрицать, что языкъ Слова, въ своемъ *источникѣ*, есть языкъ мало-русскій, хотя, будучи переписано гдѣ-нибудь въ Ростовской или иной области, оно могло воспринять и нѣкоторую примѣсь нарѣчія великорусскаго. Въ этомъ отношеніи мнѣніе Калайдовича, Полевого, Максимовича нашло себѣ многочисленныхъ приверженцевъ. Одинъ изъ нихъ — Афанасьевъ-Чужбинскій, исходя изъ положенія о существованіи слѣдовъ многихъ малорусскихъ формъ въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, развитаго, между прочимъ, Шафарикомъ въ его Славянскомъ народописаніи (перев. Бодянск., Москвит. 1843 г.), замѣтилъ, что «только при глубокомъ изученіи малорусскаго нарѣчія какъ современнаго, такъ и оставшагося въ народныхъ памятникахъ, мы убѣдимся, что неизвѣстный пѣвецъ похода Игорева вводилъ въ повѣсть свою народныя слова, существовавшія въ говорѣ славянъ южныхъ» (Отеч. Зап. Мартъ 1854 г., отд. библіогр., стр. 22—34). Оставляя въ сторонѣ безконечные споры о *древнемъ* различіи нарѣчій сѣв. и южно-русскаго, несмотря на его осязательность (см. рецензію А. А. Кочубинскаго на книгу Житецкаго: Очеркъ литер. истор. малор. нарѣч., стр. 53, 57, 83), должно сознаться, что нѣкоторые изъ приведенныхъ Афанасьевымъ-Чужбинскимъ, въ видѣ примѣровъ, словъ и выраженій, очевидно, свойственны языку южнорусскому. — Если я обходилъ спорные пункты, то лишь такіе, за которыми признавалъ второстепенное значеніе, какъ напр. вопросъ о Могутахъ, названныхъ, кажется, по своему родоначальнику Могутѣ (см. о прощеніи Владиміромъ Св. разбойника *Могуты*, въ Никон. подъ 1008 г.). Полагая, что читатель болѣе или менѣе знакомъ съ капитальными трудами по изслѣдованію Слова, я, въ примѣчаніяхъ, старался избѣгать повторенія примѣровъ, приведенныхъ другими, чтобы напрасно не усложнять своего и безъ того довольно обширнаго труда. — Нѣкоторыя древне-русскія слова, значеніе которыхъ съ теченіемъ времени измѣнилось *отчасти* или съузилось въ современномъ языкѣ, я не рѣшился замѣнить другими, опасаясь промахнуться, не попасть въ тонъ пѣвца, или изъ нѣсколькихъ присущихъ древнему слову значеній передать лишь какое-нибудь одно. Даже при такой осторожности я не могъ преодолѣть *всѣхъ* трудностей, усложняющихся смѣшеніемъ грамматическихъ формъ. Для избѣжанія ошибокъ въ переводѣ словъ, отжившихъ свой вѣкъ, я обращался къ спеціальнымъ словарямъ, не пренебрегая и Словаремъ шести слав. языковъ, изд. подъ ред. Ф. Миклошича 1885 г., причемъ обнаруживалась неудовлетворительность указателей съ объясненіемъ важнѣйшихъ словъ, приложенныхъ къ разнымъ изданіямъ Слова. Напримѣръ, по объясненію Н. Тихонравова, *трескнуть*, *трескнути* значитъ зазвучать, загремѣть, тогда какъ треснуть, въ Словѣ, значитъ *ударить* («*Тѣми тресну* земли, *тресну* нужда на волю»). Это значеніе не утратилось и понынѣ. Переводъ согласованъ съ представленными мною

объясненіями, за исключеніемъ двухъ стиховъ, которые, при окончательной обработкѣ перевода, я исправилъ, убѣдившись въ томъ, что *на-ниче* въ повѣсти значитъ *наизнанку* (См. доп. къ обл. великор. Слов.) Слѣдуетъ читать:

«Нъ се зло, княже, мине пособіе,—
На-ниче ся годины обратиша»

Смыслъ тотъ, что если помощь князя Кіевскаго и будетъ настолько дѣйствительною, что отразитъ бѣду, угрожающую его гнѣзду, то она оказалась-бы недостаточною въ виду опасности, угрожающей, по превратности временъ, области одного изъ храбрѣйшихъ потомковъ Мономаха—Влад. Глѣбов. и вообще всей южной Руси.

[2]) «Поостри». Ср.: «нача *поостривати* на ослѣплѣнье» (Ип. 170).

[3]) «И рече» (аористъ) многіе принимаютъ за настоящ. время. Ср.: «Изяславъ *рѣчеть* дружинѣ своей» (Ип 279). Въ Словѣ: *Молвить* Гза Кончакови.

[4]) «Луце-жъ». Ср. форму *лѣпле* (Ип. 326).

[5]) «Да» принимаю въ значеніи: для того или—съ тѣмъ, чтобы.

[6]) «По хоти» нельзя читать: «похоти». Похоть—любострастіе по преимуществу, напр.: «уздержася отъ *похоть*» (Ип. 151).

[7]) «Жалость». Ср.: «Богъ вложи *жалость* велику у половцѣ и страхъ нападе на ня и трепетъ» (Ип. 184).

[8]) «Заступи» Ср.: «*Заступи* отца своего», — «*Заступи* въ градѣ» (Ип. 181 и 527). Соотвѣтств. стихъ: «Солнце ему тъмою путь заступаше»...

[9]) «Ущекоталъ». Въ одной пѣснѣ поется:

«Во саду-ли было, подъ яблонью,
Во зеленомъ,—подъ кудрявою,
Соловей *выщекочетъ*, молодой *выщекочетъ*».

[10]) «По мыслену древу». Читающіе въ началѣ Слова: «*мысью* по древу» сознаются, что прилагат. отъ мысь—мысиный (Павскій. Филологич. наблюд.) и ухищряются измѣнить «мыслену» въ *мысиму*, какъ напр. авторъ рецензіи на переводъ Гербеля (Отеч. Зап. 1854 г Мартъ, отд. IV, 10).

[11]) Ср: «Сынъ» (Даніилъ) «*того*» (Романа) «не прия чести» (Ип. 526).

[12]) Ср. *буй-волъ*. О дикомъ быкѣ-турѣ см выписку изъ соч Blaise de Vigener'a, съ рисункомъ тура, у П Кулиша Ист. возсоед. Руси. Отличіе тура отъ зубра у Герберштейна. Rer. Moscov. com. 1557 г.

[13]) «Къмети». Кметами назывались у насъ не только русскіе ратники, но также угорскіе и половецкіе. Такимъ названіемъ опредѣлялось, въ дружинномъ быту, *служебное* положеніе подданныхъ князя, какъ его младшихъ боевыхъ товарищей, выражалось подчиненное ихъ отношеніе къ князю, подобное отношеніямъ къ нему его *отроковъ*. Характеристика курскихъ кметей, сдѣланная Игоремъ, показываетъ, что онъ относился къ нимъ, какъ къ своимъ дѣтямъ. Позднѣе, въ Червонной и Западной Руси сельскіе кмети находились въ рабской зависимости у своихъ господъ-помѣщиковъ. Ср. значеніе кметовъ у ляховъ, у которыхъ съ древнѣйшихъ временъ они принадлежали

къ низшему податному классу поселянъ, а также у сербовъ и чеховъ, гдѣ званіе это, болѣе или менѣе почетное, переходило и по наслѣдству. Въ древнемъ выкладѣ на земское право въ Чехіи сказано: «Судья долженъ быть *кметомъ по предкамъ своимъ*, а что такое кметъ, то паны зовутъ» (Арх. истор. и практич свѣд. отн. до Россіи, изд. Калачева, кн. III).

[14]) Ср. форму: «узбуди» (Ип. 171).

[15]) «*Бѣси* являхуся *звѣриномъ* образомъ» (П. С. Р. Л. I, стр. 261).

[16]) Духъ *тьмы*, бѣсъ—Дивъ, при небесныхъ знаменіяхъ, нерѣдко принималъ образъ «*змѣя великаго*» (Ип. 225)

[17]) Ср.: «Свѣтающе-же субботѣ, начаша выступать полцы половецкы, *аки борове*» (Ип. 432). Такъ и въ 1103 г. «поидоша полци полов. *аки борове*».

[18]) «Крычатъ» Переводятъ—скрипятъ, но скрипъ телѣгъ—«скрипание телѣгъ» (Ип. 522). Есть народное выраженіе «*драть прорву*».

[19]) «Пасетъ». Ср.: «*пастися* отъ ратныхъ».—«земи ть *опасена*» (Ип. 512 и 573).— «*Обличіе* меча яко молоніи» (Ип. 190).

[20]) Ср.: «велми вечеръ» (Ип. 319).

[21]) «Запала». У Потебни—*заповѣдала*. Къ ист. звук. рус яз., III, 21—24.

[22]) «Съзаранія»—съпозаранку. Ср. форму «съзаутрья» (Ип. 374).

[23]) «Рассушася». Ср: «*соути* на ротъ» (коню) «колько могутъ зобати» (Рус. Правда, ст. 42).

[24]) «Помчаша». Въ церковн. уст. Ярослава: «Аще *умчитъ* дѣвку» (по обычаю умычки).

[25]) «Паволоки.—У Заточника: «*Паволока* испещрена многыми шелкы».— «Евангеліе *волочено* оловпромъ» (Ип. 609). Греческій царь въ 1164 г. прислалъ въ даръ князю Ростиславу «*оксамиты*, *паволоки* и вся *узорочья* разноличная» (Ип. 357).

[26]) «Грязивымъ». Грязнуть—тонуть (Ип. 56).

[27]) Въ дополнит. ст. къ Судебнику 1550 г. цѣна ловчихъ *кречетовъ* положена: краснаго 12 р., бѣлаго 10 р., сѣраго 6 р. (Арх. ист.-юр. свѣд. Калач., II, 1).

[28]) «Ся копіемъ *приламати*», ср.: «Хощу копье *приломити*».

[29]) «Пороси». Сухая пыль — *прахъ* (Ип. 392) или *порохъ*: — «Церковь держите чисто бесъ *пороха*» (Рус. истор. библ. VI, 106). Влажная пыль, мелкія капли отъ росы—*пдрось* (Дополн. къ Областн. Словарю 1858 г., стр. 201). Ср. стихи: «Мгла поля покрыла» и «Труся собою студеную *росу*».

[30]) Читаютъ: «Своеи милыя хоти» вмѣсто: «своя милыя хоти», несмотря на то, что это - правильная древне-русская форма вин. пад. множ. ч. отъ «своя милая хоть». Такая выдержанность замѣчательна особенно въ прилагат. (ср. копия харалужныя вмѣсто харалужная), въ виду несомнѣнныхъ признаковъ смѣшенія въ Словѣ древнихъ формъ съ позднѣйшими. Наряду съ первыми, какъ: «черныя *тучи*» и т. п., встрѣчаются отступленія отъ старославянскаго склоненія (нѣсколько примѣровъ у Ом. Огоновскаго, Слово, стр. XXV). Къ подобнымъ отступленіямъ слѣдуетъ отнести и форму *зори* въ двухъ

стихахъ: «Погасоша вечеру зори»—«Кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ» (вмѣсто *зорѣ*).

[31]) «Олегъ на мя приде съ половечьскою землею къ Чернигову, и бишася дружина мои съ нимъ 8 дній о малу греблю» (поуч. Мономаха). Это относится къ 1084 г. Что касается событій 1096 г., то изъ сопоставленія извѣстій Лавр. и Ипатской лѣтописей, нѣсколько противурѣчивыхъ вслѣдствіе вкравшихся въ послѣднюю, въ двухъ мѣстахъ, пропусковъ, оказывается, что войска Олега и Бориса и соединенное войско Изяслава, Ярополка, Всеволода и Владиміра съ двухъ сторонъ двинулись къ Чернигову. Владиміръ приступомъ взялъ городъ, а Изяславъ съ сыномъ пошли навстрѣчу Олегу и Борису, намѣревавшихся отнять Черниговъ у Владиміра. Обстоятельство это показываетъ, что, хотя извѣстіе о княженіи Владиміра въ Черниговѣ отнесено къ послѣдующему году, когда Всеволодъ утвердился на великокняжескомъ столѣ въ Кіевѣ, но въ дѣйствительности Владиміръ уже владѣлъ снова Черниговомъ въ моментъ битвы на Нѣжатиной Нивѣ.

[32]) «Трупія». Ср.: «Посреди трупья»,— «Церкви исполнена *трупія*»,— «Ходити по *трупью*» (Ип. 184, 524 и 564).

[33]) Копытами земля была *ископана*, словно плугомъ, а потому и стала *черною*, какъ въ думѣ о походѣ Хмѣльницкаго въ Молдавію: «Вже почавъ вінъ землю кіньскыми копытами *орати*... молдавьскою кровью молдавьскую землю якъ дожчемъ *поливаты*» (Аѳ. Чужб. Пантеонъ 1854 г., № 1, отд. библ., 25).

[34]) «Тугою» Ср.: «Быть скорбь и туга люта», «скорбь, туга и печаль» (Ип. 424).

[35]) Кончакъ на самомъ полчищѣ (мѣсто битвы) «поручися по *свата*— Игоря» (Ип. 434). Значитъ — дочь Кончака ранѣе просватана была за Владиміра Игоревича.

[36]) Плакунъ-трава зарождалась отъ слезъ (Стихъ о голуб. книгѣ).

[37]) Подъ древомъ, кажется, разумѣется здѣсь и весь воинскій строй.

[38]) Ср. стихъ: «Тугою *взидоша* по русской землѣ».

[39]) О роли предка Троянова Триглава въ славянской миѳологіи много важныхъ данныхъ представлено А. Гильфердингомъ въ его Ист балт. славянъ. Обширную главу о религіозныхъ вѣрованіяхъ славянъ онъ такъ приблизительно резюмировалъ въ другомъ своемъ капитальномъ трудѣ: «Борьба славинъ съ нѣмцами на Балтійскомъ поморьѣ въ средніе вѣка»: «Высшій богъ Сварожичъ-Святовитъ судьбу рода человѣческаго предоставилъ низшимъ божествамъ, своимъ потомкамъ... Онъ же назывался Бѣлбогомъ,— какъ богъ свѣта и добра, благоволящій къ людямъ дающій своимъ поклонникамъ обиліе плодовъ земныхъ и побѣду надъ врагами, которыхъ онъ поражалъ, носясь на священномъ конѣ, нарочно содержавшемся жрецами при храмахъ. Его изображали въ кумирахъ свыше человѣч. роста, иногда о четырехъ или о трехъ головахъ Оттого названіе этого божества — Триглавъ въ Поморскомъ городѣ Щетинѣ. Святовиту-Бѣлбогу противуполагается Чернобогъ,—божество злое и враждебное человѣку»... (Арх. истор. и практич. свѣд. отн. до Россіи, кн. III.—О Чернобогѣ см. спеціальное изслѣдованіе Шафарика.

[40]) «Смагу». Въ Службѣ Константину Философу, изд Срезневскимъ, сказано: «Помочите коврыгы, рекше сухыя *посмазы*» (печенья)

[41]) Ср.: «Жены разлучаеми нужею отъ мужей своихъ» (Ип. 373).

[42]) Ср.: «Напасти и мукы», стенаніе и туга и скорбь неутѣшная» (Ип. 247, 373).

[43]) «Лжу». Ср.: *лжа*,— *лжжею*,— *лжю*, но есть и «*ложь* пламянъ» (Ип. 168, 231, 493, 494 и др.).

[44]) Даже въ актовомъ из XVII в., *гроза* вм угроза, напр. «писать съ грозами» (Воронеж. акт. II, 62).

[45]) Ср пропускъ предлога *съ* «Болеславъ поѣха (съ) полкы своими» (Ип. 269).

[46]) По словамъ А. Пыпина, здѣсь такая-же доля реторическаго преувеличенія, какъ въ свѣд Ліутпранда, что греческія пѣсни о сыновьяхъ Романа Лекапина пѣлись нетолько въ Европѣ, но въ Африкѣ и Азіи (Вѣстн. Евр. 1886 г., 12. Нов. раз. въ народн.-поэтич. стар.).

[47]) «Каяти»,—пенять, корить (какъ перевелъ М. Максимовичъ), а можетъ быть также—*приводить къ покаянію*. См. Рус. истор. библ. VI, 861. Ср. слова Игоря: «Помянухъ азъ грѣхы своя... се нынѣ вижю отмѣстье» (Ип. 434).

[48]) «Лоно» въ прямомъ знач.—нѣдро, перси. Пѣвецъ могъ указывать на то мѣсто груди, подъ которымъ находится *сердце*. Обращаю вниманіе на слѣдующее мѣсто устава кн. Всеволода о церковн. судахъ:.. «или два мужа имуть ся бити, единаго жена имѣть за *лоно* другаго, *раздавить*».

[49]) «У *плѣсньска*» по Пушк.,—«у плѣньска» по Екат. сп. Перевожу: у плѣсняка, полагая, что плѣсень, цвѣль, *тина*, *грязь* преимущественно соотвѣтствуетъ, въ объясненіи бояръ. глаголу «*погрузиста*». Ср. гл. *тонуть*, «*погрузи* жиръ вои *дно*», и *грязивыя мѣста*, въ Словѣ. Дно—также глубина.

[50]) Болонь, болонье—низменное порѣчье, *оболочка*. Въ объясненіи бояръ соотвѣтствуетъ выраж. «ся поволокоста»—*облеченію* во тьму и указанію на *берегъ рѣки* Каялы. Въ златой рѣчи Святославъ употребилъ замѣчательное выраженіе: «Се ли *створисте* моей сребренѣй сѣдинѣ?» Его сѣдину *покрыли* позоромъ, ибо «створити» въ прямомъ знач.—закрыть

[51]) Дебрь—юдоль, что значитъ долина, долъ, какъ опредѣл. и въ Словаряхъ, изд. Акад. Наукъ.

[52]) По области великорус. Словарю, (дополѣ. 1858 г.) *киселяй*, кислунъ, кислухъ—плаксa: *кисляниться* — плакать, какъ и у Даля въ Толков.

[53]) «Погрузиста» и «подаст(а)» — двойственное число. Одно это уже показываетъ, что гнѣздо было погружено въ морѣ *двумя* лицами. Хотя иностранцы каяли только Игоря за потопленіе цвѣта русскаго воинства, но — потому, что на него падала главная отвѣтственность. Самъ Игорь хорошо сознавалъ это, спрашивая себя: «Почто азъ *единъ повинный* не приняхъ страсти за вся си?» Непосредственно предъ стихомъ (въ снотолкованіи) о погруженіи гнѣзда, пѣвецъ съ особеннымъ удареніемъ говоритъ о помраченіи

двухъ солнцъ, о погашеніи *обоихъ* столповъ. Къ нимъ, братьямъ Святославичамъ, были обращены и горькіе упреки старика Святослава, и укоръ пѣвца за пробужденіе лживой твари. Замѣчаютъ, совершенно основательно, что отъ «пардусъ», откуда *пардусники*, поставленные лѣтописью рядомъ съ сокольниками (Ип. 516), нельзя произвести *пардуже*, но почему-же не признать, что пѣвецъ придерживался не книжной формы «пардусъ», (pardus), извѣстной и по одному сб. XVI в., гдѣ сказано, что куманинъ *пардосъ* есть, и не невѣдомой формы *пардуя* или *пардужъ* (Тихонравовъ), а простонародной—«пардъ»? (Объ формы есть и въ Чешск.) Въ такомъ случаѣ надлежало-бы, какъ я дѣлаю, читать вмѣсто «пардуже»—«пардъ уже», принявъ «пардъ» за древнерусск. (также старослав.) родит. падежъ множ. числа. — Подъ пардовымъ гнѣздомъ разумѣются, очевидно, русскія дружины, которыя, и по лѣтописи, «въ морѣ потопоша». Такъ какъ Ольгово гнѣздо—потомки Олега Святославича, главные участники похода, то мы имѣемъ, такимъ образомъ, два гнѣзда. Уподобленіе дружинниковъ Игоревыхъ *пардамъ* вполнѣ естественно въ виду уподобленія пѣвцомъ дружинниковъ Рюрика и Давида Ростиславичей *турамъ*. Ср. стихъ: «И нѣгуютъ мя *уже* дъски»..

[54]) Злой духъ Дивъ, *верховный* повелитель половцевъ, созывавшій ихъ, витая *вверху ихъ строя*, бросился на *русскую* землю посредствомъ своихъ дѣтей-половцевъ, которые, какъ говорится выше, *простерлись по русской землѣ* и стали святотатственно притѣснять ее.

[55]) О гоѳской сторонѣ, также объ обрахъ и половецкихъ насиліяхъ см. между прочимъ въ Златоструѣ XII в. (И. Срезнев. Свѣд. о пам. XXII). Предлагаемое мною чтеніе «нес(л)о» подтверждается и стихомъ: «Уже *снесеся* хула на хвалу».

[56]) Готскія дѣвы звенѣли русскимъ золотомъ, насыпаннымъ русскими *воинами*. Ср. «Русскаго злата *насыпаша*» (множ.), что подтверждаетъ мое чтеніе: *жирь вои*.

[57]) Н. Тихонравовъ въ своемъ указателѣ важнѣйшихъ словъ и грамматич. формъ въ Словѣ объяснилъ, что «сыновчя»—племянники со стороны брата, сыновья брата. Въ лѣтописи сыновья брата дѣйствительно наз. обыкновенно *сыковцами*, т. е. сынками, въ отличіе отъ родныхъ сыновей. Это терминъ обычный—житейскій, юридическій-же терминъ—*брату чадо*. (Русская Правда). Н. Тихонравовъ, очевидно, упустилъ изъ виду, что Игорь и Всеволодъ приходились Святославу не племянниками, но *двоюродными братьями*. Во всякомъ случаѣ, Святославу, въ качествѣ великаго князя, подобало обратиться къ нимъ, какъ къ сынкамъ.

[58]) Нѣкоторые, какъ напр. Водовозовъ, «цвѣлить» переводятъ неточно—сокрушатѣ. Ср.: «вздохнувъ изъ глубины сердца *скрушеномъ* смиреномъ смысломъ» (Ип. 247).

[59]) Едва-ли нужно доказывать, что честно—достойно. Ср. «послы честны» (Ип. 548) и т. под.

[60]) «Харалузѣ». Копья, мечи и сабли, отожествленныя съ *цѣпами*, (чепы), называются харалужными въ Словѣ. Ср.: *желѣзныя* папори, названные также мечами *харалужными*. Харалугъ и есть желѣзо, обработанное въ *сталь*.—«Путины желѣзные», ср. «путы желѣзныя». Вил. Арх. Сб. III, 291.—Лѣтопись знаетъ и *оковы* (Ип. 422).

[61]) «Вижду». Эта форма иногда смягчается. Въ Нов. IV, 32 «виждю».

[62]) Ср.: «Не хочемъ быти акы въ *задничи*» (Ип. 230).— «Хронографу нужа есть овогда писати въ *передняя*. овогда же воступати въ *задняя*» (Ип. 544). О знач. *задницы* см. между проч. П. Мрочекъ-Дроздовского: Изслѣдов. о Русск. Правдѣ. Москва 1885 г., вып. II. Объяснительный Словарь стр. 163.

[63]) Ср.: «Што быхмо *пособляли*» (Грам. изд. Головацкимъ. VIII).

[64]) «Туга» всегда перевожу: «кручина». Здѣсь допускаю единственное отступленіе.

[65]) «Чага». Такъ половецкія плѣнныя женщины назыв. и въ лѣтописи. Позднѣе плѣнница называлась *ясырью*.

[66]) «Меча времены». Ср.: «меча каменьемъ» (Ип. 565). Времены—вмѣсто бремены. Ср. Донести своя тяжкія *времена*. Пам. стар. рус. лит. II, 396.— Въ житіи св. Ѳеодосія: «Идуще купцы на возѣхъ съ *бремены* тяжкы».

[67]) «Нъ уже княже Игорю»... Нѣкоторые, напр. А. Петрушевичъ, считаютъ «княже Игорю» обращеніемъ къ Игорю, какъ въ словахъ р. Донца, но ошибаются. См. слѣд. стихъ: «Донъ ти, *княже* (т. е. къ Роману и Мстиславу), кличетъ»... да и вообще обращеніе къ Игорю здѣсь было-бы вовсе некстати.

[68]) «Утрпѣ»—буквально: утерпѣлъ, потерпѣлъ (ущербъ). Утерпъ—терпѣніе, терпежъ; терпнуть — мерзнуть, цѣпенѣть. (Доп. къ обл. Слов.). Въ каяльской битвѣ солнце вперило въ Игоревыхъ воиновъ горячую *лучю*, т. е. лучъ (луча).

[69]) «А древо не *болѣемъ* листвіе сронп»... Здѣсь вижу я указаніе не только на листопадъ, но и на понесенный Русью *уронъ* въ воинскомъ *строѣ*. Оставшись беззащитными, Поросье и Посулье были захвачены половцами. Ср.: «не *болѣемъ* бяхуть посѣяни... костьми русскихъ сыновъ». Недаромъ во время солнечнаго затмѣнія дружинники говорили Игорю: «Княже, се есть *не на добро* знаменіе сіе» (Ип. 431).

[70]) «Доспѣли». Ср.: «доспѣвай же на путь».—«Доспѣвайте отъ мала до велика».—«Доспѣй».—«Доспѣвай» (Ип. 243, 246, 308 и др.). Доспѣть иногда—*довершить*: «Доспѣ церковь» (Ип. 398).

[71]) «Полю ворота», какъ въ др. мѣстахъ: «Кіеву ворота»,— «Дунаю ворота» (porta Danubii у Roger'ія). Ср: «градомъ забралы»,—«солнцю свѣтъ»,— «вечеру зори»,—«ладѣ вои», «Немизѣ брезѣ».

[72]) М. Максимовичъ ошибочно полагалъ, что рѣчь Изяслава обращена къ дѣду Всеславу (Замѣч на Пѣснь о П. Иг., Москвитянинъ 1855 г., кн. 1). Уже гораздо естественнѣе было Изяславу направить рѣчь къ отцу—Васильку,

дружинники коего могли перейти къ нему по наслѣдству,—но, очевидно, Изяславъ, на смертномъ одрѣ, подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти, самъ себя упрекалъ, *каялся*, сожалѣя о погубленіи *своей* дружины . Этотъ эпизодъ приведенъ пѣвцомъ въ развитіе его мысли о недостаткѣ единодушія между князьями. При разысканіяхъ о личности этого Изяслава не помогаетъ и одна изъ лучшихъ родословныхъ полоцкихъ князей, сост. М. Погодинымъ и помѣщ. въ Труд. 1-го арх. съѣзда, Москов. 1869 г., ч. I, LXX.

[73]) *Гортань* названа ожерельемъ, хотя извѣстенъ обычай ношенія шейныхъ золотыхъ цѣпей. «У Мих. Скулы трои цепи золоты» (Ип. 490).

[74]) «Вереженые». Ср.: «невреженъ» (Ип. 299)—невредимъ.

[75]) Кіевскій престолъ стоялъ въ церкви св. Софіи (Ип. 276, 290 и др.).

[76]) Ссылка въ Никонов. лѣтоп., подъ 1097 г., о привозѣ Василька къ *Бѣлугороду*,—«иже есть градъ малъ у Кіева, яко 10 верстъ вдалѣ»,—ошибочна. Слѣдуетъ читать: «Звѣнигородъ» (Ип. 170).

[77]) «Стрикусы»—уже потому не могутъ быть таранами, что послѣдніе служили для выбрасыванія камней (Ип. 515), разшибали-же ворота пороками, имѣвшими видъ большихъ кольевъ. Въ переводѣ я обобщаю данное мною объясненіе стрикусовъ, которыми *выколотили* Всеславъ Новгородскія ворота (см. обл. Словарь, дополн. 1858 г., также слово—*стрикулятники* и англо-сакс. *strike*).

[78]) Напомню, для сравненія, любимое выраженіе лѣтописца: «Падаху акы сноповье» (Ип. 364, 584 и др.). Дѣлая такое и др. сравненія, напр., падающихъ стрѣлъ съ дождемъ, лѣтописецъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ былинныхъ разсказовъ и славныхъ пѣсенъ.

[79]) Г. Тихонравовъ (въ указат. важн. словъ и формъ), Огоновскій (Слово, стр. 49) и др. произвольно навязали автору Слова форму *мужскаго* рода *птиць*. Г. Огоновскій говоритъ, что слово *птичь*—рода *женскаго*, но что въ Словѣ находится еще *птичь* въ родѣ *мужскомъ*, причемъ ссылается на *пѣтишть* (Mikl. Stammbilder), 197). Все это — плодъ недоразумѣнія. Въ Остромировомъ евангеліи, по удостовѣренію самого г. Тихонравова—«птица», какъ въ другихъ памятникахъ, за рѣдкими исключеніями, напр. въ Изборн. 1073 г. «птицѣ». Въ Бояновой припѣвкѣ «*птицю*», отъ «птица», употреблено въ винит. пад. ед. ч., какъ и въ выраженіи: «хотя птицю. . одолѣти»,—при обычномъ пропускѣ въ первомъ случаѣ предлога *съ*, а *птичь* или *птиць* (отъ той-же *птица*) употреблено въ родит. пад. множ. ч., въ двухъ случаяхъ,—въ подновленной формѣ, или-же, по обычаю, вмѣсто винительнаго («птичь убуди»,—«птиць бья»,—«птиць крылы пріодѣ»). Отсюда открывается и неправильность принятаго всѣми чтенія въ рѣчи Гзы: «...почнутъ наю *птичи* бити» (отъ *птица*—множ. ч. им. и винит. было бы также *птица*) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимость раздѣленія, по-моему, *птици* на «*пти(ць)* и» (т. е. нашихъ птицъ и бить), тѣмъ болѣе, что винит. пад. двойств. числа отъ «азъ» былъ-бы *не наю*, но *ва*. Ср.: «и дотечашетъ»,—«и рекъ»,—«и... рече».

[80]) По словамъ І. Бичурина, монгольскій народъ получалъ названіе отъ господствующаго дома. Одинъ и тотъ-же народъ подъ домомъ Хунну назывался Хуннами, подъ домомъ Монголъ—Монголами. Позднѣе Хунны покорены Сяньбійцами и сами приняли народное назв. Сяньби (Собр. свѣд. о нар средн. Азіи, стр. 3 4, 163). В. Яковлевъ замѣтилъ, что въ стихѣ: «И великое буйство подаста *Хинови*» было-бы правильнѣе *Хиновь*. Это вѣрно только повидимому, но требуетъ доказательствъ. Ср. формы церковно-слав. и древне-русск. *церкы* и *церква* и дат. падежъ отъ того и другого.

[81]) Порода хохлатыхъ утокъ (anas fuligula), смѣшиваемыхъ иногда съ чирятами.

[82]) «Пожръши»—совершенно правильная древне-русская краткая форма причастія прошедш. вр. дѣйств. залога.

[83]) Н. Тихонравовъ указалъ на формы «усть» (Костнова река) и «на устѣхъ» (Фермедонты рѣки), въ Святосл. Изб. 1073 г. Слѣдовательно устья рѣки отожествляются съ *устами*. На церковно-слав. губа—*устна*. Такъ и въ лѣтописи: «Нача ему (Владиміру Васильковичу) гнити исподняя *устна*» (Ип. 601). Съ предлогомъ *къ—устнѣ*. Нельзя однако отрицать существованія другой формы въ живомъ языкѣ. Ср. Лужицк. wusto, husto Mund (Пфуль) и др.

[84]) Сходный образъ—въ свадебной пѣснѣ, записанной А. Труворовымъ: «Не бѣлая березынька къ сырой землѣ преклоняется», говоритъ невѣста, падая въ ноги родителямъ послѣ благословенія (Арх. ист. юрид. св., кн. III). А. Петрушевичъ читаетъ: «А древо съ тугою къ земли приклонилось». Такъ же точно прочелъ онъ этотъ припѣвъ и въ концѣ описанія каяльской битвы. Обычное въ Словѣ отдѣленіе мѣстоимѣнія *ся* отъ связанныхъ съ нимъ глаголовъ и отсутствіе его въ одномъ изъ припѣвовъ при глаголѣ «приклонило» побуждаютъ читать: «ся тугою... приклонило» (Ср: «уныша цвѣты жалобою»). При этомъ *сь*, слитое съ глаголомъ въ одномъ припѣвѣ, при наличности въ послѣднемъ отдѣльнаго *ся*, подобно тому какъ въ стихѣ: «Вежи *ся* половецкія подвизошася»,—даетъ право искать разгадку кажущейся несообразности не столько въ опискахъ, сколько въ грамматическихъ особенностяхъ и музыкальной техникѣ древне-русскаго пѣсеннаго творчества, хотя и въ книжной рѣчи нерѣдкость такія выраженія, какъ: «Тамо *ся* налѣзе *ся* мужь именемъ Лаворъ» (Ип. 437). Произвольными поправками текстъ Слова искажается даже тамъ, гдѣ описка кажется несомнѣнною Такъ въ стихѣ: «*А заднюю* (славу) ся сами подѣлимъ» читаютъ: «заднею», тогда какъ, если сообразить, что въ наказаніе за самовольный походъ Игорь и Всеволодъ были *разлучены* на берегу Каялы, то позволительно въ приведенномъ стихѣ усмотрѣть насмѣшку Святослава. Покушаясь разбить заднюю славу, они сами на ней подѣлились. Вообще можно сказать, что если-бы изслѣдователи не торопились своими выводами объ испорченности текста повѣсти и посвятили-бы больше времени на изученіе древнихъ памятниковъ, то взяли-бы назадъ свои рѣзкіе упреки первымъ ея издателямъ. Отстаивая, напр., чтеніе: «горѣ» вмѣсто «горъ» (въ плачѣ

Ярославны), упустили изъ виду, что... «вѣтрило *на верху горѣ* скордобразно вертяшеся» (Пам. стар. русск. лит., II, 462) и т. под.

[85]) Здѣсь говорится о прирѣчной лозѣ: «На болоньѣ въ *лозѣхъ*».—«Калишъ обыйшла вода и сильная *лозина* и вербье» (Ип. 353 и 552). «*Лозіе* много на берегу Іердана, но нѣсть наша *лоза*» (Хожд. игум. Даніила). Въ актахъ иногда «*лозье*» (Arch. Sang. I, 28). М. Максимовичъ, въ рецензіи на переводъ Гербеля, считалъ очевиднымъ, что по лозію не могли *ползать* сороки, но впослѣдствіи сознался свою ошибку, правильно приписавъ, въ своемъ переводѣ Слова (Кіевъ, 1879), ползаніе по лозамъ, и сорокамъ, и воронамъ, и галкамъ. Мнѣ кажется, ползанію главнымъ образомъ уподобляется погоня по стопамъ Игоревымъ Гзы и Кончака (черныхъ вороновъ) на Донецкомъ побережьи. Но рѣшающее значеніе въ вопросѣ о томъ — кто ползалъ по лозію, имѣетъ, по моему убѣжденію, приведенное пѣвцомъ народное вѣрованіе, въ силу котораго пѣшіе вороны считаются дурной примѣтой. Въ одномъ изъ древнихъ памятниковъ записано: «Быхъ яко *нощной врань на вырищи* (выгонѣ) птица си плачьлива есть и *на вырищихъ* и на позореиныхъ тоу любитъ «сѣдати» (П. Лавровскій. Опис. рукоп. публ. библ. Чт. М. О. Ист. и Др., 1858 г., кн. 4).

[86]) «Мнози самодержци, держащеи столъ княженія Кіевскаго» (Ип. 475).

[87]) Опущено: «слава».

Послѣсловіе.

При окончательной обработкѣ перевода Слова, послѣ того какъ всѣ три главы моего изслѣдованія были напечатаны, я сдѣлалъ въ нѣкоторыхъ стихахъ немногія, но существенныя поправки, признавъ притомъ различіе между гнѣздомъ Ольговымъ и гнѣздомъ барсовымъ по ихъ составу, какъ мною и объяснено въ примѣчаніяхъ къ переводу. Съ этими поправками необходимо согласовать подлежащія мѣста моего изслѣдованія (стр. 118, 194, 199, 202 и др.). Переводъ мой вызоветъ, вѣроятно, не мало возраженій. Такъ, можетъ возникнуть сомнѣніе относительно правильности сближенія «которы» со «вздоромъ». Котора — ссора, распря, раздоръ или *вздоръ* (ср. свада); кототься — ссориться, вздорить.—Могутъ, между прочимъ, опровергать мое чтеніе «у плѣсньска» (вмѣсто «у Плѣсньска»), хотя едва-ли удастся доказать, что названія мѣстностей по отличительнымъ ихъ свойствамъ, образовавшіяся отъ корней съ суффиксомъ «ьскъ» или «ескъ», не имѣли въ древнерусскомъ языкѣ такое-же точно значеніе, какое получили имена основанныхъ на тѣхъ мѣстахъ городовъ и селъ (ср. Ф. Миклошича: Die Bildung der Ortsnamen in Slavischen, 1864 г.,—Бодуена де-Куртене: О древн. польск. яз. 1870 г., стр. 87—89, и др.).— Одно изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ переводчику Слова достигнуть желаемыхъ результатовъ, есть трудность подысканія въ современномъ языкѣ словъ и выраженій, соотвѣтственныхъ вышедшимъ изъ употребленія, напр.: «за шеломянемъ»,--«не шеломянемъ», и т. под. Въ одномъ стихѣ воззванія къ князьямъ Роману и Мстиславу выраженіе «*деремела* и половци» можно-бы перевести—*изверги* и половцы, ибо, по свидѣтельству южнорусскаго лѣтописца,... «чело-

вѣкы нечистыя ядяху... *изврагы*», но я считалъ неудобнымъ вносить безъ нужды измѣненія въ живой народный языкъ, составляющій лучшее украшеніе Слова. Иногда, какъ въ буллѣ папы Евгенія II, Аварія отожествляется съ Гуннією (Danilowic: Scarbiec dipl. № 1), но шеломы оварскіе все-таки нельзя считать гуннскими, тѣмъ болѣе, что старѣйшая польская хроника Мержвы, въ разсказѣ о покореніи гунновъ Болеславомъ отожествляетъ гунновъ съ уграми (Hunnos seu Ungaros. Monum. Pol. Hist. II, 189).— Въ ссылкахъ моихъ на древніе памятники оказались пропуски. Напр., опредѣленіе часа паденія Игоревыхъ стяговъ (къ полудню) надлежало-бы подкрѣпить ссылкою на XII разд. Вислицкаго статута Казиміра Великаго 1347 г., гдѣ, для предупрежденія того, чтобы судьи не разбирали дѣлъ послѣ *обѣда*, «обожравшись и упившись», вмѣняется имъ въ обязанность судить «od zarania az do *dziewiątej godzini, to jest do południa*» (K Wojcicki. Stat. pol. kr. Kazim., 1847, стр. 10).—Разсужденіе мое о *возжонныхъ* стрикусахъ подтверждается формами: «възгегъ (Ип. 201), по Хлѣбн. «вожгоша», въ Словарѣ И. Срезн.—возгоша. У него-же примѣры: въжьжеся огнемь»,— «въжизѣвѣ огнь» (стр. 335).— Сознавая недостатки своего труда, надѣюсь, что основныя мои положенія и представленныя въ ихъ развитіе соображенія удостоятся строгой научной повѣрки. Матеріалъ, съ которымъ приходится имѣть дѣло добросовѣстному изслѣдователю списковъ погибшаго памятника, столь обиленъ многосложенъ и разбросанъ, что овладѣть имъ, привести въ стройную систему, произвести удачный анализъ пестрой смѣси грамматическихъ формъ и составить вполнѣ удовлетворяющій научнымъ требованіямъ историческій и лексическій комментарій—не по силамъ одному лицу безъ дружной помощи критики, сколько-бы времени онъ ни посвятилъ на подготовительныя работы и сколь-бы усердно онъ ни отнесся къ предмету.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стран.

Слабыя стороны изслѣдованій Слова . . . . . 1—9.

Лѣтописныя извѣстія о княжескихъ усобицахъ до конца XI в. въ связи съ былиннымъ составомъ Слова . . . . . 9—17.

Поэтическая хронологія и источники Слова . . . . . 17—24.

Сходство Слова съ лѣтописью по сводному составу и различіе между ними по свойству источниковъ . . . . . 24—26.

Граница, отдѣляющая оригинальныя произведенія Бояна отъ древнѣйшихъ пѣсенныхъ сказаній . . . . . 26—30.

Историческое содержаніе Бояновыхъ пѣсенъ и сдѣланныя изъ нихъ авторомъ Слова заимствованія . . . . . 30—37.

Опроверженіе взгляда на принадлежность Бояну пѣсенъ въ честь Ярослава стараго, Мстислава храбраго и Романа красиваго . . 37—47.

Характеристика Боянова творчества по даннымъ поэтической психологіи Слова . . . . . 47—54.

Бояновы притчи и ихъ историческое значеніе. Притчи и пословицы лѣтописныя . . . . . 54—65.

Вліяніе на Слово поэзіи чужеземной. Эпическій элементъ лѣтописныхъ извѣстій въ историческомъ развитіи . . . . . 65—72.

Разборъ воззванія пѣвца къ князьямъ Роману и Мстиславу . . . 72—87.

Боянова поэтическая философія . . . . . 87—89.

Вопросъ о тожествѣ Бояна и Яна Вышатича . . . . . 89—91.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Причины безплодности попытокъ обнаружить личность Трояна . . 91—93.

Поэтическое изображеніе эпохи Владиміра Мономаха и воззрѣніе на него автора Слова . . . . . 93—105.

Роль Трояна въ славянской миѳологіи. Трояновы валы . . . . . 105—107.

Отношеніе Трояна къ Триглаву . . . . . 107—110.

Стран.

Народное обожаніе князя какъ представителя солнечной стихіи . 110—113.
Трояна тропа—походы Мономаховы. Трояновы вѣка—годы Мономаховы . . . . . 113—118.
Начальное звѣно цѣпи изложенныхъ въ Словѣ историческихъ событій . . . . . 118—125.
Свойства вступившей на Трояну землю обиды и ея прозябаніе . 125—136.
Параллель между пріемами пѣвца и лѣтописца въ изложеніи процесса зачатія и роста княжескихъ усобицъ . . . . . 136—141.
Система героической генеалогіи Слова, построенной на началахъ солнечнаго культа. Дажь-божій внукъ — вел. князь Всеволодъ Ярославичъ . . . . . 141—147.
Героическое происхожденіе Игоря Святославича отъ Дажьбога чрезъ Трояна . . . . . 147—151.
Солнечная природа Всеволода Святославича . . . . . 151—153.
Борьба великаго Хорса — вел. князя Изяслава Ярославича съ волкообразнымъ Всеславомъ Полоцкимъ. Черты сходства Ярослава Осмомысла съ Перуномъ . . . . . 153—165.
Поэтическій сводъ былинъ о похожденіяхъ Всеслава Полоцкаго. Погони его за любой дѣвицей—волостью Кіевскою и опустошеніе имъ Новгорода Великаго посредствомъ воспаленныхъ стрикусовъ 166—171.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Воззваніе Игоря къ войску подъ вліяніемъ солнечнаго затмѣнія. Поэтическое воспроизведеніе въ Словѣ свѣтовыхъ явленій . 172—176
Рѣчь, обращенная Игоремъ къ брату Всеволоду. Доказательства ошибочности общепринятаго мнѣнія о произнесеніи ея Всеволодомъ . . . . . 176—185.
Подробный комментарій къ части Слова, обнимающей разсказъ Святослава Кіевскаго о своемъ сновидѣніи и объясненіе его боярами . . . . . 186—195
Поэтическое описаніе послѣдствій Игорева пораженія половцами . 195—202.
Воззваніе пѣвца къ тремъ Мстиславичамъ . . . . . 202—205.
Историко-географическое изысканіе о походѣ Игоря отъ Донца къ Дону великому. Мѣстоположеніе рѣки Каялы. Отступленіе полковъ Игоря. Возвращеніе его изъ плѣна въ Сѣверщину . . . . . 205—227.
Разборъ стиховъ, относящихся къ препровожденію Святополкомъ Изяславичемъ въ Кіевъ трупа павшаго въ битвѣ съ нимъ тестя его Тугоркана . . . . . 227—234.

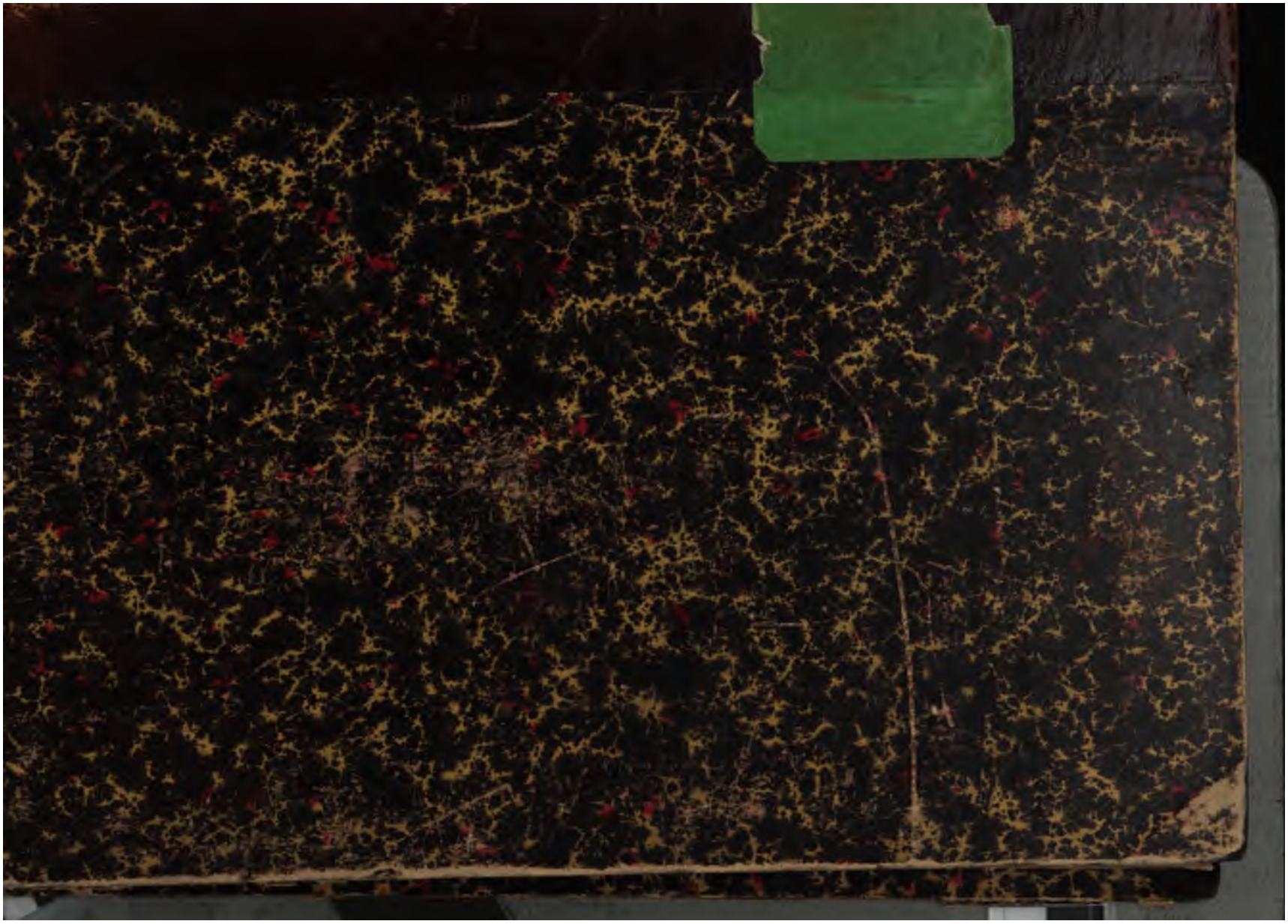
Переводъ Слова . . . . . 234—248.
Примѣчанія къ переводу Слова . . . . . 249—259.
Послѣсловіе . . . . . 260—261.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
10	8 снизу	1867	1067
—	3 —	жытіе	житіе
17	13 —	стараго времени,	стараго времени, —
20	4 —	кинулъ	кинули
26	14 сверху	центръ тяжести,	центръ тяжести
29	10 снизу	не содержатся	не содержится
30	17 —	пѣсни	пѣсни
32	6 сверху	ввгуста	августа
49	15 снизу	пспхическая, сфера	психическая сфера
63	4 —	на кровати	на кровать
70	16 сверху	та кони	на кони
76	15 снизу	птицъ бить	птицъ и бить
—	16 —	птицъ бити	птицъ и бити
—	4 —	чингистановыхъ	чингисхановыхъ
85	16 сверху	подаетъ	подаст(а)
87	7 —	Божьяго	Божіа
92	5 —	Трояна	Траяна
98	12 снизу	нравственно, религіозное	нравственно-религіозное
108	8 —	Хидкевича	Ходкевича
109	1 сверху	такоо	такое
—	2 —	сказаннаге	сказаннаго
137	14 —	мине далъ	ми не далъ
190	15 снизу	полегаша	полегоша
197	16 сверху	въ снотолкованіи, бояръ	въ снотолкованіи бояръ
203	7 снизу	шелемами	шлемами
228	2 сверху	расходюся	расходятся
231	11 —	неодиократной	неоднократной
232	13 —	не посылала	ни посылала
243	13 снизу	палками	полками
250	17 сверху	Отеч. зап. мартъ	Пантеонъ № 2
252	4 —	звають	знаютъ

PG
3300
.S63.L6

PG 3300 .S63 .L6 C.1
Istoricheskoe izsliedovanie sk
Stanford University Libraries
3 6105 036 488 067

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305